

Нартова-Бочавер С. К.

**Человек суверенный:
психологическое исследование
субъекта в его бытии**

Серия «Учебное пособие»

Заведующая редакцией (Москва)
Руководитель проекта
Ведущий редактор
Выпускающий редактор
Литературный редактор
Художник
Корректоры
Верстка

Т. Калинина
Е. Паникаровская
Н. Кулагина
И. Лукьянова
П. Пахаяян
К. Радзевич
Т. Кончик, Е. Павлович
Г. Блинов

ББК 88.37 УДК 159.923.3

Нартова-Бочавер С. К.

НЗО Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. — СПб.: Питер, 2008. — 400 е.: ил. — (Серия «Учебное пособие»).

ISBN 978-5-91180-412-1

В предлагаемой книге впервые в отечественной психологии систематически исследуется феноменология и становление психологической суверенности личности как одной из форм человеческой свободы. Обосновывается принципиально новый методологический взгляд на понимание бытия человека — предлагаемый автором субъектно-средовой подход, ключевым конструктом которого является «Психологическое пространство личности». Рассматриваются разные онтологические языки самовыражения, соответствующие измерениям психологического пространства: язык тела, территории, вещей, социальных привязанностей, временных привычек, вкусов и ценностей. Анализируется внутрисемейное взаимодействие с точки зрения сохранения личной суверенности, границ и оптимальной психологической дистанции по отношению к близким. Дастся новая психологическая интерпретация явлениям доверия и толерантности.

Книга содержит богатый опыт исследований и многолетней клинической практики автора, изложенный живым эмоциональным языком и полезный психологам, психотерапевтам, социальным педагогам, политологам, социологам.

© ООО «Питер Пресс», 2008

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91180-412-1

ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, 73, лит. А29.
Налог овая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Подписано в печать 25.09.07. Формат 60х90/16. Усл. п. л. 25. Тираж 3000. Заказ 1144
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Техническая книга»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Оглавление

Введение.....	8
Глава 1. Личность и среда: два полюса бытия.....	17
1.1. Субъектный подход как решение проблемы внешнего и внутреннего в психологии.....	17
1.1.1. Историческое развитие частного бытия и внутреннего мира . . .	18
1.1.2. Субъект-объектные отношения в философии.....	24
1.1.3. Взгляды отечественных психологов на проблему внешнего и внутреннего.....	31
1.2. Топологические и эмпирические категории в классических теориях личности.....	36
1.2.1. Учение У. Джемса об эмпирической личности.....	36
1.2.2. Учение К. Левина о жизненном пространстве и психологическом поле.....	38
1.2.3. Учение Ф. Перлза о динамике границ контакта.....	41
1.2.4. Символизация среды в аналитической психологии К. Г. Юнга.....	43
1.2.5. Роль среды в эпигенетической теории Э. Эриксона.....	45
1.2.6. Идентификация — сепарация как механизмы развития личности в теории объектных отношений.....	48
1.2.7. Двойственность природы человека в ранних работах Д. Н. Узнадзе.....	49
1.3. Психология среды как предпосылка изучения психологического пространства личности.....	51
1.3.1. Среда как междисциплинарное понятие.....	51
1.3.2. Категория среды в современной психологии.....	53
1.3.3. Средовой подход к поведению и личности.....	58
1.3.4. Природные и архитектурные детерминанты психики и поведения.....	60
1.3.5. Исследования домашней среды.....	64
Глава 2. Диалектика и эмпирика: субъект в бытии.....	67
2.1. Теория приватности	67
2.1.1. Приватность как психологическая категория.....	68
2.1.2. Функции и параметры приватности как регуляторного процесса.....	70

2.1.3. Дистанция и личное пространство.....	74
2.1.4. Территориальность и ее проявления.....	76
2.1.5. Персонализация в теории приватности.....	80
2.1.6. Исследования онтогенеза приватности.....	83
2.1.7. Возрастные, половые, социогеографические особенности опыта приватности.....	85
2.1.8. Персонализация как проявление личностной активности. . .	90
2.2. Экологическая семиотика Альфреда Ланга как преодоление картезианского дуализма.....	93
2.2.1. От Декарта.....	94
2.2.2. Знак как единство материи, энергии и информации.....	98
2.2.3. Генезис анаформы.....	102
2.2.4. Эмпирические исследования в русле экологической семиотики.....	105
2.3. Эмпирика нарушения границ и структуры повседневного бытия.....	109
2.3.1. Виды нарушения границ и структуры повседневного бытия человека.....	109
2.3.2. Последствия физического и психологического насилия.	111
2.3.3. Искажение телесных границ при материнской депривации.....	114
2.3.4. Стресс перенаселенности (crowding).....	115
2.3.5. Исследования сверхрегламентизации в искусственных средах.....	121
Глава 3. Психология суверенности.....	125
3.1. Краткое методологическое введение.....	125
3.1.1. Две научные парадигмы в изучении психологической суверенности.....	125
3.1.2. Принцип системности.....	130
3.1.3. Принцип детерминизма.....	132
3.1.4. Принцип развития (историзма).....	133
3.2. Психологическое пространство личности и его свойства.....	135
3.2.1. Общая характеристика свойств психологического пространства и его границ.....	137
3.2.2. Суверенность физического тела.....	139
3.2.3. Суверенность территории.....	143
3.2.4. Суверенность личных вещей.....	146
3.2.5. Суверенность временного режима (привычек).....	152
3.2.6. Суверенность социальных связей.....	154
3.2.7. Суверенность вкусов и ценностей (аксиологическая).....	157
3.3. Теория психологической суверенности.....	160
3.3.1. Тезаурус понятия «психологическая суверенность».....	161
3.3.2. Биологические предпосылки теории психологической суверенности.....	164
3.3.3. Культурологические предпосылки теории психологической суверенности.....	172
3.3.4. Исследования конформности и личной ответственности как родственных суверенности явлений.....	175
3.3.5. Развитие психологической суверенности в онтогенезе.....	177
3.3.6. Психологическая суверенность и структура индивидуальности.....	180
3.3.7. Основные положения теории психологической суверенности.....	183
3.4. Методы исследования психологической суверенности.....	185
3.4.1. Метод анализа отдельного случая.....	185
3.4.2. Метод литературных иллюстраций.....	188
3.4.3. Метод моделирования конфликтных ситуаций.....	195
3.4.4. Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП).....	196
Глава 4. Эмпирическое исследование онтогенеза и индивидуально-личностных коррелятов психологической суверенности.....	204
4.1. Структура эмпирического исследования.....	204
4.2. Исследование онтогенеза психологической суверенности.....	207
4.2.1. Анализ нормативных показателей опросника СПП.....	207
4.2.2. Развитие психологической суверенности в дошкольном возрасте.....	212
4.2.3. Развитие психологического пространства в жизненном цикле.....	215
4.2.4. Особенности проявления психологической суверенности в зрелом возрасте.....	222
4.3. Индивидуально-личностные корреляты психологической суверенности.....	227
4.3.1. Темпераментальные и тендерные корреляты суверенности .	227
4.3.2. Предварительные данные о связи суверенности с личностными характеристиками.....	229
4.3.3. Связь суверенности психологического пространства с чертами личности.....	231
4.3.4. Связь суверенности психологического пространства с акцентуациями характера.....	234

4.3.5. Связь суверенности психологического пространства с социальными качествами личности.....	239
4.3.6. Особенности самосознания в зависимости от уровня личностной суверенности.....	241
4.3.7. Связь психологической суверенности с особенностями психологического преодоления (coping behavior).....	253
Глава 5. Применение теории психологической суверенности в прикладной и практической психологии.....	262
5.1. Связь психологической суверенности с показателями жизненной продуктивности.....	262
5.2. Психологическая суверенность как параметр развития семейного взаимодействия.....	267
5.2.1. Развитие семейной системы как диалектика взаимозависимости и суверенности.....	268
5.2.2. Материнство и психологическая суверенность.....	271
5.2.3. Психологическая суверенность в браке.....	276
5.3. Применение теории суверенности в практике психологического консультирования.....	284
5.3.1. Анализ особенностей психологического пространства делинквентных подростков.....	284
5.3.2. Применение теории суверенности в практике индивидуальной работы.....	289
Заключение.....	324
Библиография.....	328
Приложения.....	353
Приложение 1. Текст опросника и бланк ответов.....	353
Приложение 2. Нормализация показателей теста.....	363
Приложение 2.1. Соотношение выборочных значений показателей теста, z-единиц и T-баллов для мальчиков (n = 102).....	363
Приложение 2.2. Соотношение выборочных значений показателей теста, z-единиц и T-баллов для девочек (n = 99).....	364
Приложение 2.3. Соотношение выборочных значений показателей теста, z-единиц и T-баллов для юношей (n = 47).....	365
Приложение 2.4. Соотношение выборочных значений показателей теста, z-единиц и T-баллов для девушек (n = 76).....	366
Приложение 3. Профильные бланки.....	367
Приложение 3.1. Профильный бланк w1 для девочек.....	367
Приложение 3.2. Профильный бланк w2 для девушек.....	368

Приложение 3.3. Профильный бланк m1 для мальчиков.....	369
Приложение 3.4. Профильный бланк t2 для юношей.....	370
Приложение 4. Распределение частот показателей СПИ в группах стандартизации.....	371
Приложение 4.1. Распределение частот показателей СПИ в группе мальчиков (n = 102).....	371
Приложение 4.2. Распределение частот показателей СГП в группе юношей (n = 47).....	371
Приложение 4.3. Распределение частот показателей СПП в группе девочек (n = 99).....	372
Приложение 4.4. Распределение частот показателей СПП в группе девушек (n = 76).....	372
Приложение 5. Субъекты и поводы типичных для каждой возрастной стадии конфликтов.....	373
Приложение 6. Субъекты конфликтов на разных возрастных стадиях.....	382
Приложение 7. Классифицированные самоописания.....	383
Суверенные девочки.....	383
Суверенные мальчики.....	384
Нормально (умеренно) суверенные девочки.....	385
Нормально (умеренно) суверенные мальчики.....	387
Депривированные девочки.....	388
Депривированные мальчики.....	389
Приложение 8. Опросник «Психологическая дистанция в браке» Ю. В. Курбаткиной.....	390
Приложение 9. Индивидуальные приемы стихийной психотерапии (coping-skills).....	398

ВВЕДЕНИЕ

Следуя основным задачам введения, я хотела бы кратко пояснить, о чем именно подробно буду писать ниже, почему и зачем я это буду делать и кому конкретно я обязана тем, что у меня возникли некоторые мысли по поводу психологической суверенности.

Психология личности давно и последовательно исследует в основном представления человека о себе самом — что он хочет в себе найти, в чем разочаровывается и как он ко всему этому относится. И хотя всем понятно, что «картана есть территория», уже очень давно отодвинут вопрос о том, а что, собственно, составляет само содержание самосознающей или наивной личности и какими средствами, кроме речи к другим и к себе самому, человек располагает для построения и описания своего бытия. Внутренний мир как ценность и объект изучения в психологии давно вытеснил когда-то очень важный внешний, а рациональное заменило естественное, но зачастую неосознаваемое самоподтверждение повседневной активностью, в которой неизбежно участвуют тело, место, время. Между тем это параметры человеческой жизни, которые переживаются как «мое», и представляют собой начальные условия нормального развития и самоосуществления человека. Многие страдания современного невротика связаны с тем, что он переживает свож_прост)апственнo-временнук) неуместность и телесную несостоятельность в обстоятельствах своего бытия. Это логически приводит либо к ожиданию внедрения извне (с избыточной дефензивностью) либо к естественной уверенности в праве входить в пространство других также «без стука».

Уже ставшее привычным рассмотрение бытия как дуалистического (что существует в мире и как я к дтму отношусь) создает человеку проблемы, вызванные тем, что внутреннее нередко выражается через внешнее, а внешнее переживается как внутреннее. Точнее говоря, обозначение и назначение некоторых реалий внешними или внутренними иногда препятствуют тому, чтобы оценить их вклад в контекст индивидуального бытия. А потому не всегда ясно, где в объек-

тивном пространственном (а не только феноменальном) мире заканчивается один человек и начинается другой, (или вообще — Другое). Чтобы это понять, необходимы диалогические отношения с миром (в том числе и самим собой), и первым вопросом в этом диалоге будет «Кто я?», а вторым ^_*<Кхо--ты?».

Признание уважения границ ведет за собой корректировку важнейших проблем психологии понимания в широком смысле слова, возникающих вокруг таких явлений, как толерантность, доверие, справедливость. Стоит ли говорить, что без уважения к границам бытия другого человека невозможно решение никаких проблем..взаимодействия, будь то межличн0стl10£,...bllylрисемel'n10e, p0.'lev(е или межнациональное партнерство. С другой стороны, интерпретация разных форм внешней человеческой активности как онтологических языков самовыражения открывает новые перспективы и для исследования собственно личности в специфике этих знаков, значений, смыслов — короче говоря, посланий. Эти языки обычно недооцениваются, и потому от средовых посланий в нашем сильно вербализованном обществе легко формально отказаться. Однако нет сомнений, что на более глубоких, неосознаваемых уровнях функционирования личности средовые послания направляются и принимаются, формируя опыт, причем зачастую более сильно, так как действуют в обход традиционных психологических защит.

Интеграгивио-синергетическое понимание не человека и мира как противопоставленных друг другу сущностей, а человека в мире неожиданно привело автора к пониманию того, что, используя все ту же географическую терминологию, карта и есть территория. Вопрос в единицах измерения. Человек — это телёсно-территориально-психо-экзистенциальная единица. Ограниченность очень распространенного рационально-знакового понимания человеческого бытия приводит к тому, что многих местностей на такой карте просто нет. А между тем люди именно там и живут.

Много лет работая в области психологии личности и практической психологии, я убедилась, что наиболее острышЛюлезненные и одновременно ресурсные проблемы человеческого развития едазаны именно со способностью вести себя суверенно — Опреде7щв «свде>>..устанавливать (открывать и закрывать) границы между собой и-другими и таким образом вести диалог с миром, проявляя уважение.,к его существованию и препятствуя попыткам-порабощения с его стороны. Было интересно понять:

- 1) что, собственно, образует сам субстрат суверенности;
- 2) языки ее выражения;

- 3) где и каковы коннотаты переживаний, которые человек распознает как автономию или, напротив, гюрабощенность;
- 4) к чему обязывает суверенность и от чего защищает отказ от нее;
- 5) как человек привыкает быть автором своего бытия не только в моменты экзистенциальных кризисов, а по возможности и между ними.

Итак, эта работа посвящена изучению психологии некоторых проявлений человеческой свободы. Современная жизнь удивительно благоприятна для исследования данного предмета. С одной стороны, такие понятия, как суверенность, автономия, приватность, наконец-то признаны не только личной, но и социальной ценностью (а многие помнят времена, когда положение дел было совсем иным). С другой стороны, эти универсальные человеческие ценности никогда не бывают избыточными, и потому чем более понятными становятся законы их становления, тем в пределе более зрелыми, ответственными и разумными могут становиться люди в собственном жизнетворчестве.

Существуя среди людей, человек все же остается наедине с собой, приходя в этот мир, покидая его и принимая многие жизненные решения. Экзистенциальное одиночество — неотъемлемое состояние любого живущего человека, которое может представлять как психологическая проблема, а может — как ценность, но все равно остается неизбежной данностью. Отделенность человека от других, его несмешиваемость с миром, способность, воспринимая других, оставаться самим собой в гуманистической культуре всегда считались достоинством.

Интенсивность социально-исторических процессов в современном обществе предъявляет особые требования к личной автономии, свободе и ответственности каждого человека. Высокая взаимозависимость социальных интеракций, информационная и коммуникативная перегруженность ставят перед необходимостью селекции средовых влияний и усиления способности человека творить независимое, неконформное, аутентичное бытие. Деиндивидуализирующее воздействие современной цивилизации, особенно ее городского варианта, одновременно сопровождается повышением потребности в развитии личной самобытности.

В мировой гуманистической культуре ценность частного бытия исключительно высока, о чем писали великие люди Нового времени — Г. Д. Торо, Х. Ортега-и-Гассет, А. Швейцер, И. А. Бродский, подчеркивая важность диалогических отношений между человеком и миром, сочетающих возможность продуктивного уединения с уважением к тому, что остается за пределами частного существования [246; 185; 280; 27].

Цивилизация Новейшего времени породила феномен массовой культуры и массового человека. «Современная жизнь грандиозна, избыточна и превосходит любую исторически известную. Но именно поэтому, что напор ее так велик, она вышла из берегов и смысла все завещанные нам устои, нормы и идеалы. В ней больше жизни, чем в любой другой, и по той же причине больше нерешенного. Ей надо самой творить свою собственную судьбу», — писал Х. Ортега-и-Гассет [185, 41].

Отдельные люди творят не только личное, но и социальное бытие, однако до той поры, пока они способны сохранять свою автономию. Именно на индивидуальном уровне решаются давние проблемы и рождается новое — этика, эстетика, философия. К. Г. Юнг, раскрывая ценность индивидуального бытия для мира, отмечал:

«То, что делают нации, то делает и каждый отдельный человек, и пока он это делает, это делает и нация. Лишь изменение установок отдельного человека становится изменением психологии нации. Великие проблемы человечества еще никогда не решались посредством всеобщих законов, но всегда решались лишь посредством обновления установок отдельного человека» [295, 28].

Однако это не значит, что смысл индивидуальности ограничен рамками ее общественной полезности, личность важна сама по себе и для себя. Великий гуманист прошлого Альберт Швейцер писал по этому поводу так:

«Итак, мы служим обществу, не принося себя в жертву ему... Мы знаем, что общество преисполнено глупости и намерения обманывать нас относительно вопросов гуманности» [280, 329].

И чем интенсивнее контакт человека с миром, тем более остро встает перед ним задача сохранения собственной частности, непубличности во всех сферах существования. Персонифицированная (не разделенная с обществом) мораль — самая ценная часть этической культуры.

Таким образом, постоянно взаимодействуя с миром, получая от него и возвращая, человек все равно не сливается с ним. Поддержание собственной уникальности возможно лишь посредством сохранения личностных границ и обретения своего собственного, отличного от «языка толпы», онтологического языка самовыражения.

Психологическую (личностную) суверенность (от французского *souverain* — «носитель верховной власти») мы понимаем как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанную на обобщенном опыте успешного автономного поведения.

В самом общем виде психологическое пространство — это значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека и защищаемый им доступными физическими и психологическими средствами.

Суверенность — это целостность и авторство, способность владеть и защищать объективированную оболочку своего ментального существования.

Описание суверенности как состояния психологического пространства стало возможным благодаря использованию предложенного автором субъектно-средового подхода.

К выработке этого подхода побудили наблюдения, накопленные в течение нескольких лет работы в консультативном центре НИИ детства Российского детского фонда. Было замечено, что объективные действия часто обладают символическим смыслом, далеким от буквального содержания поступков: вместо вербального выражения любви и признательности можно сделать вещественный подарок; не высказывая пренебрежение, окружить стеной одиночества (типичные примеры — бойкотируемый школьник, с которым никто не хочет сидеть за одной партой, старая бабушка, которой «забывают» сказать о том, когда члены семьи уходят и возвращаются домой). При этом нежелание понимать подлинный смысл послания всегда может прятаться за удивлением: «А что, собственно, происходит? Никто ничего не сказал!»

Примечательно, что ментальное и физическое при этом как бы обладают способностью переходить друг в друга: мерой любви может быть количество подарков, а мерой уверенности в себе — площадь суверенной, недоступной контролю со стороны других территории. Все эти наблюдения и привели к необходимости создания смешанного феноменологически-средового языка описания личности, центральным понятием в котором стало «психологическое пространство».

Основная ценность нового подхода (как ее видит очевидно небеспристрастный автор) заключается в его прагматичности, изначально предполагающей использование в прикладной науке. Он возник из практики, чтобы в нее же и вернуться. Поскольку проявляющиеся в ходе практической работы проблемы и трудности могут быть отнесены к так называемой психологии повседневности, то на языке потребителя консультации (клиента) они чаще всего и обозначаются бытовым языком — языком территориального поведения, манипулирования вещами, выработки особых временных привычек (в психологии среды это называют обобщенным термином «средовой язык», и задача психолога — интерпретация быта в терминах бытия). Рождение из запроса практики обусловило как достоинства, так и огра-

ничения подхода: систематизируя эмпирические факты, мы не можем быть совершенно уверены в том, что нечто важное не оказалось случайно пропущенным. В то же время категории, которыми мы пользуемся, всегда наполнены реальным содержанием, и формальных, «пустых» ячеек в нашем понятийном аппарате нет.

Методология и идеология нашего подхода может быть кратко охарактеризована как «интеграция и синергетика». Интеграция категорий субъекта и среды, номотетического и идиографического рассмотрения, а также данных смежных областей науки представляют собой одну из его особенностей. Субъект рассматривается в единстве своей телесности, территориальности, личных вещей, привычек, социальных контактов и вкусов. Общенаучные принципы системности, развития, детерминизма, субъекта и целостности, вклад которых в любое современное исследование бесспорен, получили существенно новое звучание благодаря синергетике — науке о развитии и самоорганизации, развиваемой в работах И. Пригожина и Г. Хакена [201; 263]. Ее принципы, будучи примененными к живым и социальным системам, с неизбежностью приобретают этическую окраску. Наше исследование подтверждает ценность уважения личностных границ во всех формах взаимодействия человека и мира, необходимость и эффективность экологического, ненасильственного отношения к человеку.

Явления психологической суверенности могут быть корректно изучены только как межпроблемные и междисциплинарные. Неизбежная эклектичность предпосылок нашего исследования связана с тем, что различные измерения психологического пространства традиционно изучались разными, иногда практически не пересекающимися областями науки, что ставило нас перед задачей их сопряжения, как сопряжены они в естественно живущей автономной и целостной личности. Субъектно-средовой подход появился как результат своеобразной энантиодромии психологии субъекта и психологии среды, каждая из которых ощущает свою эвристическую недостаточность, что неудивительно, поскольку субъект-объектное противостояние во многом есть явление искусственно-историческое.

Признавая, важность личной автономии и психологической суверенности, современная психология личности, к сожалению, характеризуется значительным креном в сторону исследований разного рода девиантных и отклоняющихся явлений, в то время как суверенная личность, условия, этапы, средовой и внутрииндивидуальный контексты ее становления до сих пор систематически не изучались. Высокая потребность в изучении феномена психологической суверенности и создании ее концепции обусловлена поворотом теоретико-методологической ориентации современной отечественной

психологии личности в сторону субъекта. Неоднократно отмечалась недостаточность исключительно деятельностного изучения человека и необходимость его рассмотрения как субъекта бытия, взаимодействующего с миром (С. Л. Рубинштейн, З. И. Рябкина), разрабатывается теоретико-методологическое обоснование таких макроединиц человеческого бытия, как ситуации и события (А. В. Брушлинский), подчеркивается важность внутренней детерминации личности (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, В. Л. Хайкин), осмысливаются категории психологии субъекта (В. В. Знаков) и критерии развития с'убъектностей (А. К. Осницкий, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман), исследуются особенности субъект-субъектного и субъект-объектного общения (А. У. Хараш), явления психологической толерантности (А. Г. Асмолов), приватности (А. В. Бурмистрова), феномены моральной независимости (Е. В. Субботский, В. Э. Чудновский), разрабатываются механизмы персонализации субъектом среды (А. В. Петровский, М. Хейдметс, Т. Нийт), поддержания личностной автономии в условиях стресса (Л. А. Китаев-Смык), развития жизненного мира (Ф. Е. Василук), создания метаиндивидуального мира (Л. Я. Дорфман), самоутверждения личности (Н. Е. Харламенкова) [214, 216, 28-32, 3, 4, 11, 12, 263, 78, 187, 220, 224, 13, 34, 238, 239, 275, 193, 194, 268-271, 175-177, 93, 37, 67, 266].

В то же время необходимо отметить, что большинство работ, так или иначе затрагивающих проблемы личностной суверенности, рассматривают это явление узкоспециально: в аспекте развития и сохранения телесности как формы субъектности (А. Ш. Тхостов), с точки зрения неконформности и независимости убеждений (В. Э. Чудновский), в связи с явлениями депривации (М. И. Лисина, К. А. Солоед, М. С. Радионова) и родителско-детского симбиоза (А. Я. Варга), характерологически (П. В. Волков), в аспекте психологических защит человека (Р. М. Грановская, И. М. Никольская), но единой теории психологической суверенности, интегрирующей все значимые измерения психологического пространства, до сих пор не создано [251, 252, 277, 229].

Отсутствие подобной теории существенно затрудняет развитие практической психологии, зачастую лишенной объяснительных моделей психотерапевтического воздействия (Г. Назлоян, Т. Я. Сафонова) [153, 218]. Фрагментарность данных о генезисе и проявлениях психологической суверенности, отсутствие разработанных методов диагностики представляют собой серьезное препятствие в спецификации причин и разработке реабилитационных мер при работе с разными личностными дисгармониями, которые нередко применяются на донаучном, интуитивном уровне.

Таким образом, можно констатировать высокую социальную и научную потребность в разработке теории психологической суверенности. Все вышеперечисленное делает данную работу, на наш взгляд, исключительно своевременной и актуальной.

К настоящему времени сложился весьма эклектичный междисциплинарный контекст изучения психологической суверенности. Можно выделить четыре основных научных источника данных о ее содержании, генезисе и механизмах функционирования:

- 1) теории и социально-психологические исследования личности;
- 2) психология среды;
- 3) психология приватности;
- 4) эколого-семиотический подход.

Материал, собранный посредством самонаблюдения, анализа художественной литературы, теоретических источников, клинических историй и традиционных позитивных исследований, и послужил основой для написания этой книги. Таким образом, она действительно содержит в себе и «ума холодные...», и «сердца горестные...». Причем множества умов и сердец.

В течение нескольких лет мысли о свободе пространств человеческого бытия были доминантой профессионального и акмеологического творчества автора, и потому сензитивность и мотивированность к этой проблематике стали довольно высокими. Настоящая книга не полностью нова; ее основные идеи уже высказывались в ранее изданной малотиражной монографии «Психологическое пространство личности» и в цикле статей [154-172]. Но формальное завершение работы над этой монографией не остановило интереса к проблематике. Термины «суверенность», «психологическое пространство» быстро вошли в повседневный лексикон психологического сообщества, основные идеи были горячо поддержаны коллегами из ведущих научных центров России — Санкт-Петербургского, Кубанского, Российского государственного гуманитарного университетов. Накопился и новый материал. Таким образом, легкость распространения высказываемых автором взглядов, синхронистичность содержательно близким исследованиям, которые лишь случайно оказались представленными научному сообществу более поздно, позволяют думать, что, наверное, «мир соглашается» с предлагаемым способом анализа человека в его бытии. Все это, вместе взятое, и побудило представить наши обобщения, некоторые факты и предположения на суд более широкого круга читателей.

Мне исключительно везло на критичных, творческих и неформальных собеседников, которым я обязана многими поворотами своего видения.

Я очень обязана моим старшим коллегам и друзьям, искренний интерес и проницательность которых направляли и дополняли исследование: Л. И. Анцыферовой, В. В. Знакову, В. А. Петровскому, В. М. Русалову, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. Я благодарна ученикам, которые проявили научное мужество, принимая участие в этом совершенно новом для отечественной науки исследовании, и оказали большую помощь в разработке методов и получении первичных данных: С. В. Авакян, Е. И. Алехиной, О. Р. Валединской, Н. А. Венковой, О. О. Ганиевой, Е. В. Гориной, А. В. Евстратовой, С. В. Котомкиной, О. В. Котовой, Ю. В. Курбагиной, С. Н. Кусакиной, Е. А. Матвийчук, Е. А. Мухорговой, К. Л. Рыжер, Н. А. Рябининой, Ю. Е. Скоромной, И. В. Спиридоновой, Ю. С. Смирновой. И, конечно, я очень признательна членам моей семьи, которые, инициировав постановку проблемы психологической суверенности, предлагали также и варианты ее решения.

Глава 1

ЛИЧНОСТЬ И СРЕДА: ДВА ПОЛЮСА БЫТИЯ

В истории психологии и культуры в целом можно проследить появление идей, определивших методологию и предваривших исследования психологической суверенности. Частично они появились в результате дискуссии между сторонниками феноменологического и эмпирического подходов. Поскольку автор стремился к интеграции основных достижений этих течений, представляется весьма полезным проследить основные этапы их встречного движения друг к другу, ключевым моментом которого является вопрос о соотношении в психическом внешнего и внутреннего и как следствие — о проявлениях и границах субъекта психологической реальности. На наш взгляд, именно категория субъекта как автора собственного бытия позволяет реинтегрировать активность разных уровней индивидуальности, выраженную разными средовыми языками, в ту естественную целостную телесно-территориально-психо-экзистенциальную единицу, которой является человек.

1.1. Субъектный подход как решение проблемы внешнего и внутреннего в психологии

Логика изложения окончательных (или промежуточных) результатов часто не совпадает с логикой их получения. Точно так же и категория субъекта не сразу была распознана как узловая в понимании той эмпирики, которая разными способами попадала в руки автору. И потому прежде, чем перейти к теоретическим источникам и эмпирическим данным, необходимо кратко коснуться исторического и общефилософского контекста возникновения проблемы суверенности. Именно категория субъекта позволяет уточнить основные онтологические (о природе психологической суверенности) и гносеологические (как она может быть изучена) положения нашей работы.

Существует множество определений субъекта. Субъект и объект (лат. *subjectum* — «лежащий внизу, находящийся в основе», и *objectus* —

«предмет») — фундаментальные категории философии: субъект определялся как носитель субстанциальных свойств и характеристик, определяющих качественные особенности объекта, то есть, не совсем привычно для современного взгляда, объект находился в зависимости от субъекта и был лишен самостоятельной сущности [102].

Согласно Д. Н. Ушакову, субъект — это тот (или то), кто (или что) познает, мыслит и действует, в отличие от того, на что направлены мысль и действие [245]. Хотя понятие это использовалось уже Аристотелем, только с XVII века оно начало применяться для обозначения психолого-теоретико-педагогического «Я», противопоставляемого чему-то другому — «не-Я», предмету или объекту. В психологических словарях статья «субъект» нередко вообще не представлена [21].

Проблема субъекта в философии более, чем другие узловые моменты, важна для психологии личности, определяя взгляд на генезис, феноменологию личности и способы ее изучения. Как в истории человечества, так и в истории науки мы можем проследить три существенных момента: возникновение из нерасчлененной целостности субъект-объектного противостояния как одной из существеннейших бинарных оппозиций, его дальнейшее усиление и поляризация и, наконец, смягчение и диалектический синтез субъектного и объектного. Эти моменты мы можем обнаружить как в самом человеческом бытии, так и в науках о нем.

1.1.1. Историческое развитие частного бытия и внутреннего мира

Этнографические и культурологические исследования обращают внимание на то, что на заре человеческой цивилизации, по-видимому, бытие человека отличалось полной синкретичностью и недифференцированностью: внешнее и внутреннее, коллективное и личное не различались, а аффект, интеллект и действие также существовали как неделимая единица, целостный квант жизнедеятельности. По мере взросления человечества коллективное и личное стали отделяться, действие приобрело характер объективного преобразования преимущественно внешней действительности, интеллект начал обслуживать планирование действий, а аффект — выражать отношение человека (автора) к действиям, мыслям, намерениям, причем как других людей, так и к своим собственным. Внутренний мир, таким образом, обогащался, стремительно набирая обороты в своем развитии. И в некоторый момент времени человечество на рациональном уровне резко забыло о начале становления своей психики, а разделение мира на внешний и внутренний стало восприниматься

как привычная реальность [295]. И только некоторые особые состояния, трудности разогождествления и нарушения телесности дают намек на генетические источники былой телесно-территориально-психо-экзистенциальной целостности человека. Понятно, что пути назад нет, но все же наследие прошлого не отменилось, а просто оказалось спрятано под слоями новейших психических пластов, среди которых господствующую роль, безусловно, стали играть сознание и мышление.

Благодаря сознанию человек сумел выделить себя из среды как фигуру на ее фоне. Но не только сознание стало определяющим признаком внутреннего мира человека: от общего для племени коллективного бессознательного отделилось личное бессознательное как знак того, что цели сообщества в целом и отдельных его членов могут не совпадать [102, 295]. На протяжении долгого времени несовпадение это было незначительным, и частная жизнь человека (*privacy*) предметом внимания стала далеко не сразу.

Предполагается, что дальнейшее укрепление внутреннего мира происходило параллельно физическому и экономическому отделению людей друг от друга, возникновению личного пространства и частной собственности — того, что впоследствии и стало объектом приватности. В архаичных культурах, как и в раннем детстве ребенка, физические и психические явления, внешнее и внутреннее не отделены друг от друга; субъект-объектное единство сохранилось в них и сейчас в форме мифологического (лишенного субъекта-автора) мышления.

Выдающийся отечественный философ Ф. Т. Михайлов столь поэтично и убедительно писал об этом, что приходится специально напоминать себе о гипотетичности его описания.

«Итак, напомним, что... Когда мир был вечно живым, когда все в нем — от светил до травинки — зримо, образно соединялось прочными узлами кровного родства, как бы воплощенного в ярких и пластичных, вечных и незыблемых чертах всех окружающих людей предметов, когда каждый человек ощущал себя в любом возрасте, в любой роли родового ритуала столь же значимой частью гармонии всего сущего, тогда и к каждому своему состоянию, к каждой телесной своей особенности он относился как к знаку, прямо указывающему другим и ему самому, на что он годен и какова его роль в этом вечном ритуале общения его сородичей» [146, 11].

И ниже: «Явления мира не делились на субъективные и объективные: вещество, тело, его свойства и признаки жили по тем же правилам целесообразности воспроизводящего род ритуала, что и сами члены этого рода... Субъективность своего вживания в мир ощущалась как полная смысла эффективность телесно-объективного, в равной мере

представленная как само-смысло-чувствием тела, как и смыслочувственностью образов столь же живой и целесообразно-телесно устроенной природы» [146, 12].

Вот это само-смысло-чувствие и было источником самоподтверждения архаичного человека как телесно-территориально-психо-экзистенциальной единицы.

Позже, в мощных культурах Древнего Востока, о которых можно судить уже не гипотетически, человек также ощущал себя контекстуально и целостно — в единстве с Космосом, другими людьми, в гармонии с телом. Достаточно вспомнить буддийские категории анагамады как бессущности и нелокальности отдельно взятой души, кармы как действия в соответствии со смыслом и логикой мироздания в целом, чтобы понять, что все бытие человека Востока — это непрекращающийся диалог с миром.

В Древнем Китае основная философская категория Дао также предполагает единство, недизъюнктивность всего сущего, которое синкретично, не поддается обозначению и анализу и может быть только прочувствовано [58]. Поиск «своего», обретение и знание земной ниши — основа священной мудрости в даосизме, экологический ненасильственный пафос которого не утрачивает своей силы и сегодня¹.

Возможно, именно ресурсы восточных философий как синергичных миру и объясняют необыкновенный рост их популярности в интеллектуальных кругах современной западной культуры.

В античной культуре древних эллинов также по крайней мере целое тысячелетие воспроизводился всеобщий закон меры, подчиняющий себе тождество телесности и смысла — целесообразности, эффективности и свободы воли. Целью самосовершенствования древнего грека была калокагатия — гармоничное единство прекрасного тела и нравственной высокой души. Стоит ли напоминать, что все бытие дохристианской Греции было сакральным: любым актом своей жизни человек прославлял богов (воспринимавшихся как доступные партнеры по общению, с которыми можно было не согла-

«Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Если в государстве имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко от своих мест. Если в государстве имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одяжание красивым, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга» [58, 84].

шаться, конфликтовать, которых можно было убеждать и усовещивать) и Жизнь в ее целостности. Бытие древнего грека в своей повседневности было чуждо насилию и дисгармонии — занятия философией происходили за винопитием в тени на свежем воздухе, как, чтобы ни уродство архитектуры, ни телесное напряжение не препятствовали интеллектуальному упражнению. Невозможно себе представить древнего грека, психоаналитически «выдавливающего из себя по каплям раба», — настолько позитивным было их отношение к себе в мире.

Древние греки были абсолютно публичными людьми, у которых и жизнь, и смерть были прилюдными, уединялись они только на время сна, и потому жилища были простыми и аскетичными¹.

Смерть в одиночестве считалась наказанием. Символика бытовых проявлений уже тогда интерпретировалась как язык души — именно с классическим периодом связывают первые опыты толкования сновидений (онириокритики) и обращение к оракулу, наиболее известным из которых стал Дельфийский. Что касается сексуальных связей, то во времена античности в языке одинаково обозначались «общее место» в рассуждениях и публичный дом, а отношения между мужчинами и женщинами также несли отпечаток имущественных связей, что закрепилось и в современной лексике («отдаться» — для женщины значит нечто потерять, а «овладеть» для мужчины — нечто приобрести) [261].

До возникновения субъект-объектного противостояния было еще далеко. Однако уже существовали и личная собственность, и личная позиция².

¹ Интересно, что уже в античной культуре внешнее и внутреннее (во многом соответствующее мужскому и женскому) маркировалось и символами внешней организации пространства. Так, в соответствии с правилами жизни женщины проводили время преимущественно в гинекее — женских покоях, части дома-ойкиа, что представлялось для них идеальным, лишь изредка выходя к фонтану, на открытое пространство. Таким образом, можно предположить, что приватность и публичность имели с самого начала тендерный оттенок. Но также и культурный. Так, Геродот писал: «Своим поведением и традициями египтяне как будто перевернули с ног на голову человеческие обычаи. Например, женщины ходят на рынок и участвуют в торговле, пока мужчины сидят дома и прядут пряжу» [82, 216].

² В то же время примечательно, что, вопреки терминологической артикуляции, в практике античной культуры ценность субъекта как демиурга, творца, была высока: в частности, при строительстве дорог строители не обходили гору, как на Востоке, а прорубали через нее тоннель. На Востоке же существовало скорее диалогичное, экологическое отношение к действительности, ориентированное на спонтанность происходящего, что может быть связано со спецификой аграрной культуры.

Широко известно утверждение историка В. Н. Ярхо о том, что древний грек не был субъектом своих действий, поскольку в принятии решений обращался к воле богов [299]. Однако нельзя не отметить, что, узнав о своем бессознательном грехе, царь Эдип не просто принял расплату, но наказал себя сам, принимая и оценивая свою личную ответственность.

Таким образом, до Средневековья диалог человека с миром в целом и другими людьми как частями этого мира был плотным, интенсивным, разноязычным. Задача отгородиться от мира еще не антиципировалась. «При этом само действие, его способ и средства становятся... лексемой языка — языка самой реальной жизни сообщества людей. Символом, лексическое значение которого несет в себе смысл цели этого действия» [146, 43]. Аутентичное слияние действия и его смысла делало людей абсолютно искренними, и дополнительные вербальные аранжировки еще не уводили от истинного содержания простодушных поведенческих посланий.

Начиная с VII века, в Средневековье, и жизнь, и смерть продолжали оставаться прилюдными, публичными явлениями. У европейских людей не было времени и места для уединения в скученной жизни, где отсутствовало отдельное помещение для частного дела (публичный образ жизни, видимо, отвечал доминирующему психотипу европейцев, так как, по замечанию К. Г. Юнга, даже самый бедный индеец имел отгороженное занавеской личное место для медитации в одиночестве).

Отражая первичное единство природного, социального и психического, на протяжении нескольких веков познание и просвещение оставались основанными на мистическом отношении к миру, в котором также все взаимосвязанно, а психические и физические явления рассматривались как взаимообратимые. Средневековая схоластика во многом воспроизвела античную трактовку субъекта и объекта, признав за субъектом онтологические параметры материальных вещей, а за объектом — производные человеческие образы субъекта. Химики обычно занимались алхимией, не переживая противоречий между естественнонаучным знанием и мистикой; единство физического и психического использовалось также и во всех мантических практиках.

В дохристианской средневековой Руси господствовало множество ритуалов, укрепляющих связь человека с природой и космосом как знак торжества жизни в ее телесности, территориальности, временной цикличности. Примечательно, что это время дотеремной жизни русской женщины, характеризующейся сексуальной раскрепощенностью, отмечалось высокой ценностью материнства и необычайно

гуманным отношением к детям [206, 223]. Сохранившийся с тех пор обычай родовспоможения «выманивать» рождающегося ребенка на свет из утробы положенным во влагалище матери кусочком меда или сахара при своем негигиеничном простодушии поражает гуманностью и диалогичностью отношения к (еще не родившемуся!) ребенку именно как к субъекту: предполагается, что он может в ответ на предложения помешкать или вообще отказать.

Переход к монотеизму и распространение христианства в Европе сильно стимулировали разделение телесного и духовного (в клерикальных философских системах — Божественного) и становление субъект-объектного противостояния. Очень быстро душа (внутренний мир, ментальное и рациональное) стала знаком Творца, а тело — знаком Дьявола. Человек продолжал выделяться из сообщества по социальным и имущественным признакам, а ценность отдельной личности становилась амбивалентной: с одной стороны, расширялась сфера индивидуального бытия и личной ответственности человека, с другой — усиливались позиции христианства, а знание концентрировалось вокруг духовенства. Продолжалось противопоставление души и тела, распространялась христианская мораль с категориями греха и послушания. Христианство поэтизировало идею страдания и обесценивало телесность как причину падения души.

Душа, локализуясь вокруг идеи божественного происхождения, получила право относиться ко всему вне себя как к безответным объектам воздействия и манипулирования. Телесность же как проявление неистинных греховных влечений стала игнорироваться и отчуждаться, утрачивая свою знаковую ориентирующую функцию и приводя к невротизации человека как «малоавторитетного» хозяина своего тела [146, 251]. Постепенно произошло и обесценивание материального мира вообще, а доверие к лексемам посланий средствами повседневной реальности отмечалось лишь в культурном андеграунде — осуждаемых инквизицией ритуалах, исследовательских и мантических практиках.

В XVIII веке последовали социальные изменения, приведшие к переосмыслению частного бытия. Нуклеарные семьи, жившие в собственных домах, стали составлять большинство. Появились границы между человеком и миром, а еще позже — и внутренние «перегородки» между субличностями («вторичные психологические защиты»). По образному выражению Г. К. Честертона, если в античные времена весь город мог думать, как один человек, то современный *Ното* скорее сам напоминает город, объятый гражданской войной, что указывает на возрастающую значимость внутреннего мира и происходящих там событий для человека и общества [275].

В современном обществе человек давно выделил себя из окружающего мира, назначил субъектом и пережил отчуждение того, что раньше казалось естественно входящим в структуру личности: тела, вещей, территории, друзей. Ни к чему не привыкать стало девизом человека западной культуры. Как следствие, многие ценности очутились формально за границами личности, естественный диалог оказался нарушен, и поэтому все чаще приходится специально «договариваться» с теми объектами, обратная связь от которых уже не читается легко и понятно, включая органы собственного тела, что, безусловно, способствует развитию психоанализа, но не делает легче жизнь современного человека [252].

Приватность как ценность, на протяжении нескольких десятилетий символизирующая свободу американского духа, сейчас переживает конфликтное отношение к себе, которое отражает неоднозначность представлений о взаимоотношениях общества и личности [402]. Современная западная семья вновь стремится ограничить проявления индивидуализма и поддерживает социальную конформность. С другой стороны, невротическая отягощенность такого положения дел в современной цивилизации «уравновешивается» возможностями ухода и существования в виртуальных мирах (безопасность которых, кстати говоря, представляет собой одну из интенсивно обсуждаемых проблем, для которой выработано специальное название *digital privacy*) [403].

Итак, индивидуальный мир человека выделился из окружающего мира территориально, вещно, ценностно, социально, информационно. Можно увидеть, что и развитие философского представления о субъекте также следовало за эволюцией индивидуального мира человека.

1.1.2. Субъект-объектные отношения в философии

Субъект-объектное противостояние, привычно характеризующее современное европейское мышление, возникло не сразу и не везде. В философских традициях, обозначаемых как субъективно-идеалистические, его вообще не отмечалось. Так, например, в буддизме в понятие «личность» включалась также и объектная область: для буддийского мыслителя не существовало отдельно «человека» и «солнца», а было единое поле опыта — «человек, видящий солнце» [247]. Здесь солнце — это не внешний объект, существующий вне личности, а часть личности, включенная в нее через процесс восприятия. Это уже не «солнце в себе», которое буддистов интересует очень мало, а солнце, уже воспринятое человеком и ставшее поэтому частью данной человеческой личности. Это не мир, в котором мы живем, а мир, который мы *переживаем*. К последствиям такой картины мира и себя в нем мы будем неоднократно возвращаться в дальнейшем.

Единицей философствования в буддийской традиции были не идеи, а текст, включающий в себя и способы запоминания, транслирования, и позже — письменные формы, которые, однако, и в поздних вариантах воспроизводили «протоформы» своего неписьменного существования, когда лексемой была целостная ситуация рассказывания в конкретных условиях, за трапезой или на перевале, в диалоге или монологе — то есть квант человеческого бытия, а не только его рефлексии [207].

Для европейской культуры античного периода с идеями панпсихизма и гилозоизма также характерно понимание человека как носителя и хозяина своей собственной души, непротиворечиво взаимодействующего с миром. Правила этого взаимодействия предписывались этикой как наукой о добре и зле. «Основной вопрос философии» основным еще не стал. Мифологическое античное творчество также подразумевает открытость диалога с миром, в котором автор и слушатель оба активны в процессе сотворчества, разговаривая не только с людьми, но и с природой, и с богами¹.

На протяжении тысячелетий постепенно происходила дифференциация внешнего и внутреннего с тенденцией к доминированию последнего. Конечно, предпринимались и попытки сопряжения телесного и духовного, в которых не последнюю роль играли этические системы и распространенная в Средневековье теория двойственной истины. Однако до начала Возрождения синергетическое понимание человека в мире продолжало утрачивать свои позиции.

Следующий его взлет парадоксально связан с появлением рационалистической философии Рене Декарта, который в своей дуалистической концепции развел и противопоставил субъективное и объективное, одновременно осуществляя логический переход от знания вообще к знанию разумному [59]. Картезианство усилило роль сомневающегося сознания и возвело его в ранг высшей познающей инстанции².

¹ Очевидно, идея переписывания сюжета обладает мощным психотерапевтическим ресурсом, потому что к ней все чаще обращаются как произведения литературы (Ш. О'Фарлэйн «И вновь?», Т. Стоппард «Травести»), кинематографа (фильмы Гарольда Ремиса «День сурка», Тома Тиквера «Беги, Лола, беги!», Питера Челсома «Интуиция»), так и техники реконструкции автобиографии [148].

² В клинической практике картезианство, по мнению М. Фуко, привело к низведению людей с психическими нарушениями с пьедестала уважаемых безумцев и началу пенитенциарной психиатрии. Таким образом, нерациональное познание стало осуждаться, невербальное знание и символические прогнозы оказались исключенными из социального бытия, а субъектами познания стали признаваться только образованные, рационально относящиеся к миру люди [259].

В психологии это привело к тому, что между объектом и субъектом возникли жесткие границы, как как немыслимое сразу же обрело статус объекта [262].

И еще один ход мысли Декарта дает некоторый «люфт» в подступах к пониманию человека как неделимой телесно-территориально-психической единицы: последовательный анализ и сомнение как метод познания останавливаются перед фактом существования Субъекта как автора этого сомнения; я могу сомневаться во всем, кроме того, что я существую.

Гениальная идея существования мира только в присутствии *сознания-свидетеля* («обсервативная методология»), высказанная Декартом, позже будет отстаиваться в феноменологии, экзистенциализме и других философских течениях, ценных для психотерапевтической практики.

Опираясь на работы Декарта, предлагали свое видение внешнего и внутреннего (а к началу Возрождения — скорее божественного и материального) многие великие философы прошлого. Так, голландский философ Бенедикт Спиноза, не противопоставляя протяжение и мышление, усматривал в них всего лишь два модуса единой субстанции [232]. Вещное и представляемое, хотя и выглядят по-разному, на самом деле эквивалентны. Модус существует в другом и представляется через другое — как близко это к пониманию знаковой символики средовых посланий!

И наконец, хотелось бы отметить возврат к пониманию целостности человеческого бытия в материалистических позитивистских течениях, в частности работы Шарля Монтескье, который, считаясь основоположником идеи географического детерминизма, первым отметил, что политическая жизнь различных народов может быть понята лишь в контексте их природных и исторических условий [148]. Согласно Монтескье, люди испытывают влияние и, как мы бы сказали сегодня, отождествляются с климатом, примерами прошлого, обычаями, которые как результат и образуют общий «дух народа».

Дальнейшее развитие истории субъект-объектного противостояния привело к началам феноменологической и экзистенциальной психологии, которое было озаглавлено появлением нового, непривычного для европейской (особенно — немецкой) философии Нового времени видения человека в мире, представленного в трудах Артура Шопенгауэра [286]. Непривычность эта обусловлена мощным вторжением малоизвестных или уже частично забытых идей Востока.

Все живое — это осуществление воли к жизни, сопряженное с борьбой за свое существование против всех остальных также желающих жить существ. Картина мира, которая складывается у человека, согласно Шопенгауэру, есть результат объективации (или, как вырази-

лись бы сегодня, проекции) вовне воли и представления субъекта. Поскольку мир есть представление, он включает в себя объективированные волей предметы и явления.

Жизнь философ уподоблял аду, в котором можно устроить себе огнеупорное помещение. К счастью ведет самоограничение, но оно тоже заключается во внутреннем чувстве, а не во внешних обстоятельствах. Мудро живущий человек осознает неизбежность бед, держит в узде свои страсти и ставит предел своим желаниям.

Таким образом, в философской системе Шопенгауэра можно увидеть необыкновенно ценные для дальнейшего развития нашего собственного подхода идеи: постулирование воли к жизни как основы движения вообще (потребностей субъекта), важность представлений для понимания содержания объективируемого мира (который не существует изначально, а представляет собой результат символического творчества субъекта), неизбежность столкновения интересов в насыщенной жизнью мире и выстраивания границ. Для Шопенгауэра вещный мир изначально не внеположен человеку, а служит его выражением и отражением — и потому-то так ценен и оберегаем!

Шопенгауэр оказал влияние на многие психологические направления, в наибольшей мере (но различным образом) его восприняли Вильгельм Вундт и Франц Brentano [42, 26]. Вундт окончательно разделил субъект и объект, обратив внимание на то, что каждый опыт включает содержание, данное человеку, и способ восприятия субъектом этого содержания. Первое направление опыта обращено к объекту в его свойствах, мыслимых независимо от субъекта, второму направлению следует психология, рассматривая содержание опыта в тех свойствах, которые ему приписываются самим субъектом. Вследствие этого взаимоотношения естественнонаучное и психологическое истолкование опыта дополняют друг друга. Однако такой научной территории, где бы они встретились «на равных», Вундт не предложил: либо субъективное, либо объективное. При этом человеческая активность остается в промежутке между двумя полюсами, не неся в себе ни проекций субъекта, ни предпочтений и интенций по отношению к объекту. Субъект представлен в таком рассмотрении формально; отношение к миру может быть описано скорее девизом «Это интересно!», чем вопросом «Кто ты?».

Принципиально иное понимание субъект-объектных взаимоотношений было предложено австрийским философом Францем Brentano, предложившим интенциональную теорию сознания. Brentano полагал, что каждый психический феномен характеризуется интенцией (стремлением) к объекту; структурность мира задается структурностью сознания. По его мнению, традиционно проводимая граница между внешним и внутренним условна, потому что

причинно-следственные отношения между физическим и психическим разнородны и обратимы: как физическое, так и психическое могут вызываться и физическими, и психическими причинами. Кроме того, каждый психический процесс всегда содержит свой объект в форме его образа, суждения о нем как истинном или ложном и эмоциональной оценкой как желаемого или отвергаемого. Таким образом, можно считать, что психический акт создает объект, который вне этого акта не существует.

Идеи Brentano были с энтузиазмом восприняты практически всеми современниками; в современной ему западной философии распространилось понимание субъекта как эмпирического, представляющего собой особого рода единство сознания и телесности. Такое понимание, в частности, характерно для работ крупного представителя феноменологического направления Эдмунда Гуссерля, который объектом своего внимания сделал обывденный ненаучный «жизненный мир» (*Lebenswelt*), противопоставив его объективированному миру науки [56]. Жизненный мир характеризуется специфическим единством субъективного и объективного, причем единство это имеет источник в субъекте и центрировано вокруг эмпирического Эго. Гуссерль настаивал на том, что любое познание осуществляется опосредствованно, сквозь призму телесности и ценностей жизненного мира, в единстве субъекта и его бытия. Феноменологический анализ сознания предполагает полное исключение каких бы то ни было допущений относительно объективности и всех трансцендирующих предположений о существующем; способы верификации феноменологии как науки о сознании основаны на опыте самого сознания.

Феноменология, пожалуй, впервые отразила такое важное качество субъективного сознания, как его «прозрачность»: сознание замечает себя только в точке столкновения и встречи с чем-то от него отличным — с объектом, что вплотную подводит и к пониманию границ субъектности. Таким образом, субъект и объект порождают друг друга. В зависимости от местоположения объекта отодвигаются и «границы» обнаруживающего себя субъекта — положение, чрезвычайно важное для акмеологической теории и практики. Соответственно, все естественное не осознается, а осознается (и затем — перестает) то, что находится за рамками субъектности, «иное». Наиболее напряженный бытийный диалог поэтому устанавливается между «своим» и «иным».

В Новое и Новейшее время субъект-объектное противостояние трансформировалось в проблему субъекта, которая привела к возникновению ряда парадоксов. Если человеческий разум субстанциален по отношению к эмпирической действительности, а человек как носитель разума — всего лишь ее отдельный фрагмент, то где же ис-

кать критерии его истинности? Если же разум, так же как и сам человек, произволен от опыта, то каким образом можно объяснить его всеобщий характер и тождество познающей личности в самосознании? Попытку решения этих вопросов предпринял И. Кант, введя понятие «трансцендентального субъекта», который изначально задан как единство субъекта и объекта [88; 115].

Позднейшее разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта в неклассической философии в итоге привело к экзистенциализации онтологической проблематики: введении категорий *Dasein* М. Хайдеггером, «опыт феноменологической онтологии» Ж.-П. Сартром, трактовке «открытого для понимания бытия» Х. Гадамера [45]. Классическая субъект-объектная оппозиция начала подвергаться критике как со стороны естественнонаучного вектора культуры, так и со стороны философского, а проблема субъекта стала наделяться этическим смыслом: как нужно строить отношения не только с объектами, но и с другими субъектами?

Ответы во многом были операциональными и включали в себя «список» черт и особенностей проявления субъектности. Так, К. Ясперс сформулировал критерии нормального (не патологического) самосознания, среди которых можно отметить активность, единство, идентичность «Я» и противоположение «Я» и «не-Я». Человек обнаруживает себя как субъекта и мир как объект посредством механизма отчуждения-ирисвоешта, причем отчуждаться могут как объекты (в том числе и социальные), так и собственные переживания субъекта, «уходя» за границы его субъектности [300].

Экзистенциальное понимание, поместившее локус ответственности внутри субъекта, во многом стимулировало развитие гуманистической психологии. Понятие субъекта стало изучаться в связи с вопросом о личной свободе действия и мысли [88]. В этике проблема субъекта усиливалась юридической практикой — за что субъект несет личную ответственность, а что представляет собой неизбежный продукт средовых влияний? В конце XIX — начале XX века многие выступления защиты апеллировали к средовой обстановке жизни обвиняемого, тем самым освобождая его от личной ответственности (то есть лишая субъектности) и одновременно подчеркивая прочность границ между человеком и средой.

Широко известно учение экзистенциально-христианского философа М. Бубера о диалоге, подчеркивающее необходимость отношения к другим как к субъектам (Я и Ты) [28]. Примерно в то же время Д. Швейцером была создана этическая система благоговения перед жизнью, одним из условий принятия которой является переживание экзистенциальной вины перед всеми живыми существами, которым мы наносим вред своей волей к жизни [32, 280].

В западной философии XX века внимание к субъекту было вызвано также и широко дискутировавшейся проблемой авторства дискурса, трактуемого как мысль или сюжет жизненной пути персонажа, если условно понимаемый автор сюжета — субъект, а действующие лица и связи между ними — объекты. Философская культура постмодернизма стала настаивать на принципиальном снятии самой идеи оппозиционности субъекта и объекта; возникла новая ориентация на «смерть субъекта»: жизнедеятельность человека уподоблялась тексту, а вопрос об авторе этого текста, как правило, не обретал ответа¹.

И наконец, новейшие взгляды на субъект-объектное отношение вызваны «воскрешением субъекта» в течении постпостмодернизма (*after-postmodernism*), программа которого ставит своей целью реконструкцию субъектности как вторичного по отношению к дискурсивной среде (вербальным практикам) явления [103]. Эта установка привела к пониманию всех взаимодействий как субъект-субъектных, а проживание субъектом своей жизни стало пониматься как воспроизведение тождественной самой себе биографии.

Сейчас можно с уверенностью говорить, что все сознательные культуры имплицитно или эксплицитно содержали в себе варианты решения проблемы субъекта и объекта. Отказ от личного выбора иногда ошибочно приписывают ряду восточных учений. Однако анализ наиболее авторитетных древних источников показывает, что личная ответственность всегда признавалась как высокая ценность: например, основная мысль «Тибетской книги мертвых» состоит в том, чтобы не терять контроль над сознанием даже в момент умирания (подобную степень субъектности трудно представить себе в западной философии) для воссоздания полноты и целостности человеческой души².

¹ Ярким примером постмодернистского искусства являются талантливая пьеса и фильм Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Идея «попадания» героя в текст продуктивно используется также в разных видах психотерапии, в частности в гештальттерапии, не последнюю роль в которой играет освобождение от личной ответственности.

² К. Г. Юнг писал по этому поводу так: «В основу этой удивительной книги положено не скудное европейское "или-или", а величественное и утверждающее "и-и"» [294, 10]. И ниже: «"Книга мертвых" говорит о первичности души, что крайне важно. Ибо это единственное, в чем жизнь нас не убеждает. Наша жизнь настолько переполнена вещами, теснящими и подавляющими нас, что, окруженные ими как «данностями», мы не находим времени поразмыслить: кем же они "даны"? Умерший освобождается от мира "данностей"; цель поучений "Книги мертвых" — помочь его освобождению» [294, 13].)

А наиболее авторитетное руководство по мантической практике, «Книга перемен» («И-цзин») намеренно дает любой жизненной ситуации диалектическое толкование, в котором есть место для ошибочного и верного (согласно космическому смыслу ситуации) поступка, то есть опять же подразумевается возможность выбора и пространство для проявления субъектности человека¹ [38].

Итак, наполняя понятие субъекта разным содержимым (которое не всегда артикулировалось, а часто подразумевалось), философы прошлого стремились рассматривать человека в единстве с его бытием, акцентируя разные составляющие описания человека как телесно-территориально-психо-экзистенциальной единицы, но признавая их все.

1.1.3. Взгляды отечественных психологов на проблему внешнего и внутреннего

Проблема внешнего и внутреннего всегда привлекала внимание отечественных исследователей, как правило, приводя к диалектическим вариантам ответов. Одним из них стал субъектный подход, ведущий начало от работ С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского [214, 31].

Исторически отношение к категории субъекта было очень различным. С одной стороны, субъект рассматривался как результат интериоризации общественного опыта (эта позиция представлена работами Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина), с другой — в работах С. Л. Рубинштейна и его последователей А. В. Брушлинского, Л. И. Анцыферовой, К. А. Абульхановой-Славской подчеркивалась значимость внутренней детерминации деятельности субъекта [43, 17, 119-121, 214, 31, И, 4]. И если первая позиция акцентировала деятельность как звено между человеком и миром с признанием приоритета объективной реальности (среда, согласно Л. С. Выготскому, — это источник психического развития, а собственная активность человека — всего лишь его условие), то точка зрения С. Л. Рубинштейна заключалась в признании «преломления» внешнего через внутреннее при решающей роли внутреннего и спонтанности этого процесса.

¹ «...В "И-цзин" противоположности не есть нечто самодовлеющее, они — лишь состояния, сменяющие друг друга. Так само противостояние становится относительным. Все дело в правильности отношения... При этом вся работа по адаптации к конфликту во внешнем мире совершается внутри. Если удастся сохранить гармонию между внутренним и внешним "Я", мир — при всем многообразии его проявлений — не причинит вреда... Негибкость приведет к результату, прямо противоположному ожидаемому, и битва будет продолжаться вечно» [38, 10].

Важные для понимания проблемы субъекта положения представлены в трудах С. Л. Рубинштейна, оказавших сильное влияние на формирование нашего подхода. В работе «Человек и мир» он отмечал, что особенности соотношения субъекта и объекта в бытии могут быть поняты лишь при определении способа существования человека в мире, то есть в контексте и во взаимодействии [214]. Также он писал:

«Почти всякое человеческое действие есть не только техническая операция по отношению к вещи, но и поступок по отношению к другому человеку, выражающий отношение к нему. Поэтому другой человек со своими действиями входит в "онтологию" человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» [214, 366].

С. Л. Рубинштейн в своих работах рассматривал личную жизнь как взаимодействие субъектов, основанное на уважении другого также как субъекта. Его идеи развивались в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинского, В. А. Петровского, А. К. Осницкого [3, 4, 12, 31, 195, 187]. Однако наиболее последовательное и завершенное воплощение субъектный подход обрел в трудах А. В. Брушлинского, выдвинувшего проблему субъекта в центр изучения современной психологии. Он полагал, что сложившаяся последовательность изучения «деятельности, сознания, личности» неправомерна и что все психологические проявления следует рассматривать как принадлежащие субъекту (исследователь использовал даже усиленное понятие «суверенный субъект», подчеркивающее принятие ответственности, самостоятельность и автономии человека). Субъектность несет интегративную функцию, олицетворяя собой самость, целостность человека как деятеля. Субъект, по мнению А. В. Брушлинского, всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен, как источник и объект социальных влияний представляя собой несомненную ценность для общества [28-31]. Обладая высокой методологической и эвристической силой, субъектный подход развивается последователями А. В. Брушлинского — Д. Н. Завалишиной, В. В. Знаковым, Е. А. Сергиенко, З. И. Рябикиной [73, 78, 219, 216].

Обобщая работы, посвященные субъекту и субъектности, отметим, что для нас субъект — это автор диалога с миром, лексемой которого является бытие. Именно в этом значении субъект ценен как целостный, всегда пристрастный и активный носитель различных средовых языков, архитектор разных бытийных пространств, автор жизненных ситуаций и дискурсов.

Рассмотрение истории субъект-объектного противостояния закономерно привело нас к перемещению на полюс субъекта. Однако это понятие — не единственная попытка сопряжения внешнего и внутреннего, материального и ментального в отечественной традиции. К счастью, демократичная парадигмальная обстановка в современной отечественной персонологии допускает широкое разнообразие мнений.

Существует и несколько других интегративных моделей внешне-го и внутреннего, в которых, на наш взгляд, удачно дополняя друг друга, подчеркивается специфика ментальных и материальных составляющих.

Одна из них предложена В. А. Петровским [196]. Отмечая тот факт, что для человеческого существа исключительно важна реализация потребности персонализации, исследователь отмечает, что высший уровень существования личности измеряется изменениями, которые человек произвел в окружающем мире, разумеется, получая и от него обратную бытийную связь. Таким образом, единство человека и мира понимается этим автором как высший уровень личностной зрелости. Одновременно он отмечает сложность изучения явления персонализации, которое может быть осуществлено только с учетом принципа отраженной субъектности — то есть не напрямую по самооценочным показателям, а опосредствованно, — позволю себе домыслить, по акмеологически нейтральным характеристикам, не связанным очевидной зависимостью с успешностью человека. Этот аргумент учитывался и нами при разработке показателей суверенности, имеющих средовое содержание.

По-другому внешнее и внутреннее соотносятся в концепции З. И. Рябикиной, основные понятия которой — это бытие и бытийные пространства. Бытие — это процесс воплощения смыслового содержания личности в фактах средовых преобразований [216]. Личностное бытие всегда субъективно, потому что воплощает содержание его внутреннего мира в объективной реальности. Аутентичное бытие предполагает соответствие целей и средств, это переструктурирование среды в соответствии с конфигурацией личностных смыслов; оно проявляется в доверии и верности субъекта самому себе. Неаутентичное бытие, соответственно, — это воспроизводство и трансляция в среду формально выработанных установок.

Человек как субъект — это активный организатор отношений со средой, и потому система средовых воздействий приводит в результате к появлению качеств двух видов: личности с определенным опытом прожитой (естественно, в среде) жизни и среды, преобразованной субъектом или несущей в себе следы ее использования человеком.

Таким образом, З. И. Рябикина не противопоставляет субъекта объекту, а рассматривает его как автора и основную составляющую бытия. Именно бытийные пространства (на множественность которых одним из первых указывал еще Б. Г. Ананьев) переживаются человеком как «свои», как часть идентичности, а потому активно включаются во взаимодействия с другими людьми, в процессе чего возникает необходимость устанавливать и переставлять границы — именно так сквозную проблему человеческого развития и общения определяет в своих работах исследовательница научной школы З. И. Рябикиной А. В. Бурмистрова [34].

В психологии личности также продолжают широко использоваться привычные понятия внешнего и внутреннего. Так, например, А. Б. Орлов выделяет в структуре личности предметное, субъектное и объектное содержание [184]. Используя топологические категории, внеличностную и внутриличностную динамику он локализует с точки зрения тех границ, вблизи которых она имеет место. Процессы внеличностной динамики и детерминации протекают на «границах» личности и обеспечивают ее открытость-закрытость благодаря вытеснению и сопротивлению. Исследователь рассматривает актуалгенез личности, представляющий собой сочетание персонализации как стремления быть личностью и персонификации — как стремления быть самим собой.

Еще одна интересная версия взаимопревращений ментального и материального представлена в концепции метаиндивидуального мира, развиваемой Л. Я. Дорфманом. Основную форму человеческого существования (инобытие) он понимает в первую очередь как преодоление разрыва между онтологическими сущностями индивидуальности и объектов мира, которые, следуя принципу дополнительности, проникают друг в друга (посредством процессов воплощения и превращения). Говоря о воплощении, этот автор подчеркивает, что индивидуальность, преобразуя действительность в соответствии с логикой собственной структуры, сама при этом остается неизменной. Смысл превращения, в отличие от этого, заключается в том, чтобы, воплощаясь в другом, превращаться в иное и самому человеку. «В другом, будь то значимые личности, художественные образы, вещи, животные или объекты неживой природы, индивидуальность, образно говоря, умирает; и в другом же она начинает новую жизнь, по новым законам, правилам, обычаям» [67, 193]. При этом автор особо отмечает факт функционально-структурной полифонии объектов в процессах воплощения и превращения (если, например, Д. Б. Эльконин полагал, что предмет всегда должен рассматриваться в первую очередь с точки зрения закрепленных в нем общественных функций, то для Л. Я. Дорфмана особую ценность предмета представляет тот при-

ватно-интимный идиоматический смысл, который возникает благодаря диалектике воплощения-превращения в ходе индивидуальной, двенадцатой или коллективной деятельности, то есть появляются особые смыслы, и вещь как предмет метаиндивидуального, а не объективного мира, приобретает иную семиотику).

А. Ш. Тхостов исследует проблему внешнего и внутреннего в связи с явлением отчуждения, на клиническом материале [72; 251; 252]. Отчуждение человеком чего-то органически ему присущего: собственных переживаний, мыслей, образов восприятия — рассматривается как патологическое. Переход «части» прежде субъектного в статус объекта сопровождается потерей идентичности и нарушением естественности, в результате чего орган или психическая функция перестает естественно «служить» человеку, становится объектом рефлексии и специально осуществляемого диалога. Условие нормальной телесности, согласно А. Ш. Тхостову, — это возможность обрести «чувство автора» своего тела, которое возникает в детстве, когда ребенок «проверяет» тело на повинуюемость ему. Ограничение этого опыта может привести к формированию искаженных границ между человеком и миром. Используя понятие «культурного тела», А. Ш. Тхостов обращает внимание на связь ряда телесных патологий с изменением локуса ответственности в сторону субъективации.

Еще один конструктивный опыт интеграции внешнего и внутреннего предложен отечественным психологом В. И. Слободчиковым, который составил периодизацию с учетом «внешнего» и «внутреннего» и выделил пять ступеней развития человека как субъекта собственного поведения и психики [224]. На каждой стадии человек выбирает «со-бытийную» общность (партнера по общению), внутри которой и происходит развитие, а затем, индивидуализируясь, он выходит из них и творит новые формы сам, то есть становится «самобытным».

Следующий интересный подход к проблеме внешнего и внутреннего принадлежит Л. И. Воробьевой и Т. В. Снегиревой, возвратившим в научный обиход авторитетное понятие психологического опыта [41]. Психологический опыт относится одновременно к двум «пространствам» существования: он укоренен в мировой культуре, но при этом не принадлежит исключительно ей, потому что только субъект наделяет опыт жизненным смыслом. Понятие психологического опыта также подразумевает процесс «присвоения» — «отчуждения», посредством которых и осуществляется развитие.

И наконец, невозможно обойти вниманием подход к пониманию личности и ее развития, давно разрабатываемый В. С. Мухиной, подход, в котором ведущая роль отводится процессам обособления-идентификации как основным механизмам развития [152]. Эта концепция,

намного опережая другие отечественные работы, примечательна следующим:

- 1) в ней отмечалась ценность обособления, которое до того рассматривалось лишь негативно;
- 2) детально представлена структура жизненной среды, в которой уделено внимание не только знаковым и социальным составляющим, но также миру вещей и территории («фактору места»).

Итак, эволюция человеческого бытия и его осознания происходила в последовательности от синонимичности существования человека и мира к возведению границ между ними и затруднению диалога и, наконец, — к необходимости включать часть «иного» в структуру бытия человека и договариваться с тем, что осталось за его границами. Искусственно разделившись в ходе развития культуры и человеческого мышления, ментальное и материальное, внутреннее и внешнее вновь объединяются, пройдя путь развития от синкретического единства к разделению и к интеграции, итогом чего и стало использование в отечественной персонологии понятия «субъект». Особое внимание начинает при этом уделяться не только процессам установления контакта с миром (интериоризации, идентификации), но и механизмам защиты от этих контактов, если они избыточны; и то и другое реализует авторскую позицию субъекта по отношению к бытию.

1.2. Топологические и эмпирические категории в классических теориях личности

Пространственно-средовые категории как вспомогательные в психологии личности использовались многими ведущими психологами прошлого. Привлекательность этих терминов для создания эмпирических моделей понятна: они удобны, потому что содержат в себе указание на территориальность, обозначают размерность внутреннего мира и его протяженность, то есть дают возможность исчисления.

1.2.1. Учение У. Ажеллса об эмпирической личности

Одним из первых на важность средовых условий в развитии личности человека обратил внимание идеолог эмпиризма и прагматизма в психологии Уильям Джемс, по-видимому, под влиянием идей Мальтуса и Дарвина отметивший, что одна из самых существенных черт современной жизни — это ее переизбыток, и тем самым в неявной форме подчеркнувший важность существования границ: человек постоянно взаимодействует со средой, но при этом не сливается с ней [61-65].

У. Джемс активно использовал понятия «интимность» и «отчужденность», «тождественность», позже ставшие центральными в психоанализе, описывал он и процессы идентификации-разотождествления, хотя и не обозначая их этими терминами: для того чтобы наше эмпирическое «Я» присваивало себе новое содержание и таким образом развивалось, необходимо, чтобы до того «отдаленный» предмет осознавался и оценивался с чувством узнавания. Очень многие явления, в том числе и религию, он объяснял через аналогию и идентификацию, поиск подобного себе в другом. Однако, идентифицируясь с объектами внешними, человек не должен с ними сливаться. Один из любимых примеров Джемса — это бревно, которое, принимая новых носильщиков и оставляя старых, может пройти сколь угодно путь с самым скромным сопровождением.

У. Джемс первым отметил и смешанную природу личности, выделив в ее структуре познаваемый элемент в сознании личности (эмпирическое Я) и познающий элемент (чистое Я). Он считал, что удобно рассматривать личность как состоящую из трех частей: А) составные элементы; В) чувства и эмоции, вызываемые ими (самооценка); С) поступки, вызываемые ими (забота о самом себе и самосохранение). Эмпирическое «Я» соответствует части (А), включающей в себя физическую, социальную и духовную личности (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия личностей по У. Джемсу

Духовная	Естественная личность
Социальная	
Физическая	

Для нашего исследования наибольшую ценность представляет понимание У. Джемсом эмпирической личности, точнее, той ее составляющей, которую он называл физической личностью и описывал как физический, материальный носитель психологических качеств¹.

«...В самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические или душевные качества, но также его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, его лошади, его яхта и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства», — писал У. Джемс [63, 131].

И там же: «Трудно провести черту между тем, что человек называет самим собою и своим. Наши чувства и поступки по отношению к некоторым вещам, составляющим нашу принадлежность, в значительной степени сходны с чувствами и поступками по отношению к нам самим».

Примечательно, что и другие физические и социальные объекты, значимые для человека, он также включал в структуру именно этой части личности. К физической личности он относил ее телесную организацию, одежду, семью (родителей, жену и детей) домашний очаг, состояние, произведения труда. Материальные атрибуты важны для человека как индикаторы его социальной принадлежности (будь эти работы более поздними, мы могли бы использовать термины «личная» и «социальная идентичность»): так, по его мнению, большинство людей предпочли бы при возможности выбора иметь не прекрасное тело в вечно грязных лохмотьях, а скрывать свое уродливое тело под прекрасным костюмом.

Следующая составляющая эмпирического Я, по Джемсу, — это социальная личность, понимаемая им как признание в нас личности со стороны других. У человека столько личностей, сколько индивидуумов признают ее в нем, поэтому репутация оказывает влияние на поступки и самоощущение человека. И наконец третья составляющая, духовная личность, представляет собой объединение состояний сознания, конкретных духовных способностей и свойств.

Как типичный представитель ассоцианизма У. Джемс, естественно, уделял внимание только сознательной жизни человека, но, возможно, именно в дополнение ограниченности этого изначального редукционизма именно он обратил внимание на присутствие среднего языка самовыражения, который в контексте его работ предстает как естественный и не всегда осознаваемый. Именно У. Джемс первым в описании личности утвердил онтологическое равноправие фактов и феноменов и наметил пути исследования процессов развития личности через присвоение и отчуждение различных компонентов среды, по сути, задав основное направление и нашего подхода.

1.2.2. Учение К. Левина о жизненном пространстве и психологическом поле

Контекстуальность и подвижность явлений внутреннего мира нашли свое отражение и в созданной Куртом Левином в 1940-е годы теории поля, которой мы обязаны более чем другим подходам при разработке нашей собственной концепции [116]. Поле — это фундаментальный конструкт теории, который применительно к изучению индивидуальной психологии представляет собой «жизненное пространство» человека. Теорию Курта Левина неслучайно называют также *топологической*¹. Он считал необходимым формализовать описание внутриличностной динамики посредством категорий напряжения, валентности, вектора и скаляра. Позже он планировал изучать личность как *годологическое пространство*, то есть ограниченно структуриро-

ванное, в котором можно выделить «единицы поля-времени», «психологические кванты».

Онтология жизненного пространства была предметом острых научных дискуссий с Э. Брунsvиком, который также использовал это понятие, но в более объективном, приближенном к психологии среды, смысле. К. Левин полагал, что в сфере явлений, которые в данное время существуют, можно выделить три области, изменения которых могли бы представлять интерес для психологии личности.

1. «Жизненное пространство» — человек и психологическая среда как она существует для него (поле, включающее потребности, мотивы, настроения, цели, идеалы, состояния).
2. Множество процессов в физическом или социальном мире, которые не оказывают в это время влияния на жизненное пространство индивида.
3. «Пограничная» зона жизненного пространства: определенные части физического или социального мира, которые все-таки оказывают влияние на жизненное пространство, например, посредством восприятия и ответных выполнений действия.

Задача «психологической экологии» — Это раскрытие того, какая часть физического или социального мира будет определять в данное время «пограничную зону». Таким образом К. Левин постулировал маргинальную природу жизненного пространства и отмечал, что его динамика и развитие сосредоточены на границах.

Описывать жизненное пространство нужно с уточнением его местонахождения и продолжительности во времени так, чтобы оно включало в себя все реально существующие для человека факты и исключало бы те, которые для изучаемого человека не обладают существованием (последнее Левин трактовал как способность оказывать «демонстрируемое воздействие на индивида»)¹.

Определяя содержание жизненного пространства, Левин подчеркивал, что присутствует соблазн ограничиться чисто психологическими явлениями, подобными мотивам, когнитивным схемам, целям, и исключить объективные события, не оказывающие на человека прямого воздействия. Но многие физические, экономические или правовые явления, тем не менее, оказывают на индивида влияние, и поэтому они также должны быть введены в жизненное пространство человека. «Одна из основных характеристик теории поля в психологии, как

¹ Так, если некоторый человек переживает субъективно отсутствие вероятности того, что на него упадет потолок, а инженерные расчеты говорят о другом, последним обстоятельством можно пренебречь, считал Левин, потому что оно бесполезно для понимания жизненного пространства существующего в субъективной безопасности человека.

я ее понимаю, — это требование, чтобы поле, которое влияет на индивида, было описано не на "объективном физикалистском" языке, но так, как оно существует для этого человека в это время... Описать ситуацию "объективно" в психологии на самом деле означает описать ситуацию как совокупность тех фактов, и только тех фактов, которые составляют поле индивида» [82, с. 83].

Существуют и другие попытки структурного анализа жизненного пространства: так, один из последователей К. Левина Дж. Велвуд (J. Weiwood) выделял в психологическом пространстве следующие составляющие:

- 1) ориентированное пространство как пространство психологических направлений, границ и сил;
- 2) аффективное пространство как внутренний, расширяющийся или стягивающийся аффективный ландшафт.
- 3) открытое пространство как представленное в структуре сознания тотально необусловленное единство субъекта и объекта в акте их взаимного отражения и растворения [400].

Важная для реализуемого нами подхода идея Левина состояла в том, что при изучении поля необходимо преодолеть эклектичность межпредметной раздробленности и рассматривать составляющие поля как единую систему конструкторов, поскольку они принадлежат к единому жизненному пространству. Он высказывал также мысль о взаимозависимости различных частей единого жизненного пространства (используя более современную лексику синергетики, — о способности к самоорганизации и компенсации): возможно, внутри единого жизненного пространства нет ни одной части, абсолютно независимой от других его частей. Детерминация жизненного пространства нелинейна и не механистична, она всегда, помимо прямого, обладает косвенным влиянием и метафорическим смыслом.

И еще одна мысль Курта Левина, считающаяся дискуссионной, также близка нашему пониманию психологического пространства как актуальной картины мира — это «принцип современности». Важно осознавать, подчеркивал исследователь, что психологическое прошлое и психологическое будущее — это одновременные части психологического поля, существующего в данное время. Только современная система, по его мнению, проявляет себя. Принцип современности, отменяющий утверждение психоанализа о примате раннего детства над более поздним опытом, напоминает, что картина собственного бытия человека, включающая прошлое и будущее, оценивается в контексте актуального состояния человека. Следствием принципа современности является тот факт, что изменение контекста приводит и к «переписыванию» воспринимаемой личной истории (эта мысль

примерно в то же время высказывалась и Дж. Морено, который многократно переписывал свою биографию, следуя логике «психодраматической правды») [148].

Вводя категорию поля как основного объяснительного понятия, Курт Левин также ставил задачу выделения его «ситуационных единиц»: психологическая ситуация — это «срез» поля, или состояние жизненного пространства человека в данный момент. Понимание ситуаций разного масштаба дает конструктивный способ решения многих достаточно сложных проблем, подчеркивал К. Левин (в отечественной психологии личности различать значимые и незначимые ситуации предлагает Л. И. Анцыферова) [11, 12].

Жизненное пространство динамично и способно изменяться от ситуации к ситуации и в онтогенезе. И пространство свободного движения (аналог личного действия, или формы субъектности), и жизненное пространство обычно расширяются, причем это расширение происходит иногда постепенно, а иногда резкими скачками, что характерно для кризисов развития. Этот процесс может продолжаться и во взрослом возрасте. К. Левин выделял три главных аспекта расширения поля:

- 1) границы и дифференциация той области, которая для индивида носит характер нынешней реальности;
- 2) дифференциация в измерении реальности-ирреальности;
- 3) расширение временного измерения, то есть «психологического прошлого» и «психологического будущего», которые сосуществуют как части жизненного пространства в данное время.

Обобщая основные положения теории К. Левина, необходимо отметить, что все выделенные нами тезисы обладают не только глубоким методологическим значением, но и практическим смыслом, открывая выход в прикладную психологию личности, что и было нами использовано при разработке собственной концепции.

1.2.3. Учение Ф. Перлза о динамике границ контакта

Теория поля К. Левина послужила одним из импульсов для возникновения прагматически ориентированной гештальттерапии, появление которой связывают с именем Фредерика (Фрица) Перлза [192]. Гештальттерапия более других теорий личности подчеркивала необходимость существования прочных личностных границ для благополучия человека, который при их неотчетливости или нарушении развивается в сторону невротических искажений.

Ф. Перлз подчеркивал, что дуалистическое разведение и противопоставление души и тела, а также субъекта и среды — это особенность

европейского аналитического мировоззрения; в действительности противопоставлять их не стоит. Он не проводил четкой границы между «самостью» (интегрирующей телесные, ментальные и поведенческие проявления человека инстанцией) и внешним миром, полагая, что они постоянно взаимодействуют друг с другом, а сам контакт понимал как сознание, соприкосновение или совершение действий с действительностью. На границе контакта развиваются все психологические события — мысли, чувства и действия человека. Самость — это «архитектор» жизни, это система контактов в любой момент времени. Самость, таким образом, складывается из идентификаций и отчуждений (эта идея также созвучна психоанализу и теории интериоризации Л. С. Выготского).

Жизнь, согласно Ф. Перлзу, — это ряд незаконченных гештальтов (ситуаций), которые сменяют друг друга. Способность личности как единой с организмом системы к гомеостазису позволяет человеку поддерживать себя в различных обстоятельствах, переходя от одной ситуации к другой.

«Ситуация не сводится ни к полному пониманию функций организма, ни к самым совершенным познаниям о среде... Психологическая ситуация создается только взаимодействием организма и среды...», — писал он [192, 10].

Однако не любой опыт может присвоиться человеком: чтобы ситуация реализовывалась как естественная, а не результат принуждения или насилия, необходим внутренний контроль над происходящим (я хочу, а не я должен), для эффективного использования нового опыта необходимо его ассимилировать. Прерывание контакта и подавление эмоций смещают равновесие организм-среда.

Невротические личности позволяют посягать на себя обществу слишком интенсивно. Они не способны к автономии, не могут воспринимать свои потребности и склонны рассматривать общество как нечто важное, а себя — как незначительное. Невротик не способен выделить доминирующую потребность и потому не может ни осуществлять хороший контакт, ни полноценное изъятие бесполезного опыта.

Нарушения на границе контакта представляют собой четыре механизма развития невроза.

1. В случае *интроекции* материал извне не перерабатывается посредством нормальной ассимиляции, при которой ценные элементы опыта присваиваются, а ненужные отвергаются, а «проглатывается» некритически. В качестве себя самого рассматривается то, что в действительности представляет собой часть

окружающей среды («интроекты» — это ригидные предписания, полученные от значимых или просто сильных людей в ситуациях прошлого).

2. *Проекция* — это оборотная сторона интроекции, тенденция рассматривать как элемент окружающего мира часть «Я». При проекции человеку проще объяснять свои собственные желания и качества как вызванные внешними обстоятельствами.
3. *Слияние* — третья форма искажения контакта, при которой человек вообще не разграничивает свое «я» и окружающий мир или не ощущает между ними границы. При слиянии люди требуют сходства с собой и проявляют нетерпимость к различиям.
4. *Ретрофлексия* — это четвертая форма нарушения границ контакта, когда границы между субъектом и другими нет, причем неосуществленные действия, адресованные другим, перенаправляются на себя. В ретрофлексии люди замещают собой и объекты окружающей среды. Вариантом ретрофлексии могут быть явные и неявные случаи аутоагрессии: так, в клиническом материале иногда раскрывается смысл автомобильных аварий как моделирования ситуации «приходящего извне» наказания за поступки, которые не подвергались сознательному осуждению.

Контакт — явление развивающееся. Взрослея, человек учится получать поддержку не от других, а от самого себя, мобилизуя собственные психологические ресурсы. Чтобы это происходило, человеку необходимы фрустрации как источник опыта. Если фрустраций в его жизни недостаточно, он начинает играть фиктивные роли, отчуждать самого себя и отдаляться от полноценной автономной жизни.

Таким образом, вариант гештальтпсихологической теории личности, предложенной Ф. Перлзом, акцентирует внимание на границах контакта — их целостности и динамики. Поскольку совокупность контактов представляет собой самость, очевидно, что она формируется в процессе прохождения через различные ситуации.

1.2.4. Символизация среды в аналитической психологии К. Г. Юнга

Связь и взаимопревращения ментального и материального, внешнего и внутреннего в человеческой жизнедеятельности признавались психологами различных направлений. Основатель аналитической психологии К. Г. Юнг рассматривал эти процессы в связи с понятием

коллективного бессознательного, а также обсуждая проблему синхронистичности и прорицания [292-297]. Он глубоко исследовал природу интимной связи внутренней жизни человека с объектами непсихическими, существующими вовне. Поскольку сознание как «верхушка» айсберга психической жизни человека возникло относительно поздно, то информация должна достигнуть некоторого порога, чтобы оказаться осознанной. Оставаясь же досознательной, реальность проявляет себя материально, физически, то есть через средовые объекты.

К. Г. Юнг справедливо полагал, что европейский способ каузального мышления, отграничивающий психические явления от физических, не может быть рассмотрен как наиболее мощный способ познания бытия. Существуют культуры (например, древнекитайская) с циклической организацией времени, в силу чего основное значение придавалось не последовательности физических и психических событий, а их одновременному появлению в поле времени (или позже — смысловом поле). Китайская культура поощряла сензитивность к такого рода одновременности, особенно при совершении значимых событий, которые должны были очень подробно протоколироваться. Примечательно, что качественное толкование событий не имело ничего общего со статистически подтвержденной достоверностью — целесообразность герменевтического, а не объяснительного принципа в понимании значимых событий обусловлена еще и тем, что, как справедливо отмечала М.-Л. фон Франц, значимые события в жизни человека всегда единичны [259].

Во многих случаях физические обстоятельства (место, предметы, атрибуты) происходящего сакрализировались, символизируя ресурс значимости возможного события: через атрибут можно вызвать само явление. Сакрализация места, использование тотемов очевидным образом эксплуатируют не физические свойства места или предмета, а превращают их в символы, причастные к архетипическому бытию (и таким образом, используя терминологию К. Левина, включаются в жизненное пространство человека).

Отмечая контекстуальность человеческого бытия, К. Г. Юнг особое внимание уделял структуре и приватности жилища. Идею уподобления человека его обиталищу можно проследить не только в теоретических работах, но и в практике собственной жизни К. Г. Юнга, который на протяжении более чем 30 лет строил свой дом с башней, архитектура которого следовала логике переживаемых им кризисов и озарений.

«С самого начала Башня была для меня местом зрелости, материнским лоном, где я мог стать тем, чем я был, есть и буду.... Она очень

помогала мне, она как бы утверждала меня в самом себе. Я строил дом по частям, следуя всего лишь нуждам момента и не задумываясь о внутренней взаимозависимости того, что строится. Можно сказать, что я строил дом как бы во сне. Лишь после, увидев то, что получилось, я обнаружил некий образ, полный смысла: символ душевной цельности» [292, 224].

Таким образом, согласно аналитической психологии К. Г. Юнга, человек может быть понят только в контексте условий своей жизни: среда, в которую он попадает, которую он принимает или создает, метафорически и опосредствованно, а иногда и напрямую также отражает его психические свойства и потребности.

1.2.5. Роль среды в эпигенетической теории Э. Эриксона

Хотя среда и физическое пространство могут быть «объективно» одними и теми же для всех людей, живущих в них, психологическое пространство всегда уникально, потому что его основой является переживание «Эго» и личная идентичность человека. Психоанализ, усовершенствованный экологическим подходом, привел к возникновению Эго-психологии Э. Эриксона, для которой пространственные категории были также безразличны.

«Определенные приемы психоаналитического рассуждения, приемы рассмотрения среды как «внешнего мира» или «объективного мира» не учитывают ее всеобъемлющей реальности. Немецкие этологи ввели термин «*Umwelt*», обозначающий не просто окружающую среду, но среду, существующую в человеке. И действительно, с точки зрения развития «прошлое» окружение всегда присутствует в нас; а поскольку мы живем в процессе постоянного превращения настоящего в «прошлое», мы никогда — даже в момент рождения — не сталкиваемся со средой — людьми, которые избежали воздействия какой-либо другой среды», — писал Э. Эриксон [291, 33].

Для Э. Эриксона исключительно важным было переживание цельности, непрерывности и тождества, сводящего воедино внутренний и внешний мир. Вообще понятия внешнего и внутреннего, а также их соотношение в концепции этого автора занимают не менее важное место, чем ключевая категория идентичности. Точного определения идентичности этот ученый не давал, но в психологии принято понимать данный термин как устойчивый образ Я, определяющий соответствующие ему способы поведения и представляющий условие психического здоровья и психологического благополучия. Если выразиться более кратко, то идентичность — это ментальный и поведенческий ответ на вопрос: «Кто Я?». Идентичность открывается

посредством переживания — узнавания «своего» вовне и внутри себя. Переживание первичной цельности, возникающее еще во младенчестве и подразумевающее, что внутреннее и внешнее едины в благом мире, становится источником доверия к миру. Чувство базисного доверия представляет собой первый онтогенетически возникающий компонент идентичности, второй компонент — это чувство автономии, а третий — чувство инициативности. В ходе прохождения через нормативные кризисы человек подтверждает прежнюю или обретает новую идентичность.

Для нас исключительно важны рассуждения и наблюдения Эриксона, касающиеся проблем половой идентичности. Он объяснял истоки половых различий в поведении и самосознании различными биологическими функциями мужчин и женщин, закрепившимися анатомически: женщины имеют «внутреннее пространство», способное принимать, для вынашивания ребенка, а мужчины, напротив, — вынесенный за пределы тела орган деторождения, предназначенный для «вторжения».

Наблюдая игры детей различного пола, а позже анализируя архаичные обряды и поведение приматов, Э. Эриксон отметил важность пространственных категорий в творчестве детей. Так, девочки в своих играх и постройках предпочитали акцентировать внутреннее пространство: огороженное место с расставленной мебелью, а люди и животные, как правило, находились внутри. Сценки обычно представляли собой бытовые события, но иногда содержали сюжет «вторжения» опасных животных или мужчин (клиническая практика отмечает чисто женский характер такого нарушения как агорафобия, то есть страх открытого пространства).

Мальчики играли и строили иначе: они увлекались воздвижением конусообразных или цилиндрических (фаллических) построек, действие происходило исключительно в открытом пространстве, а сюжеты включали происшествия или уличные сцены, которые приводили и к катастрофам. Руины, по наблюдению Эриксона, встречались только у мальчиков (проведенные Е. И. Алехиной позже исследования построек мальчиков и девочек подтвердили наблюдения Эриксона — рис. 1 и 2).

«Итак, в мужском и женском пространстве преобладали, соответственно: высота и обвалы, интенсивное регулируемое движение и статичное внутреннее пространство, незамкнутое либо просто огороженное, мирное или подвергшееся нападению» [291, 288]. Эриксон заключил, что, действительно, женщины более склонны осваивать «внутреннее пространство», и потому реализация в большом социуме (например, профессиональная) — более сложная для них задача, требующая ломки естественной логики поведения.

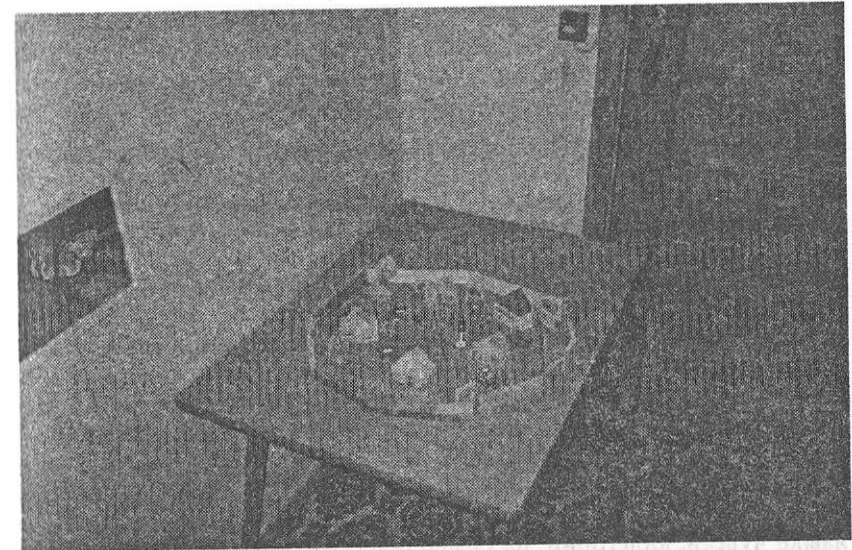

Рис. 1. Организация игрового пространства девочкой 5,2 лет

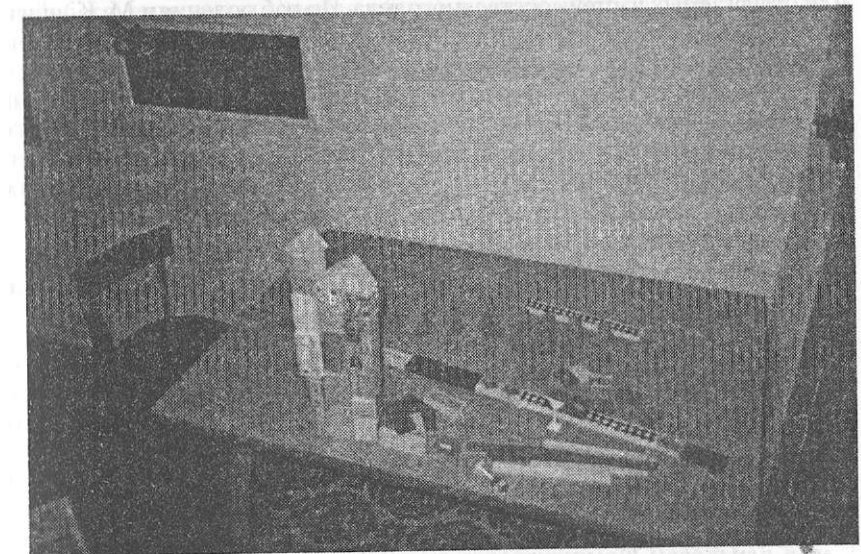

Рис. 2. Организация игрового пространства мальчиком 5,6 лет

Таким образом, в рамках Эго-психологии Э. Эриксона также утвердилось, хотя и на ограниченно тендерном материале, идея изоморфности

внешнего и внутреннего мира и способности обретать или конструировать в объективной среде предметы удовлетворения потребностей, что также иллюстрирует факт идентификации человека со средой и осуществления себя в ней.

1.2.6. Идентификация — сепарация как механизмы развития личности в теории объектных отношений

В рамках других психоаналитических теорий ценными для нашего исследования являются категории отчуждения, обособления и сепарации, которые развивались в основном в работах М. Кляйн и М. Малер, посвященных онтогенезу объектных отношений [97]. Идеи приближения к миру вплоть до слияния с ним и удаления от него вплоть до отчуждения являются сквозными: идентификация и сепарация рассматривались как диалектически связанные между собой механизмы развития личности, а интроекция и проекция, также имеющие противоположные направления, — как основа социализации и развития Эго. Эти динамические явления могут описываться на языке чувств, аллегорий, на символическом языке предметов и вещей — «хорошей» или «плохой» материнской груди, принимаемых или отвергаемых частей собственного тела. По наблюдениям М. Кляйн и М. Малер, эмоциональная депривация ребенка в раннем детстве приводит к закреплению таких черт, как, например, жадность или аутистическая отчужденность, которые отражают тенденции к расширению или обороне границ психологического пространства.

М. Малер считала постепенное отделение от матери (самого существенного объекта среды) естественным и необходимым процессом, в котором можно выделить четыре этапа, связанных с ускорением или замедлением сепарации.

Первый этап (*нормального аутизма*, от 0 до 3 месяцев) характеризуется отсутствием собственного отношения ребенка к матери: младенец не различает внешние и внутренние стимулы, не чувствителен к обращениям взрослого, но благодаря вниманию матери он переходит к следующему этапу.

Второй этап — фаза *нормального симбиоза*. На этом этапе мать и ребенок существуют в диадном единстве: ребенок не отделяет себя от матери и не воспринимает ее отдельно. Эго Эго воплощено в фигуре матери, но однако возникают и представления о своем физическом Эго благодаря переживанию удовольствия или неудовольствия, формирующих первый эмоциональный опыт младенца. Этот очень важный этап в становлении личности, отсутствием которого М. Малер объясняла многие психические отклонения, продолжается от 3 до 6-7 месяцев.

Третий этап (*автономного функционирования*) продолжается от 7-8 до 20 месяцев. В начале этого этапа мать является для ребенка опорой и источником эмоциональной поддержки через физический контакт. Самостоятельная ходьба позволяет ему физически отдалиться от матери и поддерживать с ней лишь сенсорную связь (видеть и слышать). Самостоятельные действия приводят ребенка к осознанию своей отдельности и в то же время к ограниченности возможностей, что приводит к третьей, критической, фазе, которую М. Малер назвала *кризисом приближения*, в ходе которого сталкиваются две тенденции: стремление соединиться с матерью и страх потерять свою автономию. Большинство детей естественно преодолевают этот кризис и могут спокойно действовать на относительной дистанции от матери.

Четвертый этап, продолжающийся приблизительно до двух лет, назван периодом *консолидации индивидуальности*. Переживаемая константность себя и матери, возникающая на этом этапе, делает возможным овладение речью, усвоение образцов поведения взрослых, выражение своих желаний и фантазий в символической игре. Эмоционально-объектная константность позволяет интегрировать «хороший» и «плохой» образы матери в единое представление, не зависящее от ситуативных обстоятельств [23].

Согласно теории объектных отношений, надежная привязанность (пособствует чувству доверия к миру и уверенности в себе, а эмоциональная депривация стимулируют усилия по самоутверждению, которые могут иметь не только конструктивный, но и деструктивный характер и переходит во взрослый возраст человека. Таким образом, теория объектных отношений связывает целостность личности как субъекта действия с опытом сепарации от главного объекта жизненного пространства — матери.

1.2.7. Двойственность природы человека в ранних работах А. Н. Узнадзе

В российской психологии традиция объяснения развития личности через средовые категории связана с трудами Д. Н. Узнадзе и Л. С. Выготского. В своих ранних неопубликованных работах Д. Н. Узнадзе указывал на двойственность природы человека: с одной стороны, это идеальная всеобщность, независимость от пространства и времени, а с другой — реальная ограниченность пространством и временем [1]. Идеальная всеобщность никогда не может быть реализована в полной мере, представляя собой своеобразный предел, ориентир в человеческом развитии. Однако, будучи недостижимой, идеальная всеобщность все же побуждает человека стремиться к ней, и каждый шаг на пути реализации этой тенденции достигается творческим преобразованием внешнего мира и самого себя.

Из-за реальной ограниченности человек не весь поддается творческому преобразованию. «Только то, что было творчески преобразовано, стало частью личности и, с другой стороны, только то, что стало частью личности, отделилось от всего остального мира и стало его средой. Другими словами, то, что было преобразовано человеком, образовало вместе с человеком новую объединяющую их инстанцию — личность, и стало ее составной, с другой стороны, преобразованная часть реальности отделилась от остального мира и превратилась в среду» [1, 58].

Среда — это промежуточная, буферная зона между человеком и остальным миром, это наиболее близко находящаяся от него часть мира, которая может быть включена в его личность.

В работах Д. Н. Узнадзе также обозначены пространственные измерения личности, к которым он относил:

- 1) тело человека (его конституцию, позу, движения, средства невербальной коммуникации, танец);
- 2) одежду (костюм), включая украшения и оружие как часть костюма;
- 3) мебель и другие предметы быта;
- 4) разные архитектурные объемы и пространства.

Таким образом, подобно У. Джемсу, он считал естественно входящими в структуру личности бытовые объекты, которые способствуют поддержанию ее индивидуальных самобытных качеств, и так же не противопоставлял личность среде ее жизнедеятельности. Идеи Д. Н. Узнадзе, по-видимому, испытали воздействие научной школы К. Левина. Они созвучны также учению о субъекте жизни С. Л. Рубинштейна, и идее интериоризации-экстериоризации, развиваемой в школе Л. С. Выготского.

В отечественной психологии также всегда утверждалось, что именно среда представляет собой источник психического развития человека, но, соглашаясь с признанием того, что основными механизмами развития личности выступают уподобление и присвоение, российская психология все же не уделяла достаточного внимания рассмотрению внутреннего мира человека как относительно суверенного и автономного, что диктовалось господством марксистской психологии, понимающей личность как отражение общественных отношений.

Итак, в психологии личности различных школ и направлений мы находим взаимодополняющие подтверждения, во-первых, важности и эвристичности использования топологических и средовых категорий и, во-вторых, роли личностных границ в описании феноменологии, динамики и онтогенеза личности.

1.3. Психология среды как предпосылка изучения психологического пространства личности

Другим важнейшим источником разработки нашего подхода является психология жизненной среды — научное направление, которое изучает зависимость психических и психологических процессов от конкретных объективных условий различного уровня и содержания. Наиболее активными потребителями этих знаний являются инженерная психология, психология стресса, психология архитектуры, социальная психология, а в последнее время — также психология развития и психотерапия.

1.3.1. Среда как междисциплинарное понятие

Термин «среда» (*milieu*) был введен философом-позитивистом И. А. Тэмом для обозначения социальных условий жизни людей как существующего наряду с врожденными задатками фактора развития их способностей. Одновременно это понятие стало использоваться и в экологии (от греч. «эйкос», что означает «дом») для описания совокупности природных условий жизни различных видов (*environment*). Оба термина переводятся на русский язык идентично [171].

Остановимся на некоторых характеристиках среды как естественно-научного понятия. Поскольку основным показателем благополучия в живом мире является количество потомства, то состояние среды описывается так называемым логистическим уравнением:

$$\frac{dN}{dt} = rN(K - N) - mN,$$

где r и m — постоянные рождаемости и смертности, а K — несущая способность окружающей среды.

В зависимости от несущей способности, включающей в себя в основном наличие личной территории и питание, вид либо увеличивает свою численность, либо сокращает ее то есть качество среды для всех видов соотносится с потребностями живых существ и уже в этом смысле не является исключительно объективным.

Среда может быть стабилизирующей и движущей.

В стабилизирующей морфология и поведение вида приспособлены к существующим условиям, а появление новообразований маловероятно.

В движущей среде часть популяции оказывается в зоне дезадаптации, а у оставшейся начинают вырабатываться и закрепляться новые эволюционно значимые качества.

Поскольку для человеческого вида вымирание или укрепление связано не только с физическим, но и с культурным воспроизведением,

«несущая способность» среды включает в себя такие социально-культурные параметры как доступность образования, количество рабочих мест, психологический микроклимат.

Научные предпосылки средового подхода можно обнаружить в различных дисциплинах. Экология рассматривает среду как целостную саморегулирующуюся систему, в которой не отдается предпочтений интересам отдельного вида. Этологи в основном обращают внимание на жесткие конструкции поведения — инстинкты и поведенческие программы. Социология рассматривает среду как условие и результат взаимодействия людей (благодаря работам О. Конта и Р. Соммера возникло новое научное направление — проксимика, предметом которой является видоизменение деятельности и общения в различных пространственно-территориальных условиях). Социология породила один из вариантов средового моделирования — социальную инженерию (несколько утопическое направление прикладной социологии, занимающееся конструированием гармоничных сообществ).

Глубокий анализ особенностей современной среды обитания человека представлен в работах К. Лоренца [130]. Отмечая тот факт, что в природе господствует гомеостазис и очень мало систем с положительной обратной связью, Лоренц констатировал, что при нарушениях функционирования положительная обратная связь начинает преобладать. Остановимся на двух (из восьми) обстоятельствах жизни современного человека, которые представляют собой средовые нарушения. Во-первых, это перенаселение Земли, вынуждающее каждого человека защищаться от избыточных социальных контактов и возбуждающее агрессивность вследствие скученности: общее недружелюбие возрастает пропорционально плотности населения. Во-вторых, это опустошение естественного жизненного пространства, убивающее в человеке уважение к природе.

«Откуда возьмется у подрастающего человека благоговение перед чем бы то ни было, если все, что он видит вокруг себя, является делом рук человеческих, и притом весьма убогим и безобразным?», — писал Лоренц [129, 14].

И лишь относительно недавно экологическое сознание стало изменяться, отходя от инструментально-потребительского отношения к внешнему миру к диалогичному, доверяющему способности среды к самоорганизации. Иллюзия управления природой приводит к появлению новых этико-психологических проблем (например, родительство при искусственном оплодотворении или клонировании, эвтаназия и др.).

Таким образом, многие негативные особенности современного человека объективно вызваны содержанием среды и, конкретнее, цивилизации, в которой он живет.

«...Средообразование в силу своей невежественности по отношению к человеку, незнания его истинных качеств и потребностей способно оказывать в основном отрицательное влияние на людей», — отмечают эстонские исследователи [231, 28].

Однако ресурсы управляемого средообразования также не следует переоценивать; они должны всего лишь осознаваться и приниматься во внимание. Как мы увидим ниже, возможности средового моделирования в силу недоучета сложности самоорганизующейся системы «человек в среде» ограничены, и попытки создать гармоничное сообщество средствами социально-архитектурной инженерии оказались утопичными.

1.3.2. Категория среды в современной психологии

Понятие «среда» используется более 100 лет; между тем терминологические изыскания показывают его недоопределенность. При понимании среды как психологической категории для нас особенно важны три момента: во-первых, понимается она как объективное или субъективное явление, во-вторых, какую имеет структуру и, в-третьих, как субъект взаимодействует со средой.

По мнению многих авторов, современные концепции пространства, лежащие в основе наших представлений о среде, продолжают преодолевать противоречие между философией Ф. Бэкона и Р. Декарта [289]. Ф. Бэкон провозглашал в познании мира такие принципы как эмпиризм, редукционизм, дискретность. Р. Декарт, в противоположность ему, настаивал на рационализме, антиредукционизме и континуальности пространства. И сейчас продолжают сосуществовать два представления: бэконовско-ньютоновское, согласно которому пространство — это пустой ящик, заполненный телами, и картезианское, в соответствии с которым пространство — это среда, особым состоянием которой являются и отдельные тела, и взаимодействия между ними.

По-разному в истории культуры решался и вопрос о соотношении субъекта и среды. Здесь можно выделить две точки зрения.

1. Человеческая психика рассматривается изначально как непространственная и обретающая пространственность путем интериоризации, «врастания извне вовнутрь». Эта позиция представлена в отечественной школе деятельности.

2. Экзистенциальная и трансперсональная психология придерживалась диаметрально противоположного утверждения об изначальной «пространственности» психического, а экстерииоризация субъектом внутреннего мира образует его психологическую ситуацию.

Таким образом, суть первой точки зрения: субъект — это «вместилище» предметного содержания среды, суть второй: среда — это «сцена», на которой разыгрываются внутренние коллизии субъекта.

Методология психологии среды как объективного явления исследуется многими авторами - А. П. Мардером, В. Курт-Умеровым, И. и Л. Сердюками, Ю. А. Лепиком, Я. К. Трушиньшем, В. Л. Глазичевым, Е. А. Мараловой [139; 122; 300; 250; 137]. Однако не все исследователи солидарны в признании объективности природы среды. Так, Ю. Воогланд и К. Нигесен отмечают, что экологическую систему развивает субъект и что среда всегда отражается в сознании субъекта как ситуация, включающая, среди прочего, и его собственное состояние [39]. Мысль о субъективном характере средовых воздействий и образа среды сформулирована еще более отчетливо в работах Д. Р. Михайлова, Г. З. Каганова, Д. В. Ольшанского [144; 83; 183]. Оригинальный взгляд на природу среды, выработанный Д. В. Ольшанским, привел к использованию «постсредовых» категорий «психологический образ» жизни и «субъективное пространство жизнедеятельности» [183]. Психологический образ жизни включает в себя систему потребностей, норм и личностного понимания причинности и потому всегда субъективен. Отмечая, что понятие «субъективное пространство жизнедеятельности» близко понятиям «психологическое поле» К. Левина, «жизненное пространство» Э. Брунsvика, «субъект среды» Я. Икссюля, Ольшанский заключает:

«Таким образом, становится ясным, что нельзя говорить о сколь-нибудь объективной среде непосредственного обитания человека. Среда его жизни всегда опосредована его психикой, а следовательно, субъективирована. «Средовой подход» не имеет смысла в своем объективирующем социологическом выражении» [181, 56].

Продолжая методологию субъектного отношения к среде, Ю. Г. Панюкова в качестве неделимой единицы такой репрезентации предлагает «место-ситуацию»: форму репрезентации пространственно-предметной среды жизнедеятельности субъекта, где место характеризует пространственные параметры среды, а ситуация — ее временные параметры [191].

В работах Д. А. Леонтьева и Н. Б. Шкопорова [121; 283] представлена еще одна позиция. Отмечая принципиальную невозможность изучать среду изолированного индивида, Д. А. Леонтьев считает целе-

сообразным использование понятия «жизненный мир», подчеркивая in) целостность и первичность по отношению к функциональным средам. Н. Б. Шкопоров говорит о том, что в реальности между субъектом и средой происходит постоянное взаимопроникновение. Учитывая подвижность этих границ, имеет смысл использовать понятие психологического пространства личности. Таким образом Н. Б. Шкопоров предвосхитил появление основного понятия нашего собственного подхода.

Л. П. Зинченко и И. Ткачиков говорят о том, что в основе оценки дружественности среды и ее осознанного планирования должен лежать учет потребностей человека как основы его любой активности [75; 241]. А позиция О. Калыонди еще более радикальна: в ее работе среда определяется ни много ни мало как «специфическая форма мысли», потому что, исследуя среду, мы имеем дело не с вещами и объектами, которые наблюдаем, но и с субъектом, пользующимся ими вещами [87]. Свойства вещей и среда в целом существуют как всего лишь потенциальные возможности, пока не проявятся субъектом.

Ю. Круусвалл отмечает, что среда в обыденном понимании — это та часть окружающего мира, с которой непосредственно взаимодействует данное существо, и главный вопрос — где проложить границу среды? [105]. Близкая точка зрения на природу среды высказывается также и Т. Райтвийром, который полагает, что среда всегда отсчитывается от субъекта [209]. М. Р. Савченко, описывая средовую картину мира, отмечает, что она не дискретна, а непрерывна: если в объектной картине мира каждый фрагмент равен самому себе, независимо от наличия других фрагментов, то в средовой картине действительность слитна [217]. Таким образом, выделять структуру среды полезно, но этого недостаточно для понимания ее результирующего воздействия.

Подводя итоги научным дискуссиям относительно понятия среды, Ю. Круусвалл и Д. Р. Михайлов констатировали, что ни одной частной дисциплины не достаточно для описания средовых проявлений: метод понимания переводит взгляд от феноменологического и позитивного уровней к метатеоретическому. Понятие «границы» — это первый шаг содержательного понимания «средового субъекта». Вторым шагом служит интерпретация границы как состояния «средового субъекта».

Обобщая современные взгляды на понимание среды, можно заметить радикальный отход от ее понимания как объективной реальности к решающему участию субъекта в создании того образа мира, жизненной среды или психологического пространства, который возникает, основываясь на его потребностях, и включает его самого как часть среды. Субъект и среда находятся в постоянном взаимообмене

информацией и энергией различного содержания. Субъект «вычерпывает» из среды необходимые и доступные ему ресурсы и потому вынужден выстраивать границы между собой, частью примыкающего мира и той реальностью, которая не обладает субъективной значимостью.

Что же касается структуры среды, то здесь тоже нет единого мнения. Все чаще она рассматривается как неделимое единство, как целостность, внутри которой условно можно выделить географическую, предметную (вещную), телесную среду, социум и ноосферу (систему установок и ценностей, идеологию). Целесообразно дать характеристику нескольким составляющим среды, которые выделяются достаточно условно.

Во-первых, говорят о физической среде, включающей природные объекты, искусственно созданные объекты (вещи) и собственное тело человека. Природная среда содержит климат, растительность и другие географические условия. Другой составляющей физических средовых воздействий является тело человека, в котором локализованы во времени и пространстве психологические события. Третья составляющая — это другие объекты (личные вещи, предметы, в случае социального отчуждения — другие люди). Будучи явлениями материальной культуры, они относятся также и к культурной среде. Природная среда, вещи и собственное тело задают измерение пространственности в человеческом бытии.

Физическая среда в целом, согласно К. Франку (K. A. Frank), выполняет три функции:

- 1) поддержка определенных действий и стилей жизни;
- 2) способ выделения индивидуальности;
- 3) поддержка и конкретизация предпочитаемых форм человеческих контактов [329].

Эти функции исключительно важны для формирования психологического пространства личности и межличностных отношений, где роль физической среды проявляется в следующих направлениях:

- а) средовой детерминизм (непосредственное воздействие);
- б) средовой посибилизм (предоставляет возможности и ограничения);
- в) средовой пробабилизм (предоставляет возможности выбора, замедляет или ускоряет реакции, причиной которых среда не является).

Во-вторых, используют понятие «социальная среда» — это семейное и общественное окружение. Выделяют большой и малый социумы;

опыт, приобретенный в малом социуме, определяет особенности поведения в большом. На разных этапах развития жизненная среда изменяет свою значимость: в младенчестве важны природная среда и мамы и социум, затем (с подросткового возраста) начинает доминировать влияние большого социума, в пожилом возрасте вновь становится важным семейное окружение.

И? - т р е т ь и х, выделяют культурную среду, которая содержит систему ценностей, закрепленную в значениях, социальных предметах и знаках. Составляющей культурной среды является также предметный мир, представленный в вещах, которые осваиваются в ходе развития предметной деятельности, когда раскрываются общественно закреплённые функции, для выполнения которых и был создан предмет. Человек по-разному взаимодействует с вещами, и мир вещей во многом отражает мир человеческого духа.

Помимо вещей, культура представлена в системах знаков — чувственно воспринимаемых элементов действительности, выступающих в определенном значении и используемых для хранения и передачи информации. Если знак приобретает аффективно заряженное содержание, которое выходит за его границы, он становится символом (пиктограмма, надписи, подобные вывеске «нет выхода»). Система знаков складывается в язык, служащий средством человеческого мышления, самовыражения и общения.

Нам близко понимание среды как системы взаимодействий человека и мира, для которой М. Черноушек предложил следующие характеристики [274].

1. У среды отсутствуют твердо фиксированные рамки во времени и пространстве.
2. Она воздействует на все чувства сразу.
3. Среда дает не только главную, но и второстепенную (периферийную) информацию.
4. Она содержит всегда больше информации, чем человек способен переработать.
5. Среда воспринимается в связи с деятельностью.
6. Любая среда, наряду с материальными особенностями, обладает психологическими и символическими значениями.
7. Окружающая среда действует как единое целое.

Таким образом, очевидно, что, находясь в одном месте в одно и то же время, люди могут существовать в нескольких средах, что обусловлено символическим смыслом многих средовых воздействий, который открывается только в контексте потребностей личности и ее психологического пространства.

1.3.3. Средовой подход к поведению и личности

Признание фундаментальной роли средовых влияний на развитие поведения и личности привело к образованию в качестве научного направления экологического (средового) подхода, который оформился в США в середине 1970-х годов, а затем распространился и в Европе. Термин «экологическая психология» был введен еще Дж. Гибсоном для объяснения эволюционной роли функции восприятия. В странах бывшего СССР средовой подход получил распространение в Эстонии, а проявления средовых воздействий учитывались в отечественной психологии при изучении практически всех проблемных областей науки.

Основная идея средового подхода — контекстуальность психических проявлений, динамично меняющихся в зависимости от среды. Средовой подход в основном опирается на метод наблюдения и осуждает традиционные лабораторные эксперименты и клинические наблюдения, которые изучают либо психику в искусственных условиях, либо искаженную психику нездорового человека, не обладая достаточной репрезентативностью. Важным понятием экологического подхода является «средовой субъект» — человек, взаимодействующий с выбираемой и создаваемой им средой.

В рамках экологического подхода получены богатые эмпирические данные, раскрывающие связь между средой и находящимся в ней человеком. Условно можно выделить два направления, тяготеющие к «объектному» и «субъектному» рассмотрению человека в среде. Первое сосредоточивается на тех средовых условиях, которые объективно воздействуют на различных людей, зачастую лишая их поведение и сознание индивидуальных проявлений. Раньше других составляющих среды стали изучаться характеристики архитектуры и жилища, призванные удовлетворять потребность каждого живого существа в территории. Представитель «объектного» подхода Роджер Баркер (R. Barker) на основе результатов структурированного наблюдения выдвинул концепцию «места поведения», согласно которой дети склонны вести себя идентично на одной и той же территории, несмотря на очевидные индивидуальные различия [2, 306]. Таким образом, территория деиндивидуализирует человека, навязывая ему паттерны поведения, и потому условием нормального развития индивидуальности является постоянное наличие у человека «укромного убежища». Внутри «объектного» направления рассматриваются общие связи между средовыми переменными и психикой, и роль субъекта здесь весьма незначительна.

Второе направление, «субъектное», признает взаимодействие и взаимопроникновение субъекта и среды, которое также, в свою очередь, изменяется в онтогенезе. Один из сторонников средового подхода Джоаким Вулвилл (J. F. Wohlwill), отмечая изменение меры активности субъекта, предложил четыре модели взаимодействия субъекта и среды: модель «больничной койки», модель «луна-парка», «соревнование пловцов» и, наконец, модель «теннисного мяча» [315]. Чем моложе человек, тем более сильным оказывается воздействие среды; но по мере взросления его субъектность усиливается, и он начинает выбирать или преобразовывать среду сам.

Еще один видный представитель экологического подхода, Урия Бронфенбреннер (U. Bronfenbrenner), предпринял попытку динамического ценностного анализа среды [124, 250]. По его мнению, среда содержит два основных измерения: это виды деятельности, в которые вовлечен человек, и характеристики наставников (учителей), которых он выбирает для себя в течение всей жизни. На разных стадиях развития человек меняет свою среду, причем в течение жизни роль собственной активности в формировании среды постоянно увеличивается. Бронфенбреннер представил модель среды как систему из четырех концентрических структур.

1. *Микросистема* — это структура деятельностей, ролей и межличностных взаимодействий в данном конкретном окружении.
2. *Мезосистема* — структура взаимоотношения двух и более сред (семья и работа, дом и группа сверстников).
3. *Экзосистема* — это среда, в пространстве которой происходят значимые события (круг общения).
4. *Макросистема* — субкультура (ценности, законы и традиции, которым следует человек). Бронфенбреннер полагал, что макросистема играет решающую роль в образе жизни человека, подчиняя себе все «внутренние» системы. Так, понятно, что если в стране не поощряется рождаемость, то ребенок будет расти в условиях материнской депривации, а микро-, мезо- и экзосистемы могут оказаться недостаточными, чтобы это компенсировать. С другой стороны, независимо от частных внешних условий, основные составляющие образа жизни и мировоззрения сохраняются в субкультуре.

«Субъектное» направление наиболее последовательно представлено в «Концепции приватности» Ирвина Альтмана (I. Altman), которая подробно разбирается в следующем разделе [302-304].

В рамках экологического подхода среда рассматривается не как нечто объективное, внеположное внутреннему миру человека, а как реальность, обеспечивающая удовлетворение потребностей человека и подлежащая присвоению, персонализации (одноименная концепция Мати Хейдметса также рассматривается ниже). Присваивая и контролируя часть среды (территорию, вещи, социальные связи), человек обеспечивает свою безопасность и условия дальнейшего развития. Таким образом, среда в рамках экологического подхода — это не только материальное, но и психологическое явление, потому что она всегда презентирована познающему и обладающему потребностями субъекту.

1.3.4. Природные и архитектурные детерминанты психики и поведения

Остановимся на некоторых эмпирических результатах, полученных в русле экологического подхода. Переменными, которые, оставаясь «за скобками» осознания, все же действуют на поведение и межличностные отношения, являются природная и архитектурная среда. В нашей стране воздействие природной среды на психику человека изучалось в работах Б. А. Душкова, предлагающего новое направление — географическую психологию, целью которой является выявление связей между человеком, окружающей его природной средой и обществом [70, 71]. Этот автор рассматривает воздействие таких переменных как природные ритмы, стихийные бедствия и психологические изменения человека в особых природных условиях. В более поздних работах Б. А. Душков разработал классификацию типов личности, народов и эпох.

В психологии среды изучается также городское пространство как искусственно созданная среда. Рассматривая общекультурное значение архитектуры, А. С. Ахиехер отмечает, что в постиндустриальном обществе воспроизводство среды есть часть воспроизводства самого общества, и в пределе, персонифицируя среду, человек начинает бережно к ней относиться [15]. О. Калыонди объясняет силу воздействия архитектурных раздражителей с точки зрения нейропсихологии, обращая внимание на роль правого полушария в пространственной ориентации [86].

Р. Ф. Ибрагимбекова, рассматривая архитектуру как средство гармонизации отношений между человеком и окружающей средой, изучала особенности эмоционального восприятия вертикали и горизонтали [79]. Мифология и этология подтверждают, что, будучи воспринятой в результате движения взгляда вверх, вертикаль порождает

положительное эмоциональное сопереживание, а вниз — негативное. В эмпирическом исследовании группы из 524 студентов различных национальностей расфокусированно предъявлялись различные архитектурные сооружения и ландшафты. Обнаружилось, что присутствие вертикалей действительно при восприятии архитектурных и природных объектов оказывается ключевым признаком и кросс-культурной инвариантой.

Другие единицы архитектурного пространства предложил выделить А. В. Крашенинников [103]. Микропространство включает «персональное пространство», которое определяется «размером» (длинной-шириной), открытостью-закрытостью (границами), положением людей и направлением взаимодействия (ориентацией). В качестве алиментов городской среды по степени возрастания человеческой свободы можно выделить Нишу, Угол, Стену, Узел и Площадь. Стандартизированная среда способствует публичности (подвижным играм, пешеходным прогулкам, хозяйственной деятельности), в то время как персонализированная среда — тихому отдыху, ожиданию и наблюдению. Делается вывод о том, что многие человеческие потребности и в столичном городе остаются депривированными.

Особая роль в жизни поселения принадлежит центральной площади. А. В. Степанов оценивает ее как пространство конфликта, потому что она создает поле притяжения (там расположены дворец, храм, происходит торг), занимает ключевое положение в планировке города и обладает большой вместительностью [236]. А. Е. А. Борисевич, изучая функции центра города, отмечает, что в нем «сгущены» социально значимые отношения, потому что при продвижении к центру увеличиваются целенаправленная деятельность, время прерывания и общее количество поведенческих актов на одного человека [22].

Очень многие исследователи изучают структуру и функции дворов и придомовых участков. Так, Д. Р. Михайлов рассматривает двор как временную городскую структуру: внутри двора нет границ, он пуст, и появление границ превращает двор в улицу, исчезновение границ улице — во двор [144].

Г. И. Полторак, изучая динамику освоения нового района, обратил внимание на динамику общественного и индивидуального [199]. Общественное озеленение очень скоро приводило к индивидуальному захвату придомовых участков, затем — оттоку других жителей от общественных, но уже захваченных территорий, и, наконец, отгораживанию участков, юридически продолжающих оставаться общественной собственностью, что, на наш взгляд, выражает естественное желание человека иметь личную территорию.

Многие исследователи солидарны в том, что современная городская архитектура упрощает поведение, что она недружественна к человеку [202]. Эта мысль не нова: еще К. Лоренц отмечал, что современная архитектура, заменяющая людям природную среду, подобна раковым опухолям (спальный район — это множество одинаковых строений), а в переводе на язык науки это означает потерю информации [129]. Отсутствие гармонии, в частности, редкость «золотого сечения» в современных постройках, приводят к тому, что человек не может восстанавливать свой психознергетический ресурс.

Н. Е. Прянишников и В. М. Петров полагают, что архитектурная среда способна влиять на межличностные отношения человека, причем двояким образом:

- 1) через организацию общего мироощущения человека, стимулирующего или ограничивающего потребность в межличностной коммуникации;
- 2) через создание практических возможностей для подобной коммуникации [204].

Закон Зипфа, согласно которому маленьких поселений много, а крупных городов мало, свидетельствует о том, что естественно складывающаяся архитектура стремится законсервировать традиционные формы общения (как в поселках, а не как в столице).

Некоторые исследования сосредоточены на особо опасных фрагментах города — так, А. Лукетон-Сидерис (A. Loukaiton-Sideris) и Р. Лиггетт (R. Liggett) изучали влияние городской среды на преступность на автобусных остановках [362]. Частные проявления зависимости общения от городской среды изучались также Е. Э. Павловской, К. К. Хачатрянцем, Д. В. Николаенко и другими исследованиями [188, 267, 178].

Значительное место среди средовых исследований занимает изучение феномена соседства. В последнее время наблюдается ренессанс идеи соседства, но уже не столько в физическом, сколько в социальном смысле. Дж. Лансинг (J. B. Lansing) полагает, что соседство — это важная жизненная среда современного человека, способствующая его самоидентификации посредством эмоциональной привязанности к дому и местной социальной группе и обеспечивающая ему систему психологической поддержки [356]. М. П. Таут считает, что требования к пространственным условиям соседского взаимодействия включают активное использование придомовой территории для отдыха и общения; бесконфликтное распределение на территории различных по характеру видов деятельности; создание условий для соседских контактов; идентификацию жителей с пространством;

"Г"ношение к нему как к безопасному; исключение условий вынужденного общения; ограничение степени контроля со стороны соседей [241].

Л. М. Раудсепи, отмечая противоречивые тенденции урбанизации (которые благоприятны для креативности, доверия и толерантности, но одновременно приводят к поверхностным контактам, индивидуализму, отчужденности, распаду территориальных общностей, ослаблению родственных и соседских связей, аномии), также придает большое значение соседским отношениям [212]. Специфика соседских и шммоотношений (сочетание пространственной близости с психологической дистанцией, ежедневной доступности с субъективной малозначимостью) делает их важным психотерапевтическим фактором — буфером при стрессах, ресурсом в кризисных ситуациях, компенсацией при дефиците общения. Раудсепп сформулировал и главные правила соседского поведения: это регуляция взаимных услуг (норма дружелюбия) и регуляция психологической дистанции (уважение приватности). По мнению другого исследователя, К. Франка (K. D. Frank), развитию соседских контактов способствуют три фактора: функциональная зависимость, наличие других связей, помимо пространственных, и отсутствие альтернатив. Кроме того, соседство прочнее в случаях социально-демографической гомогенности [329]. (оседство, однако, несет поддерживающую функцию только в тех случаях, где требования среды не превышают индивидуальных возможностей, то есть социальная среда соответствует личности, а преимущества общения превышают его издержки. Одновременно отмечается, что в ответ на экологический стрессор (например, загрязнение) питегированность жителей всегда возрастает.

Итак, описывая различные подструктуры городской среды, большинство исследователей в качестве ключевой переменной рассматривают возможность субъекта ограничивать и контролировать воздействие этих структур.

Полученные в исследованиях психологии городской среды и жилища факты пытались использовать в процессе моделирования жилого пространства. Однако социологические исследования Дж. Лансинга (J. B. Lansing) и архитектурные опыты М. Пинсона (M. Pinson) привели к выводу, что создать социальную гармонию на локальном уровне и средовыми средствами невозможно, так как физическая среда лишь модифицирует форму проявлений социальных взаимодействий. !>ю доказывает также недостаточность объектного подхода к человеку и среде и плотную подводит к необходимости субъективизации | родового подхода, внесения корректив в образ среды и мира исходя из качеств, установок и потребностей живущего в среде субъекта.

1.3.5. Исследования домашней среды

За рубежом, а также и в отечественной психологии, широко обсуждается вопрос о среде повседневной жизнедеятельности ребенка и ее развивающей роли. Так, П. Гамп (P. Gump), анализируя среду детских учреждений в рамках концепции места Р. Баркера, сравнивал поведение детей в традиционных и «открытых», в маленьких и больших школах, а также в университете [336]. Результаты включают критерии дружественной среды и могут быть перенесены также и на российскую культуру. А. Готтфрид (A. Gottfried) посредством пятилетнего лонгитюда исследовал роль средовых параметров в когнитивном развитии ребенка [315]. Его внимание было направлено на следующие переменные: влияние возраста на зависимость между домашней средой и когнитивным развитием, стабильность среды в познавательном развитии ребенка, социально-экономический статус и образование матери. Исследования проводились на разных выборках, включая мексико-американских детей, недоношенных и растущих в семьях различного экономического уровня. Оказалось, что особенно сильно на познавательное развитие влияли вариативность стимуляции и плотность заселения, причем зависимости оказались самыми сильными у дошкольников.

Другие эмпирические исследования, в частности, Х. Хефта (H. Heft) привели к признанию в качестве необходимых таких характеристик среды жизнедеятельности ребенка, как наличие а) убежища от сверхсильной стимуляции, б) ответоспособных игрушек и в) предсказуемости шума — то есть достаточной информации, чтобы прогнозировать изменение средовых условий, в частности решений взрослых [340]. Можно сформулировать также требования, предъявляемые к дружественной физической среде ребенка, включающей механические и неживые вещи. Здесь Хефтом установлены следующие закономерности:

- 1) доступность игрушек связана с успешностью выполнения задач;
- 2) разнообразие связано с моторным развитием и предпочтением новизны;
- 3) «ответоспособность» вещей также содействует моторному развитию и предпочтению новизны;
- 4) младенцы предпочитают ответоспособные игрушки (с латентной функцией), а заводные игрушки с фиксированной функцией психологически бессодержательны.

В отечественной науке также обращается внимание на возможности оптимизации средовых условий жизни ребенка, однако пока еще

на уровне постановки проблем. Так, И. И. Лучкова сформулировала практические вопросы: Нужно ли физически или условно (цветом) > i: Идея комнаты для двух детей? Стоит ли расставлять мебель в центре п освобожда-ть окна и стены? Как взаимодействует человек с искусст-1 k m i пой зеленью? Все эти переменные рассматриваются как ресурсы естественного сано-генного поведения детей [133].

Поскольку среда включает в себя не только дискретные объекты, по и фон жизнедеятельности, существует проблема установления контроля над фоном. Отмечается фоновая роль телевидения, которое уменьшает количество социальных контактов, обеспечивая способ бегства детям с проблемами приспособления (можно аппроксимировать эти выводы и на использование персонального компьютера).

Социальная среда ребенка, включающая родителей, братьев и сестер, бабушек и дедушек также контролируется взрослыми, и поэтому сильное влияние на когнитивное развитие детей имеет предсказуемость и упорядоченность как форма контроля со стороны ребенка. Можно предложить ряд норм и правил, которые должны поддерживать порядок в общении: взрослые и дети имеют дома территории, которые используются в качестве «заповедника»; признается право каждого на приватность и допускается бегство от сверхсильной социальной стимуляции. Для маленьких уединение — это защита от шума и других членов семьи. Приватность имеет значение и в процессе полоролевой социализации (закрытие дверей спален, ванной).

Обобщая результаты эмпирических исследований, нужно отметить, что, действительно, пространственно-предметная среда определяет качество взаимоотношений между людьми (с точки зрения активности-пассивности в общении, формирования-распада групп, открытости-замкнутости, конфликтности-слаженности). В тоже время разные типы отношений «требуют» или реально формируют определенные средовые условия, то есть между человеком или группой существуют взаимодействие и взаимовлияние, демонстрируя таким образом способность сложной системы «человек в среде» к самоорганизации.

Итак, экологический подход в качестве движущей силы психического развития рассматривает среду, которая изменяется в соответствии с развивающимися потребностями человека, является источником стимуляции и средством раскрытия человеческих способностей. Сильными сторонами экологического подхода являются его системность и контекстуальность, внимание к естественным закономерностям онтогенеза, свобода от манипулятивных приемов лабораторного исследования, постановка проблемы экологической валидности психологических экспериментов. Недостатками же являются противоречивость эмпирических данных и несколько натуралистическое толкование

среды, понимаемой все же не как источник, а как обстановка развития [191].

Т. Нийт в своей критике средового подхода справедливо указал на чрезмерность его позитивистской ориентации, в силу чего оказались потеряны реальные социальные отношения, потому что:

- 1) люди рассматриваются как объекты;
- 2) социальные действия и события объясняются еще не доказанными законами;
- 3) факты считаются нейтральными [176].

Преодоление этих ограничений возможно только благодаря сближению и взаимопроникновению наук, попыткам объединения психологии среды и психологии субъекта, способствующего идиографизации средовых воздействий, одним из примеров которого можно считать развиваемую нами концепцию психологического пространства.

Глава 2

ДИАЛЕКТИКА И ЭМПИРИКА: СУБЪЕКТ В БЫТИИ

Краткий анализ наиболее дружественных автору теорий личности и экологических исследований показал, с одной стороны, недостаточность строго личностной и строго средовой парадигм в изучении многих проявлений человеческой психики, а с другой, — обнаружил их дополнительную и встречное движение. Результатом этого движения явились компромиссные подходы: концепция приватности Ирвина Альтмана, концепция персонализации пространства, наиболее последовательно обоснованная Мати Хейдметсом, а также экологическая семиотика Альфреда Ланга. И поскольку действительность богаче ее теоретических описаний, нам показалось полезным привести ряд эмпирических исследований в области искажения и нарушения повседневного бытия человека, которые, не обладая высокой степенью обобщенности, все же демонстрируют неразделимое единство разных проявлений человеческого бытия, взаимодействие и взаимозаменимость разных языков его выражения [268-271, 353-355].

2.1. Теория приватности

Приватность — это междисциплинарное понятие, применяющееся в экономике, юриспруденции, праве. Первоначально оно обозначало право на личную собственность (с уважения которой, как считал Гегель, начинается уважение личности). Позже приватность стала включать также «личное дело», «частную жизнь», опыт сепарации от физической и социальной среды, личный контроль над обстоятельствами своей жизни, ответственность за совершаемые выборы и просто экономическую и информационную безопасность. Существенная сторона сохранения приватности — это защита от надзора, контроля, наблюдения (*surveillance*).

2.1.1. Приватность как психологическая категория

В отечественной психологии личности важность понятия приватности долго недооценивалась (примечательно, что в то же время категория свободной воли в советской философии была чрезвычайно популярна, как бы узаконивая тот примечательный для российской ментальное™ факт, что узоость средовых и экономических условий жизни человека может компенсироваться его внутренней свободой)¹.

На Западе же исследования приватности отвечали высокому социальному запросу. Главная цель современного человека, как ее формулировал М. Фуко, — это наблюдать, оставаясь невидимым [262]. А. Зиммель полагал, что приватность тесно связана со всей системой человеческого взаимодействия и ценностей: «Если изменится приватность, изменится сразу очень многое», — писал он [387, 71].

Приватность в Европе и США считается очень важным понятием: ведь центральная мысль западной психологии развития состоит в том, что каждый ребенок, для того чтобы вырасти в успешного взрослого, должен в ходе своего взросления располагать автономией, чувством компетентности и уверенностью в поддержке окружающих. Иначе говоря, приватность во взрослом состоянии обеспечивается тем, что ребенок изначально получает ее от взрослых «авансом» и растет с привычкой к ее уважению.

Средовой подход и теория приватности могут быть в самом общем виде соотнесены следующим образом. Среда, будучи объективной, влияет в первую очередь скорее на индивид, чем на личность. Субъект же способен выстраивать психологические границы, модулируя и индивидуализируя воздействия среды в контексте своих потребностей и чувствительности к воздействиям. Та буферная область между субъектом и средой, в зоне которой возможно преобразование средового влияния, и называется приватностью. В самом общем виде приватность — это «личное дело», опыт сепарации от физической стимуляции и социального окружения, способность контролировать обстоятельства своей жизни, возможность выбора и ответственности за него.

Первоначально, однако, понятие это использовалось в узком смысле и предполагало в основном возможность изменять через интен-

• шность контактов социальную «доступность» субъекта. Автор наиболее систематического и полного исследования приватности И. Альтман считал необходимым опираться в изучении этого явления на социальный контекст (*social-systems*) данного человека, а также на особенности его личного пространства и проявления территориальности. Он рассматривал приватность в основном поведенчески, используя при ее изучении объективные методы и настаивая на том, чтобы исключить из круга рассматриваемых явлений чувства и установки. Однако историческая справедливость требует признать, что (к м работ Альтмана приватность не могла быть позже осознана как важнейший фактор развития и благополучия человека.

Приватность (*privacy*) — это центральный регуляторный процесс, посредством которого персона или группа изменяет свою открытость другим, селективный контроль доступности человеческого «Я», синтез стремления быть в контакте и вне контакта с другими; это процесс установления межличностных границ, который, подобно клеточной мембране, открывает или закрывает субъекта для общения [302].

Приватность можно определить и в информационных терминах как процесс ввода (*input*) и вывода (*output*) информации; при этом важно, что именно отдается и что приобретает. Несколько иначе приватность можно описать как диалектический процесс поиска взаимодействия и его ограничения (*restriction*), установление баланса между открытостью и закрытостью, процесс оптимизации общения применительно к текущему моменту (если человек стремится иметь «50 единиц контактов», то для него неудовлетворительны и 0, и 100 единиц). Таким образом, просто высокая приватность — это уединение, м вынужденное заточение — уже одиночество. Это определение дано м контексте коммуникаций человека и описывает в основном качества его общения. Обратим внимание на то, что в ранних исследованиях подчеркивается процессуальность, а не субстанциальность приватности — в какой мере, а не по отношению чему она устанавливается.

Остановимся еще на нескольких дефинициях. Многие авторы рассматривали приватность с точки зрения качества контактов. Д. Бейтс (А. Bates) считал, что это уверенность человека, что другие могут быть отстранены от чего-то, что касается только его, и признают это право [308]. Ф. С. Чапин (F. S. Chapin) понимал приватность как уровень способности быть самим собой и избегать давления со стороны других, А. Кира (А. Kira) — как избегание общения и вторжения через визуальные, аудиальные и другие каналы [313, 347].

Другие исследователи основой приватности считали контроль открытости-закрытости. Так, А. Ф. Уэстин (А. F. Westin) полагал, что

¹ В. Даль в 1882 году определял слово «приватный» так: «Приватный латн. Частный, особенный, личный, домашний; пртвпл. Общий, общественный; гласный, народный-казенный, служебный» [167, 281].

В словаре Д. Н. Ушакова находим: «Приватный [от латин. *privatus* — частный]. Частный, не общественный (устар.)... Неофициальный, ведущийся не в официальном порядке (устар.) [245, 767].

это право индивида решать, какая информация и при каких условиях может быть передана другим людям, А. Рапопорт (A. Rapoport) — что это способность индивидуума контролировать взаимодействие и располагать средствами предотвращения нежелательных и достижения желательных контактов [401, 380]. А. Зиммель (A. Simmel) считал сущностью приватности контроль над стимулами, поступающими от других, и способность сепарироваться от них, Е. Шиле (E. Shils) — контроль над движением информации сквозь границы между отдельными людьми, а также между человеком и группой или между группами, Х. М. Прошанский (H. M. Proshansky) — максимизацию свободы выбора и контроля над своим поведением [387, 386, 357]. Таким образом, основой приватности оказываются либо категории, описывающие социальную динамику, либо качества контроля, свободы и ответственности, то есть субъектные свойства личности.

Еще более близкое нашему подходу понимание приватности мы находим в работах последовательницы И. Альтмана Максин Вольфе (M. Wolfe), которая в трактовке обсуждаемого понятия сделала серьезный шаг от средовой парадигмы к гуманистической [402]. Отмечая тот факт, что приватность может быть определена в понятиях экологической и физической собственности, она выделяет два ее элемента в качестве основных и необходимых: 1) регуляцию взаимодействия; 2) регуляцию информации. Последнее отвечает потребности обладать личной, «неразделенной» информацией, например, находиться в таком месте, о котором никто не знает, что человек может там быть.

2.1.2. Функции и параметры приватности как регуляторного процесса

Приватность выполняет важные задачи в структуре личности, самосознания и поведения человека. А. Ф. Уэстин считал, что приватность служит следующим целям: 1) установлению личной автономии; 2) эмоциональному расслаблению; 3) самооценке и построению планов; 4) поддержке и ограничению коммуникаций [401]. Таким образом, общее предназначение приватности состоит в усилении саморегуляции человека, поддержании и укреплении его психического здоровья и психологического благополучия.

И. Альтман функции приватности понимал несколько иначе. Он полагал, что они включают в себя а) регулирование контактов между персоной и социальным миром, б) средство связи между «Я» и социальным миром (*interface*, принятие ролей, построение планов и стратегий обращения с другими), в) самоопределение и поддержа-

ние признаков личной идентичности [302]. То есть приватность служит оптимизации общения, селекции контактов с другими людьми, определению интенсивности взаимодействия и уточнению Я-концепции во всех ее модусах, что происходит в процессе установления границ между областью приватности действующего и общающегося субъекта и приватностью других.

Но не только для общения важна приватность: она представляет собой способ создавать и защищать собственное *Self* и потому необходима для сохранения автономии и личного достоинства человека. Основное положение работы М. Вольфе состоит в том, что количество и форма переживаемой приватности определяют качество жизни во всех проявлениях [402]. Обобщая эти функции, можно заключить, что приватность служит возможности избегать манипуляций, переживанию чувства интегрированноеTM и независимости, то есть достижению личной автономии и подлинности бытия.

Выделение конкретных качественных и количественных параметров приватности различается у разных авторов. Так, А. Ф. Уэстин выделил четыре типа приватности:

- 1) одиночество (*solitude*) — когда человек полностью один и свободен от воздействия со стороны других;
- 2) интимность (*intimacy*) — если человек находится в малой группе, например с мужем;
- 3) анонимность, потерянности в толпе (*anonymity, «lost in a crowd»*) — когда человек находится среди незнакомых и не хочет, чтобы его узнавали;
- 4) «заповедник» (*reserve*) — когда человек скрывается от общения и намеренно возводит психологические барьеры [401].

Отечественная исследовательница А. В. Бурмистрова, осуществившая системный анализ проявлений приватности на российской выборке, выявила также пятый тип, «творчество», и дополнительные стратегии ее обретения — «ведение дневника» и «занятия спортом» [34].

Р. С. Лауфер (R. S. Laufer), Х. М. Прошанский (H. M. Proshansky) и М. Вольфе (M. Wolfe) при описании проявлений, динамики и развития приватности считали целесообразным выделить следующие ее факторы:

- 1) сила Эго (*self-ego dimension*), то есть личностное развитие подразумевает и рост личной автономии;
- 2) качество взаимодействия (*interaction*);
- 3) жизненный цикл (*life-cycle*), то есть уровень и содержание приватности меняются в онтогенезе;

- 4) биографичность (*biography-histoiy*), подразумевающая, что вследствие каких-то жизненных событий возможно изменение сензитивности к сохранению приватности;
- 5) контроль и свобода выбора (*control and choise*), которые также приводят к повышению приватности и одновременно обуславливаются ею;
- 6) обусловленность средой и культурой (*ecology-culture*)
- 1) ориентация на задачу (*task orientation*)-,
- 8) ритуализация (*ritualprivacy*), то есть указание на то, что типично совершается вне публичных мест;
- 9) феноменальность (*phenomenological dimension*) — указание, что приватность, в отличие от точки зрения И. Альтмана, это не только поведенческое явление, но и уникальное психологическое переживание (*unique psychological experience*) [357].

Кроме того, можно говорить о желаемой приватности (субъективно оцениваемом состоянии идеального взаимодействия) и достигнутой (актуальном уровне контактов). Оптимально положение дел, при котором оба аспекта совпадают, но это достигается нечасто, в других же случаях человек переживает психологический дискомфорт.

Поскольку приватность в течение долгого времени изучалась посредством наблюдения объективного человеческого поведения, направленного на желаемое преобразование среды, то И. Альтман выделил несколько форм такого преобразования.

1. *Дистанция* — поддержание во время общения определенного относительно стабильного расстояния между собой и другим человеком и соответствующая организация мест общения. Дистанция линейна и одномерна (ближе-дальше).
2. *Личное пространство* — сфера вокруг тела человека, внедрение в которую приводит к переживанию дискомфорта (введенное Эд. Холлом и Р. Соммером понятие *invisible bubble*). Личное, как и пространство вообще, трехмерно, и включает некоторые области перед, за, справа, слева, под и над субъектом.
3. *Территориальность* — контроль и управление со стороны человека, в том числе и дистантное, определенным местом, территорией, объектом, структурирование среды на «свои» и «чужие» части.
4. *Персонализация среды* — включение некоторого места или объекта в сферу своего «Я», экспозиция с его помощью себя другим и наделение символическими маркерами собственного владения этим местом.

Приватность может затрагивать разные социальные группы, таким образом приобретая коллективные качества (что позволяет проводить параллели между личной и социальной идентичностью). Внешние проявления стремления к приватности разнообразны, среди них можно выделить:

- а) вербальное и невербальное поведение (содержание текста, стиль речи, избирательность обращений, акценты и диалект, динамику голоса, временные характеристики — замедление или ускорение, паузы, тембр голоса, вокализации, крики, язык тела);
- б) ограничение личного пространства;
- в) территорию, владение (*possession*) и использование областей и объектов в географическом районе;
- г) культурные механизмы (ценности, нормы, стили поведения).

Примечательно, что в целом эти проявления идентичны вербальным, невербальным и средовым способам коммуникации, напоминая о генетическом родстве психологии приватности и общения.

Основное методологическое допущение теории приватности, заимствованное ею из проксимики, состоит в том, что социальная, психологическая и пространственная близость рассматриваются как связанные между собой и потому взаимообратимые, то есть каждое событие, каждый «квант» взаимодействия субъекта с другими, характеризующийся определенной мерой психологической близости к общему опыту, предполагает также совершенно определенную пространственную близость [303]. В случае расхождения этих параметров один или оба участника общения переживают нарушение приватности.

В соответствии с методологией средового подхода для изучения приватности И. Альтманом использовались следующие *приемы и техники*

1. *Моделирование* — размещение фигурок людей относительно друг друга (*figure-placement task*).
2. *Лабораторный метод* — изучение дистанции в искусственных условиях.

¹ Для доказательства основных идей своей собирательной теории «от противного» И. Альтман также широко изучал объективными методами явления стесненности (*crowding*) и плотности (*density*). Стесненность — это социальные условия, при которых механизмы приватности не могут быть эффективными, и социальные контакты нарушаются; плотность — это объективная перенаселенность.

3. *Прямые техники* (использование ситуаций, прямое наблюдение, фотографирование).
4. *Опросники и самооценочные методы*, которые использовались И. Альтманом на поздних этапах развития теории.
5. Объективные критерии (измерение «событий» среды, подобных открыванию-закрыванию дверей или количеству случаев стука в дверь) [302, 303].

Все эти методы использовались при изучении поведения в домашней среде и в особых условиях, например, в тюрьме, психиатрической больнице или в игровом пространстве детей.

2.1.3. Дистанция и личное пространство

Обратимся к частным исследованиям и выводам И. Альтмана. По результатам своих эмпирических изысканий он выделил следующие факторы, воздействующие на личное пространство: *индивидуальные* (пол, возраст, социально-экономический статус, раса), *личностные* (творчество, интеллект, потребность достижений и общения, личностные нарушения, физическое состояние), *межличностные* (аттракция, множественные межличностные воздействия, структура группы) и, наконец, *ситуационные* — функции и задачи группы, в которой находится субъект.

Индивидуальные вариации в организации личного пространства особенно проявились при изучении патологии личности. Так, М. Горовиц (M. J. Horowitz), Д. Дафф (D. F. Duff) и Л. Стрэттон (L. O. Stratton) под маской теста на равновесие предлагали больным шизофренией приблизиться либо к вешалке для шляп, либо к человеку [342]. Обнаружилось, что они подходят ближе к вешалке, и при этом вариативность дистанции была намного выше, чем у здоровых.

Р. Соммер (R. Sommer), изучая предпочтительность размещения вокруг стола, обнаружил, что шизофреники предпочитают размещаться по диагонали и прямо напротив ведущего, в то время как здоровые люди независимо от положения экспериментатора склонны занимать места по углам стола или в промежутке между углами, причем также отмечалось, что у больных выше вариативность [389]. Этот результат можно интерпретировать как повышенную полезависимость больных людей, склонных свое положение «отсчитывать» от психолога, а не полагаясь на собственное представление об удобстве, как это чаще происходит у здоровых. Л. Вайнштейн (L. Weinstein), применяя тест размещения фигур, заметил, что дети и подростки с поведенческими нарушениями устанавливают дистанцию между фигур-

нами больше, чем здоровые, и также проявляют большую вариативность [399]. Кроме того, показано, что большую дистанцию устанавливают здоровые, но психологически травмированные или находящиеся в состоянии высокой тревожности люди.

Интересно, что не только опыт травмированности стимулирует увеличение дистанции, но и тенденция вторгаться в пространство других людей (впрочем, согласно теории цикла насилия, травмированность — насилие рассматриваются не как противоположности, а как единство). А. Кинзел (A. S. Kinzel), исследуя разные группы правонарушителей, показал, что насильники устанавливают особенно большие буферные зоны, не позволяя приблизиться к себе [346]. По другим данным, большую дистанцию устанавливают также и другие группы агрессивных преступников. Таким образом, психическая и социальная патология ведет к увеличению: а) дистанции по отношению к другим, б) вариативности этой дистанции. Если интерпретировать эти результаты в терминах границ и приватности, можно сказать, что наличие патологии сочетается с низкой прочностью и высокой подвижностью личностных границ, которые не в состоянии обеспечить человеку необходимую приватность, что и побуждает его в качестве единственно возможной защиты по крайней мере увеличивать дистанцию.

Увеличение дистанции отмечается также в среде здоровых людей по отношению к тем, кто отмечен какой-либо аномалией или особенностью — эпилепсия, ампутация, психическая болезнь также вызывают непроизвольное отторжение, по-видимому, обусловленное инстинктивной негативной реакцией на «иное».

И наконец, важная переменная дистанции — пол взаимодействующих людей. Среди взрослых, как правило, лица различного пола размещаются ближе друг к другу, чем одного пола. Оба пола реагируют на внедрение в личное пространство, но при этом мужчины более чувствительны к нарушению своих границ. Смешанные пары также слабее раздражаются на вторжение извне, чем однородные, чисто мужские или женские. Дж. Кюте (J. L. Kuethe), изучая заключенных-гомосексуалов мужского пола, заметил, что они размещают фигурки мужчин ближе, чем разнополые, как это чаще бывает в группе здоровых адаптированных людей [351].

Обобщая результаты многочисленных исследований, И. Альтман констатировал следующее:

- 1) люди с внутренним контролем склонны устанавливать большую дистанцию, чем экстерналы;
- 2) лица с высокой самооценкой и низкой авторитарностью склонны допускать других ближе, чем авторитарные с низкой самооценкой;

- 3) люди с высокой самооценкой допускают других ближе в ситуации моделирования, а в лабораторном эксперименте — нет;
- 4) люди с расовыми предрассудками, в отличие от их не имеющих, размещают фигурки дальше друг от друга;
- 5) люди с ясными границами своего тела допускают более близкую дистанцию;
- 6) первые дети в семье допускают себя ближе к отцу и дальше по отношению к матери и братьям-сестрам по сравнению со вторыми и последующими детьми, у которых меньше предпочтений;
- 7) лица с высокой аффилиативностью склонны размещаться ближе к другим, чем недружелюбные.

Поскольку физическое размещение в пространстве, согласно методологии И. Алтмана, отражает межличностные отношения, можно ожидать изменения дистанции и в зависимости от эмоциональной близости. И действительно, показано, что положительные отношения сочетаются с близкой межличностной дистанцией и меньшей зоной личного пространства. Верно и обратное: люди с небольшой дистанцией рассматриваются как находящиеся в хороших отношениях, что подтверждается и результатами теста размещения фигур.

Наряду с изучением дистанции изучались и реакции на нарушение личного пространства. М. Лейбман (M. Leibman) выделил три типа насилия (*violation*) над личным пространством: чрезмерно близкая физическая дистанция, неудобное или несоответствующее положение тела и поведение, которое проявляется в чрезмерной символической интимности [332, 360].

Личное пространство динамично, и, в зависимости от смысла ситуации, если дистанция оказывается слишком большой; человек может приближаться (*lean*), если слишком маленькой — отдаляться (*leaning away*).

2.1.4. Территориальность и ее проявления

Если личное пространство контролируется посредством установления дистанции «от себя», то есть изначально эгоцентрично, то следующая форма проявления приватности, территориальность, подразумевает отрыв от места нахождения субъекта. Вероятно, личное пространство может быть рассмотрено как более простой и онтогенетически ранний вариант территориальности. В развитой форме такое проявления приватности обозначает фиксацию некоторого участка, определения на нем норм поведения и контроля за их соблюдением. Фиксированными территориями (которые не входят в личное

пространство человека, а вынесены за его границы) могут быть дом человека, его рабочее место, больничная койка, полка купе и т. д.

Истоки территориальных проявлений мы можем найти в поведении других, помимо *Ното*, видов, и хотя человеческое поведение более вариативно, сравнение показывает много общего. Так, поскольку у животных меньше ролей (самец, лидер, родитель), и они объединяются в малые группы, то вариативность территориальных проявлений у них также меньше — у людей же ролей больше, и они могут входить как в малые, так и в большие группы. Различны и мотивы, (связанные с территориальностью: у животных — это биологические потребности (физическая безопасность, брак, питание), у людей — социальные (социальные роли, обозначение границ «своих» и «чужих»).

Неодинакова также природа территории: у животных способ удовлетворения потребностей определяет только география, у людей же появляются искусственно построенные жилища, и потому территориальность более вариативна по физическому размеру, функциональной сложности и размещению — например, дом и офис. Различно обозначение территории: у животных это происходит посредством дефекации, уринации и вокализации, у людей, как правило, символически — посредством размещения личных вещей, использования табличек, перегородок, дверей.

Животные и человек по-разному отвечают и на территориальное вторжение. Животные используют предупреждающий сигнал, агрессивное поведение и угрожающие движения (*threatening movements*). Человек выстраивает границы не только физическими и социальными средствами, но и символически: вербально, экспрессивно, пантомимически; физическое воздействие среди людей чаще демонстрируется метафорически. Следовательно, человеческое поведение более вариативно, у людей — тоньше нюансировка территориальности и ярче ее социальный смысл [302, 303].

Важную информацию о фундаментальности территориальных проявлений мы находим в работах социобиологического и нейрологического направлений. По мнению Р. Эрдри (R. Ardrey), территориальность представляет собой «открытую» программу инстинктов, которая имеет эволюционное происхождение и модифицируется у человека под влиянием социокультурных воздействий [306].

А. Х. Эссер (A. H. Esser) связывает территориальность с локализацией ее управления в головном мозге [326]. Он выделяет три системы мозга:

- 1) биологический мозг (ретикулярную формацию и наиболее древние части), отвечающий за элементарное социальное поведение и базовое самосохранение;

- 2) социально-эмоциональный мозг (лимбическую систему), отвечающий за социальный уровень;
- 3) интеллектуальный мозг (*neocortex*), отвечающий за взаимодействие со средой.

"на 1 •

Территориальное поведение в основном регулируется первой и второй составляющими, следовательно, это взаимодействие коры и инстинкта, то есть результат констелляции врожденного и приобретенного.

А. Р. Уилсон (A. R. Wilson), ссылаясь на работы Т. Лири, также считает территориальность важнейшим регулятором человеческого поведения [253]. Указывая, что существуют идентифицированные нейробиологические программы территориального поведения («второй нейробиологический контур»), он рассматривает территориальность как коррелят эмоциональности и доминирования, в том числе и социального.

Явление человеческой территориальности начало привлекать к себе внимание уже в 1920-1930 годы. Определения вначале были преимущественно описательными. Так, В. Барт (W. H. Burt) определял территорию как дружественную часть жилища или область вокруг него, по которой животное может беспрепятственно передвигаться [311]. Г. Гедигер (H. P. Hediger) полагал, что территория — это географический участок, на котором животное живет и который оно защищает от вторжения других особей [339]. К. Карпентер (C. R. Carpenter) исходил из того, что территориальность — это сложноорганизованная поведенческая система, которая может быть описана в пространственно-временных понятиях [312]. Г. МакБрайд (G. McBride) считал, что территории — это фиксированные географические участки, которые защищаются от вторжения других особей и необходимы для спаривания, питания и гнездования или постройки жилищ [366]. Они могут быть постоянными, сезонными или изменяющимися в размере.

Некоторые определения касаются специфически человеческих проявлений территориальности. Так, Д. Сти (D. Stea) понимал территориальность как отражение человеческой потребности обладать частью пространства и насколько возможно защищать его от вторжения со стороны других [390]. Р. Sommer (R. Sommer) считал, что территория — это участок, который контролируется индивидом, семьей или другой реально существующей группой, причем контроль может выражаться как во владении участком, так и в защите его от агрессии [389]. Л. Пасталан (L. A. Pastalan) к уже перечисленным признакам территориальности у человека добавляет психологическую идентификацию с местом, символически представленную в установках человека на владение местом и размещении на нем разных объек-

гов [30]. Е. Гоффман (E. Goffman) считал главным в территориальности обозначение собственности и эксклюзивности на владение местом [376].

И. Альтман, проанализировав большое количество определений территориальности, выделил в них следующие общие черты:

- 1) территориальность всегда направлена на определенное место, географический ареал или некоторые объекты;
- 2) данное место обладает для его владельца некоторой функцией (место отдыха, работы, свидания и т. д.);
- 3) оно всегда обозначается (маркируется) определенным образом;
- 4) владение местом может быть как индивидуальным, так и коллективным;
- 5) территориальность проявляется в защитном поведении;
- 6) владелец регулирует и контролирует поведение других в отношении данного места [8].

В чем заключаются функции территориальности у человека? В общем виде их можно свести к следующим трем:

- а) территориальность — это основа формирования индивидуальной и групповой идентичности, то есть она позволяет определить, кто я и кто — мы;
- б) территориальность представляет собой средство организации взаимоотношений;
- в) фиксирование территории дает человеку возможность контролировать среду, то есть самому определять свою деятельность и степень социального контакта при осуществлении этой деятельности.

Территориальность подразумевает «прикрепление» места к субъекту, причем это место может не примыкать к личному пространству буквально и даже не находиться в собственности субъекта — таким прикрепленным местом может быть «своя парта», «наша скамья», «паша беседка» и т. д. Рассмотрение структуры города или поселка с точки зрения прикрепленногоTM к субъектам открывает существенно новую форму организации жилого пространства, его социальную систему, осуществляющую контроль над своими территориями [302].

Можно выделить различные типы территорий:

- 1) по мотивам использования территории;
- 2) по географическим свойствам (размеру и месторасположению);
- 3) по социальной единице, которой территория принадлежит (индивидуум, группа, большая группа);

- 4) по продолжительности владения — временное размещение (место в автобусе) или постоянное (дом);
- 5) по реакциям обозначения территории и ее защиты.

Эти основания объективны, то есть в них отсутствует указание на ту степень переживания территории как «личной», которой она обладает, или, иначе говоря, на меру ее персонализированноеTM. Таким образом, возникает необходимость определить еще одно понятие теории приватности, которое И. Альтман стал использовать в своих более поздних работах и в котором еще сильнее представлено субъектное отношение к пространству.

2.1.5. Персонализация в теории приватности

Определяя территориальность, многие исследователи отмечали необходимость обозначения участка его владельцем. Можно даже говорить о том, что человек не только испытывает влияние среды в лице собственной территории, от которой он зависит во многих своих потребностях; он также представляет самого себя в этой территории, наделяет ее своими проецируемыми качествами и таким образом делает эту территорию не анонимной, а индивидуальной, личной [302].

Персонализация может пониматься как число изменений, которые человек осуществил в своем окружении, как способ воздействия на окружение с целью преобразования его в свое, как возможность оставить свой индивидуальный отпечаток на окружении. В самом общем виде И. Альтман определил персонализацию следующим образом:

«Персонализируя среду..., человек ставит свой индивидуальный отпечаток на нее, информирует других, где его место начинается и кончается, а также представляет миру свои ценности и убеждения» [270, 11].

Таким образом, помимо объективной ценности участка, у него есть еще и субъективная ценность, обусловленная личным предпочтением и значимостью для человека. По уровню «присвоенноеTM» можно выделить первичную, вторичную и публичную территории. *Первичная* наиболее персонализирована, субъект уверенно контролирует свое владение ею. Обычно это дом (аналог «участка гнездования» у птиц).

Вторичная (например, стол на работе) — это менее существенная для человека территория, которой пользуются временно или периодически, и хотя она также ощущается «своей», контроль над ней частичен. Она менее эксклюзивна и может восприниматься как ничья,

неохраняемая — например, середина улицы, которая располагается на шкале персонализации между первичной и публичной.

Публичная территория — это место, на которое у каждого есть право, которое не «прикреплено» к определенному субъекту, как, например, парк, улица, площадь, место в вагоне метро и т. д.

На основе проведенного опроса И. Альтман выделил шесть основных способов персонализации среды с точки зрения ее целей и средств:

- 1) представление своей связи (любви, уважения, наличия общей группы) с конкретными людьми (вывеска фотографий близких людей или знаменитостей);
- 2) представление своих ценностей (политических, философских, духовных) путем вывешивания лозунгов, плакатов, икон и других знаковых маркеров;
- 3) представление своей эстетической направленности путем экспозиции рисунков, живописи и др.;
- 4) указание на определенное событие или значимый отрезок времени (экспозиция карт, календарей, вырезок из газет);
- 5) демонстрация вещей, указывающих на склонности человека и качество его досуга (спортивные принадлежности, плеер, компьютер);
- 6) представление своих групповых интересов (посредством вывешивания плакатов, реклам кумиров, спортивных команд, артистов и др.).

Невозможность персонализации места приводит к переживанию деперсонализации, чувству неподтвержденноеTM, отчуждения человека от среды. Обобщая данные разных исследователей о функциях персонализации среды, А. Джилл (A. Gill) выделяет следующие:

- 1) «проекция» личности в среду, дающая ощущение уверенности, защищенности, пребывания в своей, а не чужой среде;
- 2) преемственность, чувство постоянства, связанности со своим прошлым, своей группой;
- 3) фактор адаптации к новой среде, возможность взять с собой в новый мир часть старого (в больницу или детский сад — личную вещь или игрушку), облегчая приспособление к ней [323].

Чем более персонализирована территория, тем острее реакция на нарушение ее границ. Для обозначения нарушений границ за рубежом используется множество терминов (*violation, invasion, contamination, obtrusion, encroachment*), разнообразие которых свидетельствует о сензитивности к вторжению и тонкости нюансировки

реакций на него. Таким образом, можно заключить, что установление дистанции и определение границ личного пространства, территориальность, персонализация, — все эти формы реализации стремления к приватности служат тому, чтобы увеличить возможность контроля над физическим и социальным окружением и обеспечить субъекту максимальную свободу выбора.

Исследование способов использования домашней среды, предпринятое И. Альтманом, позволило выделить два типа средового семейного поведения.

Tun A — это открытый, неформальный, социально активный стиль семьи. Двери открыты, отдельные комнаты доступны для других членов семьи, отмечается меньше межличностных барьеров. Члены семьи вместе выполняют домашнюю работу, знают о том, что происходит в доме. Едят обычно на кухне, склонны входить без стука, активно обсуждают хорошие или плохие новости и стремятся посадить родителей на противоположные концы стола.

Tun B обладает противоположными характеристиками, здесь отмечается присутствие границ: двери закрыты, отдельные комнаты недоступны. Едят обычно в столовой, причем стремятся посадить отца на конец стола, а мать — на угол или посередине (размещение свидетельствует об эксклюзивности положения членов семьи).

Результаты Альтмана вполне согласуются с более ранними выводами А. Зиммеля (A. Simmel), который также различал открытые и закрытые семьи в их отношении к приватности [387].

И вновь необходимо вернуться к пониманию приватности не столько как механизма «отделения», сколько регуляции интенсивности взаимодействия. А. ДеЛонг (A. J. DeLong) провел серию наблюдений в доме престарелых во время изменения режима жизни его обитателей: из общих комнат их переселяли в отдельные [323]. Территориальные изменения сказались на качестве общения: возросла коллективность (если раньше в общей комнате люди стремились к одиночным занятиям, то после переезда они стали активнее использовать общие помещения для совместной деятельности), возросла общая интенсивность общения, понизился уровень агрессивности. И если до переезда пожилые люди особенно строго фиксировали свои территории — подоконники, табуреты, — то позже они стали более терпимо относиться к посягательствам на эти участки, которые утратили статус личных.

К настоящему времени приватность рассматривается не просто как механизм взаимодействия человека и среды; она понимается как предмет одной из существенных человеческих потребностей. Исходя из этого уважение к границам персональных территорий может

(льч рассмотрено как весомая характеристика качества человеческих отношений. Получено большое количество эмпирических данных о важности приватности для благополучия и развития субъекта.

2.1.6. Исследования онтогенеза приватности

Приватность обладает не только культурно-исторической, но и онтогенетической динамикой, причем ее качество и количество нельзя привязать к какой-либо стадии, так как они зависят от социального контекста и индивидуально принимаемых задач взросления [402]. Л. Зиммель полагал, что жизненный цикл — это череда конфликтов и примирений с обществом, и каждый индивид возводит и разрушает границы между собой и миром, чередуя приватность и взаимодействие [387].

В раннем детстве у ребенка приватности нет: и время, и пространство его существования контролируются взрослыми. Когда ребенок получает возможность «быть навязчивым», ходить и говорить, взрослые начинают его ограничивать, а лимиты зависят от понимания и прегрешений ребенка [301]. И.Альтман отмечал ограниченность личного пространства в раннем и дошкольном возрасте: маленькие дети часто подходят слишком близко и не могут закрыться (защититься) от воздействия других, что может выражать их недостаточную потребность в сепарации, пока еще неизжитое стремление к симбиотическим отношениям [302-304, 315]. По мере взросления от шести до двенадцати лет дети начинают предпочитать отдельное место месту в кругу, то есть потребность в личном пространстве начинает оформляться и выражать себя.

Способность быть «вездесущим» у ребенка, согласно Ж. Пиаже, стимулируется в первую очередь стремлением к информации. Маленькие дети верят, что даже если их действия никто не видит, их могут наказать, что их внутренние помыслы «прозрачны» для окружающих. Примерно с 7-8 лет дети сами контролируют дальность перемещений, а взрослые ограничивают активность детей, задавая им вопросы о том, где они были, когда их не видно. Приватность влияет и на природу межличностных отношений. Если размер групп возрастает, выбор, форма и сущность взаимодействия начинают сверх меры определяться коллективными нормами.

Между приходом в школу и подростковым возрастом дети больше сосредотачиваются на отношениях со сверстниками. Достигнув подросткового возраста, дети обретают больше независимости, чем зачастую принято в их семье; они требуют закрытых дверей, личного дневника, претендуют на личные тайны и секреты.

Дети много времени проводят вне дома, чтобы:

- 1) наладить взаимоотношения между членами семьи, которые могут ссориться по вине подростков;
- 2) ограничить доступность для семьи информации о себе;
- 3) создать условия для общения со сверстниками.

В критической фазе становления идентичности приватность рассматривается как важнейший аспект социализации.

М. Вольфе эмпирически изучала представление о приватности посредством интервью 900 детей и подростков в возрасте от 5 до 17 лет. Опрос проводился по пяти параметрам: что такое приватность, ее переживание и нарушения, личное место и частная беседа.

В целом же анализ полученных данных привел к выделению 36 ключевых категорий, которые описывали смысл переживания приватности (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые категории ответов на вопрос о приватности

№ п/п	Содержание категории
1	Уединение, быть одному, наедине с самим собой
2	Иметь возможность быть одному
3	Чувство уединенности
4	Отделенность
5	Быть одному, и чтобы никто не надоедал и не мешал
6	Делать что-то и думать в одиночестве (читать, думать, играть)
7	Быть одному, когда хочется
8	Быть одному, если настроение плохое (в раздражении или обиде)
9	Быть одному в помещении, в комнате
10	Быть с самим собой наедине
11	Быть вдалеке от людей (чтобы никого не было вокруг)
12	Не иметь беспокойства от других; быть с другими и чтобы они не мешали
13	Делать что хочешь
14	Делать что хочешь, и чтобы никто не вмешивался и не мешал
15	Делать что хочешь, и чтобы никто об этом не знал
16	Иметь возможность делать что хочешь (главное — иметь возможность)

№ п/п	Содержание категории
17	Иметь возможность делать что хочешь, и чтобы никто не прерывал
18	Иметь возможность делать что хочешь так, чтобы об этом никто не знал
19	Делать что хочешь, чтобы остаться одному
20	Иметь возможность делать что хочешь, чтобы остаться одному
21	Никто мне не мешает, не беспокоит
22	Хотеть быть в уединении
23	Контролировать доступ к информации (знать что-то, о чем не хотелось бы, чтобы знали другие; не делиться чем-то с другими; секреты или разделенные тайны; вы не хотели бы, чтобы кто-то знал, что вы делаете)
24	Контролировать доступ к пространству (никто не может войти в мою комнату; никто не может войти, если я этого не хочу)
25	Контролировать доступ к вещам (желательно иметь что-то, недоступное другим — дневник, игрушки)
26	Иметь личные вещи — без уточнений (дневник, игрушки)
27	Иметь свое собственное пространство или комнату
28	Иметь личное пространство — частный дом, комнату
29	Абстрактное понятие «быть самим собой»
30	Личные действия (поступки без объяснения, сон, чтение и т. д.)
31	Секс, ваши собственные сексуальные возможности, поцелуй бойфренда, возможность побыть наедине с девушкой, расставание, аборт, интимность
32	Тишина
33	Тишина, когда что-то делаешь
34	Мир и покой
35	Находиться в ванной самому с собой сколько хочешь
36	Использование ванной для иных целей (чтение, раздумья)

2.1.7. Возрастные, подовые, соииогеографические особенности опыта приватности

[3 исследовании М. Вольфе детей спрашивали о том, каким образом члены семьи дают понять, что хотели бы заниматься личным делом

(*to be private*). Контент-анализ позволил выделить три типа описаний:

- 1) состояния персональной потребности в приватности и различных формах приватности («Я хочу побыть один», «Я хочу заниматься частным делом», «Я не хочу, чтобы мешали...»);
- 2) прямые команды, говорящие детям, что делать, без объяснения того, что делал взрослый («Не мешай, оставь меня одного», «Не входи сюда»);
- 3) намеки ребенку («Не пойди ли тебе в другое место», «Не занят ли тебе чем-либо другим»).

Средства выражения желания обозначить свою приватность могут быть как вербальными, так и невербальными. В основном в отчетах детей говорилось о приватности родителей, иногда — сиблинга.

Объяснения взрослыми стремления к приватности также менялись с возрастом. Мотивировки, адресованные детям моложе 13 лет, обычно объяснялись более распространено («У меня болит голова», «Мне нужно работать»), в то время как детям старше 13 лет достаточно сказать: «Я должен заняться личным делом». Родители убеждены, что детям помладше нужно все объяснить, а старшим достаточно указания. Прямые формулировки типа «Пошел прочь, уходи отсюда») становились реже с возрастом ребенка. Реакции родителей на детей 8-12 лет часто проблематичны и нестабильны — это можно объяснить тем, что в предподростковом возрасте потребность в приватности начинает резко возрастать.

Невербальные средства тоже меняются с возрастом. Чаще всего используется три типа невербальных посланий:

- 1) человек описывается как собирающийся в другое место (покидающий комнату, собирающийся на прогулку);
- 2) человек описывается как обозначающий или использующий определенные паттерны поведения по отношению к физическим объектам (закрывающий двери, вывешивающий табличку);
- 3) использование более тонких знаков, включая выражение лица, игнорирование или детскую неспособность понимать сразу, что имелось в виду («Ты уже говорил»). В возрасте от 13 до 17 лет основное содержание посланий о приватности составляет третья группа.

Послания детей о стремлении к приватности также меняются. Р. Парки (R. D. Parke) и Д. Соуэн (D. B. Sawin) обнаружили, что, чем старше становятся дети, тем больше маркеров для обозначения собственной приватности они используют [375]. Наиболее сильный маркер — закрывание двери в туалет, появляющееся от 2-5 к 6-9 годам.

П возрасте от 6-9 до 10-13 лет становится чаще закрывание дверей || спальню. Кроме того, родители начинают чаще стучаться в двери более старших детей.

Респонденты также отмечали, что вторжение меняет свое содержание с возрастом, причем такая форма, как прерывание действий ребенка, отмечается реже, а запрет на владение информацией — чаще по мере взросления ребенка. Это согласуется с возрастным изменением представлений о приватности. Ключевые элементы по-разному распределяются в зависимости от возраста (табл. 3).

\\m>лиша 3

11|Предпочтения (ранговые места) составляющих приватности у детей различного возраста

Ключевой элемент	4-7 лет	8-12 лет	13-17 лет
Уединение	1	1	1
владение информацией	2	2	2
Контролировать место	3	4	5
¹ Тобы никто не мешал и не беспокоил	4	3	4
Тишина	5	6	6
Автономия / выбор	6	5	3

Итак, на протяжении онтогенеза до подросткового возраста приватность меняет содержание с контроля над средовой стимуляцией и сторону усиления личностной свободы (субъектности).

Существуют и тендерные особенности установления дистанции.

14. Альтман показал следующее:

- 1) девочки в раннем возрасте устанавливают более стабильную социальную дистанцию, что объясняется посредством их раннего приучения к правилам;
- 2) мужчины обладают большим личным пространством, чем женщины;
- 3) и те и другие устанавливают большую дистанцию по отношению к мужчинам, чем к женщинам.

Кроме того, у младших школьников дистанция между полами больше, чем у подростков; у младших девочек больше, чем у младших мальчиков; у подростков тендерные различия отсутствуют.

Есть и другие различия. Дж. и Е. Ньюсоны (J. Newson, E. Newson) показали, что поведение мальчиков и девочек 4 лет практически не различается как дома, так и вне дома [372]. Но с 7 лет девочки,

в отличие от мальчиков, чаще встречаются друг с другом вне школы, лучше знают, чем занят кто-то из них и чаще бывают в компании со взрослым. Р. Л. и Р. Х. Монро (R. L. Munroe, R. H. Munroe) обнаружили, что начиная с 9 лет мальчики претендуют на то, чтобы находиться вне дома без дополнительного разрешения, а матери чаще «проверяют» своих дочерей, чем сыновей [368]. И хотя мальчиков и девочек в равной мере загружают домашними поручениями, рутинная работа, например, присмотреть за маленькими детьми, чаще поручается девочкам. Ограничение свободы девочек и разрешение большей свободы мальчикам — это не просто поддержка фемининности; по мнению С. Зегерта (S. Saegert) и Р. Харта (R. Hart), начиная с 6-7 лет девочки чаще оказываются компанией для матери, интенсивно вовлекающей их в круг женских обязанностей и ролей [383].

Данные М. Вольфе свидетельствуют о том, что начиная с 8 лет мальчики чаще описывают места вне дома, чем дом. А девочки с возрастом, напротив, все чаще отмечают предпочтительность дома и невозможность побыть там как проблеме, в то время как для мальчиков особого драматизма в этом нет. Мальчики чаще отмечают важность контроля над местом, чем его приватность.

Использование замков и стука в дверь отмечено кроссполовыми закономерностями: уважение приватности выше по отношению к родителям противоположного пола. Оно раньше проявляется при пользовании туалетом и ванной, затем — спальней. Девочки фиксируют нарушение приватности, если отец входит в ванную, начиная с 10-13 лет, у мальчиков это отмечается с 14-17. Дети обоих полов ограничивают владение помещением во время одевания, купания и занятий туалетом, но мать в это время допускается чаще, чем отец.

Понимание приватности также различается в зависимости от пола: уединение и контроль над местом чаще отмечают мальчиками, причем на протяжении подросткового возраста эти элементы приватности у них усиливаются, в то время как для девочек они становятся менее значительными. Это может быть объяснено меньшей потребностью в автономии, более частым присутствием агорафобии у женщин, большей толерантностью к скученности, большей телесной скромностью [314, 382-384]. Женщины более социализированы в отношении владения информацией как проявления приватности, ритуалов приватности и ее удержания в нужных границах, а мужчины — в направлении автономии и свободы перемещения, причем выражают они это понятие невербально и менее экспрессивно, чем женщины.

Сравнение понятия приватности в сельской местности и небольших городках и крупных городах показало, что в равной степени на сельских и городских детей влиял социоэкономический статус, при-

чем потребность в одиночестве чаще отмечалась в группе с высоким I гатусом, а контроль над информацией — в группах низкого уровня. I ^познающей зависимости приватности от наличия собственной комнаты нет: в целом потребность в приватности составила бимодальное распределение с пиками в группах низкого и среднего уровня.

Еще одна особенность: для детей городских и сельских расхождение максимально в оценке пространства по ту сторону входной двери как альтернативы приватности. У сельских детей, которые нередко делят комнату с кем-то еще, свобода передвижения сочетается с пред- I пилением о местах вне дома как желанных, что усиливается с возрастом. Ограничение городских девочек в свободе передвижения I низано во многом с представлением родителей об улице как опасном месте, в силу чего девочек больше ограничивают, чем мальчиков.

В отличие от городских, сельские дети чаще отмечали важность пно, чтобы никто не знал, что они делают. У мальчиков это отмечается начиная с 8-12 лет по нарастающей. Поскольку, в отличие от | ельских, городские дети не могут достигать приватности, просто выходя из дома, домашняя среда (наличие отдельной комнаты или кого-то еще) больше влияет на приватность городских детей.

Домашняя среда у городских детей — более важный фактор приватности, чем наличие отдельной комнаты. Вклад «уединения» и переживание приватности падает с количеством комнат, но увеличивается в зависимости от количества членов семьи и плотности населения. Тишина как фактор приватности чаще обозначается сельскими детьми, чем городскими, особенно если ребенок живет в комнате не один. Если же городской ребенок делит пространство с кем-то, то параметр «не шуметь» значим и для него.

Некоторые работы рассматривают нарушения приватности в социальном контексте. Так, М. Блем (M. R. Blam), изучая проблемное поведение и депрессию у одиннадцатиклассников, выделил три социальных контекста жизни подростков: это *семья, значимые взрослые и сверстники* [309]. Оказалось, что проблемное поведение сильно | вязано с качеством этих контекстов: санкции родителей и взрослых предохраняют от риска, исходящего от сверстников, а санкции от сверстников — это буфер против риска, исходящего из всех трех контекстов. Исследование фиксирует изменение социального ресурса ищиты приватности, обусловленное переориентацией на сверстников.

Способность сохранять приватность зависит и от семейной обстановки: в исследовании школьников обнаружено, что матери часто оцениваются как ограничивающие и контролирующие способ использования приватности, а не просто территорию ребенка, а дети

внедряющихся, эмоционально настойчивых матерей реже проявляют личную активность. В согласии с этими фактами П. Кожби (P. C. Cozby) показал на студенческой выборке, что человек защищается от значимых людей, в то время как по отношению к незначимым может быть вполне откровенен [319].

Итак, приватность представляет собой исключительно важное для современных людей явление, обладающее онтогенезом, в ходе которого меняются ключевые категории переживания от средовых к личностным. Приватность обладает также тендерной вариативностью и связана с паттернами семейной социализации. Эмпирические факты, полученные сторонниками обсуждаемой теории, свидетельствуют в пользу высокой актуальности изучения способов и форм удовлетворения потребности в приватности, а также важности углубления и модификации содержания этого понятия в направлении «от территории — к экзистенции».

2.1.8. Персонализация как проявление личностной активности

Попытка преодолеть ограничение теории приватности предпринята М. Хейдметсом, который увидел в территориальности и персонализации стремление субъекта «ранжировать» различные сферы окружающей среды исходя из их субъективной значимости [268-271]. В отличие от И. Альтмана, М. Хейдметс оперировал не категорией поведения, а понятием личности, как оно трактуется в течениях гуманистически-экзистенциального направления.

Исследователь отталкивался от наиболее сакрального для психологии личности вопроса о том, в чем же состоит смысл бытия и самореализации, и отвечал на этот вопрос, апеллируя к концепции А. В. и В. А. Петровских [193-196]. Эти авторитетные исследователи полагают, что быть личностью — значит не только присваивать и персонифицировать нечто из среды, но также и транслировать что-то в социальный мир «от себя». В основе понимания личности А. В. и В. А. Петровскими лежит ее интерпретация как инобытия в других. Персонализация, с одной стороны, рассматривается как специфическая потребность человека к воспроизводству собственного бытия, с другой стороны, персонализация представляет собой постоянно продолжающийся процесс, который обогащается за счет изменения объекта либо динамики. И наконец персонализация рассматривается как самодетерминируемый процесс, потому что, отвечая экзистенциальной потребности быть личностью, она использует в качестве ресурса несущие на себе отпечаток личности субъекта соци-

альные связи. Таким образом, соотнося эти идеи с мыслями В. Франкла, можно заключить, что фрустрация потребности персонализации препятствует самореализации личности в целом.

Очевидно, что в данном пункте рассуждений мы вплотную подошли к пониманию того, почему животные, обладая территориальностью, не продуцируют приватность как синоним интимности, и почему экологический подход ограничен в рациональном объяснении избирательных привязанностей человека к месту или вещи. Для человека объекты среды представляют собой еще и знак не очевидных иногда для самого субъекта потребностей, и потому осуждение кумира, выбора бытового предмета или внешности переживается как угроза существованию личности — это и на самом деле угроза хотя бы физическому существованию, но идентичности, удар по самооценке и самоуважению. У животных в силу отсутствия знаково-символической репрезентации переносный смысл средовых сигналов не воспринимается (и тем более не переживается) как угрожающий, стало быть, не несет смысла опасности и не порождает «избыточных» конфликтов, связанных с чувством собственного достоинства. Таким образом, ключевой категорией при переходе от физических средовых объектов к персонализированным является переживание их значимости для человека.

«Средствами персонализации, по-видимому, служат мысли, знания, художественные образы, произведенный человеком предмет, решенные задачи и т. д. Произведенный предмет (построенное здание, точная поэтическая строка, посаженное дерево, мастерски выточенная деталь, написанная книга, сочиненная или исполненная сюита и т. д.) — это, с одной стороны, предмет деятельности, а с другой, — средство, с помощью которого человек утверждает себя в общественной жизни...», — пишет А. В. Петровский [193, 286].

Можно добавить, что вообще соотносительность с жизнедеятельностью даже в потенциальности («могло бы быть моим») наделяет разного рода явления, презентированные другим как объективные, личностным смыслом, персонализирует их и делает достоянием психологического пространства личности.

Персонализированную среду М. Хейдметс рассматривает как основную исходящую от человека форму структурирования окружающего мира. Персонализация среды — это регуляция своей «открытости-закрытости», объема информации «от себя к другим»; контроль над средой и такое отношение человека с окружающим миром, в котором он оказался субъектом; идентификация со средой, ощущение внешних объектов как «своих» или «чужих».

В феномене персонализации М. Хейдметс выделяет три компонента:

- 1) субъект (тот, кто персонализует среду);
- 2) объекты (то, на что персонализация направлена — предметы, пространство);
- 3) социальное окружение (адресаты персонализации, в контексте взаимоотношений с которыми этот процесс имеет смысл и значение).

В чем состоит основной смысл персонализации среды для субъекта и его окружения?

Прежде всего, это «расширение» субъекта в среду, превращение элементов среды в органы функционирования личности, которое рефлексируется и переживается, то есть происходит идентификация человека с объектами среды, которая ранжируется на разные зоны и сферы в зависимости от отнесенности к потребностям человека. Однако расширение в среду не является самоцелью человеческого существования, оно служит также расширению области субъектного и представляет форму его социальной самоэкспозиции.

Персонализация упорядочивает систему межсубъектных отношений и определяет зоны влияния благодаря тому, что средовые объекты «прикрепляются» к субъектам и создают «социальную структуру физической среды», указывая, какому владельцу принадлежит тот или иной ее фрагмент.

Соотнесем между собой категории приватности и персонализации. Приватность предполагает присвоение чего-то в личное пользование, то есть выделение своего, личного, из общего или «ничейного». Она отвечает соответствующей потребности; отсутствие необходимой меры приватности делает человека обделенным также и в социальном отношении: страдает его самоуважение, качество общения, общая успешность. Персонализация — это, напротив, «вынесение» себя вовне, наделение личными характеристиками того, что прежде ими отмечено не было. Она также отвечает глубокой человеческой потребности экзистенциально-креативного содержания, главный смысл которой состоит в символическом преодолении конечности индивидуального бытия.

Для того чтобы возник объект персонализации, он должен быть вначале приватизирован. Таким образом, приватность и персонализация представляют собой направленные навстречу друг другу процессы регуляции отношений человека и мира. «Векторная» структура этих процессов отразила основную идеологию культур, в которых эти концепции оформились: если в западном индустриальном и постиндустриальном обществе очень высоко ценились личное и «частное», то в социалистическом режиме, при котором уточнялись поло-

жения теории персонализации, основной ценностью субъекта было не «личное», а «общественное лицо». При этом эмпирические исследования рассматривали объекты приватности в основном как пространственно-территориальные, а объекты персонализации — как социальные, что налагало дополнительные смысловые оттенки в соотносимые понятия: приватность отвечает вначале адаптационным целям и только потом — потребностям роста, персонализация — экзистенциальным потребностям. Другие составляющие среды (ценности, идеи, материальная культура, собственная телесность) в качестве объектов при- или пост-персонализации в исследованиях не рассматривались.

Эти важнейшие для существования и развития человеческой личности процессы, обеспечивающие отчетливость и прочность границ психологического пространства, представляют собой универсальные механизмы обеспечения личностной суверенности.

2.2. Экологическая семиотика Альфреда Данга как преодоление картезианского дуализма

Еще один чрезвычайно авторитетный и весомый на Западе, но, к сожалению, совершенно не известный отечественному читателю подход к пониманию человека в мире предложен известным швейцарским психологом Альфредом Лангом (A. Lang). Хотя тексты А. Ланга чрезвычайно плотны, мы предприняли попытку их свободного пересказа для первого знакомства, в надежде, что заинтересованный читатель всегда может обратиться к ним сам [353-355].

На страницах этого текста автору уже не раз приходилось извиняться за эклектичность методологической основы работы: в самом деле, объяснить, опираясь на самые главные принципы психологической науки, что для человека важны его орудия труда, пустые безделушки, старые письма почти в той же мере, что и героический поступок, что он страдает, когда друг возвращает прочитанную книжку в пятнах кетчупа, что если даже весьма интеллектуально и духовно продвинутого человека лишить любимых вещей, он теряет способность самоорганизации — все это связно и целостно объяснить, казалось бы, невозможно. Ни в одной иной парадигме — кроме предлагаемой Альфредом Лангом. Поэтому мы призываем на некоторое время сосредоточиться, так как все логические переходы его рассуждений, заставляющие напрягаться от необычности задаваемых вопросов и эвристичных ответов, — все это будет положено «в копилку» — да простится контекстуальная вещная метафора, и позволит более уважительно вести диалог с повседневными пешими как хранителями истории и носителями психологической идентичности. Все то, что мы знали «о душах вещей» из личного

опыта и сказок Э. Т. А. Гофмана и Г. Х.Андерсена, становится методологически обоснованным научным фактом после знакомства с работами А. Ланга, которые раскрывают механизмы культургенеза психологического пространства и его суверенности.

Основное направление исследований А. Ланга — это «люди в их жилищах со своими вещами», люди, которые меняют свое повседневное бытие, страдают от него, становятся заложниками власти вещей или дома. Ланг отмечает, что мир вещей в психологии исследовался только несколькими классиками, которые составляют скорее исключения, — это уже упоминаемый нами У. Джеймс, Ш. Бюлер в работах о символизации и Р. Баркер, который вслед за К. Левином с Э. Брунsvиком говорил о синоморфии между человеком и средой. Но понимание вещей и здесь было недостаточным: в духе времени они понимались как средства, инструментально. Источники в основном заимствованы из других дисциплин, причем повседневные вещи чаще всего противопоставляются предметам искусства.

Отношения человека с вещами и сейчас чаще всего рассматриваются в юридической практике или с недавних пор — в экономической психологии. Однако интуитивно понятно, что стоимость не исчерпывает всей ценности предмета, что не любая вещь может быть эмоционально адекватно заменена другой.

Множество проблем повседневности, отмечает А. Ланг, вызвано тем, что люди «не понимают» вещей и потому не могут с ними взаимодействовать¹.

Чтобы был возможен диалог с вещами (сотворенные человеком предметы А. Ланг, в отличие от природных, называет только артефактами), необходимо посмотреть на них иначе, увидеть их специфику как знака, направленного кем-то откуда-то нынешнему хозяину этой вещи. Нужно преодолеть привычное для современного цивилизованного человека картезианское видение мира как разделенного на субъекта и объекты, на материальное и ментальное.

2.2.1. От Декарта

А. Ланг называет свой подход экологической семиотикой и обосновывает его, опираясь на работы К. Левина, семиотику Ч. Пирса

¹ «Как вещи в новое время стали так много значить? Забывание этого факта связано с декартовским пониманием вещей только как протяженных. Наша одержимость вещами связана с тем, что мы их не понимаем. В этом сила их власти над людьми. Их конструктивная роль в жизни общества недооценима, их действие на становление личности полно тайн. При этом они едва осознаются; и потому почти полностью игнорируются психологией» [355, 2].

((' S. Peirce), ряд идей структурной лингвистики и в некоторой степени — ссылаясь на учение Л. С. Выготского о знаке, а основной пафос и новизну своего понимания видит в том, чтобы преодолеть картезианское разделение всего сущего на тело и дух, протяженное и мыслящее. А. Ланг подчеркивает, что данное разделение может быть пригодно для естественных наук, но, все же оставаясь допущением, несколько не помогает в понимании психологии взаимодействия человека с окружающим миром (в частности, с жилищем и вещами). Для рассмотрения этого процесса как информационного обмена данная оппозиция совершенно бесполезна. Человек инструментально, потребительно (в социальной психологии сказали бы — объектно) относится к вещам — и в результате имеет вовсе не то, что хочет. Д. Ланг полагает более конструктивным семиотическое толкование психологических и экологических явлений взаимодействия.

Воспроизведем в общем виде ход очень важных для нас рассуждений А. Ланга. Вначале — и исторически, и онтогенетически — мы нос принимаем и исследуем бытие в целостности, и лишь затем разделяем его. В картезианском представлении мира предметы или потанательные системы (то, что существует «в» людях, *res cogitantes*, печи мыслимые) полностью отличаются от объектов, артефактов, того, что дано или представлено. И хотя артефакты создаются людьми, а не возникают произвольно следуя собственной природе, они иноке отнесены в декартовской системе к *res extensae* — протяженным, а не мыслимым.

Это декартовское разделение очень специфически воспроизводит отношение между людьми и миром как оппозиционное, игнорируя 11 гт факт, что сам человек является также частью природы. Если же «экологически» относиться к системам обмена между взаимозависимыми частями типа живущих объектов и их условиями жизни, то декартовское представление человека является неэкологическим, если не антиэкологическим.

Как следствие, западная естественная наука ограничила себя в течение многих столетий в исследованиях изучением того, как одно материальное бытие влияет на иное материальное бытие, хотя сами по себе успехи познания базируются на обмене между познавательными системами. Но тогда наше понимание мира кажется весьма сомнительным, потому что мы действительно очень поверхностно осведомлены о том, как познавательные системы взаимодействуют между собой, а также как материальные объекты действуют на потанательные системы и как последние влияют на материальные вещи (н отечественной философии революционным фактом было утверждение В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили о том, что не только материальное определяет психическое, но и психическое также влияет

на психическое) [77]. Дуалистические мировые представления процветают в умах людей, но часто терпят неудачу в объяснении их действий (в частности, «вещных», имущественных, хотя и используются в науке для некоторых монистических версий). Современный материалистический анализ мира все же страдает отсутствием начальных определений и подвержен ошибке обозначения обозначаемым.

В недекартовской картине мира вдохновляет признание того, что познавательные системы и артефакты во многих отношениях подобны друг другу. Их подобие и родство открывается при обращении в качестве объяснительной системы к триадической семиотике Ч. Пирса, обладающей мощным потенциалом преодоления декартовского противостояния двух миров, потому что и познавательные системы и артефакты могут быть определены как знаки, а знаки сами по себе ни материальны, ни ментальны. Но знак — это не знак, если он не переводит себя на другой язык. Тогда возникает вопрос к ментальным системам как к артефактам — как они переведены на другие знаки? Другими словами: как знаки появляются и как производят свои эффекты? Очевидно, этот процесс не происходит без присутствия людей, что и ставит перед психологией новую задачу: объединить свои силы с семиотикой.

Для предварения следующих рассуждений Ланг приводит такой феноменологический пример. Представьте, что вы что-то читаете — что является, конечно, артефактом. Он имеет особую языковую форму, но не очень важно, представлен ли он устно или в схематических рисунках, когда вы будете наслаждаться пышным ландшафтом некоторого реального английского или японского приближения к Райскому Саду. Представьте, во-первых, некоторого создателя этого сада, или текста (вы можете всегда использовать обычное для структуралиста понятие «текст»). Это не должен быть один-единственный объект, потому что независимо от того, что люди непосредственно или косвенно (по правилам других людей или по логике инструментов) сделали для этого текста, в ролях ли предшественников или посредников и модификаторов, можно найти их некоторое присутствие там, в их следах, прямых или косвенных. Однако было бы бессмысленно и полностью забыть о создателях; текст просто не существовал бы без них, и было бы исключительно глупо свести текст к нему самому, к ряду слов или писем, к скоплению деревьев и кустарников или чего бы то ни было. С другой стороны, это ваше дело, что делать с текстом, что вы можете хотеть в зависимости от того, умеете ли вы и насколько хорошо — читать, наблюдать, чувствовать, думать или обонять. Хочется надеяться, что, взаимодействуя с текстом, вы создадите что-то для себя, впечатление, опыт, воспомина-

ния, даже новый потенциал проживания, хотя это только ткань представлений этого сада вместе с воспоминаниями о большом количестве садов вашего воображения, включая, конечно, воспоминание о ваших шагах во время воображаемой прогулки, чтения и т. д. В сущности, вы строите, как могли бы сказать структуралисты, ваш собственный «текст» в вашем воображении. Я смею надеяться, ваш личный текст (относительно экологии или сада), спровоцированный моими словами, будет длиться дольше, чем моя речь, или в случае, если это покажется стоящим, вы могли бы позже возвратиться к моему письменному тексту. Вы могли бы также захотеть отказаться от него как недостойного вашего времени и внимания. Все же сад или текст в вашем мнении — очевидно, не сад или текст там в Японии или в моей рукописи, так же как мало реальный сад или текст идентичны первоначальному намерению создателя. Однако все три текста связаны, один в голове создателя, один сам по себе, и один в голове воспринимающего; и если вы садовник или ученый, может случиться, что вы вносите вклад в создание другой связи или узла в длинной цепи или сети связанных объектов бытия. Итак, все вышесказанное — феноменологическое описание артефактов в контексте.

Семиотический анализ «текстов» как единиц бытия предпринимается в надежде все время демонстрировать, что артефакты и люди принадлежат друг другу.

В построении своих рассуждений А. Ланг применяет метод абдуктивного вывода (*абдукция*, в отличие от индукции и дедукции, — логическое действие, которое вводит новую идею). Сначала предложена объяснительная гипотеза: рассматривать артефакты и культуру вообще как знаки или компоненты семиозиса («означивания»), которые существуют не самостоятельно, а только как части экологических систем или системы человек-среда (исследователь особо оговаривается, что его намерение не состоит в том, чтобы заменить одну проблематичную онтологическую догму другой). Достаточно признать всего лишь, что мир существует независимо от наблюдателя, чтобы не суметь описать даже простого вдоха без того чтобы не ввести в качестве инструмента самого наблюдателя. Однако кажется более корректным и правильным рисовать картину мира просто как мы его видим, пока наблюдаем за работой художника, чем наделять этого художника правильным видением или особыми способностями.

Для понимания сущности взаимодействия человека с вещами Л. Ланг обращается к триадической концепции структуры знака, предложенной Ч. Пирсом: каждое послание (семиотический знак) включает в себя объект (*референт*, то, что передается), носитель знака (*репрезентант*) и то, что извлекается из послания (*интерпретант*).

«Психологичность» семиотики в этом контексте означает всего лишь: включите людей, когда вы хотите понять артефакты или знаки вообще. Но существует много различных способов изучать людей. Психология, обязательный компаньон ориентированной на процесс означивания семиотики, по мнению А. Ланга, должна быть представлена как вид снаружи. Поскольку, говоря о внутренних или «умственных знаках», ничто не может стать известно в обществе ни о чем ментальном, что не было бы преобразовано во внешнюю материально-энергетическую структуру общественного знака, будь то знак функциональный (например, действия, объекта, места), символический (например, изображения или язык, — разговорный или письменный) или оба (то есть артефакт). Совет Ч. Пирса сопоставлять акт создания знака и акт его использования, по мнению А. Ланга, не был достаточно воспринят психологами, а между тем его утверждения и сегодня не утратили своей истинности и прагматичности в обосновании эколого-семиотического подхода. Все бытийные проявления, отношение человека к пространству жилья, к размещению и использованию повседневных предметов не могут быть поняты без обращения к истории этих привычек, в момент своего появления означавших ответ на какой-то вполне определенный вопрос или удовлетворение конкретной потребности. Таким образом, означивание как наделение артефакта (или другого средового послания в человеческом сообществе) значением и считывание этого значения пользователем предмета адресатом послания может быть рассмотрено как центральное звено культургенеза психологического пространства в его вещном содержании и личностной суверенности.

2.2.2. Знак как единство материи, энергии и информации

Семиозис (означивание, сигнификация), таким образом — это процесс создания и использования культуры и ментального; это вообще формирование новых знаковых структур под воздействием уже существующих [354]. Как же происходит означивание?

Образование структур в живых системах и между ними, включая некоторые дополнительные естественные и сделанные человеком объекты, есть процесс исторический. Хотя естественные законы не нарушаются в процессе создания знаков, все же последние недостаточно описываются только естественными законами, потому что знаки — результат взаимодействия двух и больше систем, законы каждой из которых достаточно известны, даже в специфике их исторического развития. Бессмысленно формулировать и невозможно утвердить закон таких взаимодействий, который является действительным только однажды, даже если он открыт, потому что

илаимодействующие системы не имеют никакого шанса встретиться снова в тех же самых состояниях и при тех же самых условиях — так Д. Ланг обосновывает идиографичность экологической семиотики: то значение, которое вложено в знак, его носитель и последующее извлечение информации всегда зависят от контекста. Поэтому так мало константного в средовых посланиях — будь то вещественный подарок, демонстративно закрываемая форточка или распахнутая дверь.

Конечно, это утверждение не исключает возможности описания и предсказания взаимодействия некоторых систем в терминах высокоуровневых принципов или статистической регулярности. Однако повторяемость и закономерность — не всегда одно и то же.

То, что понимается как значение знака, может быть интеллектуальной ловушкой. Поэтому все артефакты бытия, которые мы можем наблюдать или задумывать, нужно анализировать в неразрывной связи трех аспектов: то есть материи, энергии и информации. Любое описание в мире имеет ту же структуру. Мы уделяем недостаточно внимания третьему, которое редуцируется до второго или первого, потому что если совершенно невозможно обойтись материей без энергии или энергией без материи, то вопрос об информации, о значении послания, возникает не всегда — именно поэтому средовые послания часто и остаются нерасшифрованными.

Два признака таких семиотических трансформаций материи-энергии заслуживают упоминания. Во-первых, хотя это не имеет первостепенной важности, информация может быть переходом (изменением) или продолжением (сохранением): переходные структуры, то есть события, могут иметь более ограниченный диапазон воздействия, но они имеют ту же самую функцию в означивании. Отношение между изменением и сохранением информации в семиотике могло бы быть сопоставимо с движением тел и покоем в физике. Во-вторых, мы должны определить единицы. При этом главное в структуре знака — не общее впечатление, а скорее его воздействие на нас. То есть, вновь обращаясь к К. Левину, реально то, что действительно. При этом являются ли структуры в смысле компонентов знака воспринимаемыми однородно или разнообразными, не имеет никакого значения, они также могут располагаться в пределах организма, вне его, л могут включить оба типа расположения, например, при использовании инструмента.

Таким образом, А. Ланг использует термин «структура», чтобы обратиться к любому заметному уплотнению энергии-материи, которому она может быть приписана. Это определение включает *формации*, которые возникли по необходимости, то есть согласно физико-химическому закону, или произвольно, согласно историческим процессам или уникальным контактам двух или более отдельных

объектов; оно исключает все, что не имеет никакого местоположения и времени. Потому сюда не может быть включено ничто «ментальное»: объекты типа чисел, понятий или компаний только тогда структуры, когда они — знаки, то есть когда они включены в формирование энергии-материи, подобных звуковой волне, следу на бумаге или битам в компьютере, офису в адресе или людям, к которым можно обратиться в течение рабочего дня. Нет никакого смысла в постоянном существовании чисел или понятий, потому что они могут иметь воздействие только тогда, когда они включены в некоторое время и место (А. Ланг оговаривается, что это — не материалистическое представление, потому что просто физико-химическое описание любой структуры могло бы пропустить ее существование в качестве информативного потенциала).

Далее, формации тогда называют структурами, когда они до некоторой степени сопротивляются влияниям извне, иначе они закончились бы де-формацией; и/или когда они имеют потенциал создания анаформы себя (см. ниже объяснение этого неологизма). Это не категорическое различие, а скорее вопрос степени и точки зрения. Все формации могут быть морфологически описаны, то есть они имеют место и время, заметные части и отношения и другие знаки. Когда отношения между частями найдены, есть некоторая степень организации или правило их строительства, мы склонны говорить о структурах. Структуры могут объединять целое или части целого. Не имеет значения, это внутренний принцип организации, подобный тому, что свойствен организмам или родству, или внешний, подобный артефактам (зданиям, городам, закону, мифам, — любому тексту в смысле структуралиста), или понемногу и того и другого. Фактически последний случай наиболее распространен, если не единственно возможен. Нельзя формировать объект или строить дом по своему проекту, пренебрегая физико-химическими свойствами сырья, статических и динамических состояний: и что тогда является внешним, что внутренним? Очевидно, все подходящее людям, все культурное принимает участие и во внешнем, и во внутреннем. Часто небольшое изменение в формировании или «деформации» может кончиться фундаментальным изменением структуры, подобно удалению звена цепи или вступлению человека в группу, закрытию двери перед встречей, повторением фразы, помещением ее в цитату, изменением взгляда на что-то в зависимости от точки зрения.

Структуры семиотически интересны только постольку, поскольку они определены не только естественным законом, но и, кроме того, историческим процессом, хотя, конечно, ничто в них не противоречит законам природы в любом отношении. Кроме того, если неструктурные формации непременно определяются и полностью за-

печт от условий окружения, то структуры поддерживают себя достаточно автономно в некоторых пределах внешнего влияния и могут противостоять обстоятельствам. Они создают буфер по отношению к влиянию извне или даже могут обрести частичное господство над тем, что их окружает, что выразительно иллюстрируется многочисленными примерами власти повседневных символов — чего стоит лишь одна «гламурная» субкультура! Другими словами, структуры в некотором отношении определяются контекстом обстоятельств, но не количественными естественными законами. Артефакты главным образом созданы, чтобы выполнить определенные структурные задачи, и хотя их принцип организации является, возможно, прежде всего внешним (по сравнению с организмами) и они в конечном счете также распадаются в другие формации, но зато они могут часто восстанавливаться, копироваться и порождаться. Святыни синто в Нее (Япония) существуют в неизменном виде с 690 года нашей эры, потому что они восстанавливаются в подражательных анаформах каждые 20 лет. Опять же, структуры одного контекста — это обычно формации другого.

Структуры существуют для хранения информации, они есть результат и условие последующего семиозиса. Взаимодействие двух структур часто кончается возникновением анаформы, то есть следующей структуры. Стул, таким образом, — анаформа, возникшая в результате приспособления мебели к человеческой анатомии; слово *homme* — анаформа слова *Mensch* в процессе перевода; знание, которое вы получаете, — анаформа чтения текста и т. д. Структура репрезентанта, таким образом, является частью семиотической триады «!встреча-репрезентанта-с-интерпретантом».

Это рассуждение ясно дает понять, что ни одна структура «не содержит» информацию сама по себе; она появляется лишь благодаря вовлечению интерпретанта. Структура передает лишь одну треть; один и тот же референт может быть объектом для многих интерпретантов, подразумевая большое разнообразие информации. Каждый конкретный референт сообщает о своем репрезентанте, и каждый конкретный репрезентант способен информировать о своем референте в перспективе некоторого конкретного интерпретанта.

Триаду потому и называют субъективной, что результаты понимания в зависимости от вклада каждой из составляющих могут сильно меняться как в сторону объекта, так и в сторону субъекта. Таким образом, информация не есть свойство объекта или субъекта, но существует только как свойство знака в его целостности. Так, текст или парк в разобранном нами примере не может быть парком, если исключить наблюдателя. Информация — не субстанция, а процессуально-порождающее понятие.

2.2.3. Генезис анафорллы

Для описания процесса означивания А. Ланг предлагает термин «*анаформа*» (и *анаформация*), понимаемый им как структура переход: от референта к интерпреганту, как универсальный механизм семиозиса и культуры вообще [353, 354]. Анаформа дублирует существующее, включая и прежнее, и измененное и таким образом сочетая постоянное и изменчивое; эта фаза селекции в культурном обмене. Неологизм Ланга, по его мнению, удачно отражает своими префиксами а-, ап- и апа- свое положение между постоянством и процессуальностью, между двумя бытийными слоями — ментальным и материальным.

Возвращаясь к психологии как экологическому отношению между культурой и человеком, восприятие, например, семиотически есть встреча источника (ситуации) как референта и являющейся посредником перцептивно-познавательной системы как интерпретанта, чтобы завершиться измененной анаформой «ментальное знание» как репрезентантом. Новая внутренняя анаформа — это не «представление» источника в Декартовском понимании символически, а скорее формация, которая стоит за произошедшей встречей и обладает потенциалом порождения конкретной анаформы и даже создания компании анаформ, то есть нового класса понятий. Память не отображает мир, но строит собственную анаформу мира; вы «не знаете» о вашем тексте или саде при наличии своего рода точной копии в вашей голове. Насколько неэкономно было бы построение точного образа для организмов с более ограниченной способностью памяти! Скорее человек создает перечень своих собственных репрезентантов возможных ситуаций взаимодействия, который можно использовать как референты в процессе присвоения им значений, в воспоминаниях и действиях с разными предметами, среди которых сады, семиотика и психология.

Познавательные системы — этот термин, всегда используемый в очень широком смысле внутренней психологической организации, включая мотивационные аспекты, далее понимается как семиотически созданный знак. Для изучения семиотических процессов в пределах тела был предложен термин эндосемиотика. Дополняя биогенетические условия и эффекты перцептивного означивания, эндосемиотические процессы тоже могут быть построены семиотически, что традиционно описывается как осознанное или бессознательное. Перцептивные и исполнительные действия (экосемиотика) и предполагаемая эндосемиотика «между» восприятием и действием — все это вместе вносит вклад в наращивание и дифференцирование в онтогенезе познавательных структур.

То же самое может, по-видимому, быть сказано и относительно артефактов: они, семиотически превратившись во внешние знаки, сформированные человеческим действием, в свою очередь, — потенциальные референты для дальнейших перцепционных процессов, способствующих наращиванию внутренних структур. Так что ментальные и внешние структуры являются анаформами друг друга; ни одна из них не имеет независимого существования.

Если мы говорим, что познавательные структуры служат управлению и ориентировке индивидуумов, то же самое относится и к артефактам: пространственные структуры управляют нашим поведением и передвижением, каждодневные вещи в нашем жилье постоянно привлекают наше внимание и регулируют наши действия, перемещая от занятий кулинарией к еде, к чтению, и даже ночью кровать «ловит» нас, не говоря уж о книгах и произведениях искусства. Артефакты и культура для социальных систем — то же, что познавательная структура для индивидуума. Артефакты, подобно органам чувств, делают анаформы нашего ментального доступными другим людям. И мы проводим значительное время жизни не только в заботах о теле, но также собираем и храним весь сделанный человеческим запас артефактов. Любимая еда, машины и инструменты всех видов, включая компьютеры, не говоря уж о книгах, жилищах или одежде, обладают значительной властью над нашими действиями, хотя, впрочем, и могли бы оставить иногда немного больше свободы, если мы успеем вовремя об этом позаботиться.

И когнитивные системы, и артефакты могут быть рассмотрены как структурные итоги онтогенетического или культурного развития. Оба типа обладают потенциалом для саморегуляции, производства анаформ и воспроизводства вообще. Нет ничего магического в том, как мы все это совершаем, но и ничто существенное в нашей жизни не происходит без того чтобы не принадлежать одновременно как внутреннему, так и внешнему. Оба обозначения не самодостаточны: природная и культурная среда — применительно к ментальным системам, когнитивная система (включая восприятие и действие) — и случае артефактов. Редуцирование к одному кругу понятий делает невозможным ни существование культуры, ни жизнь отдельного человека. А. Ланг отмечает необходимость создания терминологии, которая бы тонко различала формации и структуры, с одной стороны, описывая знаки как компоненты семиозиса, а с другой — выделяла бы те знаки, которые действуют на протяжении всего цикла означивания как включенные, внутренние. Артефакты — не знаки: они могут быть рассмотрены как компоненты знаков; их описание и спецификация предполагают интерпретанта, который и должен быть, за редким исключением, точно определен во избежание путаницы.

Итак, когнитивные системы и артефакты и появляются одновременно в нашем феноменальном мире, и действуют друг на друга, взаимно усиливаясь. Наша задача — обнаружить, как мысли влияют на вещи, и наоборот. Семиотика Ч. С. Пирса, по мнению А. Ланга, — многообещающий инструмент для описания взаимозависимостей между этими двумя подсистемами экологической целостности. Между ними существует много общего и ряд интересных различий, но так как современные люди, в большинстве своем картезианцы, давно приучены к различиям, А. Ланг направил свое внимание в первую очередь на некоторые семиотические подобию.

Предложенный семиотико-экологический подход к пониманию отношений человека и среды может быть проиллюстрирован материалами исследования коммуникативной и регулятивной функций повседневных вещей и расположения в доме. А. Лангом предпринято изучение того, как люди взаимодействуют со своими вещами в своих домах и вокруг них, то есть пространственных и направленных на объекты действий людей, семиотическими средствами. Фило- и онтогенетическая связанность ментального и созданного человеком отмечается и в некоторых современных работах, которые А. Ланг рассматривает как прогрессивные с точки зрения преодоления Декартовского дуализма.

Представленный подход уже апробирован и может быть отмечен как попытка ответить на давно забытые вопросы относительно существования научных объектов вообще. С тех пор как физические науки оставили идею универсального детерминизма в мире, традиционно названную «материалистической», и готовы рассматривать взаимодействия местного масштаба, гуманитарные науки могут также поколебать их уверенность в «отдельности» предметов исследования, будь то «Дух времени» (*Weltgeist*) или познающий субъект. Если понятие материи лишено смысла, то же самое относится и к понятию духа и т. п., потому что они определены как оппозиция, предъявляющая себя нашему восприятию и познанию. Чем они могли бы быть в себе и для себя, мы никогда не можем знать. По мнению А. Ланга, они лишь ментифакты — символы, носители которых долго шутили над человечеством (как не без сарказма отмечает исследователь, при посредничестве Рене Декарта и Иммануила Канта).

Однако когда мы смотрим на выделенные нами объекты и на то, как они взаимодействуют друг с другом, семиозис кажется очень убедительной моделью того, как одна структура управляет рождением других. А. Ланг полагает, что можно получить очень интересные результаты, используя возможности данного подхода.

1.2.4. Эмпирические исследования в русле экологической «еллиотики»

В эмпирических исследованиях А. Ланг дифференцирует три масштаба рассмотрения человека в его бытии:

- 1) психологию вещей, то есть подвижности;
- 2) психологию жилья, то есть неподвижности;
- 3) психологию среды обитания или городского регулирования условий жизни [353-355].

Помещая вещи в конкретных местах друг относительно друга, люди легко производят временные («персонализированные») места, которые самым актом создания и наблюдения за ними становятся их собственными местами. Люди делают это наиболее легко внутри зданий.

Стены и этажи, обычно установленные, чтобы структурировать пространство, образуют единицы жилищ для проживания в них групп и семейств. С точки зрения экологии, считает А. Ланг, несколько непонятно сегодня, почему люди строят здания и используют их таким способом, которым они это делают.

Единицы жилищ в свою очередь примыкают к другим жилищам, образуя городской ландшафт, в отличие от природного пейзажа. Эти места также структурированы по-разному для обеспечения общественной или полупубличной жизни людей и служат почвой социального взаимодействия и идентичности.

В соответствии с идеологией рассмотрения средового поведения как текста не удивительно, что исследования А. Ланга во многом построены на использовании нарративных методик, аналогичных художественно-биографическим описаниям. Так, он изучал жизненные истории четырех семейств, живущих на одной улице, сопоставляя их видение происходящего в общем пространстве для подтверждения своей сквозной идеи о том, что люди строят здания, но при этом не всегда осознают, что жилища также принимают участие в конструировании их идентичности.

Например, вот одна из историй, проанализированных А. Лангом, о взаимодействии истории семьи и изменения архитектуры дома (параллельность изменения личности и жилища отмечалась еще К. Г. Юнгом). Условия жизни четырех членов семьи героя истории изменились, когда отец начал свой собственный бизнес. Чтобы мать могла помогать ему, не оставляя без внимания детей школьного возраста, было решено вести дела на дому. Первый успех позволил расширить жилое пространство, и таким образом к дому было добавлено

крыло с отдельной комнатой для офиса. Было естественно по архитектурным и экономическим причинам одновременно надстроить вторую комнату на верхнем этаже. Строительством этой комнаты позволило, в свою очередь, пригласить бабушку переехать, чтобы помочь в воспитании детей, так что мать смогла теперь уделять еще больше времени делам. Бизнес процветал, требуя более представительных помещений, чтобы солиднее принимать клиентов. Так, обстоятельства привели к появлению террасы в саду.

Эта типичная история узнаваема всеми россиянами с их вечными квартирными вопросами и сельскими «домами без архитектуры», каждый из которых, несомненно, оказал воздействие на жизнь и историю семьи.

Еще одно из близких идеологии А. Ланга исследований было проведено М. Чикзентмихали (M. Csikszentmihalyi) и Е. Рохберг-Хальтоном (E. Rochberg-Halton), которые рассматривают символические значения вещей как баланс между двумя динамическими силами: дифференциации (выделение владельца из социального контекста, подчеркивание его индивидуальности) и слияния (вещь символически выражает интеграцию своего владельца с социальным контекстом) [320]. 315 человек из 82 американских семей были опрошены относительно своих «самых любимых» вещей. Их попросили описать и прокомментировать роль этих вещей в их жизни; ответы анализировались.

Обнаружено, что различные культуры по-разному уравнивают эти силы, например в западной культуре доминирует индивидуализирующая сила. Авторы обнаружили также, что мужчины и молодежь тяготеют к дифференциации и ориентации на действие, а женщины и старшие люди — к созерцательности и ориентации на других.

Важнейший результат этого исследования — открытие процесса «культивации» (*kultivation*), которая, по аналогии с социализацией, представляет собой процесс взаимодействия человека с вещью. Помимо межиндивидуальных и межкультурных различий, авторы показали роль культивации в становлении Я-концепции. Уделяя внимание, направляя энергию на те или иные объекты, удовлетворяя с их помощью свои потребности и стремления, человек выстраивает собственное «Я» в контакте с конкретным миром. При этом не только человек инкультивируется, он включает также в собственную личность вещи и ту часть личной и социальной истории, которая с ними связана.

Экологическое понимание М. Чикзентмихали и Е. Рохберг-Хальтона человека в среде прагматично, оно базируется на признании концептуальной единицы, которую образуют человек и его среда как неделимое целое, и одновременно предполагает новый, мягкий пово-

шт в обосновании и уточнении того, как правильно взаимодействовать п. со средой.

Значение некоторых категорий личных вещей при помощи интервью с людьми разного возраста, в основном — пожилых, исследовала Н. Л. Камптнер (N. L. Kamptner) [345]. Основываясь на работе М. Чикзентмихали и Е. Рохберг-Хальтона, она разработала типологическую символических функций объектов. Символические функции рассматриваются с точки зрения поддержания личной идентичности: они включают персональную историю, идеальный образ себя, шлемных других, самовыражение. Выделяются также предметы собственности и ценности, символизирующие трансцендентные аспекты идентичности. Помимо этих символических функций, вещи влияют на настроение, доставляют чувство удовольствия, вселяют уверенность и безопасности. Они оцениваются согласно их внутренним качествам, не открытым для других людей, таким как полезность, незаменимость, часть коллекции, ручная работа. Отдельная вещь может выполнять множество функций, например плюшевый медведь может напоминать о детстве, времени безопасности и невинности или о бабушке, которая подарила его. Он может быть единственным предметом, который всегда находился здесь, и тем самым обозначать самоидентификацию. Значение других вещей более явно, например фотографии кодируют воспоминания и обозначают личную историю.

Без длительного процесса культивации имеющихся, измененных, претерпевших от обращения человека и оставленных им вещей немислимо человеческое существование. Авторы выступают не просто против вульгарного материализма, понимающего вещи исключительно как массу и энергию, но и против эпифеноменологического и когнитивистского взглядов на вещи как на ментальный объект; среда — не только в голове.

А. Ланг и его последователи внесли не только методологический вклад в разработку проблематики экологической семиологии, они неоднократно верифицировали свои положения в эмпирических исследованиях, выполненных в основном в русле идиографического подхода с сохранением историчности и контекстуальноеTM означиваемого повседневного предмета, который приобретал в ходе опыта владения им ценность для истории субъекта и его идентичности. Так, ученик А. Ланга Д. Слонго (D. Slongo) исследовал изменение значения некоторых вещей при помощи почти литературных опусов респондентов [355]. Среди этих описаний есть весьма выразительные, которые утвердили автора в уверенности, что весь практический материал, полученный нами в ходе психологического консультирования, был с самого начала правильно воспринят и осознан как глубоко символический и потому обладающий мощным психотравмирующим или психотерапевтическим потенциалом.

Приведем краткий пример взаимодействия человека и вещи и влияния вещи на субъекта. Вот выдержки из расшифровки стенограммы интервью молодой замужней женщины С., которую попросили рассказать «о некоторых важных вещах в их квартире».

Сундук с фязным бельем, выбранный С., — один из нескольких предметов, которые С. совершенно без желания купила у своей сестры перед ее отъездом в эмиграцию. Теперь С. говорит, что это интересная вещь, которая стоит в спальне, сундук ужасно нравится ей, он подходит к ее образу жизни: ведь белье можно убрать туда недели на три, а «я действительно не люблю стирать, я бы хотела иметь стиральную машину, и сейчас сундук — единственный предмет от моей сестры, который бы я ни за что не хотела ей вернуть! Поскольку этот сундук — знак удобства (смех!), то есть я могу спрятать белье внутри, я могу заставить его исчезнуть, а с другой стороны, он также еще и украшает. И затем, сундук еще и беспокоится об этом Р. (муже), чтобы он не видел никаких разбросанных юбок. Прежде, когда у нас была корзина поменьше, это становилось беспределным уже через неделю, так что что-то нужно было предпринимать, куда-то идти с грязным бельем. А сейчас, так как мы живем здесь и имеем этот большой сундук, то в прачечную чаще ходит Р., а не я (смех!).

Я верю, это имеет некоторое отношение к вмести́мости сундука, что мы делаем стирку реже с тех пор, как он у нас есть, и не участвуем в расписании для всего дома: в этом доме люди стирают каждую неделю в установленный день, который назначают, когда кто-то въезжает. Но мы этого не сделали. И потому сундук для меня — своего рода знак, что я не участвую в швейцарской черновой философии дня. Хорошо, что он есть у нас, я не хотела бы отдавать его, это — своего рода свобода для меня, ну, в общем, своего рода протест» (Авторизиров. перевод С. Н.-Б.).

Итак, краткое знакомство с экологической семиотикой А. Ланга и эмпирическими приложениями этого подхода утвердило в полезности исследования субъекта в мире личных вещей, которые образуют своеобразную оболочку артефактов, культурный слой личной биографии человека, его характерологических особенностей, идентичности и перспектив. Символически вбирая в себя материальный мир, Я расширяется и обогащается. Получение последующей обратной связи через вещи необходимо не только для становления индивида, оно нужно также и для общества, которое посредством материальной субкультуры социализирует не менее мощно, чем средствами вербальной идеологии, прививая зависимость от вещей, суетную заботу о собственности или аскетическую свободу для достижения других, возможно, более социально рискованных целей. Все эти свойства человек приобретает в ходе культургенеза психологической суверенности, регулирующей его взаимодействие с миром.

2.3. Эмпирика нарушения границ и структуры повседневного бытия

11 гак, последние проанализированные концепции подчеркивают целостность, интегрированность разных сфер бытия, их взаимозависимость и взаимозаменяемость. Они делают понятными факты на першпг взгляд чрезмерных и неадекватных аффективных реакций на территориальные вторжения или вещные потери. Однако ничто не иллюстрирует эту целостность лучше, чем эмпирические данные. Диализ «от противного» позволяет глубже понять основные феномены и сформулировать задачи психологической суверенности как интегрирующего субъекта и среду явления.

2.3.1. Вилы нарушения границ и структуры повседневного бытия человека

Можно говорить о разном содержании, степени и последствиях нарушения повседневного бытия. По содержанию различают воздействие на тело, лишение человека личной территории, права на личные вещи, возможности определять режим жизни и последовательность действий, а также выбирать круг знакомых и систему ценностей. I (о отношении к телу чаще говорят о жестоком обращении или насилии, по отношению к территории — о вторжении или внедрении, но отношению к системе ценностей — об идеологическом давлении. Чаще всего внедрение является комплексным и затрагивает все бытийные пространства человека.

По силе воздействия это может быть внедрение, разрушение, жестокое обращение, насилие. Кроме того, эти воздействия могут быть хроническими (жизнь в коммунальной квартире) и ситуационными. ('итуационные стимулируют *coping-noeedenue* (психологическое преодоление), а хронические приводят к устойчивым индивидуальным изменениям. В случае хронического жестокого обращения отмечают серийную травматизацию или пролонгированное травматическое воздействие, то есть меняется вся структура бытия человека, а границы его персонализированной территории оказываются незащищенными.

Последствия пережитой травмы нередко приводят к появлению синдрома посттравматического стресса (ПТСР) — системного искажения личности, приводящего к дисфункциональное™ во всех сферах жизни. Травматический опыт затрагивает базисные убеждения человека относительно собственного «Я», окружающего мира и перспектив себя в нем [65]. При этом часть симптомов неспецифична: нет однозначной зависимости между характером стрессора

и формой ответа (психосоматическая, аффективная, когнитивная, асоциальная).

Исследования, посвященные разным видам нарушения границ и структуры повседневного бытия, можно условно сгруппировать по следующим направлениям: изучение насилия и жестокого обращения с детьми, изучение депривации в раннем детстве, исследование влияния скученности (*crowding*) на поведение и общение, психологические проявления стресса в особых условиях.

За рубежом принято оценивать последствия внедрения по степени психологического вреда для субъекта (подобно тому как сила землетрясения оценивается по количеству разрушений). В отечественной психологии представления о феноменологии и последствиях внедрения в психологическое пространство детей существенно обогатились благодаря работам Т. Я. Сафоновой, изучавшей последствия физического и сексуального насилия [218]. Этот ученый определяет эмоциональное, или психологическое, насилие как однократное или хроническое воздействие на ребенка или его отвержение со стороны родителей или других взрослых, которое приводит к нарушению его эмоционального развития, поведения и способности к социализации [218]. Принято выделять пять основных типов разрушительного для ребенка поведения взрослых: это отвержение, угрозы (терроризация), игнорирование психологических нужд ребенка, изоляция и развращение. Отвержение — это предъявление чрезмерных требований к ребенку, открытое неприятие и критика, публичное унижение, осуждение за проявление естественных детских эмоций. Угрозы — это высказывание намерения насилия по отношению к ребенку или тому, кто ему дорог. Игнорирование подразумевает лишение ребенка эмоциональной стимуляции и эмпатии, непризнание его основных потребностей в безопасности, близости с родителями, а также неспособность взрослых выражать любовь к ребенку. Изоляция включает в себя установление безосновательных ограничений на социальные контакты ребенка со сверстниками или родственниками, отсутствие разрешения выходить из дома. Развращение — это побуждение к асоциальному поведению (употреблению наркотиков, саморазрушительным и агрессивным действиям).

Н. К. Асанова выделяет в качестве составляющих «жестокое обращение» физическое жестокое обращение, сексуальное насилие, пренебрежение и психологическое насилие [65].

Во всех перечисленных случаях отмечается неуважение к приватности; поэтому мы считаем возможным говорить о депривированности в широком смысле слова бытийного пространства человека любого возраста, если он становится объектом манипулятивного воздействия.

Л.1.2. Последствия физического и психологического насилия

Последствия разных видов насилия широко исследовались за рубежом и в отечественной психотерапевтической практике. М. Тайчер (М. П. Teicher), изучая нейробиологию насилия над детьми, обнаружил, что у детей, переживших в детстве насилие, отмечается возможное недоразвитие различных отделов мозга, а также создание адаптивных структур, которые в будущем могут спровоцировать агрессивное поведение [393]. Стрессы (физическое или сексуальное насилие, войны, голод) приводят к гормональным изменениям, способствующим копированию мозгом враждебного мира, причем они могут накапливаться и передаваться от поколения к поколению. Таким образом, насилие определяет искажения развития надолго вперед, идя за рамки жизненного цикла отдельного человека.

П. Левин (P. Levene) также рассматривает психологическую травму как нейрофизиологический феномен [65, 361]. В острых ситуациях, отмечает П. Левин, мобилизуется «рептильный мозг», ответственный программы выживания, что приводит либо к борьбе, либо к бегству посредством выработки большого количества гормонов стресса. (Однако для того чтобы предотвратить повторную травму, живому существу необходимо полностью израсходовать большое количество энергии, мобилизованной для встречи с опасностью. В формировании травматического состояния включается «эмоциональный мозг» (часть лимбической системы), и в миндалеине наблюдается повышение электрической активности. Такое состояние характерно для людей, переживших множество травм, или тех, кто профессионально встречается с опасностью. Проявляется это в искажении пищевого, территориального поведения, также связанного с эмоциональным мозгом, нарушении сна и, соответственно, временных привычек, то есть как структуры повседневного бытия, так и его границ.

Норвежские психологи Г. Натвиг с коллегами (G. K. Natvig, J. Albrektsen, U. Ovarnstroem) показали на примере обследования 885 подростков 13-15 лет, что стрессовый опыт выступает как фактор риска деструктивного поведения школьников: агрессивное поведение определяется уровнем агрессивности сообщества, в котором находится подросток, причем уровень агрессии выше у мальчиков, а поддержка учителей и сверстников эту связь уменьшает [370].

В отечественной психологии также широко исследовалась проблема последствий разных видов насилия. Так, И. А. Марголина с соавторами отмечают, что перманентное физическое насилие приводит в детском возрасте к аффективным расстройствам в виде чрезмерной чувствительности ко всем внешним раздражителям (плач, крик, агрессия, тревога, страхи), а позже — к расторможенности влечений [138].

3. А. Зимелева заключает, что агрессивное поведение подростков нередко представляет собой результат конфликтов между родителями или широкое использование наказаний и запретов [74]. Таким образом, воспитание в условиях неуважения к личностным границам позволяет в дальнейшем не останавливать проявление собственной агрессии.

Поскольку понятие насилия является центральным для юридической психологии, многие работы зарубежных и отечественных авторов посвящены исследованию личностных особенностей правонарушителей. Так, Р. Кокс (R. Coxe), изучающий цикл насилия среди лиц, пристающих к детям, показал, что многие правонарушители-насилтники 10-летних детей в детстве сами были жертвами сексуальных домогательств [318]. Д. Хаббард (D. J. Hubbard), анализируя предпосылки преступности среди девушек, также обнаружил среди них факт перенесенного физического или сексуального насилия [343]. Эти результаты заставляют всерьез отнестись к теории «цикла насилия», согласно которой данное явление нужно рассматривать только в историческом и биографическом контексте жизни его субъекта и жертвы.

В отечественной психологии также получены согласующиеся с этим факты в работах Е. Г. Дозорцевой, С. А. Терехиной и других исследователей [65]. А. И. Ложкин показал, что у насильственных преступников действуют примитивные психологические защиты и упрощенный «образ мира», свидетельствуя о перенесенном опыте ранней депривации или насилия [128]. А. А. Бакин обнаружил, что у мужчин-жертв сексуального насилия в местах лишения свободы возникают нетипичные формы сексуального поведения [16]. Это говорит о том, что опыт насилия закрепляется надолго и в различных видах поведенческих и эмоциональных нарушений, которые, как правило, базируются на неуважении к личностным и телесным границам.

Последствия психологического насилия весомы и разнообразны. Так, вербальная агрессия может приводить к развитию комплекса неполноценности и обращению агрессии на себя или других, иногда — к депрессии и самоизоляции. У детей, испытавших насилие, могут развиваться психосоматические и нервные расстройства, может даже возникнуть «психологическая карликовость». Нередко у них отмечается склонность к мастурбации и другим видам сексуализированного поведения. У детей раннего возраста «ответы» на насилие в основном носят телесный характер, выражаясь в расстройстве сна и аппетита, беспокойстве, но также затрагивают и психическое развитие: эти дети не умеют играть и обладают вредными привычка-

in, например сосать палец. В разном возрасте возможно возникновение разных нарушений, что свидетельствует о сензитивности к определенному виду вторжения в психологическое пространство.

Т. Я. Сафонова систематизировала последствия психологического или насилия над детьми [218].

Можно заключить, что разные формы непризнания границ бытия ребенка, от хронической депривации до однократного насилия, приводят к долговременным негативным последствиям для всех сфер изнедательности и психического развития ребенка (табл. 4). Эмпирические и клинические данные позволили также выделить группы риска детей по психологическому насилию, среди которых отмечены дети из семей, где домашнее насилие является стилем жизни, дети из авторитарных семей, дети от нежелательной беременности, дети-пмпвалиды, дети из семей алкоголиков или наркоманов, а также вообще из тех семей, в которых много социально-экономических и психологических проблем.

Таблица 4

11<следствия психологического насилия

№	Категория	Характеристика
1	Эмоциональное состояние	Низкая самооценка Пониженный эмоциональный фон Подавленное состояние Боязливость Беспокойство, тревожность
2	Поведение	Оппозиционное Не соответствующая возрасту ответственность Заискивающее Асоциальное/делинквентное
3	Интеллект	Задержка интеллектуального развития Плохая успеваемость Трудности при концентрации внимания
4	Взаимоотношения со сверстниками	Отсутствие стремления к общению Замкнутость Агрессивность
5	Физическое состояние	Маленький рост, недостаточный вес Запущенный, неопрятный вид
6	Другое	Сексуализированное поведение

Обобщая результаты выполненных на российской выборке исследований Т. Я. Сафоновой, можно отметить, что начальный высокий уровень депривированности усугубляет ситуацию риска стать жертвой насилия: иначе говоря, неприятности случаются с теми детьми, личностные границы которых не стали прочными или уже нарушались на протяжении детства.

Обратимся к эмпирическим данным других работ, которые, как правило, носили частный характер и затрагивали феноменологию только одного или двух измерений психологического пространства.

2.3.3. Искажение телесных границ при материнской депривации

Последствия нарушения или несформированности суверенности телесных границ изучались в рамках проблемы ранней материнской депривации и жестокого обращения с детьми К. А. Солод [229]. Теоретическую основу этого направления, которое разрабатывалось в основном в психоанализе, представляют труды Дж. Боулби и М. Малера, посвященные образованию и разрушению привязанности младенца к матери [23].

Общение с матерью в первые месяцы жизни представляет собой то условие развития телесной идентичности, которое служит базой для дальнейшего развития субъектности. Многочисленные исследования личности воспитанников детских учреждений показывают, что след ранней разлуки остается на всю жизнь. У таких детей преобладает привязанность недифференцированного типа, нарушена способность к установлению избирательных прочных связей, отмечается «депривационная ретардация» — задержка когнитивного и моторного развития.

Для детей, рано разлученных с матерью, характерны экстрапунитивные реакции, неумение признать свою вину, неспособность конструктивно решать конфликтные ситуации. Отмечается у них и амбивалентность отношения ко взрослым: сильное стремление к ним и одновременно агрессивность. Общение со взрослыми отмечено избытком прагматизма, а субъективная неполноценность нередко приводит к попыткам «расширения» своих границ посредством делинквентного поведения.

Исследование связи структуры личности с фактом перенесенной длительной разлуки с матерью в первые месяцы жизни показало, что среди переживших это событие людей часто встречаются психический инфантилизм, невротичность, психопатизация. Их общей чертой является неспособность противостоять фрустрации, требование

немедленного удовлетворения инстинктивных импульсов, возникновение тревоги лишь непосредственно в момент опасности. Очень много у этих детей, а впоследствии — взрослых, отмечается слаборазвитое Супер-Эго, ограниченная способность к творчеству (сублимации), трудности в обучении, делинквентное поведение, построение искаженных сексуальных отношений. Обобщая эти черты, можно констатировать несформированность или понижение субъектности.

Феноменологию нарушений в детском возрасте, вызванных материнской депривацией, можно систематизировать следующим образом.

1. Формирование особых границ тактильной чувствительности и фиксация на собственном теле.
2. Снижение инициативности, любопытства и игровой мотивации в отношении объектов из окружения.
3. Сильная зависимость состояния ребенка от постоянства внешнего окружения.
4. Усиление потребности находиться рядом со взрослым и низкая толерантность к разлучению.
5. Искажение процесса дифференциации (трудность выбора единственного объекта).

Таким образом, поскольку телесная основа идентичности закладывается в младенческом возрасте, теория привязанности удачно объясняет явления нарушения телесности и вообще психического развития опытом материнской депривации. В то же время можно заметить, что последствия депривации нередко проявляются на том же средовом языке, на котором было осуществлено депривационное воздействие: нарушение потребностей в телесном контакте впоследствии выражается в недоразвитой телесности, недружественность среды приводит к сверхзависимости от средовых же объектов (людей, вещей, положения в пространстве).

2.3.4. Стресс перенаселенности (crowding)

Еще одним вариантом нарушения приватности человека является перенаселенность, или скученность (*crowding*). Влияние скученности проявляется в трех формах:

- 1) стрессовых реакциях, являющихся результатом дисбаланса между желаемым и достигнутым уровнем взаимодействия;
- 2) поведенческих ответах (coping-стратегиях);
- 3) последствиях и затратах на поддержание границ между собой и другими.

Остановимся на некоторых полученных в этой области исследований эмпирических данных.

Влияние плотности заселения на развитие детей изучалось Х. Хсфтом (H. Hsft), который пришел к выводу, что узкие квартирные условия представляют собой корни многих поведенческих отклонений в детском развитии [340]. При высокой плотности наблюдается следующее:

- 1) количество объектов и вещей, доступных ребенку, уменьшется, так как делится на количество членов семьи;
- 2) изучение качеств объектов нарушено, так как в перенаселенных домах деятельность часто прерывается;
- 3) эксплоративная (исследовательская) деятельность подавлена, и у ребенка формируется меньше навыков, потому что его чаще наказывают и используют физические барьеры (например, закрытые двери).

Отмечено также, что в тесных условиях заметно увеличивается количество времени игры в одиночку, воздвигающей психологические барьеры при отсутствии физических.

С. Уолинс (S. Valins) и А. Баум (A. Baum) отмечают, что студенты, живущие в тесных спальнях в общежитии, демонстрировали иное по сравнению с теми, кто жил в более просторных условиях, поведение в столовой и других помещениях: они устанавливали большую дистанцию, стремились к уединению [397]. Исследователи рассматривают такое поведение как разновидность избегания, свидетельствующего о переживании стресса. Эти студенты при планировании своих действий особое внимание уделяли «проверке» того места, в котором намеревались очутиться, на тесноту.

Факты, подтверждающие негативное влияние скученности на внутренний мир и поведение людей, обладают высокой кросскультурной устойчивостью: в многочисленных репрезентативных исследованиях показано, что скученность отрицательно сказывается на психическом здоровье живущих в этих условиях детей, приводя к задержкам умственного развития и эмоциональным дисгармониям (страхам, тревоге, вспышкам агрессивности), то есть аналогичны тем, которые установлены при изучении последствий эпизодического насилия [303]. Для взрослых, живущих в тесных условиях, характерно еще и искажение социальных установок: переживание неудовлетворенностью браком, неспособность контролировать своих детей, а также «проективная» неприязнь к соседям или друзьям, живущим в тесных условиях.

Однако исследования приносят иногда и кажущиеся парадоксальными результаты. Так, П. Дрейпер (P. Draper), изучая племена буш-

менов, живущие в своих деревнях в условиях такой стесненности, что до соседской хижины можно было дотронуться рукой, С удивлением отметил, что члены племени радуются прикосновениям друг друга и широкому социальному взаимодействию. Но это относится не к членам своего племени; в момент наивысшей перенаселенности семья отделяется и создает свое собственное племя, что, по мнению, и является в культуре племени Кунг естественной реакцией на скученность [324]. Это отделение предотвращает социальные конфликты и ограничивает ощущение «подконтрольности» уровнем скученности, который все же можно перенести. В другом исследовании Дж. Фридмен (J. L. Freedman) показал, что живущие в условиях купейности люди склонны других людей рассматривать как менее кооперативных, но сами при этом проявляют большую социальную активность [330]. Таким образом, скученность может иногда рассматриваться и как фактор усиления социальной сензитивности и активности.

Поскольку условия современного большого города неминуемо приводят к ущемлению приватности, предметом особого внимания исследователей были психологические особенности столичных жителей [367]. Анализируя социальные искажения как адаптивную реакцию, С. Милгрэм (S. Milgram) выделил следующие приемы, помогающие горожанам преодолеть перегрузки.

1. Стремление ограничить время нахождения в публичных местах, которое может выражаться в грубом прерывании контакта.
2. Игнорирование малоприоритетной информации (пренебрежение помощью пьяным или людям, которые упали на улице) и реагирование только на личностно значимую информацию.
3. Установление границ посредством обязательных социальных процедур (например, водитель автобуса говорит, что не обязан менять деньги).
4. Блокировка стимуляции извне посредством невнесения номера в телефонный справочник, приглашения швейцаров или консьержей для контроля за входом, выражение недружелюбия при попытках общения со стороны других людей.
5. Понижение интенсивности контактов посредством фильтрации телефонных звонков.
6. Создание специальных институтов, подобных благотворительности и социальному обеспечению (*welfare*), которые могли бы ограничить непосредственные обращения за помощью к частному лицу.

Таким образом, хронический стресс скученности, представляя собой одну из форм нарушения личностных границ, затрагивает практически все сферы психики и социальной жизни человека, активизируя адаптационные механизмы, ограничивающие социальное взаимодействие, от равнодушия до агрессии.

Во многих работах исследовались агрессия и уход как реакции на скученность. Так, например, в исследовании К. Хатта (С. Hutt) и Дж. Вейзи (J. Vaizey) здоровые дети, аутисты и дети с органическими заболеваниями головного мозга наблюдались в ситуации свободной игры в группах различного размера: до 6 человек, от 7 до 11 и свыше 11 человек [344]. Аутисты не демонстрировали никакой агрессии на приближение других людей во всех условиях эксперимента. Агрессивность нормальных детей возрастала в зависимости от объема группы, а органики были наиболее агрессивными, особенно находясь в большой группе. В другом исследовании К. Хатта варьировался не только объем группы, но и плотность людей в комнате. Было обнаружено, что, находясь в стесненных условиях независимо от размера группы дети склонны к более тесному контакту, в то время как в большой комнате они чаще склонны заниматься деятельностью в одиночестве.

Еще одно исследование, осуществленное К. Лоуренс (С. Lawrence) и К. Эндрюс (K. Andrews) в мужской тюрьме, установило связь между объективной скученностью, воспринимаемой перенаселенностью и вероятностью интерпретации события или человека как потенциально агрессивного [358]. Было обнаружено, что обитатели тюрьмы, недавно жившие в плотно заселенном помещении, однозначно воспринимали перемены как угрожающие. Другое исследование проводилось при помощи остроумного экспериментального приема «потерянное письмо»: подписанное и прошемпелеванное письмо подбрасывалось где-либо в публичном месте, например, в холле [303]. Результаты показывают, что живущие в тесноте студенты значимо реже склонны оказывать другим помощь, чем те, кто живет в свободном помещении.

Все эти разнородные данные, полученные разными методами и на разных выборках испытуемых и ситуаций, в целом согласуются между собой и позволяют сделать вывод о том, что теснота порождает агрессию или равнодушие. Таким образом, опыт неуважения к личным границам «отзеркаливается» и проявляется в том, чтобы отодвинуть и закрепить свои границы, или чтобы разрешить себе не проявлять уважения к другим.

Некоторые исследования, впрочем, отмечают и возможность выработки других видов coping-стратегий. Так, в исследовании В. МакДональда (W. MacDonald) и С. Одена (C. Oden) пять супружеских пар, на протяжении 12 недель живших в небольшой комнате с общим

маленьким туалетом, сравнивались с другими, жившими в коммерческих отелях с отдельными ванными комнатами на семью [364]. Среднее прочего авторы отметили, что норма общения в условиях скученности изменилась в сторону упрощения контактов и одновременно — ранения приватности каждого из участников эксперимента. Например, там существовал молчаливый уговор не «подглядывать», если группы раздеты, исключались грязные словечки, пошлые шутки и вмешательство в чужой разговор. Таким образом заключался договор о сохранении приватности — эти пары не хотели нарушать границы друг друга. Участники эксперимента также в своем отчете рассказали о техниках, которые позволяли им сохранять границы внутри комнаты и между ними. Однако хотя в целом почти любой опыт может и покрыть ресурсы социального и личностного развития, все же исследование скорее подтверждает общую закономерность, которая состоит в том, что качество отношения к другим зависит от возможности сохранить свои личностные границы.

В отечественной психологии также широко исследовалось влияние скученности на разные индивидуальные и системные характеристики поведения и взаимодействия. Т. Нийт, обобщая данные этих исследований, преимущественно социологических, отметил связь между плотностью заселения и различными явлениями средовой психологии (ростом преступности, разводов, браков, смертности, наркомании, снижения рождаемости, учащением психических заболеваний) [175]. Важный итог перенаселенности — рост пассивности человека в домашней среде (избегание лишних контактов, увеличение дистанций, уединение, стереотипные занятия — домино, телевизор).

Изучая феноменологию «нормальной приватности», К. В. Кияненко показал в своем исследовании, проведенном в студенческом общежитии, что в первую очередь оберегаются зоны сна и работы, даже если соседи однополы и требования в отношении условий работы повышены [94]. С этим результатом согласуются и выводы Ю. Круссалла о том, что самая персонализированная часть домашнего пространства, если человек живет в семье, — это спальня или кровать, которые представляют собой объект особой заботы и защиты [105].

Интересное исследование также проведено В. В. Соложенкиным с соавторами [230]. Гипотеза состояла в том, что взаимодействие человека со средой модулируется социальной нормативностью, системной межличностных отношений и территориальностью. Эмпирические данные собирались в детском отделении соматической больницы. Территории по уровню персонализации включали в себя:

- 1) ординаторскую;
- 2) чужую палату;

- 3) свою палату;
- 4) столовую;
- 5) прикроватное пространство;
- 6) пространство кровати;
- 7) место, выбранное больным для отдыха.

Результаты показывают, что чем меньше персонализирована территория, тем сильнее возрастает нормативная регуляция. Чем больше персонализирована территория, тем сильнее возрастает межличностный фактор (в ординаторской преимущественно отмечалась нормативная регуляция, в столовой — межличностная, место отдыха контролировалось посредством территориальности, а в палате использовались все факторы регуляции пространства).

В исследовании доказано, что, действительно, значительная часть эмоциональных реакций связана с нарушениями территориальности, причем существенный для нас факт состоит в том, что обнаружено несколько форм регуляции приватности, или сохранности границ психологического пространства: наиболее естественный — это территориальность, затем вступает в силу межличностный фактор (то есть границы «открываются» и «закрываются» в зависимости от личного отношения к другому), и, наконец, начинают действовать правила.

К сожалению, к настоящему времени достаточно обобщенной модели эффектов скученности не предлагалось. Ю. Круусвалл объясняет наблюдаемые в условиях стесненности негативные изменения взаимодействия с привлечением информационных моделей [106]. В условиях пространственной стесненности, отмечает он, занятость увеличивается, а количество видов деятельности не расширяется — следовательно, уровень неопределенности системы падает (она становится предсказуемой). Если квартирные условия улучшаются, занятость деятельностью превращается в персонализацию пространства. Таким образом, делает вывод Ю. Круусвалл, в условиях пространственной стесненности необходимость в социальном самоутверждении особенно высока.

Похожие данные были получены и в работе К. Лийк, также проведенной социологическими методами в 1984 году в Тарту [124]. Изучалась связь плотности населения с уровнем интимности в семье. Было обследовано 98 брачных пар с детьми, живущих преимущественно в 2-3 комнатных квартирах, где среднее число людей на одну комнату составляло 1,6. Оказалось, что, чем больше стаж брака, тем чаще комнаты используются индивидуально. Брак кажется приятным, если супруг не препятствует мнению другого супруга (то есть, в нашей терминологии, уважает границы аксиологического пространства супруга). В семьях, где часто критикуют друг друга

(то есть осуществляют идеологическое вторжение), члены семьи пылепотее вообще не бывать дома. Если деятельность других очень мешает, то в семье возникает больше конфликтов (иногда, по отчетам респондентов, они даже швыряются вещами). При возможности уединиться другие так сильно не раздражают, однако заинтересованные и уединении меньше удовлетворены браком.

Еще один интересный результат заключался в том, что в многочисленных семьях люди более самостоятельны, они уходят и приходят когда кому хочется. В малочисленных никто ничего самостоятельным не решает. Это также может быть объяснено тем, что, не имея возможности контролировать территорию, члены многочисленных семей пытаются возместить эту несвободу самостоятельностью в установлении режима, тем самым все же обеспечивая себе чувство авторства в некоторых своих действиях.

В переживании бытовой стесненности обнаружены также и половые различия. Стесненность больше раздражает мужчин, а женщины чаще находят возможность уединиться. Домашняя среда больше влияет на настроение женщин, у них легче возникают конфликты, однако при этом женщины выдерживают большую плотность в личном общении и меньшую по сравнению с мужчинами при конфликтах. Другие исследования показывают также, что женщины в условиях скученности становятся более просоциальными, а мужчины более агрессивными [306].

Отметим, что если рассматривать скученность как депривационное послание на языке социальных воздействий и территориальности, то и ответ на это воздействие чаще всего использует те же самые родовые языки.

2.3.5. Исследования сверхрегламентизации и искусственных средах

Не только скученность, но и излишняя регламентизация коллективной жизни приводят к искажению взаимодействия, еще раз подтверждая необходимость уединения, приватности территории и контроля над порядком и продолжительностью бытовой деятельности. Так, Л. Дэвис (A. Davis) и В. Олесен (V. Olesen) наблюдали, что в кибуцах Израиля, где уровень обобщественности исключительно высок, появляются психологические техники отделения от других: работа в изолированных помещениях, еда в уединении, демонстративное мытье тела и обществе других [322]. С этим сочетаются и данные С. Д. Альбано, который обратил внимание на то, что искусственные среды разного генезиса и предназначения (монастыри, студенческие общежития, рабочие общежития, воинские казармы, пенитенциарные

системы) обладают многими общими функциями, например, осуществляют защиту и изоляцию живущих там людей. В этих условиях взаимоотношения среды и индивида индифферентны друг к другу — нет пространственных предпочтений [8]. Изучение социальной среды в обычных условиях показывает, в отличие от этого, что человек начинает использовать укрытия, драпировки, обеспечивающие избирательность взаимоотношений с другими людьми, благодаря чему человек может адаптироваться.

Х. Озмوند (H. Osmond), исследуя приватность в психиатрических лечебницах, обратил внимание, что в них по соображениям безопасности возможность приватности больных резко ограничена: двери туалета открыты, уринация и дефекация осуществляются на глазах персонала, что возможно, усугубляет душевное нездоровье [373]. Е. Гоффман (E. Goffman) показал, что у душевнобольных нарушено также и ролевое отделение [334]. Все это делает людей особенно уязвимыми. Х. Озмوند отмечал возможность использования категорий приватности в лечении душевнобольных пациентов — сооружение аналога «гнезда» помогает им защититься от вторжения со стороны других.

Еще одно направление, посвященное различным формам защиты от внедрения в личное пространство, связано с психологией стресса. Многочисленные работы в этой области проведены Л. А. Китаев-Смыком [93]. Изучая влияние субъективной невозможности либо возможности происходящего стрессогенного изменения пространств; на его осознание и деятельность субъекта, исследователь отметил, что можно выделить способы *активного* и *пассивного* реагирования на стресс (АР и ПР). При активном реагировании стрессор — это понятный фактор, побуждающий к защите через удаление, бегство или освоение этого стрессора. Пассивное реагирование имеет место в том случае, если воздействие невозможно и непонятно, и в филогенетической памяти нет образцов реагирования на него. Изучая гравитоинерционные стрессы, Л. А. Китаев-Смык отметил, что у испытуемых часто возникает иллюзорное искажение пространства, переживаемое ими как внедрение, при этом для людей с АР чувственный образ локализуется во внешнем пространстве, а у склонных к ПР — в собственном теле. Эти данные представляют большую ценность как иллюстрация «подвижности» границ между внешним и внутренним пространством, в силу чего объективные раздражители могут восприниматься как локализованные внутри, а иллюзорные — как существующие во внешнем мире. Кроме того, становится более понятно, почему в одних условиях начинают «работать» территориальные механизмы защиты границ, а в других — соматические.

В отдельных ситуациях нарушения границ (например, предъявления в темном тоннеле муляж подвешенного человека) Китаев-Смык заключает, что для предсказания степени стресса важное значение имеет семантика (смысл), а не интенсивность (информационное качество) стимула. Например, для индивидов, верящих в существование сверхъестественных сил, угроза такого вторжения в психологическое пространство может быть более вероятной, чем вторжение и него реального человека [93].

В условиях хронического стресса (эксперимент на специальном стенде «Орбита» размером 3,6 метров в диаметре и высотой 2,2 метра) Л. А. Китаев-Смык обнаружил, что переживание стресса побудило испытуемых к специфической активности по усилению приватности, причем для одного из испытуемых это было «укромное убежище», а для другого — «неприкосновенная собственность». Использование ресурсов приватности отвлекало от нагрузок и снижало стрессовые симптомы.

Итак, серия экспериментов Л. А. Китаева-Смыка открывает значимость переживания приватности и показывает вариативность действий по сохранению границ личного пространства [92, 93].

Обобщая изложенные факты, можно сделать вывод о том, что, действительно, взаимодействие человека с миром — это сложный динамический процесс «овладения» человеком собственной средой обитания во всех ее проявлениях. В этом взаимодействии можно выделить действия, направленные, с одной стороны, на приватизацию и освоение среды, а с другой — на персонализацию как наделение ее характеристиками своей личности, в результате чего создается психологически значимый «участок» для развития биологического организма и самореализации обладающей духовными ценностями личности.

В случае эпизодического или хронического внедрения это взаимодействие становится дисфункциональным и начинает приспосабливать человека не к оптимальным условиям, а к реальным, с использованием компенсаторных избыточных реакций на внедрение, фиксируя таким образом пережитый депривационный опыт. Отдаленные последствия перенесенного стресса или депривации — это снижение темпов психического развития, падение инициативности, а также появление агрессии, искажение сексуального поведения и разные формы асоциальных проявлений. Пролонгированные последствия состоят и в повышенной виктимизации: складывается впечатление, что невидимые границы бытийных пространств человека, будучи раз нарушенными (или не успевшими стать прочными), теряют свою защитную функцию, наделяя человека высокой уязвимостью к неблагоприятным воздействиям.

Существующие модели интерпретации описанных фактов склоняются либо в сторону этологии, либо в сторону понимания происходящего как чисто информационных процессов; при этом основным понятием остается «перегрузка»: избыточная плотность заселения, избыточный поток информации или социальных контактов. Однако при таком рассмотрении совершенно упускается из виду смысл той ситуации, в которой кратковременно или долго находится субъект, его принятие или непринятие этой ситуации и размещение ее внутри или вне психологического пространства. Развиваемая автором теория психологической суверенности открывает новые возможности в объяснении зачастую противоречивых данных о реакциях и последствиях разных видов депривации.

Глава 3

ПСИХОЛОГИЯ СУВЕРЕННОСТИ

1.1. Краткое методологическое введение

Исследование, проведенное нами теоретический анализ, результатом которого был вывод об актуальности и целесообразности рассмотрения человека и мира как взаимодействующих и взаимопроникающих непротиворечивых систем, позволяет, с одной стороны, интерпретировать средовые проявления человека символически и метафорически, как проявление внутреннего мира со всеми его особенностями и противоречиями, а с другой — изменять телесные и топологические параметры жизнедеятельности человека, развивать его как субъекта.

1.1.1. Две научные парадигмы в изучении психологической суверенности

Психологическая методология исследования разрабатывается на нескольких уровнях: это общие научные принципы, теории, методы понятия и эмпирические факты.

Описание эмпирических фактов — это основное содержание включительных разделов книги; они обязательно появятся, но не сразу. Понятия в книге уже появились: это в первую очередь общеизвестные категории субъекта и среды, а также авторские — психологическое пространство личности и суверенность, концептуальный контекст которых мы тщательно готовили предыдущими разделами.

Каждый вновь вводимый термин должен быть содержательно валидизирован (определен с точки зрения пригодности использования — чем он лучше других, которые уже существуют) и технически операционализирован (то есть описан с точки зрения тех процедур, которые помогут его измерить или изучить). Валидизация состоит в том, чтобы продемонстрировать вариативность качества, которое обозначается понятием, соотнести с другими уже достаточно обоснованными конструктами и обозначить круг реальности, который может быть лучше понят благодаря этому понятию. Операционализация предполагает создание метода и процедуры, которые могли

бы привести к получению не только качественных, но и количественных характеристик для описания психологического пространства личности. Результаты решения этих задач представлены в данной работе.

Про методы нужно поговорить отдельно. Теория — также впереди, причем полностью оригинальная, потому что, похоже, никто ранее не изучал психологическую суверенность столь систематически и заинтересованно, как автор, чтобы возникла возможность создания теории. И наконец, принципы — это то, что мы и приготовились обсудить.

Принципы эти общенаучные, но, будучи примененными к реальности психологической суверенности, они, естественно, обретаю: вполне специфическую «телесность и пространственность». Чему служат выбранные принципы, которые и задали основную канву исследования? Ответам на простые исследовательские и прикладные вопросы: какова природа суверенности (это атрибут субъекта или качество среды), каков ее психологический статус (переживание, опыт, черта личности), может ли она меняться и если да, то по каким закономерностям, с чем она сочетается и, наконец, чем помогает или мешает человеку-носителю, то есть, иначе говоря, в чем состоит ее эволюционный и социальный смысл? А также что происходит с человеком, который лишен способности быть суверенным?

Понятно, что ответы на все эти вопросы не могут быть даны умозрительно. Чтобы подступиться к ним, нужно понять, каким путем пойдет исследование, а еще раньше определить маршрут — пейзаж, ландшафт, по которому и будет проложена дорога.

Начнем с самого главного и, наверное, самого спорного. Дело в том, что в современной психологии сосуществуют как бы две карты местности (парадигмы) — одна естественнонаучная, другая — гуманитарная. Особенности этих парадигм обозначались в работах Т. Куна, В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, К. Поппера, Т. А. Флоренской [109, 77, 200, 356]. Естественно, каждая из них дает свою картину мира, обладает вполне конкретными достоинствами и преимуществами по сравнению с альтернативной. Обычно представители этих парадигм разделяют области своего влияния по времени и месту — предпочитают либо практическую психологию, либо академическое исследование, публикуются либо в практических изданиях, либо, опять же, в академических. Поэтому поводы для конфликтов возникают редко, но, надо отметить, и для встречи-диалога — тоже не часто.

К счастью, жанр написания не-учебника позволяет обсуждать не только подтвержденные факты, но и малодоказанные, а также высказывать любые рискованные предположения. Вообще, в психологии нам кажется целесообразным говорить о двух видах эмпирических

фактов: о научных и психотерапевтических. Научные факты должны быть доказаны и время от времени перепроверяться, они считаются наиболее надежной основой для обобщений. Психотерапевтические факты, как правило, представляют собой результат обобщения интуиции и личного профессионального опыта консультанта, и доверие к этим фактам может оказаться слишком долгим в масштабе скорости решения внутренних проблем клиента¹.

Такие факты могут считаться полудоказанными или вообще недоказанными, однако это не делает их противоречащими истине: просто они находятся пока в зоне ближайшего развития науки. Вопрос о доверии консультанта (и ответственности за риск) — использовать их или нет.

Автору показалось привлекательным собрать разнородный, взаимодополняющий материал по проблеме суверенности. Часть его может быть только понята — это единичные истории, истолкованные в контексте бытия конкретного человека или литературного персонажа. Другая часть может быть исчислена, а лишь затем понята и проинтерпретирована. При этом мы старались не обесценивать те данные, которых мало, — а как быть, если эта редкость отражает их представленность в мировом информационном процессе вообще? И в то же время — определить наиболее типичные явления, которые могут «тянуть» на ранг закономерностей.

Одна из задач нашей работы — дать понятию «психологическая суверенность» научное обоснование и обозначить возможности его использования, обеспечив переход с бытового донаучного уровня через естественнонаучный к гуманитарному, от обыденного языка через номотетический — к идиографическому.

Для того чтобы пояснить, как получилось, что в науке сосуществуют две парадигмы, нам кажется правильным остановиться на их особенностях, которые составляют основное содержание двух научных парадигм [165; 155].

¹ Например, по наблюдениям автора, мужчины, оставленные своими женами (что в условиях мужского доминирования в нашей культуре наблюдается нечасто), были нежеланными или случайными детьми своих матерей, так что был продолжительный период раздумий будущей матери, оставлять ребенка или нет. Впоследствии, после принятия решения и рождения сына, мать начинала его любить, и сомнения прошлого вытеснялись. Однако опыт такой фундаментальной депривации сказывается в ожидании выросшим мужчиной предательства от значимых женщин, которое им бессознательно провоцировал и в конце концов получал. Это наблюдение побуждает очень внимательно изучать отношения мужчины к своей матери. Данный факт является психотерапевтическим, он действителен в рамках ограниченной ситуации: мы должны иметь в виду, что огромное количество случайно зачатых мальчиков счастливы в личной жизни и никогда не обращались к психологу.

Перед началом осмысления любой научной проблемы существу ет своего рода бытийный пролог — возникают вопросы, интуитим ные опыты и наблюдения, которые обращают внимание на некото рую часть реальности. В процессе накопления этих фактов отмечается сосуществование реальности и предрассудков, противоположны\ позиций и отсутствие общепринятой точки зрения на суть проблемы и возможности ее решения.

Проблема психологического пространства и его суверенности также прошла этот этап, когда в быту с удивлением отмечалось, что отчуж дение части собственности, разлуку со старым другом или несчастье оказаться жертвой бытового воровства приводит человека в состоя ние дезинтеграции, близкое к переживанию насилия.

Когда фактов становится много, они начинают подвергаться сис тематическому изучению. Этот этап соответствует естественнонауч ной парадигме, характерной для периода самоутверждения проблем ной области, когда постулируется необходимость получения достоверных, объективных и богатых количественно знаний. Резуль таты обобщаются (номотетический подход) и описываются в стро гих понятиях; история возникновения и развития изучаемого являе ния и закономерностей при этом рассматривается не всегда.

Случайные единичные факты, как правило, исключаются из ана лиза и объясняются ошибкой измерения, поэтому единичное обла дает для развития познания лишь относительной ценностью. Важ нейшее требование научной строгости в этой парадигме — правило «бритвы Оккама», названное в честь средневекового философа Ви льяма Оккама, который призывал не приумножать сущности сверх необходимого, то есть воздерживаться от новых объяснений, пока не исчерпаны возможности уже существующих.

Естественнонаучное знание стремится к универсальности открываемых связей, ее идеологам (которых выдающийся физик нашего времени Дж. Ф. Дайсон называл унификаторами) было бы приятно, чтобы исключений не было, а все изученное служило бы надежной базой прогноза. Таким образом, можно сказать, что на естествонаучном этапе исследований присутствует механистический детер минизм, который в момент t позволяет точно вычислить расстояние s . Иллюзия всезнания бесконечна, а картезианское сомнение изгнано. Объяснение превышает понимание [57].

Естественнонаучное объяснение явления суверенности в некото рой степени предложено представителями этологии (К. Лоренц, Д. Моррис, В. Р. Дольник) — с точки зрения явления территориаль ности, нейропсихологами (Т. Лири, Р. А. Уилсон) — с точки зрения функционирования нейрогенетических контуров, и это, пожалуй, все [129; 149; 66; 125; 253].

Естественнонаучная парадигма — признак молодости проблемной нишпасти или науки в целом. Гуманитарная парадигма, характерная ни более зрелого этапа развития науки, сосредоточивается на уни и ипности рассматриваемого явления, не ставя перед собой задач i i истического подтверждения достоверности данных, и знаменует пинжение от общего к частному, познание единичных закономерно i itii, которые на предыдущих этапах игнорировались. Как справед ливо отмечала юнгианский психоаналитик М.-Л. фон Франц, дей i i ительно важные события в жизни человека никогда не случаются н большом количестве [249]. Если вновь вспомнить Дж. Ф. Дайсона, Ни ученые, стремящиеся изучить все многообразие мира, называются ипверсификаторами [57]. Если физика в целом — скорее номотетич мш наука, то биология — скорее идиографичная. Психология же вклю чает в себя и то и другое. Важное следствие — установка на будущее: если ученый-унификатор уверенно прогнозирует, то для диверсифпкатора скорее характерна вера в судьбу во всем богатстве и не предсказуемости ее проявлений. Прогнозы, таким образом, имеют скорее вероятностный характер.

Объяснение в гуманитарной парадигме заменяется понимани ем, позитивный анализ вытесняется герменевтикой (В. Диль геи) [64]. Вместо языка понятий начинает использоваться язык символов, открывающий смысл, а не внешние проявления изучае мого события. Гипотезы могут предлагаться всером, а не последо вательно, и нередко принимаются парадоксальные объяснения. Наблюдается идиографизация данных (акцентирование в них ин дивидуального), установление вариантов или путей развития: «Еди ничный феномен может оказаться представителем определенного типа явлений; в нем может быть найден всеобщий принцип или спсономерность», — пишет Т. А. Флоренская [256, 28]. В основе понимания единичных явлений всегда лежит история этого являе ния, а интерпретация есть результат взаимодействия субъективных реальностей различного происхождения (проекция автора самоот чета, автора методики, исследователя-интерпретатора) [61]. Крите риями истинности в этом случае могут быть не только верифика ция практикой, но и фальсификация (способность некоторого тезиса быть опровергнутым) или внутреннее согласие субъекта интерпре тации (эмоциональный инсайт).

Таким образом, с точки зрения гуманитарной парадигмы при изу чении психологической суверенности мы изначально готовы обна ружить, что она варьирует феноменологически, подпитывается раз ными средовыми языками, более того, может играть разную роль в становлении человеческой идентичности — как стимулирующую, так и тормозящую.

Психологическая суверенность как системное качество может быть адекватно изучена только при подключении методологического ли парата обеих парадигм. Необходимо отметить, что общая методология исследования, за исключением субъектного подхода, во многих разрабатывалась вне психологической науки; для определения основных позиций исследования было много сделано в кибернетике, и в которой и пришли в психологию системный подход, принцип обратности связи и другие фундаментальные положения, существенно продвигавшие научные изыскания. Все эти принципы обрели новое звучание благодаря *синергетике* — науке о самоорганизации и взаимодействиях, развитой в работах Г. Хакена и И. Пригожина [264, 201]. Живые системы, согласно мнению этих ученых, обладают тремя важными чертами: они сложны, множественны и темпоральны. Сложность мы поясним ниже, множественность означает неоднозначность пути развития, темпоральность — чувствительность к фактору времени, наличие сензитивных периодов.

3.1.2. Принцип системности

Системный принцип, согласно взглядам основоположника общей теории систем Л. фон Берталанфи, означает, что, во-первых, целое всегда больше, чем сумма его частей, и, во-вторых, что все составляющие целого и происходящие в нем процессы взаимно влияют друг на друга. Иначе говоря, каждое явление рассматривается как обладающее структурой, включенное в более сложную систему отношений и не сводимое к сумме частей, то есть обладающее «системными эффектами», которые надстраиваются над системой. А действие на одну составляющую отзывается во всей системе — известный принцип «бабочки»: все зависит от всего.

Примат целого или элемента в сложных структурах был предметом давней дискуссии, особенную остроту принимавшей в физике и биологии, между сторонниками *витализма* и *механицизма*. Витализм — это система взглядов, согласно которым нельзя установить жесткую связь между элементом и функцией, то есть существуют явления, для которых нет специального «органа». Витализм успешно объясняет процессы самокомпенсации в живых, в том числе и психологических, системах. Применительно к психологической суверенности это выражается в том, что при невозможности использовать один способ ее обретения и поддержания находится не менее эффективный другой, и тем самым сохраняется достаточный уровень общей суверенности. Механицизм же, напротив, настаивал на необходимости поиска связи между элементами, и отсутствие объективных данных объяснялось лишь как проявление временного человеческо-

го невежества. Принцип системности предполагает выделение не «и мента системы, а ее единицы, отражающей качества целого «как и мле воды».

(системы бывают простыми и сложными (что условно определять и н количеством элементов и связей между ними)¹.

Все живые системы и психологические явления лучше рассматривать как сложные. В системе адаптированной, равновесной присутствуют элементы с определенными функциями и никогда не были «лишних» элементов; для того же, чтобы она развивалась, то есть была способной выйти из равновесия, необходимо присутствие элементов неспецифических, «запасных», которые впоследствии нередко оказываются источником развития. Наличие таких элементов негрогого назначения совершенно необходимо в психологическом пи человека, чтобы в сложный момент (в точке «бифуркации») они могли быть использованы как резервные. Применительно к проблеме суверенности — не всегда известно, что может стать для человека источником переживания собственной субъектности, и потому ну чте, чтобы таких «краеугольных камней» было побольше.

Различают также системы открытые и закрытые. Психика — открытая система, поскольку она не может существовать замкнуто, и в ней постоянно осуществляются приток и потеря энергии. В психологии понятие энергии точнее всего отражено в понятии потребности; поэтому психическое развитие может быть рассмотрено как смена потребностей и способов их реализации, открытие новых незавершенных и штальтов. Применительно к понятию суверенности открытость — по мера контакта с действительностью, на границах которого суверенность постоянно подтверждается.

И наконец, изучая некоторую систему, следует исследовать и ту систему, в которую она включена. Изучение причинно-следственных зависимостей в сложной системе меняется: предпочтение отдается уже не каузальным закономерностям («Почему?»), а телеологическим («Зачем?»), линейные зависимости заменяются циркулярными, в которых невозможно установить начальный импульс для развития того или иного психологического феномена, потому что все участники системного процесса влияют друг на друга. Сложные системы могут быть поняты только из контекста — обстоятельств, которые и делают изучаемое явление или событие знаком, текстом. Для практической психологии не нуждается в доказательстве тот факт, что

¹ Дж. фон Нейман писал об этом так: «...объекты низкой сложности характеризуются тем, что говорить об объекте легче, чем создать его, и предсказать свойства объекта легче, чем построить его. Но в сложных системах формальной логики на порядок труднее рассказать, что объект может сделать, чем сделать сам объект» [173, 71].

у человека стабильно депривированного развивается «комплекс жр-твы», провоцирующий и дальше по отношению к нему депривиру-ющие воздействия. Таким образом, изучая психологическую суверен-ность, мы рассматриваем ее одновременно и как условие, и как результат обнаруженных нами связей.

Макроаналитический метод применительно к категории психо-логического пространства требует выделения в качестве его единицы психологической ситуации, а, соответственно, единицей суверенно-сти как феномена границ в нашем исследовании является разрешение потенциально депривирующей ситуации в пользу субъекта.

3.1.3. Принцип детерминизма

Принцип детерминизма означает, что каждое явление понимается как обусловленное причинно-следственными закономерностями и по-тому поддающееся изучению. В системах простых и равновесных чаще всего имеет место механистический детерминизм, то есть по началь-ным условиям всегда можно предсказать дальнейшее изменение си-стемы. Сложные системы склонны «забывать» начальные условия, точнее, изменяясь необратимо, они создают себе их заново. Поэтому по актуальному состоянию уже невозможно воспроизвести историю сложного объекта. А также прогнозировать будущее. Этот вид детер-минизма называют нежестким: явление не случайно, и в то же время однозначно воспроизвести цепочку событий невозможно¹.

Нежестко детерминированные системы мы можем оценивать толь-ко с точки зрения вероятности того или иного изменения, а точные предсказания исключены — депривирующее воздействие может как травмировать, так и открыть ресурс личностного развития. Нежест-кость детерминированности психического проявляется в том, что внешнее и потому сама психика может быть адекватно понята не как отражение объективной реальности, а как порожденное субъектом явление [31].

К. Поппер иллюстрировал различие форм детерминизма на при-мере облаков и часов. Часы — сложный, но точный механизм, и мы всегда знаем, что они показывали некоторое время назад и что будут показывать позже. Облака — тоже явление естественнонаучное, их

фирма определяется вполне измеряемыми характеристиками: влаж-ностью, давлением, силой и направлением ветра. Нет в форме обла-ничего такого, чего бы мы ни могли объяснить и измерить. Одна-• п предсказать форму облака не может даже самый опытный ичеоролог [200]. Чем сложнее система, тем менее жестко детерми-рованным и потому предсказуемым является ее развитие.

• И юлее того, существуют явления психики человека, построенные на икаузальных связях (такие явления не считаются с закономерно-и шми физического времени и пространства, которые и делают воз-можными причинно-следственные закономерности). Подобные со-и ногия, описанные К. Г. Юнгом, происходят синхронно в силу глубокой • м меловой или генетической связанности, принадлежности к единому смысловому полю или общности их происхождения. Синхронис-ш'шость лежит в основе сакрализации некоторых первоначально функционально-бытовых предметов и придания им дополнительно-го смысла. Но, конечно, объяснение таких феноменов требует больш-ой осторожности и соблюдения правила невведения лишних сущ-ностей.

Детерминизм в психологии подразумевает также еще и циклич-ность происходящих взаимодействий в силу обратной связи — это "самоосуществляющееся пророчество», самопрограммирование и дру-и не подобные явления.

Чувствительность к синхронистичности как «включенность» од-о из потенциально заложенных в психике нейрогенетических кон-гуров отмечали также Т. Лири и Р. А. Уилсон, указывая, что носите-и подобных способностей склонны часто находить в вещном ма териальном мире подтверждения своим действиям или знаки при-ближающихся событий. Можно предположить, что люди менее чув-и тигельные также вовлечены в синхронистичные события, но в силу отсутствия встречного поискового движения к ним и высокого поро-ги чувствительности склонны эти события недооценивать или вооб-ще не замечать. Поэтому узнать, мир «соглашается» или «возража-ет», они могут только посредством эволюционно поздних рационалистических способов познания.

1.1.4. Принцип развития (историзма)

Третий важнейший методологический принцип, на который опи-рается наше исследование, это принцип развития, суть которого состо-ит в том, что каждое явление нужно рассматривать как обладающее историей — прошлым и будущим. Историчность представляет собой необходимый атрибут психологической герменевтики. Необратимость происходящего связана с тем, что стрела времени направлена в одну

¹ В уже цитированной работе Дж. фон Нейман писал: «Необычайно трудно сформу-лировать какую-либо разумную идею о том, могут ли такие сложные вещи как человеческое поведение, управляться 10 млрд переключательных органов. Это было бы сопоставлением двух неизвестных объектов, поскольку никто точно не знает что делает человек, и никто не сталкивался с переключательным органом, состоя-щим из 10 млрд единиц» [173, 57].

сторону: шанса, что те же системы встретятся вновь в тех же состояниях, как подчеркивал А. Ланг, может и не оказаться [353].

Развитие предполагает количественное и качественное изменение (усложнение) объекта. Если использовать понятие энтропии, которое в физике понимается как количество способов, приводящих к данному состоянию, то в равновесной системе производство энтропии равно нулю. Равновесные системы стремятся вернуться в состояние вполне определенное, «аттрактор». Человеческая психика как система может испытывать многочисленные внешние воздействия (флуктуации), но в равновесном состоянии эти влияния остаются незамеченными, невоспринятыми.

В слабо неравновесных системах изменения линейны и потому предсказуемы (например, можно предсказать динамику некоторых прогрессирующих болезней или увеличение словарного запаса у ребенка, который только начал говорить). Психика здорового человека как обладающая способностью самоорганизации может быть рассмотрена как система сильно неравновесная, которая может быть описана только нелинейно.

За пределами равновесия системы ее элементы могут вести себя совершенно иначе, чем в равновесии, а сама система становится чувствительной к флуктуациям. Таким образом появляется новый режим ее существования, новые формы самоорганизации. Если система очень сложна и переменных много, то при заданных условиях в ней может существовать не одно, а несколько «равноправных» состояний, к которым система может стремиться и выбор которых определяется в точке «бифуркации» (раздвоения) именно незначительным воздействием извне.

Применительно к психологической суверенности можно ожидать, что в ее становлении имеются сензитивные к средовым воздействиям и внутренним состояниям периоды, когда суверенность развивается скачкообразно, и кванты ее приращения имеют судьбоносное значение — все и сразу. Но есть и периоды литические, когда нет «вызовов» извне, нет стремлений изнутри, и степень человеческой свободы в бытийных пространствах временно не изменяется.

Принцип развития (историзма) в чем-то дополняет принцип системности (контекстуальноеTM): он подчеркивает время и изменчивость, а системность означает устойчивость и структурность, то есть скорее пространственность. В сочетании они задают наиболее конструктивные стратегии научного исследования.

Обобщая, необходимо еще раз отметить, что применительно к изучению психологической суверенности принцип системности понимается как наличие у изучаемого качества сложной структуры и включенность в интраиндивидуальный и средовой контексты; принцип развития означает обусловленность переживания суверенности пред-

ним и кующим опытом личности и ее способность антиципации в поддержании суверенности, а также наличие сензитивных периодов ее развития. Принцип детерминизма в его нежесткой форме означает и нерадение каузальных связей между актуальным состоянием психического пространства и опытом разрешения субъектом депримирующих ситуаций, а также вариативность этих связей, делающую возможной компенсацию.

Важную роль при разработке исследования имеют также вторичные по отношению к перечисленным принципы целостности, эквивалентности, отраженного субъекта. Принцип целостности, отмеченный в качестве необходимого в работах А. В. Брушлинского, Ц. П. Завалишиной, А. Ланга, З. И. Рябикиной, означает присутствие и наличие сильной связи внутри системы, между ее элементами, чем между системой и ее окружением [31, 353, 216]. Благодаря наличию суверенности достигается внутриличностная интеграция, обеспечивая резистентность к негативным воздействиям извне. Принцип эквивалентности, отмечаемый в работах Б. Ф. Ломова, К. Поппера, означает, что один и тот же результат может быть получен разными способами, и достижение суверенности возможно как через реализацию биологических программ («примативность»), так и посредством актуализации духовных ценностей («культурность») [128, 200]. Принцип отраженного субъекта, предложенный В. А. Петровским, означает, что человек оценивает «мощность» своей субъектности количеством тех изменений, которые он произвел в окружающем мире, то есть успешностью персонализации.

§.2. Психологическое пространство личности и его свойства

Мише были рассмотрены разного рода попытки создания модели «вращения» человека в среду, ее присвоения и персонализации. И проанализируем тезаурус близких термину «психологическое пространство личности» понятий.

Прежде всего это *эмпирическое Я* У. Джемса (включающее внешние атрибуты личности, которые она присвоила и защищает) [63]. Затем это «*жизненное пространство*» К. Левина, которое определялось им как человек и психологическая среда, как она существует для него (поле, включающее потребности, мотивы, настроения, цели, идеалы, состояния) [116].

В современной отечественной психологии также используется несколько содержательно близких понятий, на которых мы уже останавливались выше: Д. В. Ольшанский предлагает термины «психологический образ жизни» и «субъективное пространство жизнедеятельности»,

а Н. Б. Шкопоров уже употреблял термин «психологическое пространство личности» в небольшой работе, посвященной взаимоотношениям субъекта и среды [183, 283]. А. Б. Орлов говорит о Внешнем и Внутреннем «Я», В. И. Слободчиков — о внутреннем мире и субъективности, Т. В. Снегирева — о психологическом опыте [184; 224; 411]. Таким образом, близкие понятия используются достаточно широко, однако, как правило, предложение их применять не подкрепляется операционализацией и созданием исследовательского метода, что ограничивает возможности их использования.

Наиболее близкой нашему подходу оказалась концепция бытийных пространств, развиваемая З. И. Рябикиной и А. В. Бурмистровой [216; 34]. Последняя констатирует, что бытийное пространство в обыденном сознании представлено понятием «личная жизнь», которое наполняется следующими структурными компонентами: это занятия и профессия, семья, значимые другие, домашние животные, география, образовательное пространство, бытие, природа, мир вещей, время жизни, Я-концепция, телесно-организмическая среда, общечеловеческие ценности, внутренний мир. Как мы увидим ниже, некоторые составляющие бытийного пространства в исследовании А. В. Бурмистровой совершенно совпали с теми измерениями психологического пространства, которые выделяем и мы. Однако, на наш взгляд, в концепции А. В. Бурмистровой представлены разноуровневые образования: очевидно, например, что географические пространства и домашние животные обладают разной степенью интимности по отношению к личности, а жизненные сферы (семейная сфера, значимые другие) и внутренний мир имеют разную онтологию. Кроме того, эта структура не позволяет определенно выделить тот язык средовых посланий, который специфичен для каждой составляющей. Тем не менее, знакомство с полученными А. В. Бурмистровой практически параллельно во времени и совершенно независимо от наших выразительными, весомыми и красивыми результатами глубоко поразило и сильно поддержало автора, синхронистично явившись знаком высокой актуальности исследования.

Введем основные определения.

Психологическое пространство личности (ППЛ) мы понимаем как субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Оно включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, личные предметы, социальные привязанности, установки). Эти явления становятся значимыми в контексте *психологической ситуации*, приобретая для субъекта личностный смысл, и начинают охраняться всеми доступными ему физическими и психологическими средствами. Ключевое

НП в феноменологии психологического пространства занимает • in юание его *границ*— физических и психологических маркеров, щ н'ляющих область личного контроля и приватности одного человека от таковой области другого.

1.1. Общая характеристика свойств психологического пространства и его границ

и гаивимся на свойствах ППЛ, чтобы затем перейти к созданию шекватного им свойствам метода исследования и диагностики [161].
 1. >ю подвижно и зависит от интенсивности и осмысленности жизненной и'ительности человека: так, оно может расширяться при наличии «рыхлых» и неопределенных перспектив, что соответствует стадии жизненного поиска, оставаться стабильным в случае обретения отца и с'тягиваться при возникновении сверхценной идеи, в состоянии влюбленности и т. п. ППЛ можно рассматривать и как устойчивую характеристику личности, и как ее состояние. В стабильные периоды жизни пространство стремится к равновесию, используя сложившиеся и уже освоенные языки самовыражения. Во время кризисных событий границы могут терять свою прочность, а личность Пшершает регрессию к языкам своего прошлого, например, к психосомагике или импульсивному овладению вещами (воровству) [226].

В пространстве можно выделить его объем, количество измерений (секторов), сохранность (устойчивость-подвижность границ). Оно развивается в онтогенезе и взаимодействует с другими качествами личности. Но наиболее важным свойством, на наш взгляд, является прочность его границ, дающая человеку переживание суверенности собственного «Я», чувство уверенности, безопасности, доверия к миру.

Итак, ППЛ обладает следующими свойствами.

1. Человек ощущает пространство как свое, присвоенное или созданное им самим и поэтому представляющее ценность.
2. Он имеет возможность контролировать и защищать все находящееся и возникающее внутри пространства.
3. ППЛ не рефлексивируется без возникновения проблемных ситуаций, оно «прозрачно» и потому с трудом поддается позитивному описанию.
4. Важнейшей характеристикой ППЛ является целостность его границ.

ППЛ можно соотнести с основными проявлениями психического: оно переживается субъектом как сохранное или нарушенное, что выражается в чувстве уверенности или беспокойства; осознается вблизи своих границ и не осознается там, где в последнее время

не подвергалось изменениям; выражается в поведении, направленном на объекты, значимые для организации бытия человека.

Пространство с целостными границами мы будем называть *суверенным*, потому что его обладатель может поддерживать свою личную автономию, а пространство с нарушенными границами — *депривированным* (в этом случае мы используем прямую кальку, так как английское *deprive* (лишать) происходит от того же корня, что и приватность, и означает лишать права на «личное»). В широком смысле слова депривируется потребность в приватности, то есть возможности управлять взаимодействием с миром.

На основании теоретического анализа литературы и материалов консультативной практики нами выделены шесть измерений (секторов) ППЛ, отражающих физические, социальные и духовные аспекты человеческого бытия: это I — собственное тело, II — территория, III — личные вещи (артефакты), IV — временной режим, V — социальные связи и VI — вкусы (ценности) (рис. 3). Пространство развивается в онтогенезе посредством появления новых измерений, переноса своих границ в рамках тех измерений, что уже существуют, и наполнения их разным содержанием в соответствии с опытом и задачами взросления.

Рис. 3. Структура психологического пространства личности

1.2.2. Суверенность физического тела

Уществование и значимость этого измерения психологического пространства обосновываются в рамках этологии, психоанализа, телесноориентированной психологии, теории привязанности, а также подтверждаются эмпирическими данными о последствиях ранней материнской неприватности, физического насилия и жестокого обращения с детьми. Среди исследователей, которые больше других изучали телесность как важнейшее условие гармоничного развития, можно назвать Э. Гуссерля, В. Райха, А. Лоуэна, Дж. Боулби, М. Малер, Т. Лири, Р. А. Уилсона, Э. Эриксона, у нас в стране — А. Ш. Тхостова, А. И. Захарова [56; 10; 131; 23; 125; 252; 291; 72; 252; 252].

Собственное тело — это первое измерение ППЛ, которое возникает в онтогенезе. Человек открывает его раньше другой реальности и учится им пользоваться благодаря развитию сенсорики и моторики. Насилие над телом может выражаться во фрустрации базовых потребностей в пище или комфорте; насильное кормление, неудобная поза, жестокое обращение — все это различные формы внедрения в личное жизненное пространство человека. Данные психосоматики, телесноориентированной психологии, психоанализа, эмпирические материалы, касающиеся ранней материнской депривации, свидетельствуют о том, что именно прочность телесных границ, возникающая как результат ненасильственного взаимодействия к миром в течение младенчества, становится основой самоидентификации субъекта.

Э. Гуссерль полагал, что телесность играет главенствующую роль в структуре пространственного опыта человека.

«"Здесь" — это место, где нахожусь я со своим телом, точнее, это — мое тело. Что такое "там"? "Там" определяет себя через "здесь". Если нет "здесь", то нет никакого "там". ... "Там" — это место, где находится не-мое тело, вернее это не-мое тело. Поэтому превращение "там" в "здесь", то есть достижение "там" означает превращение не-моего тела в мое, и продолжение моего тела... Поэтому превращение не-моего тела в продолжение моего тела означает его превращение в мое орудие» [117, 104].

Телесность выражается в базисных потребностях, без удовлетворения или хотя бы без осознания фрустрированности которых человек самоподтверждаться не может. Важнейшие биологические потребности, которые конституируют человеческую телесность, — это пищевая потребность, комфортность местоположения и размещения в пространстве (поза), начиная с пубертата — сексуальная потребность. В опросник для диагностики состояния границ этого участка психологического пространства мы включили утверждения, которые относятся к ощущению дискомфорта от вкусовых ощущений

и неадекватности режима питания, кинестетические раздражители. Телесная чувствительность — не только характеристика темперамента, но и это символ социального положения («Принцесса на гороши не»). Многие тактильные воспоминания детства (колючий свитер, жесткая шапка, холод эмалированного ночного горшка) актуализируются как знаки пережитых унижений и травм.

С телесностью тесно связано и отношение к собственной внешности как принимаемой или постыдной и недостойной. Очень часто решительные действия по самоизменению, включая радикальные косметические операции, предпринимаются людьми в кризисе не подтвержденное™, и язык телесности используется ими для первого шага к самоизменению.

Для более взрослой группы мы планируем ввести в опросник утверждения для описания сексуальной жизни, пока же эта сфера исследуется средствами клинической беседы. Очевидно, что для взрослого человека его сексуальное благополучие представляет собой одну из основ самоподтверждения и одновременно — инструмент для манипулирования им, обретения свободы, самоутверждения, — иначе говоря, субъектности. После Фрейда произошла переоценка секса в жизни человека, однако и недооценивать его тоже нельзя. Сексуальная жизнь человека самоактуализированного естественна и свободна от принуждения, она диалогична и беспроблемна: то есть не вызывает избыточного интереса или чрезмерного желания превращать естественную часть семейной жизни в занятие, требующее особого отношения. Секс есть продолжение повседневной жизни.

Нужно отметить, что в современной человеческой цивилизации, характеризующейся распространенностью «поощрительного спаривания», секс приобретает функцию стимулирования, приводя к отказу от спонтанности [149, 66]. В практике консультирования достаточно часто приходится слышать, что сексуальная жизнь для одного из супругов была «тяжелой работой». Очень важно, что человек испытывает после близости — усталость или прилив сил, в зависимости от этого можно понять, переживает ли он праздник, обычные жизнерадостные будни или отдает супружеский долг. Одна из распространенных форм оскорбления в семейной жизни — это сексуальные провокации и унижения с недооценкой способностей партнера.

Еще одно проявление телесности, безусловно, связано с пищевым поведением.

Пищевое поведение представляет собой одно из условий выживания: в материалистическом смысле человек есть то, что он ест. Однако это также и способ социального взаимодействия — посредством общения по поводу пищи можно унижить, подчинить или проявить собственную власть. В детстве механизмы принудительного

кормления известны («Пока не доешь — никуда не пойдешь»), и по еноим психологическим последствиям эти события почти равноценны сексуальному насилию (*abuse*). У взрослых воздействие через пищевые потребности — также один из скрытых способов проявления собственной властности: чего стоит, например, игра в «загнанную домохозяйку», при которой никто из домочадцев не смеет войти в кухню, чтобы перекусить перед обедом! [19]. Важно и содержание меню: каждый человек располагает некоторыми нормами правильного, здорового или вкусного питания: А. А. Шутценбергер в связи с этим использует даже выражение «диетическая идентичность» [290]. «Диетическая идентичность», то есть культурно и семейно обусловленные способы питания, в зрелости может быть причиной серьезных супружеских и внутрисемейных противоречий; в позднем возрасте люди становятся еще более чувствительными к пищевым ритуалам.

Очень диагностичны и пищевые привычки: высокостатусный человек в семье начинает новое блюдо и не ест его в следующий раз, а остальные могут приступить только в очередь, таким образом никогда не распаковывая, не начиная, не открывая (А. Р. Уилсон: «Альфа-самцы едят первыми. Заморышам достаются остатки») [253, 54]. Необходимо отметить параллельность между пищевыми и сексуальными проявлениями, так что при выборе сексуального партнера советуют обращать внимание именно на манеру есть как наиболее коррелирующую с сексуальными способностями и стилем [53, 203].

Манера есть в присутствии других людей также может выражать уважение или неуважение, вызывать чувство брезгливости и желание уйти. Неслучайно правила этикета уделяют большое внимание именно манере вести себя за столом, признавая эту сферу очень значимой и нюансированной с точки зрения содержания средовых посланий. Гостеприимство и отказ от него также оносредствованы пищевыми ритуалами как знаками доверия и толерантности.

Клинические нарушения пищевого поведения (булимия и анорексия, импульсивное переедание) также представляют собой комплексные экзистенциально-психосоматические явления, свидетельствующие не о локальном заболевании, а о системном нарушении взаимодействия человека с миром, при котором отказ от еды — это протест против мира, а зависимость от пищи — знак эмоциональной несвободы человека. Пища может символизировать уничтожение или победу над некоторым недоступным объектом, то есть быть аналогом агрессии (что обычно имеет место в мире хищников).

В повседневной жизни пищевое поведение — это, безусловно, многозначное явление. Многие сакральные действия, в том числе и религиозные ритуалы, используют именно пищевую символику.

Чаша, хлеб — эти архетипические символы участвуют во многих культовых обрядах. Процедура выпекания хлеба во многих культурах отработана на протяжении тысячелетий и, безусловно, несет в себе нечто большее, чем просто средство удовлетворения гастрономических потребностей.

Семантическая нагруженность ритуалов приготовления и потребления пищи неоднократно отмечалась в мировой культуре. Популярный роман мексиканской писательницы Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» представляет собой историю семьи в кулинарных рецептах: блюда обладают драматической социальной символикой, а причастность к их приготовлению — знак избранности (кулинарная книга передается лишь посвященным). Сакральное, кулинарии признавалась и в мифологии, и в истории, и в художественной литературе: так, в сказке Дж. Р. Р. Толкиена «Кузнец из Большого Вуттона» главное действующее лицо, узнаваемый архетип Мага, — это повар, приготавливающий праздничный торг. Признавая магический смысл приготовления пищи, в Средневековье кулинарией увлекались многие алхимики.

Удивительную символику пищи как библейского символа раскрывает прот. А. Шмеман в своем комментарии молитвы «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» [285]. Как и жизнь, человек получает пищу от Бога, чтобы осуществить в себе Его образ и подобие. Поэтому важно распорядиться ею правильно. С пищей же связан и рассказ о грехопадении, пища (и напитки — «Чашу эту мимо пронеси») представляет собой также символ опасности, искушения и смерти. В пище, как и в жизни, есть все. Прот. А. Шмеман отмечает, что зависимость от пищи сделала человека рабом мира, в то время как отказ от ее буквального использования («Не хлебом единым будет жив человек») освобождает от этой зависимости, превращая пищу в причастие божественной жизни.

Пища — это божественная любовь; именно так архетипически она может быть истолкована в контексте сновидений. Поэтому понятно, что пищевое поведение представляет собой очень нагруженное символами и знаками послание.

Итак, телесность во всех своих формах (пищевое поведение, секс, комфортность позы, удобство одежды) выполняет в онтогенезе психологического пространства следующие функции:

- 1) установление контакта с собственными потребностями и частями тела (самопринятие);
- 2) установление контакта с окружающей средой (предвосхищение изменений и получение обратной связи);
- 3) обеспечение базового доверия к миру;

- 4) развитие субъектности (независимости от среды и ее изменений);
- 5) возможность исследовательской и конструктивной деятельности (целеполагание и «личное действие»);
- 6) возможность освоения территории (в эгоцентрической системе ребенка отсчет пространственных координат начинается от себя);
- 7) возможность устанавливать длительную, надежную привязанность.

Обобщая эти функции, можно вспомнить известное высказывание З. Фрейда о том, что тело — это судьба. Соответственно, в случае невозможности ребенка открыть и «присвоить» собственное тело оно может восприниматься как объект отчужденный, находящийся за пределами психологического пространства, в результате чего могут развиваться нечувствительность к телесной информации, но и иная болевая чувствительность, задержанное познавательное развитие. Возвращение образа собственного тела посредством специфических методик, в частности, маскотерапии Г. Назлояна, используется при реабилитации больных с деперсонализацией.

Интеллект детей, которые не смогли овладеть собственной телесностью, даже во взрослом возрасте характеризуется неумением вообразить целостный образ события длительным сохранением наглядно-образного мышления. У них нарушена функция планирования, по тому что они не могут представить цель действия. Развитие субъектности также задерживается: дети не понимают собственных желаний, и сильно нуждаются в одобрении. Зависимость от других отражается и в развитии речи: дети часто употребляют сослагательное наклонение и не используют формы первого лица.

{2.3. Суверенность территории

Проблема суверенности территории прямо или косвенно затрагивалась в работах К. Лоренца, Н. Тинбергена, И. Альтмана, Г. Зиммеля, Г. Баркера, А. Ланга, Б. А. Душкова, Л. А. Китаева-Смыка, В. С. Мухиной, К. Кияненко [129; 130; 243; 302; 387; 307; 353; 70; 24; 91; 152; 92]. В физическом пространстве личная территория обычно начинает выделяться по мере развития манипуляций и локомоций, когда человек может перемещаться из одной комнаты в другую, устанавливая таким образом границы между личной и не-личной территорией. Если тело открывало человеку в первую очередь самого себя, то территория обозначает факт существования других людей (проблем личной территории не существовало бы, если бы человек жил в одиночестве). Поэтому вполне естественно сложилось, что территориальность чаще изучалась в социологии и социальной психологии в связи с процессом

общения. Проксимика, наука о взаимном размещении людей в пространстве, тоже возникла как прагматическая часть социальной психологии среды.

По мнению географа Г. Д. Костинского, от того, что человек обладает пространственным мышлением, значения средовых параметров обязательно привязываются к тому или иному пространственному объекту [100]. Данные антропологии говорят, что пространственные понятия формировались из некогда нерасчлененного пространственного представления и «ощущения». Архаичный человек мыслил себя как тело, сопоставляя которое с другими, он различал «здесь» и «там».

В психологии чаще изучается территориальность в узком смысле слова: как та площадь (обычно в домашней среде), которую субъект считает личной и безопасной для себя. Можно предположить, что это измерение также открывается на протяжении первого полугодия¹.

Когда у ребенка развивается хватание, то территория на расстоянии вытянутой руки начинает признаваться личной — ее ребенок может контролировать сам, не нуждаясь в помощи взрослого (открытие первой личной территории используется в психотерапевтических приемах разотождествления и защиты, когда человек во внутреннем плане рисует вокруг себя окружность именно на расстоянии вытянутой руки).

Феноменологических исследований связи человека и территории в психологии, кажется, не существует; эту работу, как обычно, за нас сделала художественная литература. Почитаем Дж. Стейнбека.

«...Джозеф еще долго сидел так; глядя на долину, он чувствовал, что все его тело охватывает горячий прилив любви. «Мое», — сказал он просто, и в глазах его сверкнули слезы, а мозг сумел наконец воспринять то удивительное обстоятельство, что все вокруг действительно будет принадлежать ему. Он ощутил в себе жалость к цветам с травой и чувствовал, что земля и деревья стали его детьми. На мгновение ему показалось, что он поднялся в небо и смотрит оттуда вниз. «Это все мое», — повторил он, — и теперь я его должен оберегать» [335, 14].

В то время как в теоретической психологии место и территория только начинают осмысливаться в качестве фактора и ресурса личностных изменений, в стихийной практической психологии и эзотерической психотерапии идентификация с местом как ресурс жизни и развития субъекта не вызывает сомнений.

¹ В работе К. Кияненко показано, что в онтогенезе территориальные притязания ребенка проходят четыре периода: подчиненный (до 1,5 лет), опекаемый (1,5-4 года), контролируемый (от 4 до 7-12 лет) и самостоятельный (от 12-15 лет) [94].

«— Но что мне делать с этим холмом, дон Хуан?

Запечатлей каждую деталь в своей памяти. Сюда ты будешь приходить в сновидениях. Здесь ты встретишься со своей силой, здесь однажды тебе будут открыты тайны. Ты охотишься за силой; это — твое место, и здесь ты будешь черпать энергию. Сейчас то, что я говорю, лишено для тебя смысла. Так что пусть пока это останется бессмыслицей...

Несомненно на вершине этого холма было что-то неопишимо приятное для меня. И во время еды, как и во время отдыха, я испытывал неизвестное прежде тонкое наслаждение. Медные отсветы заходящего солнца ложились на все вокруг. Камни, трава, кусты — все было словно залито светом. Я полностью предался созерцанию. Думать не хотелось» [91, 364].

Выше, в разд. 2.1.4, мы уже предприняли сравнительный анализ (ерриториальных проявлений у человека и животных. А. Р. Уилсон, прочем, обратил внимание на то, что у людей, которых он обычно называет одомашненными приматами, территориальное поведение выражается в играх по завоеванию и поддержанию высокого статуса и стае, наиболее типичной среди которых является война. Любопытно, что милитаристская лексика часто насыщена именно анальными символами.

«Когда приматы начинали воевать или прибегали к другим видам насилия, они всегда говорили, что собираются сделать из противника "кучу дерьма". По окончании войны считалось, что побежденный "обгадился"» [253, 63].

В отличие от животных, у людей территориальность маркируется еще и жилищем. Дом как личная территория в мировой культуре п психоанализе, особенно юнгианском, традиционно рассматривался как способ самовыражения человека. Так, например, в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси основные внешние и внутренние конфликты всегда имеют параллельное «архитектурное» выражение: роман начинается с предложения архитектора Босини построить для Сомса Форсайта не просто практичный, а «дом с чувством собственного достоинства», — именно проблема самоуважения занимает в романе одно из центральных мест.

К. Г. Юнг, как известно, строил свой дом на протяжении тридцати лет, и этот созидательный процесс одновременно был для него способом самоизменения, то есть выполнял психотерапевтическую функцию [292]. В нашей консультативной практике готовность сделать ремонт в квартире также служит символическим маркером состояния человека.

Преимственность между территориальным поведением в мире животных и обустройством жилища отмечалась Д. Моррисом.

«Дома или квартиры можно украсить внутри и заполнить до отказа различными декоративными изделиями, безделушками и личными предметами. В таких случаях объясняют, что это делается с целью сделать квартиру уютной. Фактически действия эти аналогичны поступкам другого территориального животного, оставляющего "метки" вокруг своего логова. Если вы привинчиваете к двери табличку со своим именем или вешаете на стену картину, то, переводя ваши действия на собачий или волчий язык, вы попросту задираете ноту и оставляете там свою метку... Автомобиль и кабинет чиновника являются подтерриториями, филиалами его логова. Какое это облегчение — задрать ногу на эти помещения и сделать их более привычными, "собственными" территориями!» [149, 201].

Отдельное направление новой области прикладной науки, психологии путешествий, также обязано своим существованием явлению территориальности, благодаря которому человек переживает себя иным, меняя место жительства. Психотерапевтический ресурс путешествий издавна признавался в качестве эффективного способа стихийной самоподдержки: практически все значительные герои Толстого (Кити, Анна, Вронский) использовали этот coping для преодоления личностных кризисов.

Обобщение этих весьма разнородных эмпирических данных позволяет сформулировать основные функции территориальности в жизнедеятельности человека:

- 1) обозначение социальной идентичности (статуса в группе);
- 2) возможность контролировать интенсивность социальных контактов;
- 3) возможность контролировать поток информации;
- 4) возможность защититься от сверхсильной стимуляции среды и вторжений;
- 5) возможность конструктивной деятельности;
- 6) возможность психологической реабилитации.

3.2.4. Суверенность личных вещей

Следующее измерение, возникающее с развитием манипуляций, — мир вещей (артефактов), которые обозначают потребности и предпочтения людей. Предметы представляют собой текст, иносказательное сообщение другим людям о себе. Можно говорить об особом «вещном» языке коммуникаций, который для многих людей является основным.

Проблемы присвоения вещей и материальной депривации затрагивались в работах У. Джемса, К. Лоренца, И. Альтмана, К. Лийк, М. Голан, Х. Хефта, Дж. Вулвилла, А. Ланга, М. Чикзентмихали и П. Хофберг-Хальтона, Н. Кампнер, С. Кляйне и С. Бейкер [63; 130; 131; 124; 335; 340; 315; 355; 320; 345; 348; 132; 254]. Личные предметы так психологически значимый объект традиционно изучались историей материальной культуры, а в рамках нашей науки, к сожалению, им не уделялось достаточного внимания. В отечественной традиции чаще рассматриваются традиционно как орудия деятельности. Между тем функции вещей намного более разнообразны. Вещи также обладают разной степенью интимности по отношению к их владельцу. Например, именная или яхта, по мнению У. Джемса, служат поддержанию статуса в большом социуме, в то время как одежда — это символ эмоциональной защищенности и личной идентичности.

В мировой культуре, особенно в эпосе, символический смысл погманий на языке вещей рассматривался всегда как особо выразительный, обладающий многими нюансами. Так, например, В. А. Лапшин и в своем литературоведческом исследовании показал, что «вещный мир» и контексте художественной литературы может рассматриваться как предисловие к общению. Притчи и народные сказки давно используют этот язык [115]. Вещи могут отражать меру самоуважения и духовной развитости субъекта («Вау-импульс» у В. Пелевина), а могут участвовать в открытии экзистенциальных сущностей и предназначении в жизни (в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена это кольцо как символ власти («Властелин колец»), звездочка как знак избранности и личной ответственности («Кузнец из Большого Вуттона»),

Особо важными личными предметами, на что обращали внимание еще У. Джемс и Д. Н. Узнадзе, являются детали одежды [1, 62]. Если мы вновь обратимся к эпосу, то отметим популярность символического использования этих образов для описания психологических и экзистенциальных событий. Например, Царевна-Лягушка (очевидно перекликающаяся кризис идентичности) просит не выбрасывать лягушачью шкурку (очевидно являющуюся эмоциональным ресурсом и обеспечивающую преимственность состояний идентичности) во время ее отсутствия, однако любящий муж в нетерпении видит ее только и исключительно Царевной пренебрегает просьбой и сжигает шкурку в печке. Последствия известны — поступок расценивается как грех, как насилие, а сам он должен для возвращения ситуации в исходное состояние стоптать семь пар железных сапог и съесть семь железных хлебов. Параллели между экологичным и ненасильственным общением и нарушением приватности очевидны — но проблема и ставится, и разрешается метафорически, в форме вещных посланий.

В другой известной сказке с блуждающим сюжетом, «Двенадцать лебедей», сестра вяжет братьям рубашки из крапивной пряжи.

Рубашки эти — материализованный символ ее охраняющей сестринской любви, защитный панцирь, делающий их неуязвимыми.

Одежда всегда переживалась как важная составляющая личной идентичности, и потому многие события, связанные с насильственной деиндивидуализацией (заключение, армия), сопровождаются раздеванием или переодеванием в униформу; смысл этой процедуры состоит в том, чтобы подавить, травмировать и таким образом сделать человека более управляемым, символически предвосхищая и его социальное перерождение. Вот, например, как описывает сцену ареста Мити Ф. М. Достоевский.

«— Что ж, если надо... я... забормотал Митя и, сев на кровать, начал снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: все одеты, а он раздет и, странно это, — раздетый, он как бы и сам почувствовал себя перед ними виноватым, и, главное, сам был почти согласен, что действительно вдруг стал всех их ниже и что теперь они уже имеют полное право его презирать. "Когда все раздеты, так не стыдно, а один раздет, а все смотрят — позор! — мелькало опять и опять у него в уме. — Точно во сне, я во сне иногда такие позоры над собою выдывал"» [68, 599].

Сюртук или пиджак — неперенные атрибуты поэзии Б. Окуджавы, помощники-фасилитаторы, способствующие уточнению идентичности и новых жизненных перспектив («Он представляет это так: едва лишь я пиджак примерю, опять в твою любовь поверю...»).

Использование личных вещей как источника могущества отмечалось и в различных течениях эзотерической психотерапии. Например, в уже цитированной работе К. Кастанеды мы читаем:

«...Как-то он заметил, что некоторые предметы несут в себе определенное количество "силы". Сам он не испытывал к предметам силы особого почтения, но сказал, что к их помощи нередко прибегают слабые брехи» [91, 14].

Помимо одежды, существуют особо значимые для человека индустриальной культуры предметы — деньги как «всеобщий эквивалент» могущества, автомобили, компьютеры, мобильные телефоны. Все эти предметы могут рассматриваться как средство самоутверждения. Еще одна функция вещей связана с социальной перцепцией. Так, всегда символически подарки как послания, которые в неявной форме открывают получателю представление о том, каким его видит даритель. Важны вещи и как средство самопрезентации (желтая кофта В. Маяковского, пирсинг у современных подростков). Остановимся на ироничном описании одной из техник групповой психотерапии из романа Д. Лоджа «Академический обмен».

« - А у нас был ведущий, так тот знал, как народ встряхнуть. Все должны были выложить содержимое своих кошельков и бумажников на стол. Полное саморазоблачение, выворачиваешь себя наизнанку, все пидят, что ты там прячешь: презервативы, тампакс, старые любовные письма, памятные медали, похабные картинки и прочую муру. Это было как откровение, полный отпад...

А ну-ка давайте попробуем, — сказал Филипп, кидая в круг свой бумажник.

Кэрл высыпала его содержимое на пол.

Пустой номер, — сказала она. — То, что там и должно быть. Все скучно и пристойно.

Такой я и есть, — вздохнул Филипп» [172].

Итак, вещи — это средство самоподтверждения, знак идентичности, история субъекта и его семьи. Причем знак, обладающий не только личной ценностью, но и товарной стоимостью: современная индустрия моды постоянно эксплуатирует «историчность» вещи, подделывая ее подержанность через искусственную состаренность кожи на сумке, заплатки на джинсах и т. д. Таким образом вещь как бы говорит о себе: не думай, что я только сейчас стала твоей, я твой старый друг, нам есть что вспомнить! И эта подделанность показывает, насколько ценна подлинность.

В своей философской работе «Восемь смертных грехов современного цивилизованного человечества» К. Лоренц писал о причастности вещей к человеческой жизни:

«На первый взгляд может показаться парадоксальным и даже циничным, если я выражу уверенность, что сожаление, которое мы испытываем, выбрасывая в мусорный ящик верные старые брюки или курительную трубку, имеет некоторые общие корни с социальными связями, соединяющими нас с друзьями. И тем не менее, когда я думаю о том, с какими чувствами я в конце концов продал наш старый автомобиль, с которым были связаны бесчисленные воспоминания о чудесных путешествиях, я совершенно уверен, что это было чувство того же рода, как и при расставании с другом» [129, 48].

Язык вещей лишь недавно начал изучаться в научной психологии. Так, в работах И. Альтмана вещи связаны с территориальным поведением и рассматриваются как один из специфически человеческих маркеров личной территории. Он отмечал, что для людей обладание объектами равноценно обладанию местом. Дети не считают место в кровати или за обеденным столом «своим», если там нет их вещей. То же наблюдается и у взрослых. Не только дом — это

«крепость» человека, но и автомобиль, ручка, одежда, книга. Путешествуя по миру, человек делает его своим благодаря личным вещам; больной в больнице окружает себя своими вещами.

Большое внимание миру вещей уделяет и швейцарский психолог А. Ланг, подчеркивая ценность вещи как участника диалога, знака, послания от поколения поколению, от одного члена семьи другому [353-355]. На Западе термин «привязанность» (*attachment*) используют с недавних пор и по отношению к вещам [348]. Привязанность к материальным предметам — это многофакторное отношение между индивидуумом или группой людей и некоторым материальным объектом, который человек психологически присвоил, «растворил», индивидуализировал в ходе субъект-объектного взаимодействия. Девять характеристик отличают привязанность:

- 1) она формируется по отношению к определенным материальным объектам, а не категориям изделия или торговым маркам;
- 2) предмет собственности, к которому возникла привязанность, должен психологически приниматься;
- 3) привязанности могут усиливаться и расширяться сами по себе;
- 4) они индивидуальны и подразумевают отказ от качеств предмета как товара — он психологически не подлежит купле-продаже;
- 5) привязанность подразумевает историю владения предметом;
- 6) она обладает энергией, представляет собой силу;
- 7) привязанность — многофакторное, системное явление;
- 8) привязанность — сложный эмоциональный комплекс;
- 9) привязанности меняют свой смысл по мере изменения идентичности обладателя.

Итак, привязанности предполагают субъектное отношение к предметам, среди которых выделяются «специальные», «любимые», «любимые» или «самые важные».

Направлением исследования мира вещей посвящен прекрасный обзор П. Лунта (P. Lunt) [132]. С. Торкл (S. Turkle), исследуя отношения с таким объектом, как компьютер, пришел к выводу, что он обладает возможностью символического влияния на человека будучи носителем тревог, эмоций, раздумий людей [396]. Д. Принтайс (D. Prentice) ввел различие между инструментальными и символическими функциями обладания вещью: первые позволяют людям управлять средой в соответствии с их нуждами, вторые наделяют вещь функциями субъекта диалога [379]. Л. Фарби (L. Furby) показал, что эти функции не всегда легко развести, потому что вполне

инструментальный объект, например ваза, может одновременно выполнять символическую функцию [331].

Указанные работы сфокусированы на отношении человека к вещам. Лунт (P. Lunt) и С. Ливингстоун (S. M. Livingstone) полагают, но вещи можно рассматривать как части семейных отношений [363]. Проводя интервью с семьями, они обнаружили, что вещи часто выступают маркерами для обозначения обязанностей и ролевых идентичностей, способами поощрения и наказания, как предмет спора и средство управления.

Еще одна работа посвящена явлению слитности субъекта с его вещами: психологи из Германии Б. Крае (B. Krahe) и Х. Фенске (H. Fenske) показали, что агрессивное вождение опосредовано значимостью образа мачо для водителя и мощностью двигателя [349; 130]. Очевидно, что этот феномен основан на идентификации собственной маскулинности с мощностью предмета-заместителя, причем эта связь особенно сильна у более молодых водителей, в то время как более взрослые и опытные, по-видимому, рассматривают автомобиль всего лишь как средство передвижения, не идентифицируясь с ним. Интересно, что исследование агрессивного вождения у женщин обнаружило более мягкие и гибкие связи личностных особенностей и стиля вождения: определяющей оказалась агрессивность как черта личности, а фемининность отрицательно связана с агрессивным вождением. Таким образом, идентификация с автомобилем у женщин, возможно, также имеется, однако она не столь буквальная, как у мужчин. Однако в целом, безусловно, замещающая роль личных предметов позволяет объяснить и многие факты фетишизма.

Суверенность мира вещей не зависит от экономического статуса семьи: в условиях достатка в семье часто отмечаются феномены «золотой клетки» — все есть, но выбрано не самим субъектом, а предложено ему во владение другими, контролирующими право собственности. С другой стороны, в небогатых семьях дети с удовольствием носят вещи других членов семьи.

Нельзя недооценивать возможности этого сектора психологического пространства: очень часто усиление контроля над миром личных вещей («шопинг-терапия») открывает процесс восстановления самоуважения у женщин, переживших кризис расставания с мужчиной. У мужчин также есть особо интимные предметы (по наблюдению автора, в основном фонарики и ножики, в мечтах — ружье или пистолет), нечасто используемые знаки самовыражения их «внутреннего ребенка». Все это укрепляет в убеждении, что человек может быть понят только как экзистенциально-телесно-психо-территориальная целостность в единстве с вещной средой как объектом идентификации.

Итак, обобщим функции личных вещей в человеческой жизнедеятельности:

- 1) орудия деятельности;
- 2) коммуникативные послания;
- 3) средства самопрезентации;
- 4) средства поддержания личной и социальной идентичности;
- 5) средства установления контакта с действительностью;
- 6) средства замещения социальных объектов;
- 7) ресурс самоподдержки и стихийной психотерапии;
- 8) маркеры личной территории.

3.2.5. Суверенность временного режима (привычек)

Режимные и временные привычки косвенно рассматривались в работах Н. Тинбергена, К. Левина, К. Лийк, М. Голан, Л. А. Китаева Смыка, Э. Пиклер [243, 116, 123, 335, 93, 197]. В этологии в качестве гомолога привычек, по-видимому, может рассматриваться дневной и ночной образ жизни животных на одной и той же территории, благодаря чему они могут избежать соперничества и борьбы. В психологии среды привычки как динамические стереотипы, привязанные в своей последовательности ко времени, обеспечивают предсказуемость шума, что многими психологами отмечается в качестве важнейшего условия дружественной среды.

Это наложение временных ограничений на пользование всем, что человек считает своим: можно фрустрировать его телесность, попросив выйти из ванны раньше времени, или поторопить с завтраком, который субъекту нравится проводить неспешно, можно потребовать вернуть одолженную вещь, выгнать из комнаты, помешать встретиться с другом или сделать эту встречу «скомканной» и оттого бессмысленной, можно переключить программу телевизора. На наш взгляд, измерение временного режима особенно отражает краткосрочность жизни вообще, напоминая о том, что все сущее дано на время.

«Привычки» человека в данное время можно и нужно рассматривать как части настоящего поля», писал К. Левин [116, 75].

Привычки как отработанные способы поведения определяются:

- а) продолжительностью действия;
- б) последовательностью действий.

Отсюда становится понятно, что депривация привычек может выражаться либо в прерывании действия, в силу чего человек переживает фрустрацию незавершенности гештальта, либо в нарушении порядка действий^ права первенства.

Уважение к привычкам человека выражается в предоставлении • ему возможности завершить начатое дело, не прерывая его. Привычки по-прежнему важны для людей, которые переживают состояние ослабления субъектности и потому не могут контролировать свою жизнь и сой мере, в какой им этого хотелось бы, — для детей и стариков. | >ти более консервативны по сравнению с людьми среднего возраста и больше нуждаются в соблюдении привычного распорядка: если пни не могут принимать решения, то, по крайней мере, располагают информацией о том, что и когда произойдет. Именно поэтому им так и.о.жно знать подробности распорядка дня близких людей — нахо-ин'ь в состоянии созависимости с ними, таким образом они могут мранее подготовиться к событиям.

И этологии важность свободы в выборе темпоритма отмечалась I. .Лоренцом [129]. Бег наперегонки с самим собой он рассматривал как один из главных «грехов» цивилизованного человечества, | шнсный тем, что не оставляет человеку времени для рефлексии («Думать некогда, надо трясти!») и самосозерцания. В результате человек утрачивает счастливую способность отвлеченного мышления, которую зарабатывал на протяжении тысячелетий. Таким образом, бесчеловечно высокий темп жизни, не учитывающий возможностей К'мперамента, деиндивидуализирует, лишает свободы самоподтверждения, ограничивает и насилует человеческую природу.

/(некомфортно высокий (или противостоестественно низкий) темп жизни — это не единственные способы депривации повседневного бытия. Не только темп, но и порядок действий как способ структурировать время и вносить определенность в ситуацию конституиру- | I жизненное расписание человека.

Уважение к привычкам давно отмечалось в практической психологии и педагогике как важное условие развития гармоничного человека. Венгерский педагог Э. Пиклер, разрабатывая антидеприваци-01111ые меры по отношению к воспитанникам детских домов в возрасте о с 2 недель до 3 лет, в качестве необходимой составляющей выделяла предоставление ребенку альтернативы действия и возможности его закончить [127, 180]. Порядок действий в повседневном поведении нередко служит обозначению социального статуса (споры о сом, кому быть первым, кому раньше пройти, первым занять место, первым зачерпнуть ложкой суп и т. д.).

Привычки как форма временной организации собственного бытия особенно важны для зрелого возраста, когда чувствительность к внедрениям становится особенно высокой. Типичные жалобы посетителей психологической консультации часто включают указание на со, что режим их жизни определяется не ими. И если данное обстоятельство воспринимается как нормативное, хотя и обременительное, детьми и пожилыми людьми, то в зрелости режимная зависимость

переживается как особенно унижительная. Так, например, клиентка П., 44 лет, переживающая системный личностный кризис (развод, разлука с ребенком, отсутствие работы, смена профессии), жалуется собственным временем, у нее нарушены сон и распорядок дня, она не способна планировать свои действия и с трудом может представить себя на службе, требующей постоянного присутствия. Все это может быть результатом ее долгой семейной жизни в режиме полной неопределенности и подчинения мужу (П. должна была ждать его с работы, не зная, когда он вернется; должна была готовить диетические блюда по его заказу, но нередко оказывалось, что, попросив ее об этом, он тут же шел обедать в ресторан и отказывался есть приготовленную ею пищу). Естественно, способность к временной самоорганизации у П. сильно страдает, отчего она не всегда чувствует время. Работа с ней ведется в направлении краткосрочного планирования и тренировки умения «вписываться» в режим и привычки других людей.

Можно выделить функции режимных привычек в жизнедеятельности человека:

- 1) предсказуемость (снижение уровня неопределенности) среды;
- 2) разграничение сфер территориального влияния по времени;
- 3) разграничение права пользоваться одними и теми же вещами по времени;
- 4) защита от фрустраций, связанных с незавершенностью действия;
- 5) обозначение социального статуса через первенство-подчинение,

Именно эти функции нарушаются в случае временного смещения поведения (когда дети мешают родителям, не отправляясь вовремя спать, или кто-то из членов семьи досаждают близким своим ненормированным рабочим днем, который он проводит дома). Психологически переживаемая депривация связана с тем, что во всех этих случаях последовательность владения и управления одной и той же ситуацией сменяется одновременностью владения, порождая конфликты.

3.2.6. Суверенность социальных связей

Способность поддерживать, углублять и развивать межличностные отношения как ценность отмечалась всеми ведущими исследователями личности и общения: Р. Бернсом, Ч. Кули, Дж. Мидом, В. В. Сталиным, Г. М. Андреевой, И. С. Коном [20, 237, 10, 99]. Этот сектор психологического пространства вовлечен в обсуждение нескольких персонологических проблем.

Во-первых, как строятся отношения человека с большим социумом и как противостоять этому социуму?

Во-вторых, как человек устанавливает безопасную дистанцию с близкими?

В-третьих, по каким критериям некто включается в круг близких или изгоняется из него?

И наконец, почему человек взаимодействует не с теми людьми, которых он выбрал, и что с ним в результате такого общения происходит?

Значимые люди начинают включаться в психологическое пространство по мере разделения социального мира на «своих» и «чужих», что, по мнению И. С. Кона, связано и с территориальным инстинктом: друг — это человек, живущий на той же территории, от которого не нужно защищаться, к которому можно безопасно для жизни повернуться спиной [99]. Референтная группа представляет собой давно и подробно изученный предмет социальной психологии. Социальная среда как подструктура среды выделялась раньше других подструктур, в частности, в работах У. Бронфенбреннера и Дж. Вулпилла. Надежность отношений с другими предполагает возможность влиять на эти отношения и отвечать за них.

Отсутствие суверенности в установлении социальных отношений приводит либо к отчужденности, либо к симбиотической зависимости (к чему мы еще вернемся в разд. 5.3). Можно выделить несколько форм искаженных социальных контактов, которые свидетельствуют о нарушении дистанции. Так, может иметь место насильственное имение, когда ребенок или взрослый вынужденно общается с тем, кого он не выбирал. Ощущение, что все кругом — другие, не-свои, может свидетельствовать о деперсонализации, собственной неуместности в социальных обстоятельствах бытия. В психологии среды и психологии приватности социальная депривация изучалась больше всего в связи с особыми условиями изоляции (в госпитале, тюрьме) или чрезмерной скученности (иногда там же). В обоих случаях человек не может прерывать или инициировать контакты и оказывается зависимым от среды.

Обращаясь к данным детской психологии, мы можем обнаружить факты, свидетельствующие о том, что личные (не навязанные родителями) дружеские отношения у детей возникают на исходе дошкольного возраста, укрепляются в младшем школьном и достигают наивысшего расцвета в подростковом возрасте, когда «горизонтальные» отношения начинают доминировать над иерархическими. На протяжении всего этого периода ребенок отстаивает право иметь личных (а не общих или семейных) друзей. Неспособность защитить свои привязанности нередко оценивается как предательство.

В исследовании нашей ученицы Т. В. Точиной показано, что у мальчиков раньше по сравнению с девочками (примерно в 10-11 лет) начинает проявляться стремление к установлению личных отношений

со сверстниками, которые частично вытесняют взрослых, до этот обладавших высоким авторитетом [248]. Поскольку детские отношения контролируются родителями довольно плотно, то понятно, что мальчики чувствуют себя социально обездоленными, если не имеют возможности проявлять самостоятельность. У девочек же расширение круга значимых других происходит кумулятивно: сохраняя отношения со взрослыми, они расширяют и взаимодействие со сверстниками, и потому понятно, что проблема избирательности в общении и, соответственно, насильственного изменения круга общения девочками переживается не столь остро, как мальчиками.

Суверенность социальных связей — необходимая предпосылка формирования избирательности в социальных отношениях, которая уводят человека от общения по типу «анонимной стаи» (К. Лоренц) и делает возможной «общение-встречу» (М. Бубер) [32; 130]. Без практики подобной избирательности не может возникнуть субъектно-отношение к другому, а, следовательно, не может быть достигнута психологическая интимность.

Готовность включить «другого» в социальный сектор психологического пространства и уверенность в способности защитить свои социальные границы, по мнению социальных психологов, представляет собой основу толерантности [228]. Однако поскольку идентичность предполагает не только отождествление, но и присутствие и осознание границ, то вполне закономерно, что при невыстроенных или нарушенных границах шанс воспринимать другого как чужого возрастает, что и выражается в разных вариантах ксенофобии.

Если же человек в силу своей социальной неразборчивости или ложно понимаемых правил общается с человеком, который воспринимается как находящийся за пределами психологического пространства, это приводит к чувству отчужденности, сделанности жизни, к страдательно-жертвенному самоощущению. Об этом прекрасно написано в известном стихотворении Е. Евтушенко.

«Со мною вот что происходит,
Ко мне мой старый друг не ходит,
А ходят в разной суете
Разнообразные не те.
Со мною вот что происходит,
Совсем не та ко мне приходит,
Мне руки на плечи кладет
И у другой меня крадет.
А той скажите, бога ради,
Кому на плечи руки класть?
Та, у которой я украден
В отместку тоже станет красть.

Не сразу этим же ответит,
А будет жить с собой в борьбе
И неосознанно наметит
Кого-то, дальнего себе.
О сколько вредных и ненужных связей,
Дружб ненужных.
Во мне уже осатаненность.
О, кто-нибудь, приди, нарушь
Чужих сердец соединенность
И разобщенность близких душ.
Со мною вот что происходит...»

Хотя язык психологии более скуден по сравнению с языком искусства (иначе зачем нам было бы обращаться к литературе?), остановимся на основных моментах замечательного стихотворения, которое содержит в себе и диагноз, и прогноз. Лирический герой, переживающий кризис («Во мне уже осатаненность»), — очевидно не автор собственных взаимоотношений, в которые включены «разнообразные не те». Он усиливает восприятие себя как объекта, а не субъекта, метафорой «украден» — им можно, как предметом, овладеть или его можно украсть; у него есть хозяин. Далее: лирическому Герою хотелось бы быть с «той», и он осознает травмированность и поей подруги в связи с их разобщенностью и собственную вину перед ней, но, тем не менее, для него наиболее вероятное развитие взаимоотношений, — что возлюбленная (обратим внимание на деятеля, творца ситуации) «в отместку тоже станет красть». Таким образом, цепочка объектных отношений и социальных деприваций продолжается, и намечаются следующие жертвы этого безрадостного процесса. А экзистенциальный кризис зрелости усиливается неспособностью шорчески использовать социальный онтологический язык, то есть inability автором собственных личных отношений.

Итак, можно выделить следующие функции суверенности того сектора психологического пространства, который включает в себя социальные контакты и связи:

- 1) установление отношений психологической интимности;
- 2) начиная с некоторого возраста — установление сексуальной интимности;
- 3) выбор референтной группы или значимого другого;
- А) развитие самосознания («зеркального Я»);
- 5) обретение личной и социальной идентичности;
- 6) принятие личной ответственности за отношения с людьми.

1.2.7. Суверенность вкусов и ценностей (аксиологическая)

Наконец последнее выделенное нами измерение психологического пространства — это вкусы и ценности, которые в начале жизни отражают индивидуальную позицию, а затем — мировоззренческий аспект бытия. Вкусы и ценности направлены не на условия выживания (необходимые предметы потребностей), а скорее представляют собой ресурс развития, те «запасные элементы» системы, которые позволяют сделать возможной индивидуализацию. Важность вкусов и ценностей для развития личности отмечалась К. Г. Юнгом, Э. Эриксоном, К. Левином, В. Франклом, И. Яломом, У. Бронфенбреннером и другими исследователями [292-295; 291; 116; 298; 258].

Вкусы мы понимаем как выражение пристрастности по отношению к объекту, не жизненно важному, но необходимому для поддержания идентичности. Стремление настаивать на своих вкусах не может быть объяснено одномерно в контексте производимого человеком действия, оно предполагает индивидуализированную интерпретацию: например, маленький ребенок не может аргументировать свою нелюбовь к манной каше ее вредоносным воздействием на здоровье; он просто ее не любит и хочет есть овсянку. Если родители все же станут настаивать на своем, это будет переживаться как насилие над психологическим пространством ребенка. То, что в детстве представляет собой просто упражнение, «лишний» элемент взаимодействия, в отрочестве и зрелости становится опытом неконформности.

К. Левин отмечал, что, подобно термину «идеология», понятие «ценность» является довольно неясным в психологии, потому что не имеет характера цели, но, тем не менее, руководит поведением человека. Например, человек не пытается «достичь» честности, но честность руководит его поведением, то есть присутствует в силовом психологическом поле субъекта.

Согласно психоанализу, ценности — это «интернализированные» родители и потому влияют на основные жизненные выборы человека. Они могут быть личными, а могут разделяться с другими, но при этом также лично приниматься. Мировоззрение как система убеждений начинает формироваться с умения отстаивать свои вкусы в повседневных ситуациях — сначала относительно вещей или режимных привычек, а позже — ценностей. Идентификация с идеями описывалась в гуманистической и экзистенциальной психологии в работах В. Франкла, Э. Фромма, в крайних вариантах одержимости сверхценной идеей исследовалась в клинической психологии. Человек как субъект мировоззрения и как его раб является предметом пристального внимания культуры Нового времени.

Г. К. Честертон писал по этому поводу так:

«Есть люди — и я из их числа — которые думают, что самое важное, то есть практически — важное, в человеке — это его мировоззрение. Я думаю, что для хозяйки, имеющей в виду жильца, важно знать размеры его дохода, — но еще важнее знать его философию. Я думаю, что для полководца, собирающегося дать сражение неприятелю, важно знать численность его, но еще важнее для него знать философию неприятеля. И я думаю даже, что вопрос совсем не в том, оказывает ли мировоззрение влияние на окружающую среду, а в том, может ли в конце концов что-нибудь другое оказывать на нее влияние» (Цит. по [62, 9]).

К. Г. Юнг отмечал:

• ...только то общество может считаться живучим и долговечным, которое умеет сохранять свою внутреннюю связь и свои коллективные ценности при возможно большей свободе индивида. А так как индивид есть не только единичное существо, но предполагает и коллективное отношение к своему существованию, то процесс индивидуации ведет не к разединению, а к более интенсивной и более коллективной связанности» [292, 522].

Таким образом, индивид и социум не противопоставлены друг другу, а находятся в состоянии дополнительности: уважение к ценностям и взглядам отдельного человека укрепляет общество в целом, а насильственная подмена личного мировоззрения коллективным — к протесту против общества и его разрушению. Это положение утверждает необходимость идеологической синергичности человека и мира.

Иначе вкусы и ценности рассматривались в рамках психологии приватности. И. Альтман отмечал в качестве специфически человеческой особенности «когнитивную территориальность», или идею. Не только на материальные предметы и территорию заявляет свои права субъект, но также и на ментальные явления: наука, искусство, авторские права, патенты, другие виды авторства на идеи обладают для человека высокой важностью. Очень существенно и первенство и идеях, то есть временной аспект их использования.

Депривация вкусов и ценностей проявляется в том, что близкие не разделяют и не уважают присущих субъекту вкусов, а затем и ценностей (на что также обращал внимание К. Лоренц, говоря о нарушении межпоколенных связей, — понятно, что общие факультативные занятия сближают не меньше, чем общая профессия) [129]. (Очевидно, что низкая внутрисемейная толерантность к вкусовым и идеологическим предпочтениям друг друга сопровождается психологическими травмами, конфликтами «отцов и детей», что многократно описано в психологической практике и мировой художественной литературе¹).

¹ Супружеские и семейные конфликты...могут быть обусловлены различием политических, религиозных взглядов или просто повседневными привычками. «Жаноронки» и «совы» трудно уживаются друг с другом, существуют и конфликты между любителями открытых и закрытых окон, «Стрекозами» и «Муравьями», путешественниками и домоседами, между сторонниками классической музыки и рока... Многие конфликты связаны с деньгами, с бюджетом и экономическим бессознательным: кто и на что тратит, кто экономит...», — пишет А. А. Шутценбергер [290, 189].

Способность уважать то, что не необходимо, но составляет праздничную сторону жизни, возвращает «внутреннего ребенка». Неволя, возможность защитить собственную идеологию приводит к появлению не критичности по отношению к мировоззренческим системам других людей и, как следствие, — неспособности выстраивать **прочные** границы перед идеологическим вторжением.

Если суверенность физического тела, территории, личных вещей это необходимые условия выживания человека как индивида, то суверенность привычек, социальных связей и ценностей делают возможным его самотрансценденцию, обретение им логоса, его самоосуществление как личности. Поэтому можно ожидать, что эти измерения представляют собой более позднее историческое и онтогенетическое образование.

Итак, что же дает человеку способность и возможность отстаивать суверенность своих вкусов и ценностей?

1. Обеспечение экзистенциальной уверенности (свободы, осмысленности, ценности бытия).
2. Обеспечение креативного отношения к собственной жизни.
3. Обеспечение критичности к идеологическому воздействию.
4. Обеспечение личной ответственности.

Эти измерения психологического пространства позволяют выделить моменты становления и механизмы функционирования такого основополагающего системного качества личности как ее суверенность.

Обобщая все вышесказанное, можно убедиться в том, что человек действительно существует как целостная телесно-территориально психо-экзистенциальная единица, самоподтверждаясь и презентуя себя посредством разных языков своего бытия.

3.3. Теория психологической суверенности

Психологическая (личностная) суверенность (от французского *souverain* — носитель верховной власти) — это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанная на обобщенном опыте успешного автономного поведения. Она представляет собой форму субъектности человека и позволяет в разных формах спонтанной активности реализовать потребности. Несколько иначе суверенность может быть понята как состояние границ психологического пространства, являющихся инструментом равноправного взаимодействия и селекции

внешних влияний, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека.

1.3.1. Тезаурус понятия «психологическая суверенность»

(>чертим терминологический контекст данного понятия. Суверенность обязательно предполагает указание на тот объект, по отношению к которому она устанавливается, или на ту среду, из которой тебя субъект выделяет. Таким образом, к нашему определению имеем >т отношение все психологические подходы к проявлениям индивидуального бытия.

К. Г. Юнг полагал, что обособление психологического индивида в качестве существа, отличного от коллективной психологии, происходит в процессе индивидуации, приводящей к обретению *самости* (неосознаваемой сущностной основы личности), выражающей ее единство и целостность [292-297]. Область пересечения понятий «психологическая суверенность» и «самость» включает в себя эмпирически подтверждаемые бытийные поступки и переживания, в то время как самость в целом поддается верификации лишь частично.

Семантически близко суверенности понятие идентичности как устойчивой системы способов поведения личности в соответствии с Я-концепцией [20]. Это понятие использовалось Э. Эриксоном; оно отражает преемственность разных стадий жизненного цикла человека (тождественность самому себе) [291]. В становлении идентичности очень важно существование «опорных точек», которые служат человеку внешними доказательствами его существования — это качества его тела, личное пространство, социальное окружение. Если переживание идентичности непрерывно, то переживание суверенности в нашем понимании подразумевает дискретность и привязанность к тем или иным средовым объектам.

В гуманистической психологии часто говорят также о *личной автономии* — независимости, способности принимать решения, опираясь на внутреннюю поддержку [21]. На наш взгляд, обсуждаемые категории можно соотнести следующим образом. Автономия — это в первую очередь независимость «от чего-то», а суверенность — управление «чем-то», «по отношению к чему-то». Если вспомнить уже упоминавшиеся опыты Эриксона по изучению организации игрового пространства мальчиками и девочками, то можно провести такие параллели: автономия — это «маскулинное» понятие, акцентирующие то, от чего отделяется субъект, что остается за пределами рассмотрения, а «суверенность» — «фемининное», сосредоточивающее на том, чем же все-таки он управляет.

Механизмом достижения автономии (и суверенности) является сепарация — отделение от физической и социальной среды и ее отдельных объектов, в том числе родителей. Близким содержанием обладают также термины «обособление» (В. С. Мухина) и «отчуждение» (психоанализ), акцентирующие процесс и результат отделения субъекта от первичной целостности, в которой он слит со средой [152].

Понятие суверенности во многом пересекается с категориями «ответственности» и «локус контроля».

Локус контроля, как его определял автор понятия Дж. Роттер, это склонность видеть источник управления своей жизнью преимущественно в самом себе (интернальность) или во внешних обстоятельствах (экстернальность). В соответствии с нашим определением суверенная личность может как активно управлять своей жизнью, так и принимать ее обстоятельства; ключевыми признаками при этом являются внутреннее согласие и переживание ненасилия [151].

Ответственность в психологии, согласно К. Муздыбаеву, — это способность отвечать (ретроспективная) за совершаемые человеком выборы или прогнозировать их (перспективная). Суверенность же в нашем понимании ближе принятию ответственности за содержание и обустройство собственного психологического пространства. И то и другое, впрочем, представляют собой проявления субъектности человека.

Суверенность может быть соотнесена и с категорией *самоутверждения*, используемой в работах Н. Е. Харламенковой [265-266]. Самоутверждение понимается ею как базовая потребность, которая актуализируется посредством осознания человеком себя как ценности и реализуется в различных стратегиях жизни, определяемых в основном в аксиологических, а не средовых понятиях, и, в отличие от суверенности, не рассматривается как относительно стабильное качество личности, основанное на предыдущем опыте. Если самоутверждение — это в первую очередь «утверждение себя», то суверенность — это защита и сохранение своего психологического пространства, структура которого отвечает спектру потребностей.

В межличностных и социальных отношениях также нередко используют категории *конформности-неконформности* и *независимости*. Конформность дословно означает «принятие формы», то есть следование образцам, обычно этического или ценностного содержания, предъявленным извне. При этом очевидно, что явление неконформности также представляет собой вариант зависимости «с точностью до наоборот», когда решение противоположно ожидаемому от субъекта, но также принимается не спонтанно. В. Э. Чудновский

предлагает для описания позитивного поведения использовать более точное понятие «независимость» [277].

Уточним смысловое поле основного понятия нашего исследования. В отличие от исследований независимости, автономии, неконформности, деиндивидуализации психологическая суверенность подразумевает не сопоставление поступка с заданными извне нормами и образцами поведения, а внутреннее эмоциональное согласие с объективными фактами жизни человека. В противоположность исследованиям в рамках психосинтеза, гуманистической и экзистенциальной психологии личности, суверенность представляет собой не просто признак гармонии с самим собой как интрапсихологическое явление, но и синергичное отношение к жизненным ситуациям, предъявленным на средовом языке. Поэтому суверенность может быть изучена только через отношение к разным измерениям психологического пространства.

Суверенность проявляется в переживании аутентичности собственного бытия, уместности в пространственно-временных и ценностных обстоятельствах своей жизни, которые она создает либо принимает, уверенности человека в том, что он поступает согласно собственным желаниям и убеждениям.

Если же человек действует следуя логике обстоятельств и воле других людей, которая им не интериоризируется, можно говорить о депривированности личности (от англ. *deprive* — лишать). Доминирующее переживание в этом случае состоит в ощущении подчиненности, отчужденности, фрагментарности собственной жизни и характеризуется затруднениями в поиске объектов среды, с которыми человек себя идентифицирует: он ощущает себя «на чужой территории» и не в своем времени.

Можно говорить о таких уровнях изучаемого качества, как:

- а) сверхсуверенность;
- б) нормальная (умеренная) суверенность;
- в) депривированность;
- г) травмированность (неподтвержденность).

Сверхсуверенность (квазисуверенность) проявляется как явление сверхкомпенсации в ответ на избыточно депривационные воздействия извне, неподтвержденность означает полное пренебрежение потребностями человека.

Психологическая суверенность — одно из базовых качеств личности, однако специальных теорий ее генезиса и проявлений до сих пор создано не было. Но в дружественных научных дисциплинах — психологии и культурологии — заложен мощный фундамент, окольными

путями подводящий к постановке проблемы суверенности в психологии и позволяющий сделать вывод об эволюционном и социальном предназначении этого явления.

3.3.2. Биологические предпосылки теории психологической суверенности

Биологический аналог явления психологической суверенности, на наш взгляд, — это границы в этологии, поэтому имеет смысл остановиться подробнее на их роли в жизни отдельной особи и биологического вида. Понятие границ возникло в связи с изучением территориальности в работах К. Лоренца и Н. Тинбергена, позже исследовалось Д. Моррисом, В. Р. Дольником, Т. Лири, Р. А. Уилсоном [130; 243; 149; 66; 125; 253]. К сожалению, наблюдение и аналогия как основные методы сравнительной этологии не могут достоверно доказать гомологичности, отношения к границам в мире животных и человеческом сообществе, поэтому полученные в этологии факты пока можно рассматривать как дискуссионные. Однако игнорировать их, особенно при объяснении социальных проявлений личности, было бы неразумно: этология часто представляет собой очень «нелишнюю» сущность.

3.3.2.1. Границы в биологии и психологии

Каждая особь стремится закрепить за собой личный участок территории для обеспечения основных жизненных потребностей в пропитании, гнездовании, выращивании потомства. Внутри и вне личной территории особь ведет себя по-разному: наиболее напряженными во взаимодействии оказываются границы, где происходят сражения, которые «ведут к пространственному разрежению популяций, обеспечивая каждой особи обладание определенным объектом или территорией, необходимыми для воспроизведения вида. В результате предупреждается совместное пользование такими объектами, которое во многих случаях было бы губительным или по крайней мере менее эффективным» [243, 64]. Таким образом, границы отделяют индивидуальную жизнь особи (или частную жизнь, как это принято говорить о людях) от жизни видовой, общественной, причем это деление эволюционно оправдано, обеспечивая безопасность нормальной жизнедеятельности живого существа.

Территориальность определяет и выбор партнера для копуляции (его участок должен быть достаточным, чтобы прокормить самку и потомство), он служит индикатором статуса самца (альфа-самец имеет больший и лучший участок). Параллели с браком по расчету у *Ното* очевидны.

Реальное или предполагаемое изменение границ индивидуальной территории служит сигналом для специфического поведения особи: шбо защиты посредством агрессивно-оборонительного поведения, шбо бегства до места большей безопасности. По мнению К. Лоренца и П. Тинбергена, эти инстинктивно закрепленные образцы поведения, сложившиеся в течение тысячелетий, продолжают функционировать и у человека, частично трансформировавшись в социальные инстинкты, а частично проявляясь в динамике внутреннего мира личности [130; 243]. Отсюда — проявления нетолерантности и ксенофобии не только по отношению к «захватчикам» буквальной жилплощади, но и по отношению к людям социально, эстетически, интеллектуально, идеологически не близким.

Проведем аналогию. Психологическое пространство, которое человек ощущает своим, позволяет ему обособиться, отграничиться от мира предметов, социальных и психологических связей, представляющих среду его жизнедеятельности в широком смысле. В зависимости от того, воспринимается ли окружающий мир как чуждый или родственный, собственная активность человека становится агрессивной либо кооперативной. Границы определяют отношение к малому и большому социуму — семье и друзьям, социальной группе, этносу, человечеству. Восприятие среды как дружественной, как части психологического пространства, позволяет проявляться конструктивным, кизнетворческим тенденциям, приводящим к взаимопроникновению человека и мира. Принятие в психологическое пространство большого круга людей свидетельствует, как отмечал Э. Эриксон, о «широкой идентичности», чувстве общности с другими. Если же среда воспринимается как чуждая, границы блокируются, ограничивая поле актуализации личности [291]. Мера уверенности в прочности границ, на наш взгляд, определяет способность личности к диалогу и любых сферах жизнедеятельности.

По результатам эмпирических исследований и теоретических обобщений можно выделить следующие функции психологических границ (которые мы будем называть также личностными границами):

- на границе взаимодействия с миром рождается субъектность. Границы определяют, что есть «Я» и «не-Я»; пограничная линия показывает, где заканчивается «Я» и начинается кто-то другой;
- границы определяют личную идентичность человека. Устанавливая границу, личность самоопределяется и получает возможность активно выбирать способы самовыражения и самоутверждения, не нарушающие личной свободы. Без границ идентичность размывается;

- границы создают возможность и инструмент равноправного взаимодействия. Если границы личности не справляются с этой функцией, способность к контакту подменяется пассивной манипуляцией либо агрессивным неуважением к другим;
- границы создают возможность селекции внешних влияний. Прочные границы защищают от соблазнов разнообразных зависимостей, позволяя субъекту подняться «над полем», а нарушения приводят к развитию у человека склонности к виктимизации и развитию комплекса жертвы;
- наличие границ определяют пределы личной ответственности. Неспособность осознать пределы собственной ответственности может привести к следующему:
 - § сверхответственности и психическим перегрузкам;
 - § появлению невротического чувства вины; инфантилизации окружающих, не отвечающих за последствия своих ошибок;
- Ф неспособности обратиться за помощью (психологической противоположности феномена *learning helpless*).

Слабость границ приводит к неспособности человека стать ответственным субъектом своей жизни в ее различных сферах: человек уязвим в отношении социальных воздействий, притязаний на его личную собственность, территорию, мировоззрение и даже тело [96, 97]. Другой стороной этой уязвимости является отсутствие внутренних сдерживающих сил перед внедрением в психологическое пространство других людей, то есть прозрачность границ — условие обобщенной «коммунальной психики», в которой не допускается приватность.

Необходимо отметить также, что по отношению к психологическому пространству категория границ используется скорее как пространственная метафора: и если границы собственного тела субъекта, территории, владения личными вещами могут иметь точную объективную локализацию, то границы вкусов, привычек и социальных предпочтений переживаются опосредствованно, через субъективное отнесение к «своему» или «иному». Таким образом, границы этих измерений проявляют себя в поведении и социальных установках человека.

Несколько отличное понимание границ практикуется в отечественной психологии. Так, в теории «внутреннего движения деятельности» В. А. Петровского границы — это скорее ограничитель, это конкретная задача, которая теряет свою актуальность после решения.

¹ • тогда и возникает проблема сопоставления, мотивационного «осознания» влечений и долженствования.

Однако предназначение психологических границ нам видится иным. Прекрасную формулировку основного понятия подарил автору в личной беседе В. М. Ялтонский: суверенность — это оазис между своими потребностями и потребностями других людей. Это мера личной свободы, которую субъект считает для себя необходимой и которой готов добровольно ограничиться. Первоначально границы устанавливаются, возможно, другими людьми, но принимает (или изменяет) их расположение сам субъект. Это не приказ извне: «Не выходи за пределы своего участка!», а скорее предупреждение изнутри: «Сюда может войти не каждый, и я сам выйду, когда захочу». Когда субъект стремится к границе, которая, как нраведливо отмечает В. А. Петровский, обладает самостоятельной побудительной силой, и пересекает ее, он тем самым просто переносит ее с прежнего «внешнего» места внутрь, и она оказывается внутри психологического пространства, которое теперь приобретает новую конфигурацию. «Надситуативная активность» может выходить за пределы физического пространства и объективно представленной ситуации, но всегда остается внутри психологического пространства, которое «растягивается» с каждым актом самовыражения субъекта.

В нашей работе суверенность изначально предполагает собой право на выбор. Именно выбор в разных формах активности (адаптивной, пеоадаптивной, просто предпочтения или чувствительности как формы активности) представляет собой основание субъектности и присутствия суверенности как качества личности. Поэтому понятно, что обретение суверенности как укрепление границ может быть самоцелью только в критические периоды, когда человек решает задачу адаптации, в другое время он пользуется своей суверенностью как исходным условием саморазвития и расширения возможностей бытия, в том числе и посредством надситуативной активности. Оборонительность — свойство незащищенного человека.

Однако вернемся к объекту и средствам выражения суверенности. Понятно, что, с одной стороны, средовые послания обладают неодинаковым значением и смыслом, а с другой — что разные средовые действия в снятии психического и эмоционального напряжения разного происхождения могут быть равноэффективными.

Вот что по этому поводу пишет Д. Моррис.

«Мы используем фактически любое тривиальное действие, чтобы дать выход накопившимся эмоциям. Оказавшись в конфликтной ситуации, мы можем переставить предметы интерьера, закурить сигарету,

протереть очки, взглянуть на наручные часы, налить себе какой-нибудь напиток или что-нибудь съесть. Конечно, любое из этих действий может иметь функциональное значение, но в качестве отвлекающих приемов они не срабатывают. Предметы интерьера уже стояли на нужном месте, и переставлять их, находясь в растрепанных чувствах, было ни к чему. Сигарету незачем было доставать, поскольку мы только что, нервничая, затушили почти целую. Очки, которые мы так старательно протираем, чисты и без того... Если мы глотаем еду, то не потому, что голодны. Все эти действия осуществляются не для того, чтобы получить нормальное удовлетворение, которое они доставляют, а для того, чтобы чем-то заняться и попытаться снять напряжение. Особенно часто такое происходит в начале каких-либо социальных встреч, которые могут таить страхи и агрессивные намерения» [149, 184].

Д. Моррис обращает внимание на использование территориальных действий, пищевого поведения или манипулирования вещами в качестве средств самоуспокоения, и потому можно говорить, скорее о функциональной взаимозаменяемости средовых языков. В связи с этим возникает вопрос о причинах их индивидуального предпочтения, для ответа на который лучше обратиться к дискуссионным, но заставляющим задуматься работам Т. Лири и Р. А. Уилсона [125; 253].

3.3.2.2. «Туннель реальности» и нейробиологические контуры

Согласно Уилсону, каждый человек ограничивает себя в видении мира: создает своего рода «туннель реальности», за границы, точнее, стены которого ему выйти чрезвычайно сложно [253]. Люди из разных «туннелей», живя в одном доме или работая в одном офисе, в плане экзистенциальном пересекаются редко. Более того, объединить «туннели» нельзя, можно только расширить свой до другого.

Чем же обусловлена эта изначальная ограниченность, не-универсальность человеческого бытия? По Уилсону, все его специфическое разнообразие определяется четырьмя факторами:

- генетическими императивами — жестко заданными программами, или «инстинктами»;
- импринтами — менее жестко заданными программами, которые мозг принимает только в моменты импринтной уязвимости;
- кондиционированием — программами, накладывающимися на импринты и легко изменяющимися контркондиционированием;
- обучением — еще более свободными и «мягкими» программами.

Импринты (дословно с англ. *imprints* — «оттиски», «отпечатки») — неотъемлемая часть нашей индивидуальности, потому что именно они устанавливают ограничения для дальнейшего кондиционирования и обучения. До появления первого импринта сознание младенца бесформенно и пусто, а затем начинает появляться некоторая структура, которая нередко делает растущий ум своим пленником. < ледуя работам Т. Лири, можно выделить в «аппаратном обеспечении» мозга восемь контуров. Четыре из них, древние и консервативные, присутствуют у всех, кроме одичавших детей. Эти контуры можно четко локализовать: за реализацию первого отвечает «рептильный» мозг, второго — «маммальный», третьего — «человеческий» и т. д. Чем i тарше контур, тем он сильнее.

Контуры нормативно определяют, что человек считает «своим», III есть эти языки присутствуют у всех. Однако доминирующий определяется содержанием импринта.

Коротко остановимся на первых четырех.

1. *Оральный контур биовыживания* импринтируется матерью, кондиционируется последующим питанием или заботой. Первоначально связан с кормлением (в частности, с сосанием материнской груди) и безопасностью (в частности, с прижиманием к матери). Обеспечивает механическое избегание всего вредного или хищного — или всего ассоциирующегося (благодаря импринтированию или кондиционированию) с вредным и хищным. Вполне может быть соотнесен в «диалектами» языка телесности: пищевым или кинестетическим.
2. *Анальный эмоционально-территориальный контур* импринтируется, когда ребенок начинает ходить и бороться за власть в пределах семейной структуры. Этот контур, свойственный в основном млекопитающим, отвечает за территориальные правила, эмоциональные игры и ритуалы доминирования или подчинения. Соответствует языку территориальности.
3. *Времясвязывающий семантический контур* импринтируется и кондиционируется человеческими артефактами и символическими системами, предсказывая и передавая сигналы через поколения. Это в нашем понимании мир вещей и значений, что практически так же трактовалось и в экологической семиотике А. Ланга. Именно поэтому язык вещей адресован в первую очередь членам семьи.
4. *«Моральный» социо-сексуальный контур* импринтируется первыми опытами оргазма в период полового созревания и кондиционируется племенными табу — в нашей структуре психологического пространства он расщепляется на сексуальное

наслаждение (которое нами пока еще не описано) и морашное удовлетворение (которое ближе измерению ценностей и специальных связей, но также нами пока не дифференцировано как не имеющее средового аналога измерение психологического пространства).

Контур биовыживания (телесность) делит проявления окружающего мира только на два вида: то, что для субъекта хорошо (полезно), и то, что для него плохо (опасно). Эмоционально-территориальный контур также делит мир на две половины: то, что сильнее человека (выше в иерархии стаи), и то, что слабее его (ниже в иерархии стаи). На этой основе развиваются социобиологические системы, которые складываются, что чрезвычайно важно, на довербальных стадиях развития ребенка и потому могут интерпретироваться лишь психоаналитическими средствами. Перепрограммирование импринтов — задача крайне сложная.

Семантический контур позволяет людям по желанию подразделять и заново соединять вещи. Благодаря существованию третьего семантического контура, который надстраивается над двумя первыми и имеет дело с артефактами, создается «туннель реальности», во многом аналогичный психологическому пространству (это личная часть бытия, которую человек выбирает из бытийного разнообразия). Именно функционирование этого контура, обеспечивающего означивание, рациональное познание и рефлексии, позволяет установить преемственность между чисто этологическими программами и их трансформацией в мире значений и ценностей.

Однако нижние контуры все равно энергетически сильнее.

«Эмоционально-территориальный, или "патриотический", контур также содержит программы статуса, или иерархии стаи. Действуя в тандеме с биовыживательным беспокойством первого контура, он всегда способен извратить функционирование семантического рационального контура. Все, что может привести к потере статуса, и все, что вторгается в "пространство" индивида (включая идеологическое "пространство"), представляет угрозу для среднего одомашненного примата. Если, например, какой-то бедняга привык к определенному жизненному статусу — "Я белый, а не какой-то там чертов нигер" или "Я нормальный, а не какой-то там педик" и т. п., — любая попытка проповедовать терпимость, гуманизм, релятивизм и т. п. будет обрабатываться в нем не семантическим, а эмоциональным контуром, и расцениваться как атака на статус (эго, социальную роль)» [253, 94].

Таким образом, становится понятно, что специфически человеческие проявления энергетически все равно поддерживаются более

ими программами, восходящими к задаче выживания, и только в контексте могут и должны интерпретироваться.

Итак, четыре контура, служащих самоподтверждению личности, возможны в выживании человечества как вида и передаются из поколения в поколение. Следующие четыре контура шире, чем первые и присутствуют лишь у немногих людей, поэтому нам не удалось выделить и включить в психологическое пространство личности в качестве нормативных ментальных содержаний, обусловленные этими контурами. Если древние контуры определяют эволюцию до сегодняшнего дня, то новые определяют будущее развитие. Но все же стоит упомянуть и их.

1. *Холистический нейросоматический контур* импринтируется экзотическим опытом, полученным благодаря биологической или химической йоге, и отвечает за нейросоматические («сознание - тело») обратные связи, то есть за самоуправление состоянием здоровья и жизненным тонусом.
2. *Коллективный нейрогенетический контур* импринтируется высокими ступенями йоги, содержит в себе весь эволюционный «сценарий» и архетипы юнговского «коллективного бессознательного».
3. *Контур метапрогрессирования* импринтируется высшими уровнями йоги и делает возможным сознательный выбор между альтернативными «туннелями реальности».
4. *Нелокальный квантовый контур* импринтируется шоком или околосмертным опытом и настраивает мозг на работу в нелокальной квантовой коммуникационной системе (программирует на бессмертие — вне-временность и вне-пространственность).

По мнению Р. А. Уилсона, молодые контуры обеспечивают широту способностей человека как универсального существа, олицетворяя его футуристическую направленность и развитие за пределами наличных условий. Те виды активности, которые подразумеваются ими пока не нормативными контурами, имеют характер «надситуативной» зоны ближайшего развития, однако можно предположить, что в некоторый момент в движущей среде эта активность также может стать необходимой, адаптивной.

Итак, человек действует как целостная биосоциальная система, как единство всех уровней программирования, которые, обладая различной чувствительностью и мощностью, определяют доминирующий язык бытия, трансформированный из основного контура выживания. Все последующие «редакции» средств онтологического самовыражения служат не просто биологическому выживанию, а самоподтверждению

субъекта в его индивидуальных или экзистенциальных качествах и передаче опыта последующим поколениям. Взаимозаменяемость этих языков обеспечивает целостность личности.

Анализ содержания этологических программ и нейрогенетических контуров позволяет увидеть преемственность между некоторыми формами поведения в мире животных и психологической суверенностью, осознать, насколько широкий спектр потребностей стоит за стремлением охранять границы психологического пространства, и потому становится понятно, что потребность в суверенности, восходящая к воле к жизни, становится одной из наиболее насущных для человека.

3.3.3. Культурологические предпосылки теории психологической суверенности

Если этология дает ключ к пониманию эволюционного смысла психологической суверенности, то ее социальное значение открывается в философии. О важности автономии как личной свободы размышлял еще немецкие философы. А. Шопенгауэр писал, что все вокруг! обладает волей к жизни, наполняя мир страданием от неудовлетворенных потребностей или страха, что они перестанут удовлетворяться [286]. Отмечая психотерапевтическую выгоду независимого существования, имеющего опору внутри самой личности, он призывал минимизировать потребности и ограничить контакты с внешним миром в пользу внутреннего.

Гуманистическая философская традиция понимания человека акцентирует важность суверенности как не только и не столько улова душевного здоровья субъекта, но также качества его духовной жизни, всегда подразумевающей сосуществование с другими людьми: как отметил П. Тейяр де Шарден, первого человека не было, было сообщество первых людей [279]. Потому очевидно, что психологическая суверенность обладает не только биогенезом, но и культургенезом. Если вспомнить А. Швейцера, границы показывают, где воля субъекта к жизни начинает противоречить воле к жизни, которой обладают другие существа.

Глубокий анализ явления психологической суверенности «от противного» содержится в работе Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» [185]. Отмечая ценность индивидуальности, он рассматривает массовость не как количественное, а как качественное явление:

«По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает себя таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [185, 12].

Массовость как культурное явление, по мнению философа, обусловлена тремя началами современного мира: это либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность. Если раньше для плебея жизнь прежде всего означала стеснение, гнет, а для Погатых земля была миром нужды и риска, то сейчас технический прогресс становится практически безграничным для всех. Поэтому массовый человек отличается следующим:

- 1) беспрепятственным ростом жизненных запросов и, следовательно, безудержной экспансией собственной натуры;
- 2) врожденной неблагодарностью ко всему, что сумело облегчить ему жизнь.

Массовый человек лишен понятия о своих пределах, эгоцентричен и ни с чем не считается, ведь ощущение чужого превосходства воспитывается лишь благодаря кому-то более сильному, кто вынуждает сдерживать, умерять и подавлять желание. Только через ограничение извне усваивается важнейший урок: здесь кончаюсь я и начинается другой, который может больше, чем я. Среднему человеку прошлого, отмечает философ, мир постоянно преподавал эту мудрость, но у новой массы ограничения отсутствуют, нет воспитанное. И как готовности с кем-то считаться, зато взамен массовый человек приобрел волю к внедрению, насилию, неуважению чужой суверенности, преобладание прямых способов воздействия перед косвенными. Интересна эта параллель воспитанности и суверенности: обращаясь к категории границ, мы акцентировали в первую очередь их необходимость для защиты субъекта от среды, в то время как понятие воспитанности отмечает готовность защитить других от себя, взаимодействовать с миром диалогически как с субъектом, а не монологически как с объектом.

Проиллюстрируем сказанное очередным фрагментом из книги К. Кастанеды, неисчерпаемого источника поэтических образов (что, на взгляд автора, подтверждает жизненность и значительность обобщаемого нами материала).

«Я сказал, что в моей жизни быть недостижимым невозможно, потому что приходится иметь дело со множеством людей и быть в пределах досягаемости каждого из них».

«—Я уже тебе говорил, — спокойно продолжал дон Хуан, — что быть недостижимым — вовсе не означает прятаться или скрываться. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник обращается со своим миром очень осторожно и нежно, и не важно, мир ли это вещей, растений, животных, людей или мир силы. Охотник находится в контакте со своим миром, и тем не менее он для этого мира недоступен».

— Но гут у тебя явное противоречие, — возразил я. Невозможно быть недоступным для мира, в котором находишься постоянно, час за часом, день за днем.

— Ты не понял, — терпеливо объяснил дон Хуан. — Он недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов» [91, 315].

Таким образом, рассмотрение суверенности как состояния психологических границ в контексте культургенеза открывает диалектичность этого качества, благодаря которой субъект не только защищает себя, но и умеет бережно относиться к окружающему миру.

Социально-психологические особенности одичавшего «новичка», согласно Ортеге-и-Гассету, характеризуются:

- врожденным ощущением легкости и обильности жизни;
- чувством собственного превосходства;
- стремлением во все вмешиваться, бесцеремонно навязывая свою убогость.

Все эти черты воспитываются как результат отсутствия опыта ограничений и их успешного преодоления, который и формирует суверенную личность. Отмечая важность ограничений и потенциальных фрустраций для личностного развития, философ сформулировал закон, подтвержденный палеонтологией и биогеографией: человеческая жизнь расцветала лишь тогда, когда ее растущие возможности уравнивались теми трудностями, которые она испытывала («Жить — это чувствовать себя стесненным и потому считаться с тем, что стесняет») [185, 54].

Противостоит одичанию только сотрудничество, признающее границы существования субъекта. Таким образом, не используя понятия «суверенность», Х. Ортега-и-Гассет охарактеризовал аристократа как человека с прочными личностными границами и уважением к границам других, а плебей — как существо без ограничений, что во многом отвечает психологическому облику соответственно суверенной или депривированной сверхкомпенсированной личностей в рамках предлагаемой нами концепции. Аристократ — это человек, который принимает вызов и умеет на него ответить. Однако, развивая эту мысль, хотелось бы отметить, что и в принятии вызовов он также избирателен: в отличие от «полевой» неразборчивой импульсивности плебей, стремящегося всегда оставить за собой последнее слово, аристократ может позволить себе остаться безответным и беззащитным; это также субъектная форма реагирования на вызовы, которые оцениваются им как суетные.

Итак, если эволюционный смысл суверенности состоит в том, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей человека и биологическое выживание, то социальный смысл заключается в том, чтобы уметь проявлять сдержанность в удовлетворении своих потребностей, учитывая интересы других людей. Социокультурное предназначение суверенности открывает ценность этого феномена для человеческого сообщества¹.

Воспитанность как умение настраиваться на потребности других людей, ограничивая при этом собственные нужды, делает человека желанным членом разных социальных подгрупп, расширяя таким образом его коммуникативный, практический и экзистенциальный опыт и в конечном счете обогащая его личностное развитие.

1.3.4. Исследования конформности и личной ответственности как родственных суверенности явлений

В психологии проявления суверенности изучались, к сожалению, крайне скудно и в основном в двух аспектах: в социальной психологии в связи с явлениями конформности и в психологии личности при исследовании феноменов ответственности.

Конформность как некритичное следование примеру изучалась в известных опытах С. Аша, Ф. Зимбардо, С. Милгрэма [10; 367]. С. Аш обнаружил при изучении группового поведения крайне высокий уровень необоснованной конформности (согласия с противоречащими здравому смыслу или собственному опыту суждениями). Ф. Зимбардо провел сомнительный с точки зрения экспериментальной этики, но весьма выразительный по результатам «тюремный эксперимент», в котором моделировалась ситуация тюремного заключения для того, чтобы выяснить влияние роли на поведение. Оказалось, что спустя несколько дней после начала исследования отношения между бывшими приятелями, оказавшимися в ролях «тюремщиков» или «заклученных», стали пугающе агрессивными, и опыт пришлось прекратить. Таким образом, логика роли не позволяла испытуемым сохранять критичность к своему поведению, меняющемуся в условиях эксперимента. Держать «границы» перед ролевыми требованиями испытуемым оказалось не под силу.

Несколько иначе построил свое исследование С. Милгрэм, изучавший проявление конформности по отношению к авторитету.

¹ Можно привести очень показательный биологический, даже скорее ветеринарный пример: К. Лоренц отмечал, что если собаку воспитать, то есть научить считаться с хозяином, ее можно брать с собой и оставлять у магазина, а собака невоспитанная всю жизнь вынуждена проводить в своем дворе.

Испытуемые Милгрэма выступали в роли учителя по отношению к ассистенту экспериментатора, который должен был выполнять, определенные задания. В случае ошибки «учитель» наказывал «ученика» ударом тока возрастающей силы, причем ассистент искусно имитировал неприятные переживания (в действительности электро-сеть была отключена). Оказалось, что испытуемый все легче нарушал данную ему инструкцию, следуя непосредственному чувству сопереживания, при наличии следующих факторов:

- 1) пространственная близость «ученика» и «учителя»;
- 2) авторитетное лицо в роли «ученика»;
- 3) отсутствие экспериментатора во время исследования;
- 4) замена экспериментатора менее авторитетным лицом;
- 5) конфликт авторитетов (обсуждение возможности применить наказание в присутствии испытуемого).

Общий вывод С. Милгрэма пессимистичен: в среднем абсолютное большинство испытуемых (71%) продемонстрировали тенденцию к послушанию, по-видимому, следуя ориентации современного общества на авторитеты, конформность и иерархию.

Таким образом, в социальной психологии суверенность изучается в основном как неконформность, и рассматриваются нарушения только двух измерений психологического пространства: социальных связей и ценностей.

В психологии развития косвенные факты о становлении суверенного поведения были получены в связи с изучением генезиса личной ответственности, чему за рубежом посвящены многие исследования. Наиболее цельным и последовательным является когнитивно-генетический подход Ж. Пиаже, который послужил в дальнейшем опорой для работ Л. Кольберга, А. Блази, К. Хелькамы, Ф. Хайдера [11; 165; 272]. Пиаже обнаружил, что после первой стадии «объективной ответственности», когда дети оценивали поступки по их материальным последствиям, наступает вторая стадия «субъективной ответственности», сущность которой состоит в учете мотивов и намерений человека. Таким образом происходит становление «автономной морали», то есть появляются границы, и ребенок начинает выделять себя из окружающего мира.

Последователи Пиаже в разных вариациях обнаружили явление субъективизации оснований морали и ответственности по мере взросления: К. Хелькама выделил шесть стадий, развитие которых происходит от конформности к независимости и убеждениям, Ф. Хайдер и А. Блази также отмечали становление субъективной ответственности как высшей стадии морального развития, а Л. Кольберг считал

наиболее ценной составляющей этических принципов персонифицированную мораль [272]. В российской детской психологии Е. В. Субботский убедительно показал, что дошкольники, способные принимать независимые от взрослых решения, как правило, демонстрируют более высокий уровень альтруизма и справедливости в своих суждениях и поведении [238; 239].

Итак, эволюционное и социальное значение психологической суверенности состоит в возможности саморазвития и саморегуляции на всех уровнях индивидуальности и, сохраняя открытость системы личности, наделении ее способностью к селекции влияний и резистентности к воздействиям извне.

3.3.5. Развитие психологической суверенности в онтогенезе

Материалы, касающиеся развития приватности в онтогенезе, и данные по психологии развития позволили предложить следующую картину динамики психологической суверенности.

Суверенность как форма субъектности развивается в ходе жизненного пути, изменяя способы реализации (формы активности) и средовые объекты, но всегда подразумевая наличие альтернативы действию. В. Э. Чудновский на значительном эмпирическом материале показал, что в процессе жизненного пути вклад биографических событий, связанных с собственной активностью человека, неуклонно растет [276; 278]. Становление ядра субъективности выражается в постепенном изменении соотношения между внешним и внутренним: от преимущественной направленности «внешнее через внутреннее» ко все большему доминированию тенденции «внутреннее через внешнее», то есть личность укрепляется в своей автономии.

Очевидно, что в начале жизни формы поддержания суверенности не могут быть осознанными, хотя способность различать «Я» и «не-Я» и давать обратную связь на телесном языке присутствует всегда. В дружественной среде ребенок получает суверенность «авансом» и привыкает заявлять о своих потребностях, в условиях депривации приобретает опыт безнадежности. Таким образом, формируемые близкими взрослыми прочные границы психологического пространства позволяют ребенку относиться к себе как к субъекту и в дальнейшем самостоятельно стремиться к обретению суверенности.

Развитие психологической суверенности составляет основу формирования идентичности, для которой в разные периоды онтогенеза требуется разное средовое подтверждение. Таким образом, этапы развития психологического пространства, как ожидается, могут соответствовать стадиям эпигенеза по Э. Эриксону. С другой стороны, поскольку субъект оперативно выделяет те или иные фрагменты

среды, то можно ожидать и согласованности появления измерений психического пространства с содержанием ведущей деятельности.

Задача овладения адекватным возрастной стадии измерением психологического пространства неизбежна: зрелый человек должен контролировать свое тело, иметь личную территорию и вещи, знать и поддерживать временные привычки, иметь группу социализации и обладать вкусами и ценностями. В неблагоприятном случае суверенность по некоторому измерению не достигается, а уточнение границ продолжается на следующей стадии, выражаясь либо в разных формах внедрения в психологические пространства других людей, либо в неспособности удерживать собственные границы. Возможно и компенсаторное символическое замещение одного «неработающего» измерения другим в целях повышения общей суверенности личности.

В работах по психологии развития (К. Н. Поливанова, Н. Е. Харламенкова) неоднократно отмечалась «двухтактная» структура процессов развития психологических новообразований [198; 265]. Вначале задача развития ставится, затем решается: после «пробы» следует «субъективация» открытой способности, экстерииоризация сочетается с интериоризацией. Развитие суверенности также происходит в два этапа: сначала человек заявляет свои права на некоторую часть психологического пространства (этап приватизации), затем он начинает «обживать» это пространство и наделять его своими продуктивными качествами (этап персонализации). Приватизация и персонализация представляют собой универсальные механизмы развития суверенности по отношению к разным измерениям психологического пространства. Можно предположить, что они реализуют соответственно эволюционную и социальную задачи психологической суверенности: сначала потребность открывается и обозначается (приватизация), затем ограничивается и удовлетворяется (персонализация). Понятно, что достижение суверенности не может быть полным без прохождения через оба этапа.

В течение отрезка времени между этими этапами психологическое пространство находится в неравновесном состоянии, а человек вступает в конфликты с теми, кто контролировал данный «участок» до сих пор, и порядок «владения» участком психологического пространства остается не установленным. Конфликты представляют собой признак передела границ и могут приводить к разным результатам: если в результате конфликта решение остается за прежним «владельцем», у субъекта фрустрируется стремление к суверенности данного измерения, приводя к переживанию депривированности или компенсационной «сверхсуверенности»: например, ребенок из авторитарной семьи при наличии сильного характера может эмансипироваться, противопоставляя себя и соревнуясь с родителями во всех

отношениях. Если же право человека на владение частью психологического пространства признается, его суверенность усиливается.

Каждому этапу развития суверенности адекватен собственный ердовый язык самовыражения, который сохраняется и использует, а система взаимодействия человека с миром обогащается и другими языками. В случае фрустрации потребности в суверенности некоторый язык может фиксироваться (импринтироваться), проявляясь в таких дезадаптациях, как психосоматические расстройства, стремление к территориальной экспансии, «вещизм» и фетишизм, рнтуализация и сверхконтроль над временными характеристиками поведения, а также в межличностных патологиях, основанных на неумении устанавливать дистанцию, повышенной внушаемости или склонности к внедрению «сверхценных идей». Естественное или целенаправленное развитие суверенности может происходить с учетом подстройки к индивидуальному средовому языку самовыражения человека.

Ситуационная динамика психологической суверенности состоит и стремлении установить личный контроль над ситуацией, что требует наличия контакта с ней и выражается в предпочтении активных coping-стратегий (очевидно, что защитное избегание не позволяет субъекту сформулировать и выразить свои притязания). В то же время контакт предполагает наряду с активностью также и чувствительность, и потому суверенность обеспечивается не только объективным преобразованием ситуации, но и повышением сензитивности к ее смыслу, то есть принятием. В соответствии с различным эволюционным предназначением полов можно ожидать, что мужская и женская суверенность различаются не только по объекту психологического пространства (средовому языку), но и по способам самоподдержания.

Возникает вопрос о «кванте» приращения суверенности, исходя из содержания которого можно попытаться оценить ее количественно. В соответствии с требованием макроаналитического подхода мы вслед за К. Левином выделяем в качестве такой единицы психологическую ситуацию. В отечественной науке мы также можем найти ссылки на значимость ситуаций как психологической категории в рамках средового подхода¹.

¹ Так, Ю. Воогланд и К. Нигесен пишут: «Физическое, психическое, личностное состояние субъекта не может быть понято на фоне среды как объективной реальности. Объективно существующая среда отражается в сознании познающего субъекта как ситуация. Состояние субъекта может быть раскрыто на фоне среды его существования в диалектическом единстве объективной и субъективной реальности. Разные ситуации детерминируют различное поведение» [40, 43].

Психологическая ситуация может быть определена как единство внешних условий и их субъективной интерпретации, ограниченное во времени и побуждающее человека к избирательной активности, это психологические «окрестности» события внутреннего мира [154]. Ситуация содержит сложный клубок намерений и притязаний субъекта, она детерминирована его предшествующим поведением и обращена в будущее посредством предъявления новых требований к субъекту и ситуации.

Человек разрешает психологические ситуации различными способами, для обозначения которых за рубежом используют термин *coping behavior* (от англ. *cope* - «преодолевать»), а в российской науке это понятие переводят как совладающее поведение или психологическое преодоление. Соотнесем этот термин с давно существующими понятиями.

Если в соответствие жизненному пространству в терминологии К. Левина и жизненному пути человека в терминологии А. Адлера можно поставить индивидуальный жизненный стиль, то в соответствие психологической ситуации как единице жизненного пути можно поставить *coping* как ограниченную в пространстве и времени модификацию жизненного стиля [6; 116; 108; 154].

Можно также предположить, что репертуар используемых стратегий у суверенных как достигших большей личностной автономии будет шире по сравнению с депривированными (известный немецкий геронтопсихолог Г. Томэ показал, что по мере взросления набор «техник жизни», под которыми он подразумевал именно стратегии психологического преодоления, поступательно расширяется) [12; 154]. Поскольку суверенность как кумулятивное качество оказывается возможной при использовании эффективных способов защиты границ психологического пространства, можно ожидать, что суверенные по сравнению с депривированными более благополучны в регулировании своего энергетического ресурса и как следствие достигают более высокой продуктивности во всех сферах жизнедеятельности [154].

3.3.6. Психологическая суверенность и структура индивидуальности

Как форма выражения субъектности, осуществляющей функцию интеграции, суверенность предполагает способность к спонтанной активности, выражаемую досознательными и сознательными средствами и потому может быть соотнесена с разными уровнями индивидуальности [216; 263; 155]. Опираясь на множество фактов дифференциальной психологии и психофизиологии, можно ожидать, что

суверенность связана двусторонними связями с индивидуальными, предметно-содержательными и духовно-мировоззренческими качествами индивидуальности и поддерживается темпераментом и программами полового поведения; испытывает и оказывает влияние на особенности личности и характера; обеспечивается жизненными целями и порождает их.

Данные дифференциальной психофизиологии свидетельствуют о том, что индивидуальная вариативность в значительной степени обусловлена свойствами нервной системы и врожденными биологическими программами, которые регламентируют такие фундаментальные проявления личности и поведения как наличие предпочтений, эмоциональный фон, выносливость [215]. В специальной теории индивидуальности они рассматриваются как важнейшие условия динамики и продуктивности человеческой деятельности; то есть можно сказать, что врожденные качества во многом определяют «победительность» или «неудачливость» человека, его склонность поддаваться внедрению извне или способность защищать свои границы.

Направление причинно-следственной связи между чертами и суверенностью однозначно установить трудно. Традиция психоаналитического понимания личности как «отпечатка» череды раннедетских травм (З. Фрейд, А. Фрейд, М. Кляйн, М. Малер, Дж. Боулби, И. Мак-Вильямс, Э. Фромм, Э. Берн) объясняет типологические особенности характера человека теми испытаниями, которые он пережил на протяжении раннего и дошкольного детства [98; 23; 136; 19]. В зависимости от содержания и времени травмирующего воздействия происходит фиксация на той или иной стадии развития личности: чем моложе по возрасту ребенок, тем беднее репертуар психологических защит, которыми он обладает, и, значит, тем более уязвимым по отношению к негативным воздействиям он оказывается [136]. В рамках психоанализа говорят об оральном, анальном и других типах характера в зависимости от опыта раннедетских переживаний. Нужно отметить, однако, что даже внутри этого течения жесткая обусловленность особенностей зрелой личности ранним опытом подвергается сомнению, а в работах К. Г. Юнга вообще отвергается.

Можно ожидать, что суверенность связана и с акцентуациями характера. Принимая во внимание, что акцентуация - это совокупность ответов личности на фрустрирующие воздействия, индивидуальный способ разрешения тревожности или, используя нашу терминологию, как система привычных, преобладающих ответов личности на ущемление психологического пространства, есть все основания считать возможной связь между уровнем достигнутой суверенности и характерологическим профилем человека.

Переживаемый опыт интегрируется в Я-концепции человека, которая, в свою очередь, экстерииоризирует себя в поведении. Классики изучения самосознания человека Э. Эриксон и Р. Берне неоднократно отмечали тот факт, что Я-концепция представляет собой источник антиципаций всех видов поведения и деятельности; основным механизмом развития Я-концепции при этом является идентификация с пройденными ситуациями и тем пережитым или символически представленным опытом, который человек присвоил [291; 201]. Таким образом, «ярлык», принимаемый человеком как относящийся к самому себе, начинает определять и его реальное бытие. Осознание себя автономным существом ищет подтверждения именно этой особенности; поэтому суверенность, будучи кумулятивной характеристикой, самоподкрепляется в независимом поведении и позволяет его антиципировать, проявляется в дифференцированное™ Я-концепции (поскольку суверенный человек более чувствителен к своим потребностям), осознании своих позитивных и принятии негативных качеств, переживанию единства с миром.

За рубежом получены данные о том, что ущемление права на приватность коррелирует с такими особенностями личности как пониженная самооценка, ослабленная креативность и эксплоративная (исследовательская) деятельность. М. Голан (M. B. Golan), исследуя детей с разным опытом приватности и их самооценку, обнаружила, что у детей с большей возможностью выбора самооценка выше, а также лучше развиты совместная деятельность, креативность, самодоверие и уважение [355]. В другой работе ею же показано, что дети из однокомнатных палат психиатрической лечебницы имеют более высокую самооценку, чем из двухкомнатных: право на уединение в западной культуре ассоциируется с более высоким статусом, и вносит большой вклад в самооценку ребенка. А. Элоэй (A. Aloia) показал, что и в пожилом возрасте степень приватности также сочетается с воспринимаемым статусом, мерилем которого может быть наличие личной территории, различаясь в группе живущих в доме престарелых, отдельной квартире или собственном доме [301].

С другой стороны, при изучении психологических предикторов различных видов насилия отмечалось, что нередко нарушение границ приватности (глубокая депривированность) служит источником асоциальных способов реконструкции личностных границ, что мы уже показали в разд. 2.3. М. Тейчер (M. H. Teicher), Р. Кокс (R. Coxe), В. Холмс (W. Holmes), Д. Хаббард (D. J. Hubbard), Т. Пратт (T. C. Pratt) подтвердили существование психологического цикла насилия: люди, совершившие насильственные преступления, в зна-

и пильном количестве случаев оказывались в детстве сами жертвами насилия [393; 318; 343]. С этими результатами перекликается исследование жестокого обращения с детьми Т. Я. Сафоновой, изучение разных форм асоциального поведения Е. Г. Дозорцевой [218; 65].

Таким образом, достижение суверенности (личностной автономии) представляет собой результат и фактор ненасильственного, уважительного отношения к субъекту и самого субъекта к миру.

Суверенность представляет собой также условие и результат проективной деятельности в разных областях и потому может коррелировать с объективными и субъективными показателями жизненной успешности, адекватными возрастной стадии и конкретной жизненной ситуации человека.

Депривированность как качество личности, в свою очередь, представляет собой результат и условие пониженной личностной эффективности и сочетается с разными формами дезадаптации, приводя к ослаблению личной ответственности, к неспособности принимать решения и виктимности. При этом связь жизненного опыта с развитием суверенности как системного качества личности неоднозначна и нелинейна: депривирующие воздействия могут приводить к компенсационным и сверхкомпенсационным формам активности, а отсутствие фрустраций лишать субъекта стимула и возможности отстаивать свою суверенность, развитие которой опосредовано такими переменными-медиаторами как пол, темперамент, характер, ценности и идеалы человека.

Можно ожидать, что суверенность окажется значимо связана с индивидуальными качествами индивидуальности, поскольку обладает эволюционным смыслом, и что она связана с содержательными качествами, поскольку имеет социально-культурное предназначение.

3.3.7. Основные положения теории психологической суверенности

Суверенность дает человеку ощущение своей «уместности» и востребованности. Будучи уверен в прочности своих личностных границ, субъект свободен от избыточной дефензивности и внутренних конфликтов, принимает себя в естественном сочетании своих достоинств и недостатков и во многом обладает качествами самоактуализирующейся личности. Суверенность может также проявляться в объективных и субъективных показателях: социальной и профессиональной продуктивности, переживании удовлетворенности и осмысленности жизни. В то же время суверенность всегда естественна, она достигается как эпифеномен в ходе решения жизненных задач и вне

психотерапевтического процесса не становится самостоятельной целью.

Психологическую суверенность можно рассматривать как системное качество личности, позволяющее субъекту контролировать психологическое пространство, обеспечивать успешность разрешения жизненных задач и в конечном счете устанавливать собственное авторство по отношению к жизненному пути в целом. Суверенность развивается и как результат обобщения биологических программ (выживания, территориальности, с подросткового возраста — размножения) и как итог культургенеза (означивания средовых «посланий» и приведения человека в готовность считаться с личностными границами других людей).

Теория психологической суверенности может быть обобщена в нескольких положениях.

1. *О предназначении.* Эволюционное и социальное предназначение психологической суверенности состоит в обеспечении саморегуляции посредством селекции воздействий извне; благодаря суверенности личность адаптируется, развивается и обретает продуктивность во всех сферах жизни.
2. *О структуре.* Суверенность устанавливается по отношению к разным измерениям психологического пространства и включает в качестве подсистем суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), вкусов и ценностей (СЦ).
3. *О динамике.* Психологическая суверенность стремится сохранить или повысить свой уровень и развивается в онтогенезе в направлении усиления и расширения по отношению к психологическому пространству.
4. *О феноменологии.* Психологическая суверенность зависит от объективно-средовых условий жизни человека, восходит к инстинкту территориальности и служит социальной формой реализации биологических программ; она поддерживается разными формами активности субъекта и потому связана с индивидуально-личностными особенностями разных уровней индивидуальности.

Итак, суверенность психологического пространства как целостное образование, отвечающее разноуровневым потребностям человека, представляет собой важнейшее условие развития и благополучия человека, усиления его субъектности и поддержания психического здоровья. Эмпирической верификации теории психологической суверенности служат последующие главы.

3.4. Методы исследования психологической (суверенности)

А теперь обратимся к тому, как основные принципы исследования реализуются при подборе методического инструментария нашего исследования.

Исходя из нашего понимания онтологии психологического пространства как фрагмента бытия мы можем определить и феноменологию этого явления. Поскольку наиболее подвижная, развивающаяся и значимая часть психологического пространства личности (ППЛ) — по его границы, необходимо разработать методы, которые бы могли фиксировать не только объективно наблюдаемое, но и субъективно переживаемое изменение этих границ. Очевидно, что, имея смешанную природу, психологическое пространство не может изучаться методами, отражающими либо исключительно феноменологию (представления и переживания), либо внешнюю активность субъекта.

Следуя требованиям гуманитарной парадигмы познания, мы можем использовать качественные методы, которые бы отражали индивидуальный вариант состояния и наполнения ППЛ. В этом случае мы, однако, не можем проводить интериндивидуальные сравнения.

Обращаясь к опыту позитивного исследования личности и естественнаучной парадигме познания, мы можем также применять количественные методы, посредством которых возможно обобщение эмпирических данных и проведение эпидемиологического исследования для получения сведений о нормах функционирования и единицах измерения ППЛ.

В нашей работе в качестве основных путей изучения суверенности использовались четыре метода: клинический метод анализа отдельного случая (*case-method*), метод литературных иллюстраций, метод моделирования конфликтных ситуаций и опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП).

3.4.1. Метод анализа отдельного случая

Метод анализа отдельного случая (*case-method*) использовался нами в основном на предварительном и заключительном этапах исследования: при постановке проблемы и в пилотажном исследовании, а затем — при апробации опросника ППЛ в психотерапевтической практике. Он отвечает гуманитарной парадигме исследования.

Поскольку внутренний мир личности во многом формируется посредством присвоения объектов внешнего мира, а выражается через объективацию результатов психологического творчества, можно

сказать, что психологическое пространство — это интериоризованная и персонализированная субъектом часть среды, а предложенные нами его измерения представляют наиболее освоенные и предпочитаемые человеком каналы и языки взаимодействия с миром. Взаимопревращения личных отношений людей и материальных, территориальных, социальных или аксиологических отношений позволяют анализировать на личностном уровне многие взаимодействия, на первый взгляд лишенные этого содержания, а при ближайшем рассмотрении именно их и символизирующие [226].

Особенности взаимодействия человека (обычно проблемную, обратившегося за помощью к психологу) и мира, обнаруженные при анализе отдельных случаев, составили основу выделяемых нами измерений психологического пространства. При этом основное внимание уделялось не объективному, а символическому смыслу особенностей поведения. Было обнаружено, что язык территориального поведения, вещей, режимных привычек выражает не только и не столько физические потребности человека, сколько потребности в суверенности и приватности, психологической безопасности и самоуважении. Приведем краткие описания некоторых случаев, подтверждающих важность топологических и средовых проявлений в понимании сущности личностного развития и межличностных отношений в данный момент.

Пример 1. 9-летний С., родители которого давно развелись, украл у потенциального второго мужа мамы крупную сумму денег. Это произошло не впервые: подобный случай имел место по отношению к предыдущему другу мамы, который уже переехал к ним домой и жил примерно полгода, имея серьезные намерения. В первый раз все закончилось конфликтом и расставанием. Сейчас срок совместного существования мамы и ее нового друга приближается к критическому: прошло почти полгода. Консультативная беседа позволяет понять, что для мамы основная жизненная задача — избежать женского одиночества, что она мало занимается с сыном, нечувствительна к его потребностям, ограничивает его общение с биологическим отцом, при этом не стараясь компенсировать дефицит этого общения. Задача налаживания контакта между своими друзьями-мужчинами и сыном также не осознавалась как важная. Таким образом, С. оставался в состоянии глубокой депривированности, располагая только формальной возможностью чувствовать себя хозяином в доме. Отсюда — типичный ответ С. на языке территориальности и вещей: он заявил о себе как хозяине территории, главным «самцем», который честными и нечестными способами пытается контролировать все происходящее в доме. Стратегия работы в психологической консультации направлена на преодоление-формальной оценки поступка мальчика как бы-

тоной кражи и открытие его эмоционального смысла с последующим возвратом взаимодействия вновь к языку эмоций.

Пример 2. А. — 9-летний мальчик, усыновленный родителями уже в зрелом возрасте (далеко за сорок), когда они отчаялись иметь своих детей. Воспитательного опыта поэтому у них нет, а родительская тревожность присутствует в избытке. Они очень альтруистичны, ответственные, но в их отношении к сыну не хватает естественности, и потому они иногда пропускают важные поведенческие знаки, посылаемые им А. Мальчик был оставлен родной матерью на вокзале; в детский дом он попал в тяжелом состоянии, с черепномозговой травмой. Последствия его раннедетских переживаний проявляются во всех сферах жизни: будучи эмоционально теплым и дружелюбным ребенком, он все же очень эгоистичен, проявляет повышенное чувство самосохранения, ненасыщаемую тягу к вещам и попрошайничеству, учится неважно, обладает низкой концентрацией внимания и слабой способностью к целеполаганию, в том числе и в социальной жизни. Мама А. руководствуется в жизни мощными императивами, но не очень чувствительна к потребностям и состоянию близких, поэтому нередко допускает внедрение в психологическое пространство мальчика. По словам мамы, у А. есть удивительная способность «находить» разные полезные вещи: например, на уроке физкультуры он нашел совершенно такой же секундомер, который недавно потеряла учительница; на улице он подобрал очень хорошие часы и т. п. (после консультации, во время которой психолог на некоторое время оставил А. одного, переключившись на беседу с мамой, таинственным образом исчезла кассета из диктофона и несколько других полезных предметов).

Приемные родители А. не допускали до сознания возможности подобного нерационального воровства, однако в практике не раз встречались случаи, когда дети с ранней материнской депривацией, особенно пережившие опыт пребывания в детском учреждении, оказавшись в дружественной среде, продолжали вести себя так, как будто все еще вынуждены были укреплять свои границы, присваивая чужие вещи. Подобное нерациональное воровство часто носит компенсаторный характер («Вы заставляете меня учить уроки, когда мне не хочется; вы побуждаете меня умыться, когда я и так не грязный — что ж, я это переживу, но зато укреплю и поддержку себя... игрушкой, ножиком, фонариком и т. п.»). Поскольку приемные дети часто обладают дефектами воспитания, то и педагогические усилия родителей иногда бывают для них чрезмерными. В данном случае, к сожалению, демонстрация уважения к личной собственности А. не возымела психотерапевтического эффекта; была показана комплексная работа с семьей.

Пример 3. Очень конструктивным может быть также рассмотрение различных критических событий с точки зрения тех измерений пространства, которые недостаточно суверенны, и восстановления его структуры и границ.

31-летняя А. С. пережила сочетанную психологическую травму: сначала смерть матери в расцвете зрелого возраста (с ней у А. С. были непростые отношения), а через два месяца после этого измену мужа, с которым они жили более десяти лет. Эти критические события повлекли за собой наряду с депрессией искажение социального пространства А. С., выражающееся в нежелании контактов, падении избирательности общения с элементами социофобии, то есть увеличении дистанции по отношению к другим людям и неспособности ее гибко изменять в зависимости от эмоциональной близости человека и надежности отношений с ним. А. С., обладая высоким служебным положением, обосновалась в отдельном кабинете, чтобы не находиться рядом с другими (хотя раньше с удовольствием устраивала служебные праздники, внимательно подбирала для каждого индивидуальный подарок и не уступала этой обязанности никому из коллег), затем запретила беспокоить себя дома и ограничила круг людей, знающих номер мобильного телефона. Процесс освобождения отременительных контактов пошел дальше: А. С., будучи администратором, вернула трудовые книжки всем фиктивным сотрудникам, включая родную сестру, единственного никогда не предававшего ее близкого человека, что сильно ухудшило материальные обстоятельства последней.

Психотерапевтическая работа с А. С. была направлена на усиление суверенности: избирательность установления социальной дистанции, различение потенциально опасных и безопасных контактов. Налаживание общения с близкими наряду с укреплением способности не допускать манипулирования собой со стороны незначимых людей явилось важным шагом А. С. для обретения душевной гармонии.

Итак, метод отдельных случаев благодаря возможностям свободной клинической беседы с уточнениями и инсайтами позволил верифицировать субъективный смысл средовых посланий и соотнести между собой различные онтологические языки самовыражения.

3.4.2. Метод литературных иллюстраций

В нашем теоретико-эмпирическом исследовании, как уже, наверное, замечено читателем, мы широко использовали метод литературных иллюстраций. К сожалению, гуманитарность психологии все же не всегда приводит к эмоционально точным описаниям, и потому нередко случается, что талантливый писатель оказывается намного более проницательным «инженером человеческих душ», чем психолог-исследователь. И поскольку если нечто случается, всегда есть шанс, что оно может повториться, к таким описаниям полезно относиться с уважением.

Естественно, этот метод отражает гуманитарную парадигму. Его (к(снование было предпринято основоположником идиографического подхода в психологии Г. Оллпортом.

Г. Оллпорт полагал, что психология, в том числе и психодиагностика, пока не владеет средствами показывать характеры в их конкретности и самоконфронтации, что давно легко удается в художественной литературе, но пока не принято как задача психологии личности.

«Абстракция, которую совершает психолог в измерении и объяснении несуществующей «психики-в-общем», — это абстракция, которую никогда не совершают литераторы. Писатели прекрасно знают, что психика существует только в единичных и особенных формах» [182, 229].

И ниже: «Если вы студент-психолог, читайте много-много романов и драм характеров и читайте биографии. Если вы не студент, научающий психологию, читайте их, но интересуйтесь и работами по психологии» [182, 330].

Литературный жанр задал методологию и приемы нарративной психологии, и по возможности как практический психолог я стараюсь собирать произведения людей, с которыми работала, если видела в них не только прием самотерапии, но и художественное обобщение. В настоящем тексте всегда есть нечто не только о себе, но и о мире.

В качестве примера обратимся к следующему «рассказу с картинка >й» и истории его написания.

П. — молодая женщина 27 лет, нежная блондинка, астенична, любит красный цвет (уроженка юга, мерзнет в Москве), интеллектуальная, по инициативы в беседе не проявляет, ответы дает односложные. Вопрос, с которым она обратилась к психологу: «А где же радость?», не является жизненно важным, но отсутствие ответа опечаливает П. Она чувствует потерю жизненного тонуса, оттого что «все дается ей легко»: лучший московский вуз (специальность также перспективна, но П. работает не по ней), аспирантура (у П. интересная тема, но справиться с силами и завершить работу она не может), любимый молодой человек, за которого она собирается замуж (история их взаимоотношений также не вдохновляет ее отсутствием приключений). Есть тенденция к дисквалификации собственного запроса; обычной была ситуация уточнения запроса в конце сессии с планированием его работы в следующий раз; но следующая консультация начиналась словами П.: «Знаете, я подумала, что то, что мы с вами обсуждали, — это вовсе не проблема, это просто какая-то ерунда, я не думаю, что не могу без этого прожить».

Невербальный ряд впечатлений дополняет вербальный: П. вжимается в кресло, обнимает себя руками, но в моменты инсайтов расправляется,

успокаивается, становится очень ироничной и остроумной, приобретает значительность, живость и царственность, которые ее необыкновенно украшают, но, к сожалению, в обычном состоянии остаются принадлежащими какой-то из явно не доминирующих субличностей П. В такие минуты становится понятно, что П. действительно страдает от недостатка жизненного тонуса в отсутствие тех самых препятствий, которые необходимы для развития.

Расспросы (которые велись при высоком пассивном сопротивлении Г1.) обнаружили несколько факторов риска в ее биографии. П. — поздний единственный ребенок своих родителей, которые жили гражданским браком, навещая друг друга в разных городах, почти двадцать лет, но официально поженились только в связи с рождением П. Они принадлежат к академической среде, вполне успешны и до сих пор, по словам П., любят друг друга. Воспитывали П. также в большой любви, хотя ей удалось вспомнить несколько травмирующих эпизодов: обиды, наносимые другими детьми во время жизни за рубежом в длительной командировке родителей, когда П. было 4-5 лет, осложненные отношения с одноклассниками в России, манипулятивные привычки со стороны близкой подруги, наконец факт нападения ночью в Москве в студенчестве. Все это выстроенное в ряд, создает впечатление уязвимости, виктимности П., которую она на уровне сознания отвергает. Сложилось впечатление (подтвержденное экспертизой психоаналитических супервизоров), что основные психотравмы П. претерпела еще в пренатальном периоде, когда, возможно, решение о ее рождении принималось непоследовательно. Нужно отметить, что никаких объективных подтверждений этого факта обнаружить не удалось («Мама не помнит»), однако очевидно, что и отвергнуть его тоже нельзя.

После нескольких вводных занятий П. сама подсказала дальнейшую технику работы с ней, попросив давать ей задания на дом. Внезапно обнаружилось, что она обладает совершенно необыкновенным литературно-художественным талантом, и с этого момента отдельные эпизоды прорабатывались в жанре рассказа с картинкой. Вот один из примеров творчества П., которым она любезно согласилась поделиться (рис. 4 и 5).

«Все дети рождаются в стеклянных колпаках, то есть, может, эти колпаки и не стеклянные, точно никто не знает, но они существуют, это факт.

Колпаки эти очень прочные, и они защищают маленьких девочек и мальчиков от всяких посторонних неприятностей. Сначала детки просто лежат в своих колпаках. Мама носит их в своих колпаках.

Иногда, правда, бывает, что колпак может разбиться, если, например, папа напьется и толкнет маму, или еще что-нибудь ужасное случится, но это отдельная трагическая история.

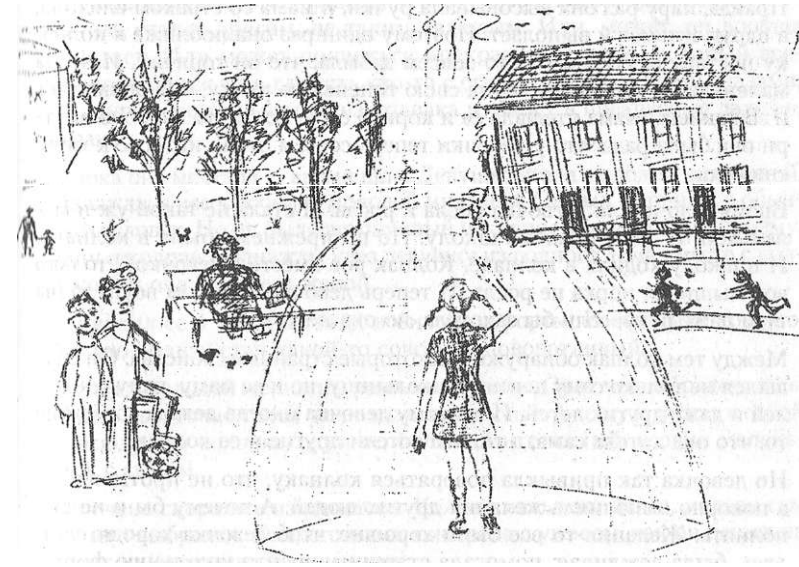

Рис. 4. Девочка в стеклянном колпаке

Надо сказать, что колпаки не совсем правильные колпаки, в них есть дырки, как мышиная нора, только побольше. Через эту нору мама кормит малыша, или гладит его, а малыш, в свою очередь, может высунуть голову и попробовать на вкус, запах и цвет окружающий мир вокруг. Хотя колпаки полностью прозрачные и почти незаметные, внутри колпака все равно не как снаружи.

Рано или поздно все детки выходят из колпаков через эту нору, кто-то сам, кому-то помогают, кто-то не может сразу привыкнуть и пару раз возвращается обратно. Но как только малыш осваивается как следует в настоящем мире — колпак исчезает.

Но наш рассказ про другую девочку...

Одна маленькая девочка родилась такая хорошенькая, с такими огромными голубыми глазами, и мама так долго ее ждала, что сразу зара нее испугалась: а вдруг что случится.

Она, конечно, знала, что только маленькие детки живут в колпаках. Но колпак ей казался таким надежным и прочным, что она хотела, чтобы ее девочка подольше оставалась в безопасности.

А девочка и сама не спешила выходить. И когда даже самые робкие детки уже вышли наружу и жили, как и взрослые, без колпаков, маленькая девочка все сидела и сидела в своем колпаке.

Правда, пару раз она высовывала ручки, и мама со страхом следила, а вдруг возьмет и выползет. Поэтому один раз она поближе к колпаку поставила утюг и как-то совсем забыла, что он горячий. И когда маленькая девочка высунула свою тоненькую ручку, она обожглась и заплакала. Мама утешала ее и корила себя, но где-то глубоко внутри она была рада, что у девочки теперь совсем отпал интерес к миру снаружи.

Время шло и шло. Девочка росла и росла. И стала не такой уж и маленькой. И даже пошла в школу. Но по-прежнему была в колпаке. И в школу ходила в колпаке. Колпак рос вместе с девочкой, только вот мышиная норка не росла. И теперь девочка с трудом всунула бы туда даже руку, если бы захотела, но она не хотела.

Между тем колпак обнаружил некоторые странные свойства. Он слушался не только саму девочку-школьницу, но и ее маму, папу, учителей и даже других детей. И поэтому девочка иногда делала совсем не то, что она хотела сама, а то, что хотели другие и ее колпак.

Но девочка так привыкла доверяться колпаку, что не противилась, а покорно выполняла желания других людей. А почему бы и не выполнять. Желания-то все были хорошие: чтоб девочка хорошо училась, была вежливая, помогала старшим, носила школьную форму с белыми воротничками и розовые платица.

Но иногда где-то внутри у девочки что-то щемило. И ей казалось, что прекрасным по-настоящему может быть совсем другое, то, что не совсем правильно. И, может, мама, папа и колпак об этом не знают.

А еще ей нравились лягушки.

Потом девочка выросла, превратилась в девушку, такую же хорошенькую, с такими же огромными голубыми глазами. Она поступила в институт, который выбрали мама и папа, и колпак с ними согласился. А чего ему было не согласиться, институт-то был хороший. И специальность подходящая, без всякой ерунды, чистенькая, и даже с уклоном в эстетику. И никаких лягушек.

Девушка хорошо училась, потому что этого хотели мама, папа и колпак, а также преподаватели, и вообще знакомым было приятно. Хотя в общем учиться было не особенно интересно.

Постепенно девушка поняла, что жить в колпаке не так уж и весело. Особенно когда другие студенты познакомились как следует и стали предпринимать совместные вылазки и прочие молодежные мероприятия. Сначала они звали ее с собой, но приходилось тогда еще тащить ее колпак, а это было нелегко. И постепенно про девушку как-то позабыли, решили, что, наверное, ей и в колпаке прекрасно, и перестали приглашать, а только любовались, какая она хрупкая и красивая в своем колпаке.

И тогда девушка стала ждать, что случится что-нибудь такое, и ее колпак станет другим, не таким тяжелым. Или, может, он вообще исчезнет. Или может Появиться прекрасный принц, который всегда появляется там, где есть кто-то с огромными голубыми глазами, и аккуратно выпет ее из колпака и увезет в прекрасные далекие страны.

Л пока она мечтала — время шло. Девушка стала молодой женщиной. Однажды в нее влюбился молодой мужчина. Он был не принц, а обычный человек. Но он был настойчивый и в конце концов покорил маму, папу и колпак и однажды увез девушку из родного дома вместе с колпаком, и она стала его женой.

Он водил ее в кино, в театр, возил на курорты. И все было хорошо. Только колпак стал какой-то совсем неповоротливый.

Потом у молодой женщины родился ребенок. Она очень обрадовалась. У него был точно такой же колпак, как и у нее. А ее муж таскал с собой повсюду два колпака, один ее, большой и тяжелый, и один маленький, с сыном.

Но очень скоро все изменилось. Колпак мальчика исчез, малыш сам из него выбрался. Она, его мама, смотрела с ужасом, как он бежит на своих не окрепших еще ножках.

Время шло. Сын рос и стал юношей, теперь они вдвоем с мужем или по очереди таскали ее колпак вместе с ней.

Умерла ее мама. Она обычно приходила и по старой памяти протира-ла колпак от пыли. Теперь это некому стало делать.

А потом мужу надоело таскать с собой повсюду тяжелый колпак. Сын совсем вырос и стал жить своей отдельной жизнью. А она стала уже пожилой женщиной и совсем разучилась управляться с колпаком, и поэтому, когда муж стал все больше и больше времени проводить где-то и, может быть, с кем-то без нее, она стояла в своем колпаке, колпак основательно запылится, и чувствовала себя совершенно беспомощной. За стенкой колпака что-то постоянно происходило, люди менялись, выросли, любили, работали. И только внутри колпака все было неизменно. Только света стало как-то меньше, наверное, из-за пыли.

Она даже стала думать, что, может, ей разбить колпак. Один раз она стукнула как следует по стеклу, так что появилась трещина. И оттуда потянуло совсем другим каким-то воздухом. Но она не знала, как жить без колпака. Она поняла, что за стеклом жизнь совсем другая, настоящая, опасная и не такая, как внутри. И она испугалась. Сильно испугалась и залепила трещину.

Она продолжала ждать, что колпак, может быть, исчезнет, растворится постепенно, и это произойдет само собой, безболезненно, и тогда

она наконец-то окунется в водоворот жизни, о котором знала из книжек и фильмов. Она иногда представляла, как это будет.

А потом она умерла. Колпак рассыпался, и люди смогли внимательно посмотреть на ее лицо. И все они говорили: "Да она же как девочка, морщинок совсем нет, как будто и не жила вовсе".

Итак, замечательная высокохудожественная история П. — о многом, как и любая притча. И метафоры также неоднозначны. Но все же в первую очередь — о взрослении, о суверенности (точнее, ее недостатке), материальной объективацией которой служит стеклянный колпак, об избыточных психологических защитах. Но о суверенности, пожалуй, больше всего: ведь функции колпака прописаны очень отчетливо, это агент социальной защиты, социальный заместитель кого-то абсолютно преданного (возможно, архетип Старого мудреца), технология распределения ответственности, при котором воля колпака часто вытесняет авторскую позицию героини. В истории есть и намеки на психотравму, и на искаженно-симбиотические отношения с матерью (после прочтения популярной книги Дж. Ш. Болей «Богини в каждой женщине» П. идентифицировала себя как Персефону, «мамину дочку»). Здесь же есть и негативная программа-предсказание дальнейшего развития.

Обратим внимание на выраженный телесно-пространственный язык повествования: границы, пространство — привычные бытовые обозначения психологической суверенности. Травматические эпизоды описаны либо телесно (утюг, ожог), либо пространственно (трещина на колпаке).

Использование этого языка облегчает в дальнейшем и психотерапевтический процесс, который опирается на субъективные конструкты и метафоры самой П. При обсуждении вопроса, как же лучше обойтись с колпаком, не стоит ли его разбить, П. (вполне ожидаемо) эту идею отвергла, но взамен предложила реконструкцию колпака, в котором отныне появилось открываемое изнутри (!) окошко, что и изображено на авторских иллюстрациях П.

Нужно отметить, что работа с П. была остановлена на промежуточном этапе (несколько преждевременно) в связи с организационными проблемами. Беседа с П. спустя некоторое время подтвердила ее незавершенность: общая оценка состояния П. была хорошей, часть поставленных задач ей удалось решить объективно. На мой взгляд, П. все же далеко не исчерпала своих ресурсов и пока недостаточно использует свои удивительные таланты. Можно предположить, что после окошка архитектура колпака будет меняться дальше: появятся дверь (которая вначале казалась небезопасной), запасный выход и т. д.

Рис. 5. Девочка в стеклянном колпаке открывает окно

3.4.3. Метод моделирования конфликтных ситуаций

Метод моделирования конфликтных ситуаций — следующий из основных приемов нашего исследования. Он обладает большей структурированностью по сравнению с предыдущим, сочетая в себе черты проективных методов и моделирования. По форме процедуры этот метод ближе к опросам, его результаты могут быть представлены не только качественно, но и количественно, и потому его можно скорее отнести к приемам естественнонаучной парадигмы.

При обосновании этого метода мы обращаемся к таким свойствам психологической суверенности как динамичность (способность к развитию) и маргинальность (существование границ). Измеряемая суверенность рассматривается как актуальный момент развития личности, но также итог и след ее предшествующей истории. В соответствии с логикой двухтактного характера психологических новообразований интенсификация конфликтов в некоторой части психологического пространства говорит о том, что здесь заявлено притязание на суверенность, а снижение уровня конфликтности — о том, что суверенность установилась.

«Конструктивная и деструктивная составляющие кризиса принципиально нерасторжимы, для того, чтобы построить новое, ему

(ребенку, — С. Н.-Б.) необходимо освободить место, устранив старое. Часто одно и то же действие ребенка, один акт поведения оказывает двунаправленным: одновременно и разрушающим старое, и формирующим новое», — пишет К. Н. Поливанова [198, 65].

Для того чтобы проследить, как это происходит в онтогенезе, мы использовали метод моделирования конфликтных ситуаций, суп, которого состоит в выделении типичных для каждого возрастного периода конфликтов, их поводов (из-за чего), места (где) и эффекта (кто одержал победу). Если возникают типичные конфликты, которые не отмечались раньше, это свидетельствует о притязаниях человека на новую часть пространства. В течение некоторого времени эти конфликты, повторяясь, приводят к привыканию окружающих к новому психологическому статусу субъекта. Если в конфликте решение остается за ним, можно считать, что он отвоевал новую часть своего внутреннего пространства.

Результаты применения методики моделирования конфликтных ситуаций позволяют не только определить «растущее» измерение психологического пространства, но и тех субъектов сепарации, которые воспринимаются как источники угрозы.

Итоги исследований, проведенных при помощи этого метода, открыли новые данные об онтогенезе суверенности, факты, касающиеся особенностей формирования суверенности единственных и не единственных детей в семье, а также позволяют зафиксировать моменты появления измерений психологического пространства, что важно для практики средообразования и психолого-педагогического сопровождения.

3.4.4. Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП)

Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) — следующий применяемый нами метод. Он относится к группе стандартизованных личностных тестов, то есть реализует естественнонаучную парадигму исследования. Он был применен на всех стадиях исследования после пилотажа, в том числе и в клинической части.

Предполагаемый адресат теста — подростки начиная с 11-12 лет и взрослые, которым предъявляется смещенная ретроспективная инструкция («Вспомните свое детство, как это обычно происходило у вас дома...»). Поскольку основные идентификационные процессы завершаются в подростково-юношеском возрасте, предварительные данные подростков и взрослых практически не отличаются. Модификация инструкции теста позволяет также использовать его для

оценки психологической близости членов семьи и дистанционных отношений внутри семьи.

Опросник содержит шесть шкал, отражающих измерения психологического пространства (ирил. 1, 2, 3). Каждое утверждение может и либо приниматься, либо отвергаться респондентом. Теоретически предполагалось, что ответ, соответствующий ключу, увеличивает показатель суверенности (1), а ответ, не совпадающий с ключом, — показатель депривированности (-1). Выбирая «Да» или «Нет», респондент подразумевает также промежуточный ответ «Не знаю», вариант которого, однако, в бланке не представлен и при более детальном шкальном оценивании был бы равен 0. Общий показатель суверенности подсчитывается путем сложения баллов. Концептуально шкалы опросника рассматриваются как содержательно независимые (каждый пункт входит в состав только одной шкалы), поэтому общий показатель суверенности равен сумме показателей по всем шести шкалам. Образование симптомокомплексов по сочетанию шкал пока не предполагается.

Определение психометрических характеристик теста производилось на выборке из 331 респондента подросткового и юношеского возраста; однако не все респонденты участвовали в выявлении каждой из психометрических характеристик. Нормализация осуществлялась на выборках школьников Москвы и Калужской области в возрасте от 13 до 16 лет ($n = 232$) и выборке юношей и девушек Москвы в возрасте от 17 до 23 лет ($n = 123$).

- Суверенность физического тела (СФТ) человека констатируется в отсутствие попыток нарушить его соматическое благополучие, а депривированность — в переживании дискомфорта, вызванного прикосновениями, запахами, принуждением в отпавлении его физиологических потребностей (утверждение № 47: «Мне не нравилось, когда взрослые в детстве любили меня пощекотать или ущипнуть»).
- Суверенность территории (СТ) означает переживание безопасности физического пространства, на котором находится человек (личной части или собственной комнаты, игровой модели жилья), а депривированность — отсутствие территориальных границ (утверждение № 3: «Я всегда имел уголок для игры, который мог обустроить по собственному вкусу»).
- Суверенность мира вещей (СВ) подразумевает уважение к личной собственности человека, распоряжаться которой может только он, а депривированность — непризнание его права иметь личные вещи (утверждение № 16: «Я часто огорчался, когда родители наводили порядок в моих вещах»).

- Суверенность привычек (СП) — это принятие временной формы организации жизни человека, а депривированность — насильственные попытки изменить комфортный для субъекта распорядок (утверждение № 25: «Я расстраивался, когда не мог доиграть из-за того, что взрослые звали меня к себе»),
- Суверенность социальных связей (СС) выражает право иметь друзей и знакомых, которые могут не одобряться близкими, а депривированность — контроль над социальной жизнью человека (утверждение № 31: «Мне часто хотелось поиграть с детьми, которые вместе со мной ходили в кружок, но обычно родители торопились, и это не удавалось»),
- Суверенность ценностей (СЦ) подразумевает свободу вкусов и мировоззрения, а депривированность — насильственное принятие неблизких ценностей (утверждение № 80: «Даже в детстве родители не настаивали, чтобы я "пошел по их стопам"»).

Остановимся кратко на основных результатах психометрической экспертизы опросника (подробно она описана в [164]).

Конструктивная валидность опросника обеспечивалась соответствием смысла понятия «Суверенность» и процедуры получения пунктов теста. Содержание измерений психологического пространства выделялось на протяжении более чем десяти лет нашей практической работы, а утверждения для опросника собирались в течение четырех лет; все пункты теста обсуждались с экспертами-психологами, имеющими богатую психотерапевтическую практику, и многократно редактировались.

Особенность опросника — содержание пунктов-утверждений, представляющих собой «единицы» суверенности психологического пространства, в качестве которых могут рассматриваться реакции субъекта в жизненных ситуациях «вызова» или внедрения. В качестве примера рассмотрим утверждение опросника № 69: «Меня раздражало, когда приходилось в детстве носить вещи старшей сестры или брата».

Объективный смысл ситуации очевиден: ребенку предлагают надеть не свою вещь, тем самым потенциально ущемляя его. Это может вызывать у него переживание своей незначительности, подчиненности старшему по рангу — эти варианты отражаются в случае выбора респондентом ответа «Да», соответствующего положению дел, при котором он, внутренне сопротивляясь, все же донашивает вещи старшего. Возможны и другие исходы: ребенок избегает носить чужое, потому что в семье есть материальный достаток, или он в семье единственный ребенок, или он носит вещи старшего с удовольствием.

В этих случаях, конечно же, «удара» по границам психологического пространства респондент переживать не будет и выберет ответ «Нет», прибавляющий к показателю суверенности одну единицу.

Репрезентативность теста обеспечивалась проверкой пунктов на разброс, после которой из 100 утверждений было оставлено 80. Мы приняли решение исключить те пункты, ответы на которые были бы одинаковыми более чем в 80 % случаев, чтобы иметь возможность совершенствовать тест в дальнейшем. Исходя из этого, многие утверждения были отредактированы и смягчены.

Содержательная валидность проверялась при помощи метода контрастных групп и путем перекрестной валидации. В исследовании приняло участие 102 респондента: 43 ученика школы № 57 (21 девочка, 22 мальчика), 19 учеников школы № 130 (12 девочек, 7 мальчиков), 11 воспитанников детского дома № 17 (5 девочек, 6 мальчиков) и 29 подростков, находящихся в Центре временного содержания несовершеннолетних преступников (ЦВСНП) (8 девочек, 21 мальчик), средний возраст которых составил 14,9 года; все жители Москвы.

Мы предположили, что различия показателей СПП будут наибольшими в случае изучения подростков, испытывающих максимально дружелюбное или максимально формальное к себе отношение, то есть опирались на социальный признак. Группу подростков, предположительно обладающих высокой суверенностью, мы обследовали в московских школах № 57 и № 130.

Группа предположительно депривированных была набрана из числа воспитанников детского дома № 17 Западного округа Москвы и Центра временного содержания несовершеннолетних преступников. В детском доме проживают преимущественно дети родителей-алкоголиков, которые лишены родительских прав или уже умерли: таким образом, жизнь детей тоже была очень тяжелой и до перехода в детский дом, и они, безусловно, депривированы с самого рождения.

В Центре временного содержания находятся подростки, которые были задержаны по подозрению в уголовных или административных преступлениях, и ждут решения суда. Таким образом, сейчас их юридический статус — «подозреваемые». В центре работают несколько психологов, которые отмечали такие особенности подростков как интеллектуальная неразвитость, неврологические нарушения, невысокий самоконтроль, импульсивность. По словам воспитателей, в основном это несчастные дети, многие из которых впервые получили в центре полноценное питание. Физически они действительно недоразвиты, с признаками рахита. Наиболее типичное преступление — это кража мобильного; однако были и более

серьезные, включая убийство. Девочки были задержаны в связи с занятиями проституцией, мальчики частично в связи с бродяжничеством («административники»), частично — в связи с уголовными преступлениями (кража, угон, мошенничество, грабеж).

Посещение детского дома и Центра временного содержания подтвердило верность и точность внесенных в опросник утверждений, но одновременно показало и ограничения возможностей его применения: он может служить в основном для работы с проблемами нормального детства, а для использования в особых социальных группах его необходимо отредактировать с учетом контекста жизни детей. По этическим соображениям было решено не расширять выборку предположительно «депривированных».

Сравнение контрастных групп происходило при помощи непараметрического критерия Манна-Уитни (табл. 5). Мы получили следующие результаты: для общей выборки подсчитан показатель V , значимый на уровне $p < 0,009$, - подтверждаются значимые различия; подвыборка девочек имеет показатель U , значимый при $p < 0,0002$ — существуют различия, и, наконец, для подвыборки мальчиков показатель U значим на уровне $p < 0,19$ — не отвергается нуль-гипотеза об отсутствии различий. Существенные различия обнаружены для мальчиков только по шкале «Суверенность ценностей» — U оказался значим на уровне $p < 0,005$, остальные различия значимы в тенденции. Эти данные в целом свидетельствуют о валидности создаваемого нами метода.

Таблица 5

Значения СПП для контрастных групп

Респонденты	N	Med	И	a	Max	Min
Школы № 57 и № 130	29/33	26/26	26/30	21,3/19,5	64/58	-4/-12
Д/дом № 17 и ЦВСНП	27/13	6/0	19/3,7	16,3/11,7	46/22	-6/-14

Примечание. Слева от косой черты - показатели мальчиков, справа - девочек.

Что касается подвыборки мальчиков, то, по-видимому, на депривационные воздействия они часто склонны отвечать эмансипацией, то есть обретать нужные им условия (еду, вещи, территорию) самостоятельно, нередко противозаконными средствами, в результате чего их суверенность восстанавливается и сверхкомпенсируется. Проблема границ для них связана с готовностью внедряться, в то время как для девочек — в связи с пережитым внедрением. Полученные ре-

зультаты могут быть также объяснены недостаточной корректностью подобранной контрастной группы: очень сложно смоделировать группу депривированных мальчиков, которые бы не стремились это положение изменить.

Для изучения достоверности теста использовался также метод перекрестной валидации: осуществлялось сравнение данных личностного опросника С. Айзенк для детей (ЛОД) и нашего теста СПП [132]. В этой серии принял участие 61 респондент: 24 ученика школы № 57 и 37 учеников школы № 300 г. Москвы среднего возраста — 14,7 лет, всего 29 девочек и 32 мальчика (табл. 6).

Таблица 6

Кoeffициенты корреляции r_s показателя СПП с показателями шкал личностного опросника С. Айзенк (АОД)

— ^ Респонденты	Девочки, и = 29	Мальчики, и = 32	Общие данные, и = 61
Шкала лжи	0,04	0,18	0,1
Шкала экстраверсии	0,25	0,18	0,2
Шкала нейротизма	-0,4	-0,36	-0,32

Примечание. Полужирным шрифтом выделены показатели, значимые на уровне $p < 0,05$, полужирным подчеркнутым - значимые на уровне $p < 0,01$.

Обнаружено, что суверенность практически не коррелирует с показателем лжи, свидетельствуя о том, что способность производить лучшее впечатление и формировать «фасад» личности — не основной способ защиты личностных границ. Тенденция к положительной связи с экстраверсией говорит о том, что экстраверты более склонны и способны защищать свои границы. И наконец самый ценный для нас результат — значимая отрицательная связь с показателем психотизма, которая особенно сильна у мальчиков. Этот результат подтверждает основное содержание понятия СПП: согласно нашим ожиданиям, суверенность психологического пространства представляет собой условие адаптации и продуктивности. Тендерное расщепление в полученных результатах не проявлялось.

Таким образом, полученный результат свидетельствует о достаточной дискриминативной валидности теста.

Для изучения ретестовой надежности 32 респондентам подросткового возраста опросник СПП был предложен дважды с интервалом измерения около одного месяца. Были обнаружены удовлетворительные показатели r : для СПП $r = 0,68$, для СФТ $r = 0,72$, для СТ $r = 0,79$, для СВ $r = 0,54$, для СП $r = 0,52$, для СС $r = 0,67$,

для СЦ $r = 0,75$. Все показатели значимы на уровне $p < 0,01$, что подтверждает возможность использования конструкта «Психологическая суверенность» как обобщенного опыта личности.

Для изучения внутренней однородности были подсчитаны коэффициенты интеркорреляций шкал теста (табл. 7).

Таблица 7

Интеркорреляции шкал СПП г

Шкала	СПП	СФТ	с т	СВ	СП	СС
СФТ	0,72					
с т	0,73	0,4				
с в	0,74	0,44	0,46			
СП	0,7	0,34	0,41	0,42		
с с	0,62	0,34	0,31	0,32	0,42	
СЦ	0,66	0,44	0,33	0,28	0,35	0,49

Примечание. $N = 93$: 42 ученика школы № 57, 19 учеников школы № 130, 11 воспитанников детского дома № 17, 21 ученик частной школы. Все показатели превышают табличное значение для $p < 0,01$.

Результаты свидетельствуют о высокой внутренней однородности опросника (несколько слабее связаны между собой только шкалы Суверенность вещей и Суверенность ценностей, поскольку языки идеологии (аксиологии) и предметной деятельности наиболее удалены друг от друга).

Еще один прием оценки внутренней самосогласованности теста — подсчет коэффициента одномоментной надежности (согласованности) а Кронбаха, который составляет 0,8. Чтобы оценить его значение, был использован критерий Дж. Китса, равный $447,6 > 128,8$ при $k = 80$, $n = 94$ и $p < 0,01$, что также свидетельствуют о высокой внутренней однородности теста, еще раз подтверждая обоснованность измеряемого качества.

Подсчет коэффициентов корреляции каждого из пунктов с общим показателем СПП для изучения синхронной надежности пунктов теста и уточнения ключа показал, что основная часть пунктов коррелирует с общим показателем СПП на значимом уровне; знаки r везде, кроме пункта № 76, совпадали с теоретически предполагаемыми ключевыми ответами.

Стандартизация теста осуществлена на материале «сырых» данных 232 подростков Москвы и Боровского района Калужской области, а также 123 юношей и девушек Москвы (студентов МПГУ,

МГППУ, Военной Академии и служащих). Для каждой шкалы были вычислены максимальные и минимальные значения, медианы, средние арифметические и стандартные отклонения. Далее осуществлена нормализация показателей, перевод сырых баллов в z -единицы и затем, посредством преобразования Мак-Колла, в стандартные Т-баллы (прил. 2, 3, 4). По этим результатам для удобства использования построены стандартные бланки (для двух возрастных групп — 13-16 и 17-23 лет, с учетом тендерного расщепления — мужской и женский варианты), которые позволяют наглядно представить полученные данные и сравнить показатели шкал между собой. Каждая шкала на этом бланке (аналогично бланкам тестов MMPI, POI) имеет свой масштаб, но среднее значение совпадает с 50 Т-единицами, а стандартное отклонение соответствует 10 Т-баллам. Таким образом, значения от 40 до 60 Т-баллов можно считать средними, выше 60 — высокими, ниже 40 — пониженными.

Итак, в этом разделе изложены уже апробированные приемы изучения психологической суверенности. В зависимости от парадигмальных установок исследователь или практик может использовать любой из них, а также модифицировать уже существующие, что и происходит. Актуальна задача разработки не ретроспективного, а прямого опросника для взрослых и пожилых людей. Ю. В. Курбаткина под нашим руководством разработала и использовала опросник «Психологическая дистанция в браке» для изучения супружеских отношений в континууме от дистанцированное™ до симбиотического слияния. Представляется также конструктивным в работе с детьми использовать приемы размещения фигур (*figure-placement*) или чрезвычайно популярные в России после работ Б. Хеллингера расстановки. Хотелось бы и возможности нарративных методик с последующим контент-анализом более мощно подключить к исследованию психологической суверенности.

Глава 4

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОНТОГЕНЕЗА И ИНДИВИДУАЛЬНО- ЛИЧНОСТНЫХ КОРРЕЛЯТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ

Для верификации нашей теории психологической суверенности был осуществлен цикл исследований, посвященных ее различным аспектам. Исследования строились по модульному плану; каждый из модулей отвечал отдельной научной задаче.

4.1. Структура эмпирического исследования

Целью нашей работы был комплексный системный анализ психологической суверенности, в качестве **объекта** выступала личностная суверенность как феномен границ психологического пространства, а **предметом** исследования было изучение генезиса и индивидуальных проявлений психологической суверенности.

В качестве основных **гипотез** выступили следующие положения.

Теоретические гипотезы: психологическая суверенность

- развивается в онтогенезе с изменением содержания психологического пространства личности, проходя через сензитивные к его измерениям периоды и отвечая задачам взросления человека;
- проявляется в формах психической активности, соответствующей всем уровням индивидуальности: индивидуальному, предметно-содержательному, духовно-мировоззренческому;
- определяет благополучие и продуктивность личности в различных сферах жизнедеятельности.

Теоретические гипотезы обрели свое подтверждение посредством проверки следующих семи *частных эмпирических предположений*.

1. В ходе онтогенеза: 1) увеличивается уровень психологической суверенности; 2) усиливается дифференциация ее проявлений

за счет появления новых измерений психологического пространства, которые отвечают основным задачам соответствующей возрастной стадии.

2. Уровень суверенности положительно связан с сильным типом темперамента, а проявления суверенности обладают половой специфичностью.
3. Уровень суверенности связан с индивидуально-личностными особенностями (чертами личности, акцентуациями характера, особенностями межличностных отношений) таким образом, что суверенные отличаются лучшей адаптированностью, чем депривированные. При этом чем выше уровень суверенности, тем выше: 1) стремление к доминированию; 2) дружелюбие по отношению к другим людям.
4. Уровень суверенности положительно связан с уровнем развития самосознания, в частности, с дифференцированностью Я-образа и самопринятием.
5. Психологическая суверенность связана с продуктивными формами психологического преодоления (coping-стратегий), а депривированность — с избегающими.
6. Психологическая суверенность связана с достижением продуктивности в социальной, эмоциональной, межличностной и духовной сферах жизнедеятельности.
7. Суверенность представляет собой базовую характеристику семейной системы и изменяется с ее развитием.

Методики и приемы исследования. При подготовке и проведении исследования были использованы метод теоретического анализа, клинический метод (отдельного случая и особых групп), квазиэкспериментальное сравнительное исследование по модульному плану (Д. Кемпбелл), последовательное применение макроаналитического метода (А. В. Брушлинский). Конкретные методики, используемые в работе — это авторские методы моделирования конфликтных ситуаций и опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП), 12-факторный опросник Р. Кеттелла (версия для младшего школьного возраста) в адаптации Э. М. Александровской и И. Н. Гильяшевой, ЛОД Г. и С. Айзенк в адаптации А. Ю. Панасюка, Шкала личностной тревожности Дж. Тейлор, Характерологический опросник К. Леонгарда-Г. Шмишека, УСК в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда, МиФ (Маскулинность и Фемининность) С. Бем в адаптации О. Г. Лопуховой, ОСТ (Опросник структуры темперамента) В. М. Русалова, тест Т. Лири, «Индикатор coping-стратегий» Д. Амирхана в адаптации В. М. Ялтонского и Н. А. Сироты, гест смысложизненных ориентаций (СЖО) Дж. Крамбо в адаптации Д. А. Леонтьева, социометрия, самоописание как вариант

нарративного метода, методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн, метод отдельных случаев (*case-method*).

Для обеспечения достоверности результатов использовались приемы качественного и количественного анализа. Качественный анализ (на основе экспертного опроса) проводился при подготовке первой версии опросника СПП. Количественный анализ представлял собой подсчет мер центральной тенденции по выборкам данных, использование психометрических показателей валидности, надежности (г Спирмена и г Пирсона) и самосогласованности (а Кронбаха) при разработке теста СПП, подсчет непараметрических критериев ранговой корреляции г Спирмена для изучения связей уровня суверенности с различными индивидуально-личностными качествами и U Манна-Уитни или H Крускала-Уоллиса для оценки различий между независимыми выборками (или контрастными группами) по уровню выраженности изучаемых признаков. При обработке результатов использовались программы MS Excel, MS Visio и Statistica 6.0.

Эмпирическая база исследования. Исследование проводилось на базе московских школ № 57, № 130, № 300, детского дома № 17, Абрамовской средней школы Боровского района Калужской области, Московского городского психолого-педагогического университета, Московского педагогического государственного университета, Военного университета, Московского центра занятости, Центра временного содержания несовершеннолетних преступников (ЦВСНП), Психологической консультации «Институт детства».

Группу подростков составили 262 человека среднего возраста 14,9 лет (43 ученика школы № 57 (21 девочка, 22 мальчика), 19 учеников школы № 130 (12 девочек, 7 мальчиков), 102 ученика школы № 300 (56 девочек, 46 мальчиков), 100 учеников Муниципальной экспериментальной школы, 11 воспитанников детского дома № 17 (5 девочек, 6 мальчиков) и 29 подростков, находящихся в (ЦВСНП) (8 девочек, 21 мальчик). Группу юношеского возраста составили 123 человека (76 девушек, 47 юношей), студенты указанных вузов и служащие, все жители Москвы среднего возраста 22,3 года. Выборку взрослых составили 122 человека: 54 матери дошкольников от 24 до 35 лет, 68 респондентов разных профессий и семейного положения от 20 до 55 лет, различающиеся уровнем профессиональной реализованности (работают соответственно специальности, не по профессии, временно не работают и ищут место). В исследовании динамики психологической суверенности в семье¹ приняла участие 421 женщина фертильного возраста. В исследовании психологической дистанции

¹ В модуле использованы материалы диссертации Ю. Е. Скоромной «Готовность к материнству как психологический феномен», подготовленной под нашим руководством [223].

в браке приняли участие 108 человек (54 супружеские пары) разного возраста, с разным стажем брака¹.

В заключительной главе описано 10 отдельных случаев клиентов, обратившихся в Психологическую консультацию «Институт детства» с различными запросами. В исследовании приняли участие 22 эксперта-психолога в возрасте от 22 до 25 лет.

Таким образом, всего в разных модулях исследования приняли участие 1107 человек.

4.2. Исследование онтогенеза психологической суверенности

Эмпирическое исследование состояло из двух небольших серий. В общей сложности в них приняло участие 76 человек, средний возраст которых составил 28 лет, преимущественно женщины (3 мужчин). Его **цель** заключалась в том, чтобы изучить возрастные изменения суверенности психологического пространства и установить критические точки ее развития.

Основные **гипотезы** состояли в том, что в ходе онтогенеза психологического пространства:

- 1) увеличивается мера его суверенности;
- 2) усиливается дифференциация за счет появления новых измерений.

4.2.1. Анализ нормативных показателей опросника СПП

Можно выдвинуть частную **гипотезу** о том, что уровень суверенности различается в зависимости от:

- а) пола респондентов;
- б) возраста;
- в) социогеографического статуса (у сельских и столичных жителей).

Первая гипотеза частично подтверждается данными нормативных показателей, которые были получены нами в ходе психометрической подготовки теста «Суверенность психологического пространства» и обсуждались в подразд. 4.3.3.

Для двух возрастных выборок общим объемом $n = 331$ нами были установлены различные нормы СПП (табл. 8, прил. 2, 3, 4). В подростковом возрасте показатель суверенности девочек значительно

¹ В модуле использованы материалы диссертации Ю. В. Курбаткиной «Психологическая дистанция в браке», подготовленной под нашим руководством [112].

выше, чем мальчиков: это говорит о том, что мальчики более чувствительны к давлению извне и склонны рассматривать взаимодействие с миром как ущемляющее их автономию. Следующий важный результат состоит в том, что у мальчиков, в отличие от девочек, выше стандартное отклонение (показатель вариативности) суверенности психологического пространства. В контексте эволюционной теории пола В. А. Геодакяна это означает, что суверенность личности — это значимое, существенное для биологического вида качество, которое в подростковом возрасте проходит через сензитивный период развития [46].

Таблица 8

Значения СПП для разных групп респондентов

Меры центральной тенденции	fi	o	Med	Max	Min
Респонденты					
Девочки (n = 99)	22,8	18,3	35	66	-20
Мальчики (n = 109)	12,1	22,0	10	62	-44
Девушки (n = 76)	29,4	22,6	35	62	-28
Юноши (n = 47)	28,5	19,9	30	60	-24

Нами было также предпринято исследование особенностей суверенности подростков в зависимости от социогеографических условий: были опрошены 24 девочки и 11 мальчиков среднего возраста 14,5 лет, обучающихся в Абрамовской средней школе Боровского района Калужской области (табл. 9 и 10, рис. 6). Возможно, эмпирическая выборка оказалась смещенной, потому что часть детей не посещала школу в связи с сезонными сельскохозяйственными работами.

Таблица 9

Значения СПП для сельских школьников

Меры центральной тенденции	»	a	Med	Max	Min
Респонденты					
Девочки (n = 24)	15,9	18,3	19	42	-20
Мальчики (n = 11)	24,5	18,3	26	50	4
Общая выборка (n = 35)	18,6	18,5	22	50	-20

По сравнению с общей нормативной группой сельские мальчики демонстрируют более высокий уровень суверенности, в некоторых

излучая значения попадали в область квазисуверенности. Мальчики чувствуют себя свободными в выборе социальных контактов (которые могут не контролироваться родителями) и удовлетворении основных физиологических потребностей. Можно предположить, что они раньше по сравнению с девочками и своими городскими сверстниками начинают половую жизнь и реже сталкиваются с переживанием физического дискомфорта.

Таблица 10

Показатели шкал СПП для сельских школьников

Шкала	СПП	СФТ	с г	с в	СП	СС	СЦ
Респондент							
Девочки (n = 24)	15,9 (22,1)	3,2 (4,2)	1,1 (3,2)	0,7 (3,5)	4,4 (4,0)	2,2 (2,0)	4,4 (5,7)
Мальчики (n = 11)	24,5 (12,0)	5,4 (2,0)	4,5 (2,4)	2,6 (2,2)	2,1 (1,1)	2,6 (1,2)	7,2 (3,3)

Примечание. В скобках приведены нормативные показатели для подростков.

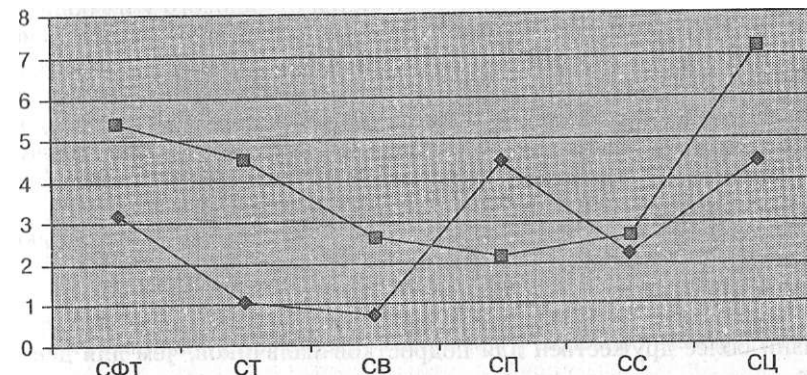

Рис. 6. Показатели СПП (вверху — сельские мальчики n = 11, внизу — сельские девочки n = 24)

Обращает на себя внимание также высокая по сравнению с городскими подростками территориальная свобода (то есть, по-видимому, мальчики имеют возможность находиться в уединении, иметь «укромное убежище» — шалаш, чердак и т. д., что очень важно для душевного здоровья каждого человека). В то же время они не вполне

свободны в выборе тех личных вещей и предметов, которыми пользуются в быту, впрочем, в той же степени, что и их городские сверстники, несмотря на различие материального Достатка. Это иногда может приводить к компенсации («вещизму», стремлению присваивать чужие вещи). Возможно, у сельских мальчиков даже больше возможностей создавать самим интересные предметы по сравнению с городскими.

Девочки-подростки по своим показателям во многом отличаются как от сельских мальчиков, так и от группы городских девочек. Общий уровень суверенности у них существенно ниже (то есть девочки чаще сталкиваются с воздействием внешнего контроля и вынуждены во многом подчиняться). Они чаще испытывают физический дискомфорт, возможно, вызванный бытовыми условиями. Как ни странно, они испытывают большее давление «прилюдности», публичности своего существования, по-видимому, потребность в уединении у них часто не удовлетворена. Если мальчики более или менее могут реализовать свою потребность в личной собственности, то у девочек соответствующий показатель близок к нижней границе нормы - почти все они хотели бы носить, иметь и пользоваться совсем другими личными вещами, чем те, которыми они обладают. Характерно, что если мальчики могут отстаивать свои ценностные установки, то девочки, по-видимому, чаще испытывают разочарование от того, что их мировоззрение существенно отличается от такового у их родителей. Поэтому конфликты «отцов и детей» в сельской местности потенциально более вероятны между родителями и дочерьми, чем между родителями и сыновьями. Вполне возможно, что девочки очень хотели бы вести другой образ жизни, чем их родители; у мальчиков подобного рода конфликты не отмечаются, а, если они и присутствуют, по-видимому, родители больше считаются с мнением своих сыновей, нежели дочерей.

Таким образом, хотя описанные нами данные носят скорее иллюстративный характер и нуждаются в расширении базы первичных результатов, все же можно заключить, что социогеографический статус сказывается на переживании суверенности и что сельский образ жизни более дружелюбен для подростков-мальчиков, чем для девочек.

И наконец, остановимся на возрастной динамике психологической суверенности (прил. 2, 3). В пределах рассматриваемых возрастных групп (14-17 и 18-25 лет) можно отметить, что от подросткового к юношескому возрасту происходят следующие изменения:

- усиливается общая суверенность личности, причем в мужской подгруппе эта тенденция прослеживается более резко (рис. 7);
- в мужской подгруппе уменьшается, а в женской увеличивается вариативность показателей суверенности.

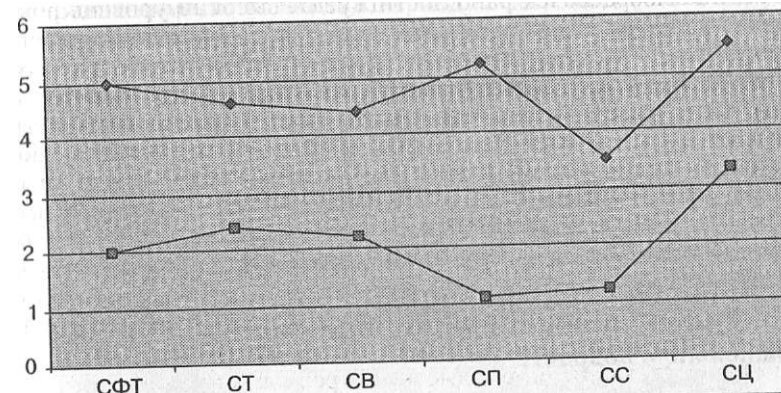

Рис. 7. Показатели СПП (вверху - юноши $n = 47$, внизу - мальчики $n = 109$)

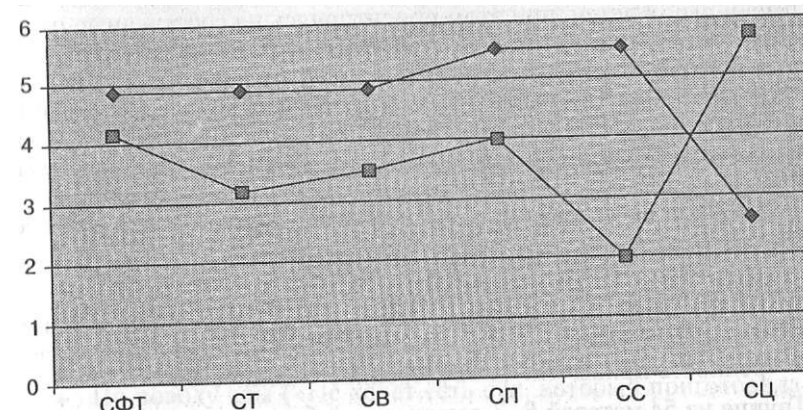

Рис. 8. Показатели СПП (вверху - девушки $n = 76$, внизу - юноши $n = 47$)

Эти результаты соответствуют онтогенетическому правилу полового диморфизма¹ и указывают на тендерные особенности динамики

¹ Согласно онтогенетическому правилу полового диморфизма (и дипсихизма) В. А. Годакяна, если по некоторому признаку отмечаются половые различия, то развитие этого признака идет от женской формы к мужской. Этот процесс сопровождается первоначальным увеличением вариативности в мужской подвыборке с ее последующим снижением и стабилизацией признака на значении, приближающемся к «мужскому» [46].

суверенности: у девочек рано достигнутый высокий уровень попушается в старшем возрасте незначительно, у мальчиков низкий уровень суверенности резко повышается к периоду юношества, появляясь как возрастное новообразование (рис. 8) [46].

Итак, проведенный анализ нормативных показателей показал, что, действительно, психологическое пространство при переходе от подросткового к юношескому возрасту становится более суверенным, а также что траектория и темпы его развития различны в зависимости от пола и социогеографического статуса; эти данные вполне согласуются с имеющимися сведениями о развитии приватности.

4.2.2. Развитие психологической суверенности в дошкольном возрасте

Другие результаты, косвенно касающиеся особенностей развития суверенности в дошкольном возрасте, получены под нашим руководством Н. А. Венковой. Н. А. Венкова в пилотажной серии предлагала 24 мамам детей-дошкольников заполнить наш опросник СП 11 от имени своих детей, при этом ориентируясь на собственные переживания и догадки, потому что опросник не подходит для прямого использования в этой возрастной группе. И хотя результаты нельзя считать надежными, по наблюдению родителей, наиболее напряженно динамика происходит по измерениям привычек и ценностей (вариативность ответов по соответствующим шкалам была наиболее высокой).

В основном исследовании Н. А. Венкова предположила следующее:

- динамика психологического пространства усиливается во время кризисов трех и семи лет;
- расширение психологического пространства в дошкольном возрасте происходит за счет возникновения измерений «Суверенность привычек» и «Суверенность ценностей».

Группе из 54 матерей 6-7-летних детей было предложено вспомнить типичные конфликты, которые происходили у них с детьми на протяжении всего детства, точный возраст, когда эти конфликты происходили, их поводы (из-за чего), место (где) и эффект (кто одержал победу). Вопросы предлагались в форме анкет, ответы фиксировались в письменном виде.

Результаты и их интерпретация. Задания вызвали у респондентов большой интерес и бурное обсуждение. Оказалось, что конфликты возникают часто и по самым разным поводам. Результаты показывают, что, как и ожидалось, наиболее конфликтогенными оказались возрастные вехи в три года и шесть лет, которые соответствуют нормативным возрастным кризисам: 47 конфликтных ситуаций, описан-

ных родителями, относились к периоду 3 лет, с детьми 4-5 лет родители смогли вспомнить всего лишь 12 конфликтов, а с 6-летними детьми количество конфликтов вновь возросло до 40 (рис. 9). Различий между поведением мальчиков и девочек (поводами для провокаций и способностью настаивать на своем) обнаружено не было.

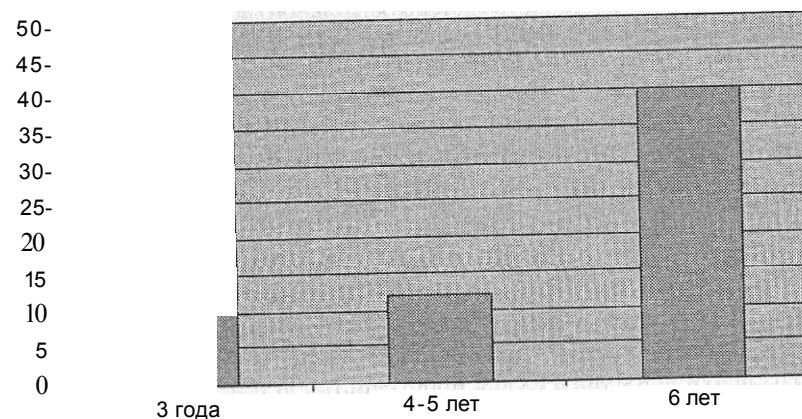

Рис. 9. Частота конфликтов родителей с детьми дошкольного возраста

На вопрос «По какому поводу бывают конфликты?» 49 матерей из 54 отметили следующие моменты.

- Из-за одежды («Ребенок отказывается надевать теплую одежду», «Зимой каждое утро ворчит, что свитер мешает ей жить»),
- Из-за просмотра TV («Просит посмотреть третью кассету подряд», «Не хочет ложиться спать, просит досмотреть мультфильмы»),
- По поводу еды («Не хочет есть суп, который приготовила бабушка», «Хочет есть в комнате перед телевизором», «Не хочет есть каши»).
- По поводу сна («Ребенок не хочет вовремя ложиться спать», «Вечером долго играет или смотрит телевизор, отказывается лечь в постель»).
- Из-за занятий («Ребенок не хочет почитать книжку», «Сказывается больным, чтобы не идти на тренировку»),
- Из-за уборки игрушек («После игры не хочет убирать игрушки», «Не хочет убирать игрушки на место»),

В этой группе ответов можно отметить также отдельные ответы, которые могут быть отнесены и к области социальных предпочтений

(общения). Например: «Хочет чем-нибудь заняться с участием взрослых, но бабушка смотрит сериал, мама занимается хозяйством, а папа на работе».

Так как эти поводы мы относим к области привычек и вкусом (хотя утверждение относительно уборки игрушек можно интерпретировать и как территориальное), то можно сделать вывод о том, что психологическое пространство детей дошкольного возраста действительно расширяется в основном за счет области привычек и вкусов.

На наш взгляд, заслуживают внимания и такие ответы родителей, которые свидетельствуют о неспецифичности протеста ребенка без осознания собственных позитивных целей: «Из-за упрямства, не хочет делать то, что просят», «Любит настаивать на своем, спорит». Они говорят о том, что стремление ребенка к автономии и суверенности пока не обрело конкретной средовой технологии.

Некоторые ответы косвенно подтверждают факт расширения психологического пространства в дошкольном возрасте («Часто возникают конфликты из-за общения с младшей сестрой»): скорее всего, поводом для ссоры также служит проведение «демаркационных линий» в психологическом пространстве.

Исследуя психологическое пространство детей, мы считали важным спросить, согласны ли родители признать за ребенком его личную часть пространства. Позитивную позицию родителей по отношению к расширяющемуся психологическому пространству иллюстрируют следующие ответы.

«Если конфликтная ситуация возникает при явной угрозе жизни (переход через улицу, прятки от родителей в незнакомом месте), то побеждают родители. В остальных случаях ищем компромисс», «Прощу аргументировать свои поступки. Все зависит от серьезности данной ситуации. Например, если ребенок не хочет спать и хочет досмотреть фильм, мы уступаем (вреда от такой поправки нет)», «Мы прислушиваемся к его мнению и обсуждаем ситуацию вместе».

Но были и ответы, характеризующие сдерживающую позицию родителей: «Ребенок не побеждает, рано!», «Ребенок побеждает очень редко и только в непринципиальных случаях».

Если сравнение поводов для конфликта на протяжении дошкольного возраста не показало каких-либо различий, то есть и у трехлетних, и у шестилетних детей идет борьба на одних и тех же участках обретения суверенности, то анализ исходов конфликтов, как мы и ожидали, подтвердил возрастание субъектности ребенка на протяжении дошкольного возраста. Так, если по отношению к детям трехлетнего возраста возможность уступить практически не признавалась (7 случаев из 99), в среднем дошкольном возрасте это количество несколько возрастает и достигает 10 случаев, а к шестилетнему возрасту дети уже в 44 случаях разрешают конфликты в свою пользу.

Эти данные говорят о том, что между тремя и шестью годами, следуя нашему представлению о двухшаговой динамике развития суверенности, можно диагностировать этап приватизации, когда ребенок объявляет свои притязания на часть психологического пространства, но отстоять ее пока не может, и этап персонализации, когда конфликты завершаются победой подрастающего ребенка, готового не только отстоять, но и освоить отвоеванную часть психологического пространства.

Однако полученные факты описывают лишь некоторые моменты развития суверенности на протяжении дошкольного возраста, не открывая общей картины становления психологического пространства. Поскольку эта задача требует крупномасштабных исследований, которые не могут быть реализованы без существенных временных и энергетических затрат, мы разработали следующий методический прием, который позволил получить некоторую информацию более экономным путем. Вместо анализа случаев рефлексии житейских ситуаций, представленного в протоколах респондентов непсихологических профессий, мы попытались построить схему исследования, которая выводила бы сразу нас на уровень теоретического знания. Для этого было решено опросить специалистов-психологов, которые, помимо личной биографии, могут использовать также данные теории и психологической практики. Мы надеялись, что это поможет получить нам более плотно «архивированные» результаты.

4.2.3. Развитие психологического пространства в жизненном цикле

Целью данного модуля исследования было проследить тенденции развития психологического пространства на протяжении всего жизненного цикла человека, проверяя гипотезы о том, что:

- а) суверенность развивается на протяжении всего жизненного пути;
- б) она расширяется за счет измерений психологического пространства, отвечающих доминирующим потребностям и задачам взросления.

В исследовании приняло участие 22 психолога-практика, специализирующихся в области психологии развития, со стажем работы от 2 до 3 лет. В этой серии мы вновь использовали методику моделирования конфликтных ситуаций, но в несколько иной модификации. Инструкция респондентам включала несколько шагов. Сначала их просили воспроизвести графически модель жизненного пути, затем вспомнить основные гипотетические конфликты, которые типичны для представителя каждой возрастной ступени (включая

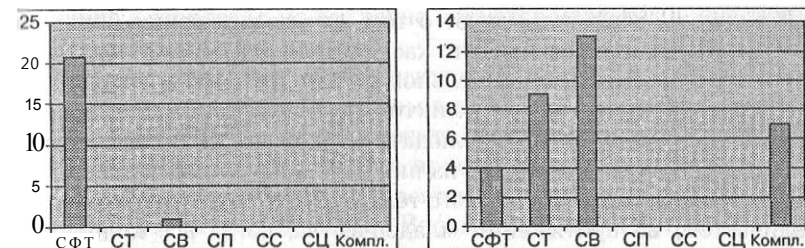
субъекта и повод для конфликта). Исход конфликта фиксировать мы не просили, так как задание само по себе носило слишком абстрактный характер. При ответах на вопросы респондентам рекомендовалось использовать материалы изученных ими дисциплин, собственной практики и самопознания.

Результаты и их интерпретация. При обработке сырых результатов и переводе качественных характеристик в количественные каждый из обозначенных экспертами конфликтов мы классифицировали по двум основаниям: по поводу и субъекту этого конфликта. Среди поводов для конфликта исходя из специфики предмета исследования мы выделили следующие: физическое тело, территория, вещи, привычки, социальные связи, ценности, а также комплексное утверждение суверенности и другие поводы, не имеющие отношения к автономии личности (табл. 11, рис. 10, прил. 5, 6).

Таблица 11

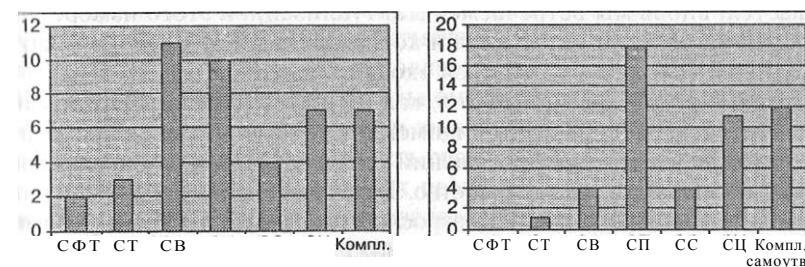
Динамика конфликтов в жизненном цикле

Возрастная стадия	Всего конфликтов	Поводы конфликтов							Другие
		СФТ	Н и	СЗ и	С и	и и	иГ	Комплексное самоутверждение	
Младенчество	30	21		1					8
Ранний возраст	37	4	9	13				7	4
Дошкольный возраст	56	2	3	11	10	4	1	7	12
Младший школьный возраст	64		1	4	18	4	11	12	14
Подростковый возраст	71			4	8	7	14	18	20
Юность (молодость)	75		2	5	2	7	27	10	22
Взрослость	77		1	5	13	1	19	9	29
Поздняя взрослость (старость)	44	4	3	3	5	1	20	6	2

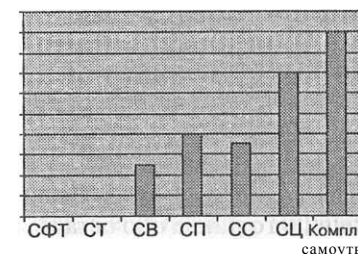
Младенчество

Ранний возраст

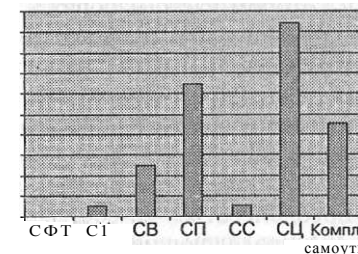
Дошкольный возраст

Младший школьный возраст

Подростковый возраст

Юношеский возраст (молодость)

Взрослость (зрелость)

Поздняя взрослость (пожилой возраст)

Рис. 10. Распределение причин конфликтов на разных возрастных стадиях

Результаты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство конфликтов действительно касаются вопросов личностной суверенности в общем или в отдельном измерении. При этом если рассматривать количество конфликтов как критерий актуализации данного измерения, можно наблюдать несколько моментов возрастания сензитивности к каждому из них.

Так, суверенность физического тела устанавливается (или не устанавливается) на протяжении младенчества, когда все конфликты носят витальное содержание. На протяжении раннего и дошкольного возраста контроль над собственным телом практически не усиливается; вновь мы встречаемся с актуализацией этого измерения в пожилом возрасте, физиология которого опять требует повышать усилия в стремлении оставаться «хозяином» собственного тела.

Территориальные притязания, как ни странно, не сильно отразились в отчетах экспертов. По-видимому, личная территория проходит I период становления на протяжении раннего детства, когда ребенок осваивает физическое пространство. Территориальная напряженность незначительно сохраняется во взрослом возрасте и вновь актуализируется в пожилом возрасте, который может быть отмечен утратой приватности территории. Это может быть связано с реальной необходимостью делить с кем-то помещение или просто с усилившейся потребностью в уединении. При этом конкретное воплощение территориальных притязаний меняется: если в детстве это стремление настоит на том, чтобы мать позволила ребенку выйти за порог, то пожилые люди нуждаются в квартирной «безопасности». Этологические корни этих проявлений, скорее всего, остаются одними и теми же.

Измерение «Суверенность вещей» достигает максимума актуализации в раннем возрасте и сохраняет высокий уровень в дошкольном детстве; на протяжении всего жизненного цикла оно остается на невысоком, но стабильном уровне. Это вполне соответствует пониманию раннего возраста как отмеченного становлением предметной деятельности (социальная ситуация в котором часто изображается как ребенок — ПРЕДМЕТ — взрослый) [171; 180]. В дошкольном возрасте личные вещи также сохраняют свою значимость, что чрезвычайно важно, потому что традиционное понимание смысла дошкольного возраста как продуктивного в ментальной и социальной сфере иногда недооценивает потребность в материальной личной собственности, которая у дошкольников остается очень высокой. «Ситуационная связанность» может преодолеваться за счет развития произвольности, однако потребности, определяющие валентность вещей, все равно сохраняют высокий энергетический потенциал. По мере взросления личные вещи меняют свое содержание (это уже не

игрушки, а зарплата), но все равно остаются маркерами идентичности и социальной успешности.

Временные характеристики психологического пространства (привычки) складываются в основном в дошкольном и младшем школьном возрасте. Можно предположить, что это вызвано необходимостью менять свой режим жизни, приспосабливаясь к детскому саду или школе, то есть источниками депривационных влияний здесь могут быть институты социализации. Вновь измерение «Привычки» актуализируется во взрослом возрасте, характеризующемся высокой социальной динамичностью.

Потребность иметь личных друзей появляется относительно поздно — многие исследования отмечают, что только в дошкольном возрасте ребенок готов к установлению дружеских отношений [99]. I { дошкольном и младшем школьном возрасте это измерение активно работает, а в подростковом и юношеском усиливается еще больше, после чего его напряженность спадает: взрослый человек в своих социальных предпочтениях, как правило, уже самостоятелен и обладает широким репертуаром средств, чтобы отстоять своих друзей и близких. В то же время понятно, что в подростковом и юношеском возрасте, когда ведущая деятельность подразумевает изменение круга значимых людей, обретение друзей и партнеров среди сверстников, настаивать на своих социальных увлечениях приходится достаточно часто.

И наконец, измерение «Суверенность вкусов и ценностей», появляясь достаточно поздно, в дошкольном возрасте, начиная с подросткового возраста лидирует среди других измерений по напряженности. Ценности меняют свое содержание: если в дошкольном возрасте это всего лишь игрушки, телепередачи, то затем — произведения искусства, а еще позже — мировоззрение. Во взрослом возрасте подобные конфликты обычно называются идеологическими. Это измерение переводит взаимодействие человека и мира на качественно иной уровень. Если то, что относится к комфорту собственного тела, территории, вещей, в основном разрешается «контактными» действиями в физическом пространстве и прямо служит жизнеобеспечению индивида как носителя психологических качеств, то суверенность социальных связей уже подразумевает не просто присутствие рядом других субъектов конфликта, по отношению к которым уточняются границы, но и возможность существования отдаленной в пространстве референтной группы, а суверенность ценностей — это знак принадлежности к ментальному пространству, которое физически не существует. Если вспомнить Платона, то реалии замещаются в процессе духовного роста универсалиями. Таким образом, суверенность

ценностей означает подтверждение человека как духовного существа, которое развивается по мере взросления.

Ответы экспертов также указывают на большое количество конфликтов комплексного характера, которые служат завоеванию и сохранению автономии в целом, причем их пик приходится на подростковый возраст, что закономерно связано с развитием в это время личной и социальной идентичности. Если же обратить внимание на общее количество конфликтов (среди которых лишь незначительная часть не связана напрямую с завоеванием автономии), то их количество поступательно возрастает от младенчества к подростково-юношескому возрасту, сохраняет высокий уровень практически без изменений и резко уменьшается в пожилом возрасте, когда границы достаточно прочны, а расширение пространства в типичном случае приостановилось. Конфликты эти, как показывает дальнейший анализ, в основном связаны с удержанием своих позиций.

Характеризуя каждую стадию с точки зрения напряженности измерений психологического пространства, отметим следующее. Младенчество — это время формирования телесной идентичности. В раннем возрасте наряду с продолжающимся развитием телесности происходит психологическое освоение личной территории и личных вещей. В дошкольном возрасте происходит резкое увеличение суверенности за счет расширения психологического пространства, в котором начинает действовать такое измерение как личные привычки, а суверенность личных вещей также продолжает укрепляться. Возможно, это связано с тем, что ребенок начинает посещать детский сад, и потому вместо заботливых взрослых, которые приспосабливались к повседневному бытию своего ребенка, он сталкивается с общепринятым безличным режимом, в силу чего и возникает потребность устанавливать границы, оберегающие психологическое пространство от первых чужих людей, которые появляются в жизни ребенка. В младшем школьном возрасте также продолжают доминировать конфликты, связанные с временными характеристиками, привычками ребенка.

В подростковом возрасте психологическое пространство вновь начинает расширяться, и при этом по всем направлениям сразу. В юношеском возрасте преимущественная область конфликтов — это идеология, что вполне отвечает имеющимся данным о специфике юношеского возраста (в частности, П. Бальтес отметил повышенную чувствительность юношества к политическим и историческим событиям) [12, 171]. Во взрослом возрасте основные конфликты также касаются системы ценностей, которую продвигает или защищает субъект. В пожилом возрасте конфликты теряют общую напряжен-

ность и равномерно распределены по всем измерениям пространства (и котором вновь начинают оживать телесность, личные вещи, территория), но идеологические конфликты резко усилены по сравнению со всеми остальными.

Все полученные нами результаты вполне согласуются как с эпигенетическим учением Э. Эриксона, так и с отечественной периодизацией посредством ведущей деятельности. Можно отметить также, что данные о динамике переживания суверенности на протяжении всего жизненного цикла получены в этом исследовании впервые.

Следующее важное направление анализа связано с тем, по отношению к какой части среды устанавливаются границы. Можно предположить, что сфера распространения личной автономии в ходе онтогенеза расширяется от непосредственно примыкающей части среды к более отдаленным ее фрагментам. Для проверки этого предположения вновь обратимся к эмпирическим данным (прил. 5, 6).

Как это отчетливо видно, в начале жизненного пути суверенность возрастает за счет сепарации от близких, то есть тех, с кем ребенок вступает в непосредственный контакт, причем на протяжении младенчества это практически всегда «внешняя сила»: по отношению к младенцу действительно весь мир занимает более высокий статус. В раннем детстве ребенок начинает устанавливать уже «горизонтальные» границы — по отношению к тем, кто обладает примерно одинаковым с ним влиянием; в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте эта картина сохраняется. В юношеском возрасте среди тех, кто равен по статусу, начинают появляться посторонние — лица противоположного пола, коллеги. Можно предположить, что конфликты вызваны психологической экспансией при освоении новых областей психологического пространства, взаимодействием с отдаленными областями социальной среды.

Взрослый человек вступает в конфликты не только с людьми равного или более высокого статуса: в зрелости появляются и «нижние» (условно и временно) ступени на лестнице социальной иерархии. Молодое поколение, дети, подчиненные — эти субъекты конфликтов побуждают взрослого человека, по-видимому, уже не захватывать новые «территории», а удерживать старые, то есть взрослый человек начинает выступать не как объект, а как субъект внедрения и депривации, одновременно испытывая сопротивление «снизу». С другой стороны, это свидетельствует о наступлении творческого этапа персонализации, освоения того, что давно завоевано. То же самое мы наблюдаем и в пожилом возрасте: конфликты с теми, кто «сверху», практически исчезают, превращаясь в хроническое противостояние окружающему миру, а конфликты с младшими представлены

достаточно широко. Среди «равных» появляются совершенно чужие люди: врачи, работники ДЭЗов, соседи, хотя взаимодействие с близкими также сохраняется.

Итак, можно констатировать, что, действительно, на протяжении онтогенеза прослеживается повышение уровня психологической суверенности и усиление дифференциации психологического пространства, причем эти процессы носят нелинейный характер. Развитие суверенности и уточнение границ психологического пространства происходит на протяжении всей жизни, но особенно продуктивными в этом процессе являются периоды дошкольного и подросткового возраста.

4.2.4. Особенности проявления психологической суверенности в зрелом возрасте

Зрелость как период подведения предварительных итогов нередко сопровождается кризисами, приводящими к пересмотру основных экзистенциальных вопросов, в частности, о смысле собственного бытия, и как следствие — к смене идентичности и пересмотру границ психологического пространства. Эти итоги могут носить интрапсихологический характер («Стал иначе чувствовать, думать, действовать»), что, однако, не всегда выглядит убедительно, и потому возникает необходимость их объективировать — «Построить дом, родить сына, посадить дерево», поменять работу или семью. Таким образом, внутреннее стремится выразить и подтверждать себя через внешнее.

Динамика развития суверенности отвечает логике предназначения этого качества личности: вначале образуются те ее формы, которые отвечают эволюционной задаче (телесность, территориальность), затем — обладающие не только эволюционным, но и социальным смыслом (привычки, вещи) и, наконец, — те, которые в основном решают социально-культурную задачу суверенности (социальные связи, вкусы и ценности). Можно предположить, что более зрелый духовный уровень развития личности позволяет ограничиться по здными формами суверенности — избирательностью в друзьях и цепностях при равнодушии к контролю генетически ранних измерений психологического пространства, и потому внутренний мир и субкультура приобретают значение решающего ресурса в практике саморегуляции личности.

Консультативная работа с людьми среднего возраста, переживающими личностный кризис, с использованием опросника СПП, позволяет достаточно точно установить этап онтогенеза, на котором нарушалась суверенность, а также определить опорные (никогда не

изменяющие) сектора психологического пространства, которые можно использовать для выхода из кризиса. Однако эти гипотезы требуют создания метода диагностики, учитывающего в первую очередь особенности суверенности в период зрелости. В связи с этим предположением возникает также вопрос о том, насколько жесткой является последовательность развития суверенности от телесного — к ментальному и социальному в зрелом возрасте, и можно, в свою очередь, предположить, что в это время переживание авторства своей жизни как индикатора психологической суверенности может возникать «сверху», от идеальной формы, без вещного, телесного или территориального самоутверждения.

В процессе консультативной и педагогической деятельности (обучения взрослых людей, получающих второе психологическое образование) мы имели возможность апробировать наш подход. И хотя полученные данные не составили статистически значимого массива, они все же содержат множество хотя и разрозненных, но выразительных фактов. Остановимся на роли и особенностях каждого измерения психологического пространства в развитии суверенности личности [172].

В зрелости, как правило, процесс овладения собственным телом уже завершен: человек успел привыкнуть к своим потребностям и к схеме тела. Анализ контура психологического пространства 33-летней клиентки М. с врожденным пороком развития, отсутствием правой руки, показывает, что она адаптировалась к особенностям своей телесности и не испытывает стрессовых переживаний в связи с этим обстоятельством. Человек удивительной силы воли и личностной зрелости, М. успешно решила множество жизненных задач, требующих сохранной телесности: она великолепно вяжет, с удовольствием готовит и в момент общения с автором училась водить машину — успешно и в этой области не вызывает сомнения. Разумеется, естественные ограничения, вызванные серьезным физическим недостатком, присутствуют, но не с ними связаны основные жизненные трудности М., хорошо компенсированной благодаря интеллектуальным и духовным способностям.

Однако иногда сектор телесности вновь начинает интенсифицироваться: например, 38-летняя Р., восстанавливающаяся после разводного кризиса, начинает устанавливать отношения с другим мужчиной, но еще не готова к физической близости с ним. Она утверждает, что сейчас он для нее «на расстоянии вытянутой руки», и показывает это жестом; ее ответы на опросник СПП также свидетельствуют о сверхсуверенности в области телесности. Телесность остается депривированной также и у взрослых людей психотического уровня развития с нарушенными по всем направлениям границами личности.

Следующее измерение, территориальная суверенность, остается действующим параметром и в зрелости. Нарушение территории/личных границ приводит к тому, что основные задачи взросления оказываются нерешенными. Именно это и отмечается в тех случаях, когда взрослый человек не имеет собственного дома: отсутствие прочных границ приводит к депрессивности, переживанию страха и тревоги.

А. 38 лет, любимая своим мужем жена и мать двоих детей, остается в состоянии подавленности, потому что в их семье сложилась традиция, согласно которой свекровь и «параллельная» невестка могут приходить к ней домой без предупреждения и оставаться на любой срок: пока эта проблема не решается, состояние А. остается субдепрессивным.

А. А. 39 лет, дом которой находится в состоянии перманентного многомесячного ремонта по инициативе мужа, переживает крайнюю растерянность, совершенно непродуктивна и старается компенсировать свою «бездомность» огромной хозяйственной сумкой, с которой никогда не расстается, причем сама рефлексировать эту привычку как замещение. Работа во внутреннем плане по созданию образа обновленного дома, в котором у нее есть кабинет и зимний сад, а также во внешнем плане — тренинг переговоров с мужем об ускорении процесса ремонта приводят к замене сумки менее объемным дамским портфелем и одновременно решению ряда профессиональных задач (см. также 5.3.2.5).

У взрослых клиентов-мужчин никогда не отмечалось подавления территориальности: можно предположить, что если женщина без приватной территории хотя и не очень благополучно, но может существовать, то мужчине это противопоказано по определению, и потому даже в моменты переживания личностных кризисов зрелости, как правило, они в состоянии оберегать свои территориальные границы. Факт проживания на территории семьи жены для мужчин изначально несет в себе риск семейных неурядиц.

Суверенность вещей в зрелости, по нашим наблюдениям, обладает выраженной тендерной спецификой. В этом возрасте, как правило, человек уже владеет миром своих личных вещей, активно использует этот бытийный язык, если он естествен для субъекта, для самоподдержки. Психологическая неспособность иметь личные вещи и распоряжаться ими часто сочетается либо с психотической организацией личности, либо с чрезмерной инфантильностью: так, например, уже упомянутая нами Б. в начале психотерапевтического процесса стеснялась просить у мужа деньги на новые необходимые личные покупки, и проблема эта открылась лишь после обсуждения того, что ей пришлось занять у своего шофера деньги на оплату психологической консультации.

В отличие от уже перечисленных измерений психологического пространства, контроль над которыми к зрелому возрасту обычно стабилизируется, нарушения суверенности временных привычек встречаются в зрелости достаточно часто.

Так, например, И., 56 лет, демонстрирует сверхсуверенность временных привычек, что выражается в ее настойчивом стремлении планировать не только свою жизнь, но и «строить» окружающих. Это мешает ей работать в режиме постоянного присутствия; и после окончания недолгого консультативного процесса она открыла собственное дело, в котором сама определяет последовательность и время выполнения разных поручений.

Одно из наиболее поздних и «зрелых» измерений психологического пространства, социальные связи, в зрелости, как правило, также контролируются вполне уверенно. Сверхсуверенность говорит о высокой избирательности, вплоть до социальной ригидности и консерватизма, когда человек закрывает границы своего социального пространства и потому шанс нового общения-«встречи» для него невысок. Действительно, в зрелости новые знакомства завязываются, как правило, среди «социально близких», что существенно сужает круг возможностей. Например, 44-летняя П., о которой мы уже упоминали, при всей глубине переживаемого ею кризиса сохранила высокую социальную избирательность и потому ищет помощи только в узком кругу (что одновременно и защищает ее, и сужает возможности повторных близких отношений).

Низкая суверенность говорит о неразборчивости в знакомствах, среди которых попадают и нежелательные, о социальной виктимности и склонности быть объектом манипулирования, что встречается у инфантильных и психотических личностей.

Так, например, 39-летняя А. Б., обратившаяся с запросом на освобождение от психотерапевтической зависимости (неспособность разорвать ролевые отношения с пожилой женщиной-психотерапевтом, для которой, похоже, А. Б. оказалась единственной и основной «кормилицей»), по данным опросника СПП и результатам беседы, совершенно не контролирует свои социальные связи (см. также 5.3.2.1).

26-летняя Г. Щ., жертва повторяющихся насилий (в том числе и со стороны собственного мужа), глубоко виктимная женщина, пережившая несколько тяжелых и редких заболеваний, также исключительно доверчива и неразборчива в своих знакомствах (см. также 5.3.2.6).

По нашим данным, суверенность вкусов и ценностей — единственное измерение, значимо коррелирующее и с переживанием осмысленности собственного бытия (разд. 5.1). Наш педагогический

и клинический опыт позволяет утверждать, что практически все взрослые социально адаптированные и в основном здоровые слушатели отделений второго высшего образования, обучающиеся по психологическим специальностям (которые частично используют это образование как «информирующую психотерапию»), переживают отчетливый кризис ценностей и вкусов (аксиологическую депривацию), что сопровождается резким понижением показателя СПП по соответствующей шкале. Их самоотчеты также изобилуют указаниями на то, что они находятся на перепутье, меняют видение жизни. Если это сомнение имеет временный характер, то обычно взрослый человек приобретает новый конструктивный духовный опыт. Продолжите®, ная аксиологическая депривация приводит, как правило, к высоко!™: психологической зависимости от наставника или группы «духовного роста», нередко служащей манипулятивно-деструктивным целям.

Наш консультативный опыт привел к следующим наблюдениям. Уже упоминавшаяся А. Б. с запросом на зависимость от психотерапевта находится также и в состоянии аксиологической депривации: она мечется между христианством и разными вторичными космологическими течениями, следует эклектическому набору ритуалов и непредсказуемо их меняет (на опроснике это сопровождается резким и единственным понижением по шкале СЦ, показывая, что А. Б. везде «на своей территории», кроме мировоззрения, где ее контролирует старший другой). 38-летняя А. также находится в процессе самоопределения, выбирая для себя подходящее мировоззрение и посещая многочисленные психологические тренинги; ее показатель по опроснику также намного ниже границ нормы. Таким образом, отсутствие «авторского» видения мира — признак неравновесия личности, обычно вызванного системным (сопровожающимся объективными изменениями обстоятельств жизни) или экзистенциальным кризисом, который может привести как к возрождению, так и к дальнейшей дезадаптации и разрушению личности.

Итак, обобщая сказанное, можно констатировать, что психологическая суверенность может быть рассмотрена как важный показатель личностной зрелости. Становление зрелости может инициироваться психотерапевтической работой, направленной на установление суверенности и поднятие ее уровня. Особо важная роль в переживании кризисов зрелости принадлежит аксиологической составляющей (измерению вкусов и ценностей).

Все рассмотренные в этом разделе данные свидетельствуют о том, что психологическая суверенность — динамичное качество, возрастающее по мере прохождения через возрастные и ненормативные личностные кризисы и коррелирующее с общими показателями душевного благополучия.

4.3. Индивидуально-личностные корреляты психологической суверенности

Понимание суверенности как одной из важнейших интегративных характеристик человека естественно подводит к необходимости изучить ее индивидуальную вариативность в отнесенности к тем чертам характера и личности субъекта пространства, которые служат причиной или являются следствием склонности испытывать внедрения извне и поддаваться им (быть депривированным) или способности защищать личностные границы. Исходя из эволюционного и социального предназначения суверенности, было бы логичным, если бы ее уровень оказался связан с темпераментальными проявлениями как энергетическим регулятором индивидуальности: ведь суверенность, обеспечивая открытость-закрытость системы личности и резистентность к неблагоприятным воздействиям извне, в сущности, также осуществляет функцию энергетического контроля личности, оберегая ее от избыточного истощения. Кроме того, исходя из положений эволюционной теории пола В. А. Геодакяна и психоаналитических наблюдений Э. Эриксона, можно предполагать, что уровень суверенности в мужской подвыборке будет выше, чем в женской, а способы средового подкрепления суверенности также будут различаться.

4.3.1. Темпераментальные и тендерные корреляты суверенности

Цель данного модуля исследования состояла в том, чтобы установить связь уровня суверенности с темпераментальными и тендерными характеристиками. Поскольку переменная пола участвовала во всех сериях исследования, на данном этапе делать выводы о половых различиях было бы преждевременно; это обобщение будет сделано позже. Нами были сформулированы частные **гипотезы**:

- а) уровень суверенности положительно связан с сильным типом темперамента;
- б) проявления суверенности обладают половой и тендерной специфичностью.

В исследовании при помощи опросников СПП, ОСТ В. М. Русалова и МиФ в интерпретации О. Г. Лопуховой приняло участие 42 школьника подросткового возраста, ученики школы № 300 города Москвы среднего возраста 13,7 лет, 19 мальчиков и 23 девочки.

Результаты и их интерпретация. Изучение связи психологической суверенности с параметрами темперамента дало весьма выразительные результаты (табл. 12). Обнаружена положительная связь между уровнем СПП и показателями Темпа ($p < 0,01$), Эргичности и Пластичности ($p < 0,05$), отрицательная в тенденции - с показателем Эмоциональности ($p < 0,1$). Это свидетельствует о том, что, возможно, суверенность проще устанавливается людьми сильного темперамента, обладающими хорошим контактом с действительностью и готовностью действовать (Эргичность), высоким темпом деятельности и достаточной пластичностью, то есть людьми неригидными, способными креативно вести себя в разных жизненных ситуациях! Связь с Эмоциональностью отрицательна в тенденции: это говорит о том, что чувствительность не способствует достижению автономного поведения и суверенности, и эмоциональные люди склонны чаще растворяться в ситуации, чем контролировать ее. Все эти тенденции, к сожалению, не были подтверждены в силу малочисленности выборок отдельно в подгруппе мальчиков (это представляет одну из перспектив работы), но, поскольку тенденции сохранились в общей группе, можно предполагать, что, по крайней мере, закономерности в мужской и женской группах взаимно непротиворечивы. В подгруппе девочек также обнаружена положительная связь с Социальным темпом ($O < 0,01$) и отрицательная - с показателем Эмоциональности ($P < 0,05$).

Таблица 12

Связь СПП и шкал темперамента (г)

	Общая группа (n = 34)	Мальчики (n = 12)	Девочки (n = 22)
Эр	0,39	0,02	0,56
СЭР	0,13	-0,29	0,33
п	0,45	0,36	0,46
СП	-0,18	-0,42	-0,11
Т	0,46	0,29	0,54
СТ	0,42	0,009	0,62
Эм	-0,31	0,03	-0,45
Сэм	-0,36	0,12	-0,51
К	0,23	0,42	0,06

Примечание. Курсивом выделены тенденции, полужирным — значимые на уровне $p < 0,05$, полужирным и подчеркнуты - значимые на уровне

было проведено также изучение связи тендерных особенностей с уровнем суверенности (табл. 13).

1.16 таблица 13

(вязь СПП и шкал МиФ (г))

	Вся группа (n = 42)	Мальчики (n = 19)	Девочки (n = 23)
Маскулинность	0,1	0,2	0,08
Фемининность	0,00	-0,05	-0,06
Дипрогинность	-0,09	-0,12	-0,03

Что же до тендерных различий, то значимых корреляций между (СПП и переменными маскулинности, фемининности и андрогинности) не обнаружено. Данные мальчиков более однородны, данные девочек слегка противоречивы. Результаты можно объяснить незавершенной полоролевой идентификацией или несовершенством /и Иагностического метода (МиФ). Выделение контрастных групп также не дало результатов: показатели внутри этих групп остались практически идентичными.

Таким образом, психологическая суверенность представляет собой качество, тесно связанное с биологическими детерминантами личности, что позволяет говорить об ее эволюционной обусловленности и целесообразности, тем самым частично подтверждая второе частное предположение.

4.3.2. Предварительные данные о связи суверенности с личностными характеристиками

Мы имеем все основания предполагать также, что группы депривированных и суверенных будут различаться по своим личностным качествам. Об этом свидетельствуют и предварительные данные [142]. Так, в исследовании, осуществленном под нашим руководством Е. А. Матвийчук, у 25 детей 9-10 лет изучалась связь суверенности психологического пространства, измеряемой при помощи уже упоминаемой ранней версии опросника СПП, с чертами личности, определяемыми по 12-факторной версии опросника Р. Кеттелла (табл. 14, рис. 11). Оказалось, что две (из 10) обследованные девочки имели низкие показатели суверенности, 8 — высокие. У 9 (из 15) опрошенных мальчиков отмечены низкие показатели и у 6 — высокие.

В исследовании было обнаружено, что группы суверенных и депривированных детей характеризуются различными личностными особенностями.

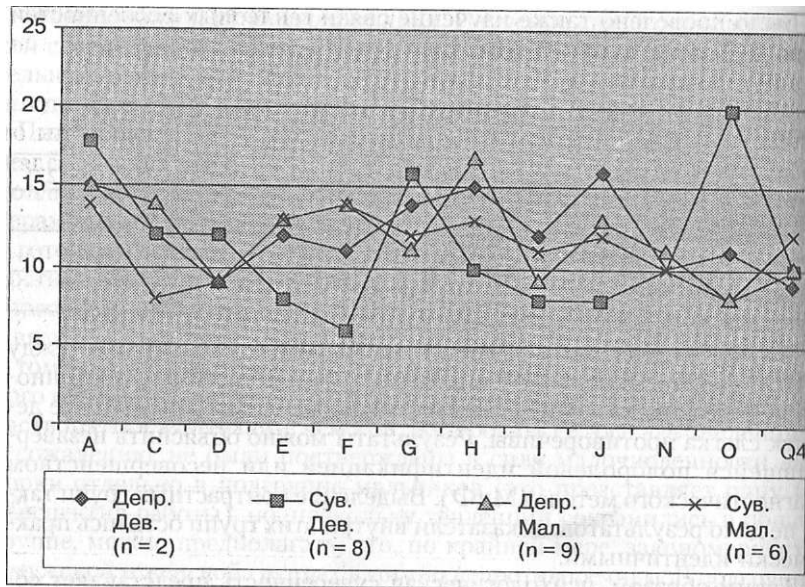

Рис. 11. Профили 12PF Р. Кеттелла у 25 детей младшего школьного возраста

Депривированность у девочек сопровождается усилением флуктуативности и равнодушия (D), повышением настойчивости (E), значительным понижением интереса к участию в общих делах, индивидуализмом (J), несколько усиливает немотивированное беспокойство (F), суровость (I) и одновременно понижая робость (H).

Суверенные девочки, в отличие от рассмотренной группы, отличаются высокой эмоциональной реакцией на внешние раздражители (J), они не конформны (G), но, однако, отличаются склонностью к сверхответственности и повышенному чувству вины (O). Таким образом, у суверенных девочек во всех психологических проявлениях отмечаются лучшая адаптированность и в целом более высокая феминность, а у депривированных девочек — частично маскулинные проявления, сопровождающиеся также стремлением эмоционально и социально отгородиться. Суверенные девочки, более уверенные в целостности границ, судя по комплексу своих характеристик, больше открыты для контактов с миром.

У депривированных мальчиков довольно высока эмоциональная стабильность (C), они отличаются смелостью (H), жесткостью (I)

и практически отсутствием чувства вины (O), то есть в целом можно ожидать чрезмерно решительного, возможно, с асоциальными тенденциями, поведения.

Суверенные мальчики несколько эмоционально лабильны (C), довольно беспечны (F), способны доминировать (E) и свободны от избыточного переживания чувства вины (O). По всем показателям они ближе к середине «коридора» нормативных значений, а, значит, суверенность может рассматриваться как более нормативная характеристика мужской подвыборки, чем женской: показатели депривированных девочек также тяготеют к средним значениям, но при этом сочетаются скорее с тенденциями к деиндивидуализации и конформности.

Таблица 14

Средние значения показателей 12PF Р. Кеттелла у 25 детей младшего школьного возраста

	A	C	D	E	F	G	H	I	J	N	O	Q4
ДД (n = 2)	15	12	9	12	11	14	15	12	16	10	11	9
СД (n = 8)	18	12	12	8	6	16	10	8	8	10	20	10
ДМ (n = 9)	15	14	9	13	14	11	17	9	13	11	8	10
СМ (n = 6)	14	8	9	13	14	12	13	11	12	10	8	12

Примечание. ДД — депривированные девочки, СД — суверенные девочки, ДМ — депривированные мальчики, СМ — суверенные мальчики.

Таким образом, предварительные данные позволяют отметить, что у депривированных девочек наблюдается тенденция к снижению адаптированности; и у мальчиков, и у девочек депривация психологического пространства способствует появлению некоторых маскулинных черт.

4.3.3. Связь суверенности психологического пространства с чертами личности

Для изучения связи уровня суверенности и индивидуально-личностных особенностей нами был предпринят ряд кратких исследований с использованием опросников СПП (в окончательной стандартизированной форме), ЛОД С. Айзенк, опросника «Акцентуация характера» К. Леонгарда. Всего в исследовании приняло участие 140 респондентов в возрасте от 13 до 25 лет, 70 юношей и 70 девушек.

Частная гипотеза модуля заключалась в том, что уровень суверенности связан с индивидуально-личностными особенностями едущим образом:

- а) суверенные и депривированные отличаются по выраженности черт личности;
- б) суверенные отличаются лучшей адаптированностью, чем депривированные.

Один из важных для изучения феноменологических связей суверенности психологического пространства показателей был получен нами в рамках психометрической подготовки опросника СПИ (разд. 3.4.4). Напомним, что на выборке из 61 подростка (24 ученика школы № 57, 37 учеников школы № 300 среднего возраста 14,7 года, 31 мальчика и 29 девочек) проводилось сравнение показателя СПИ со шкалами личностного опросника С. Айзенк для детей (ЛОД) по средством подсчета непараметрического коэффициента корреляции r Спирмена.

Анализ и интерпретация результатов. Мы уже отмечали тот факт, что суверенность пространства практически не связана с показателем лжи, подтверждая, что следование социально желаемому поведению — не основной способ защиты личностных границ, хотя, по-видимому, также может быть использован (коэффициенты корреляции составили для девочек, мальчиков и выборки в целом соответственно, 0,04, 0,18 и 0,1). У мальчиков эта связь в тенденции положительна, согласуясь с известным в практической психологии фактом, что способность лгать представляет собой один из навыков социальной компетентности, способствующий поддержанию самоуважения и защите личных интересов: еще З. Фрейд обращал внимание на важность первого положительного опыта, связанного с обманом, в онтогенезе приватности. В практике психологического консультирования нередко при работе с неадекватно агрессивными детьми обнаруживается, что они ригидно правдивы и не умеют управлять потоком социально значимой информации, в силу чего и оказываются вынужденными защищать свои личностные границы физически.

Любопытные и неоднозначные тенденции обнаружены в связи с проявлением зависимости между суверенностью и такой важной индивидуально-типологической чертой, как экстраверсия-интроверсия (коэффициенты корреляции составляют для девочек 0,25, для мальчиков 0,18 и для группы в целом 0,2). Таким образом, можно заключить, что экстраверсия сочетается с большей защищенностью, а интроверсия — с депривированностью. Учитывая тот факт, что еще

К. Г. Юнг отмечал преимущественную распространенность экстраверсии в нашей культуре, мы можем считать, что выраженные экстраверты, естественно контактируя с миром, одновременно умеют выстраивать прочные личностные границы и различать «мое-чужое», ю есть уважать и границы других людей.

И наконец следующий также очень значимый для нас результат состоит в том, что показатель суверенности значимо отрицательно связан с показателем нейротизма, причем эта тенденция сильнее выражена у мальчиков, чем у девочек ($-0,4$ для девочек, $-0,36$ для мальчиков и $-0,32$ для всей группы). Нейротизм в контексте ЛОД понимается как показатель эмоциональной уравновешенности — это качество личности здорового человека, однако он создает предпосылку для развития дезадаптации в случае недружественных средовых воздействий. Таким образом, мы можем подтвердить одну из теоретических посылок нашего исследования, которая состоит в том, что способность защищать свои границы естественно связана с понижением тревожности и чувства вины (эта связь, по-видимому, имеет взаимную направленность: эмоционально нестабильные с большим трудом отстаивают свою приватность, чем люди нетревожные). Так или иначе, мы можем ожидать, что, как правило, мальчики и мужчины с признаками эмоциональной нестабильности имеют склонность также попадать в группу депривированных, то есть в разных сферах жизни совершают уступки внедрению извне и испытывают дефицит собственной субъектности. У девочек эта связь также прослеживается, но обладает меньшей силой.

Поскольку данный результат достигает уровня достоверности, целесообразно остановиться на нем более подробно. Мы проанализировали «вклад» каждой из субшкал опросника в корреляцию с нейротизмом (табл. 15). Результаты свидетельствуют в пользу того, что существуют тендерные различия в содержании того измерения пространства, депривация которого сочетается с повышением нейротизма. Так, для девочек это пространство вещей и социальных связей: то есть нейротизм выше у девочек, которые не могут дружить и общаться с теми, с кем хотели бы, а также безраздельно пользоваться своими личными вещами.

У мальчиков же отмечается сильная отрицательная корреляция с показателем суверенности территории: то есть для мальчиков категорически не показано любое территориальное ущемление. Для девочек тоже характерна эта тенденция, но она не достигает уровня значимости. Такое положение дел может быть объяснено эволюционно сложившимся разделением поведенческих программ, жизненных задач и обязанностей между мужской и женской подсистемами

вида: именно самцы (или мужчины) осваивают и закрепляют за собой участок территории, на который впоследствии приглашается самка.

Таблица 15

Корреляции субшкал опросника СПП с показателем нейротизма по ЛОЛ

— Показатель	СПП	СФТ	СТ	св	СП	сс	сц
Респонденты							
Девочки (и = 28)	-0,4	-0,16	-0,27	-0,47	-0,21	-0,41	-0,31
Мальчики (и = 31)	-0,36	-0,12	-0,36	-0,29	-0,2	-0,25	-0,3

Примечание. Полужирным выделены показатели, значимые на уровне $p < 0,05$.

Таким образом, гипотезы можно считать подтвержденными: суверенность действительно связана с чертами личности и, возможно, может использоваться в качестве основания одной из типологий.

4.3.4. Связь суверенности психологического пространства с акцентуациями характера

Еще один модуль исследования связан с изучением связи между уровнем суверенности и выраженностью акцентуаций характера.

Частная гипотеза модуля заключалась в том, что суверенные и депривированные отличаются преобладающими акцентуациями характера.

В нашем исследовании, осуществленном в рамках подготовки дипломного исследования С. В. Авакян, приняло участие 40 учеников подросткового возраста школы № 150 г. Москвы (20 мальчиков и 20 девочек). Группа депривированных девочек составила 9 человек, суверенных — 11, депривированных мальчиков — 14 и суверенных мальчиков — 6 человек.

Анализ и интерпретация результатов. Интерпретация акцентуаций осуществлялась несколькими способами. Известно, что их показатели нужно изучать не по абсолютным значениям, а исходя из общей конфигурации профиля, ориентируясь на повышения (составляющие больше 12 баллов) и понижения (деакцентуации, представляющие самый низкий показатель). Поэтому для каждого респондента определялись ведущие пики и деакцентуации (табл. 16, 17).

Таблица 16

Преобладающие акцентуации у мальчиков и девочек с различным уровнем суверенности

Девочки			Мальчики		
СПП	Акцентуации		СПП	Акцентуации	
	Макс, пок-ль	Мин. пок-ль		Макс, пок-ль	Мин. пок-ль
48	З = 22	Т = 6	58	Г = 24	Т = 0
46	Эк = 24	В = 0	26	Г = 18	Т = 3
46	Эк = 21	Т = 6	24	Г = 18, Эк = 18	Т = 3
44	Эк = 24	Т = 3	24	Дис = 18	Т = 0
42	Г = 21, В = 21	Т = 9	20	Ц = 21	Т = 0
36	Эк = 24	П = 2	12	В = 21	Т = 6
30	Эм = 21	Т = 6	10	Г = 21, Ц = 21	Эм = 6
26	Эм = 24		8	Эк = 24	Эм = 9
26	Эм = 24	Г = 9	8	«зубчатый» график	
26	Ц = 24	П = 8	6	Ц = 24, Эк = 24	П = 8
24	Эм = 21, Ц = 21	П = 8	4	Ц = 21, В = 21	Т = 3
16	Эм = 24, Эк = 24, Ц = 24		0	Т = 24, Ц = 24	Эм = 9
14	Эм = 24, Эк = 24	Ди = 9	0	Г = 21, Ц = 21	Дис = 6
12		Т = 3	-2	Дис = 18	Г = 3, Эм = 3
12	Эк = 24	В = 6	-10	Г = 24	Т = 1
10	Дем = 20	П = 4	-10	Ц = 24, Эк = 24, В = 24	Т = 6
2	В = 24	Т = 6	-11	Ц = 24, Эк = 24	Дем = 8
0	З = 18, Ц = 18	В = 6, Эк = 6	-14	Ц = 24	П = 8
-2	Ц = 21	Г = 3	-20	Г = 24, Ц = 24, Эк = 24	П = 10
-12	Ц = 24	Т = 6	-24	Эк = 24	П = 10

Примечание. Курсивом выделена подгруппа депривированных. Условные обозначения: гипертимический (Г), застревающий (З), эмотивный (Эм), педантичный (П), тревожный (Т), циклотимический (Ц), демонстративный (Дем), возбудимый (В), дистимический (Дис), экзальтированный (Эк).

Таблица 17

Средние значения акцентуаций характера у депривированных девочек (ДП)
(СЛ), депривированных мальчиков (ДМ) и суверенных девочек (СД)

ДД (я = 9)

ДМ
(п = 14)
СМ
(п = 6)

дег П Г Г Ы е - СоКращения званий акцентуаций расшифрованы в лгсм

Другой способ обработки первичных результатов состоял в построении обобщенного профиля подгруппы (рис. 12).

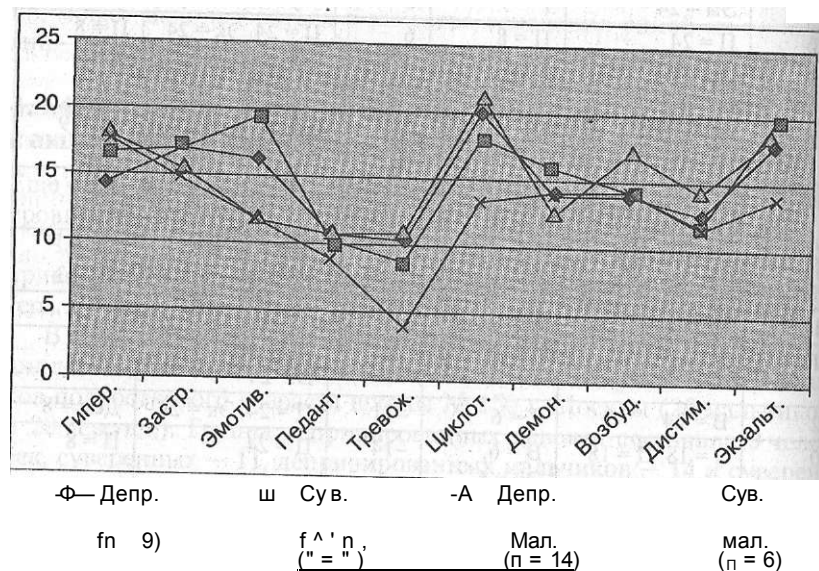

Рис. 12. Акцентуации характера в группах обследуемых мальчиков и девочек

У депривированных девочек в первую очередь отмечаются циклотимность (4), а также экзальтированность (3), эмотивность (2),

застывание (1) и демонстративность (1). Минимальные показатели отмечаются большой вариативностью и очень индивидуальны.

Обобщенный психологический портрет «депривированной девочки» включает в качестве ведущей акцентуации циклотимность; выражены также эмотивность и экзальтированность, а тревожность выше, чем в группе суверенных. И хотя резких качественных отличий от суверенных не отмечается, все же перестановка акцентов произошла в сторону снижения адаптированности и подчинения необходимым качеств эмоциональной чувствительности действия законам циклотимности, то есть переключения происходят часто и, судя по присутствию тревожности, может быть больше выражена фаза пониженного настроения. Циклотимность подразумевает ориентацию на собственную цикличность: перемены образа жизни и режима циклотимами воспринимаются негативно, как вторжение, и нередко приводят к затяжному субдепрессивному состоянию. Поэтому не исключено, что именно циклотимы особенно чувствительны к сохранению целостности личностных границ и не склонны считаться с распорядами и правилами, предлагаемыми им извне.

Сравнение полученных данных показывает, что среди суверенных девочек встречаются такие типы акцентуаций, как экзальтированность (4), эмотивность (4), реже — циклотимность (2), застревание (1), гипертимность (1), возбудимость (1). Чаще всего понижены показатели тревожности и педантичности.

Обобщенный психологический портрет «суверенной девочки» — это эмотивная, циклотимная и экзальтированная девочка с пониженной педантичностью и тревожностью, то есть обладающая традиционно женскими чертами характера: эмотивность подразумевает доминирование мира чувств над миром поступков и действий, экзальтированность — способность сопереживать нереальным событиям, эмоциональную децентрацию, эмпатию. Циклотимность как присутствие фазности в эмоциональном состоянии — это женственная акцентуация, выражающаяся в неожиданности, непредсказуемости и капризности. Таким образом, можно констатировать, что на качественном уровне характерологические особенности суверенных девочек отвечают эволюционной и культурной логике развития феминности.

Фактор депривированности сильнее сказывается на группе мальчиков, чем на девочках. Если у девочек логика и конфигурация профиля в основном не меняются, лишь слегка переставляются акценты, то у мальчиков наблюдается иная картина. У депривированных мальчиков отмечаются чаще всего акцентуации циклотимности (9), экзальтированности (6), гипертимности (3), присутствует также возбудимость (3). Среди наименее выраженных доминирования не отмечается, но присутствуют педантичность, тревожность, эмотивность и дистимность.

Усредненный «депривированный мальчик» — это циклотим, у которого также присутствуют акцентуации гипертимности и возбудимости: подобное сочетание нередко, по мнению работающих в области ювенильной юстиции психологов, встречается у подростков-правонарушителей, то есть если суверенные поддерживают свою автономию, по-видимому, посредством заданной гипертимной акцентуацией склонностью эмансипироваться, то у депривированных способность быть суверенным блокирована, а стремление к автономии прорываемся в непредсказуемых действиях, нередко асоциального содержания.

В малочисленной подгруппе суверенных мальчиков чаще всего доминируют такие акцентуации как гипертимность (3), присутствуют также экзальтированность (1) и дистимность (1). Устойчиво понижены показатели тревожности.

Обобщенный «суверенный мальчик» — очень целостное существо: при отчетливом доминировании гипертимной акцентуации он обладает самым низким показателем по акцентуации тревожности. Гипертимность можно назвать маскулинной акцентуацией: дети-гипертимы с самого рождения отличаются бесстрашием, высоким жизненным тонусом и стремлением к исследовательской деятельности, оптимизмом. Они способны охранять свои границы, которые с самого начала представляют для них большую ценность, и в то же время могут внедряться в пространство других людей. Сильное давление извне приводит к стремлению эмансипироваться, в некоторых неблагоприятных случаях у гипертимов начинает проявляться тенденция к алкоголизации, то есть так или иначе они активно используют стратегию ухода, физического или психологического.

Гипертимы — эмоционально теплые люди, но склонны к бурным аффективным, иногда агрессивным вспышкам. Все эти качества дают нам представление о почти нормативном характере среднестатистического подростка-мальчика.

Итак, обобщая полученные результаты, можно констатировать, что, как мы и ожидали, суверенные и депривированные подростки отличаются по присутствию у них ведущих акцентуаций, и это различие обладает также тендерной вариативностью. Суверенные мальчики и девочки по психологическому портрету ближе к нормативной модели тендерного поведения своей группы. Таким образом, факт переживаемой депривации сочетается (как причина или как следствие) с искажением и нарушением логики продуктивного тендерного поведения. Преобладающие в группах суверенных акцентуации могут быть естественными механизмами обретения и сохранения суверенности. Знание акцентуаций может помочь прогнозировать не только уровень суверенности, но и все остальные феноменологически связанные с ним проявления индивидуальности особенности

И-концепции, предпочтение стратегий психологического преодоления, содержание семейных установок и пр.

4.3.5. Связь суверенности психологического пространства с социальными качествами личности

Поскольку возможность себя защищать предполагает наличие стремления это делать и высокой потребности в самоутверждении (которую нередко трудно отделить от потребности в экспансии), то можно предположить, что суверенные люди чаще стремятся и могут доминировать. Таким образом, они рискуют оказаться скорее внедряющимися, чем депривированными. Исходя из нашего понимания социально-этического смысла переживания суверенности можно предполагать, что суверенные, уважая границы других людей, более дружелюбны к ним.

Нами была высказана следующая частная гипотеза: уровень суверенности а) положительно связан со стремлением к доминированию; б) положительно связан с дружелюбием по отношению к другим людям.

В исследовании приняли участие 40 молодых людей-добровольцев среднего возраста 22 лет (20 мужчин и 20 женщин), учащиеся различных вузов Москвы и служащие. Респондентам в составе батареи методик предлагались опросник СПП и тест Т. Лири.

Результаты и их интерпретация. Проанализируем связь суверенности с такими социально значимыми качествами как доминирование-подчиненность и дружелюбие-агрессивность (табл. 18).

Таблица 18

Корреляции r_s шкал СПП с показателями Доминирования-подчиненности и Дружелюбия-агрессивности Т. Лири

	СПП	СФТ	с т	СВ	СП	СС	СЦ
Доминирование (подчинение)	-0,06	0,04	-0,17	-0,05	-0,18	-0,01	0,08
	-0,22 / 0,44	0,01 / 0,19	0,31 / 0,11	0,19 / 0,29	0,33 / 0,21	-0,3 / 0,55	0,02 / 0,31
Дружелюбие (агрессивность)	0,26	0,38	0,12	0,32	0,04	0,16	0,11
	0,28 / 0,21	0,37 / 0,33	0,04 / 0,23	0,27 / 0,31	0,29 / -0,28	0,21 / 0,15	0,16 / -0,01

Примечание. Вверху - общий коэффициент, внизу - коэффициенты женщин ($n = 20$) и мужчин ($n = 20$). Полужирным выделены значимые на уровне $p < 0,05$.

В целом по общей группе обследованных респондентов связь между этими переменными почти не улавливается: корреляции везде либо слабоположительны, либо слабоотрицательны. Однако эти результаты совершенно меняют свое содержание при учете тендерного расщепления.

В мужской подгруппе доминирование положительно связано с уровнем суверенности; это одна из немногих значимых корреляций ($p < 0,05$). Среди частных показателей доминирование особенно сильно связано с социальной суверенностью, а также с суверенностью личных вещей и ценностей. Таким образом, становится более понятно, что реакция «Кто сидел на моем стульчике?» и потребность в уважении мировоззрения («Ну ты все-таки должна признать мое право на двоеженство» — настаивает муж из дисфункциональной семьи клиентов, у которого есть все возможности реализовать свои убеждения деликатным способом) — это типично мужские особенности, которые опосредствуют самоутверждение мужчин.

В женской подгруппе обнаружена тенденция к отрицательной связи уровня суверенности с доминированием, указывая на то, что воля к власти не связана с достижением внутренней свободы и автономии. Социально зависимые женщины, не считая свое подчинение неуважением, также оказываются суверенными. Причем наиболее сильны отрицательные тенденции в связи доминирования с территориальной суверенностью и суверенностью личных вещей, то есть этими областями личного пространства женщинам, по-видимому, поступиться особенно легко, и здесь они не настаивают на прочности границ.

Связь дружелюбия-агрессивности с уровнем переживаемой суверенности также имеет свои особенности. В целом по группе обследованных респондентов обнаружена тенденция к положительной связи суверенности и дружелюбия, причем корреляции частных показателей суверенности тела и личных вещей достигает уровня значимости ($P < 0,05$). Это означает, что люди, не знающие физического насилия или обобществления личной собственности, дружелюбны, причем верно и обратное: физическое подавление и де-приватизация сочетаются с агрессивностью, что подтверждается многочисленными историческими примерами. В практике воспитания обнаруженные факты также могут эффективно применяться: известно, что, для того, чтобы сделать ребенка менее агрессивным, иногда достаточно просто оставить его в покое и не отнимать любимые игрушки.

Обнаруженные тенденции полностью сохраняются в женской подгруппе, но при этом добавляется положительная связь дружелюбия с суверенностью привычек — то есть женщины, распорядок жизни которых устанавливается ими самими, более дружелюбны.

В мужской подгруппе последняя тенденция имеет противоположное направление: более дружелюбны мужчины, распорядок жизни которых задан извне. Возможно, это менее доминантные мужчины, а возможно, поскольку опросник в основном включает в себя утверждения о бытовых привычках, дружелюбные мужчины просто не пытаются устанавливать порядок жизни дома. Агрессивные мужчины, напротив, строго охраняют привычный распорядок.

И еще одна обнаруженная тендерная особенность заключается в том, что дружелюбие мужчин (в отличие от женщин) никак не связано с суверенностью ценностей, то есть они более покладисты и легче поддаются переубеждению.

Таким образом, анализ исследованных связей открывает значительные различия в средствах поддержания суверенности у мужчин и женщин: для мужчин это скорее доминирование, для женщин — дружелюбие, для мужчин основа личностной автономии связана с неприкосновенностью личных вещей и территории, для женщин — со свободой ценностей и предпочитаемого круга общения. Полученные результаты отвечают эволюционной логике развития двух полов, предписывающей инструментально-завоевательное поведение мужчинам и воспринимаяюще-социальное — женщинам. Соответственно, депривация приводит к изменению основных личностных качеств и установок в сторону нарушения логики пола: у мужчин это феминизация или усиление агрессивно-дезадаптивного «гипермаскулинного» поведения, у женщин — избыточная феминизация дезадаптивного характера или появление маскулинных элементов. Во всех случаях наблюдается уход от умеренных социальных эталонов пололевой идентичности.

4.3.6. Особенности самосознания в зависимости от уровня личностной суверенности

Выше неоднократно отмечалось, что опыт суверенного поведения может откладываться в представлении человека о самом себе, формируя разные аспекты его самосознания: Я-концепцию, переживаемый локус контроля, стратегии психологического преодоления, которые впоследствии и антиципируют, в свою очередь, склонность вести себя суверенно. В этом разделе мы сосредоточиваемся на изучении проявлений именно этих связей.

4.3.6.1. Особенности Я-концепции подростков с разным уровнем суверенности

Поведение человека планируется и формируется опосредствованно, преломляясь через способ видения субъектом самого себя в данной

ситуации, то есть переживаемый опыт интегрируется в Я-концепции человека, которая, в свою очередь, экстериоризирует себя в различных видах социальной и продуктивной деятельности человека.

Цель следующего исследования состояла в том, чтобы изучить особенности Я-концепции суверенных и депривированных подростков.

Гипотезой было предположение, что Я-концепции детей с более высокой степенью суверенности психологического пространства отличаются:

- а) большей дифференцированностью;
- б) более позитивным отношением к себе;
- в) большей психологической компетентностью;
- г) большей синергичностью миру.

Для изучения особенностей самопредставления людей с разным уровнем суверенности девятиклассникам школы № 300 Северо-Восточного округа Москвы было предложено заполнить разработанный нами опросник СПП и дать краткое самописание (психологический портрет). Методика самоописания заключается в том, что ребенку в произвольной форме предлагают написать о себе нечто такое, что отличает его от других и что он сам считает важным сообщить. Таким образом, инструкция не ограничивает объем текста и не задает направления самоанализа, это могут быть как физические особенности, так и социальные или академические достижения.

Самописание может быть отнесено к группе вербальных проективных или нарративных методов: психолог интерпретирует не объективное поведение, а дискурс, представление человека о себе, составленное на основании субъективно значимых категорий [85]. Сбор первичных данных был осуществлен психологом школы А. А. Бочавер в рамках преподавания психологии. Всего в исследовании приняло участие 48 человек (28 девочек, 20 мальчиков), средний возраст которых составил 14,5 года. Школа имеет особенность: здесь обучается большое количество детей-иммигрантов из стран Кавказа, которые преимущественно принадлежат к семьям представителей рабочих профессий. Нередко это социально запущенные дети с элементами девиантного поведения; учатся они в основном удовлетворительно. В школе благодаря сплоченному педагогическому коллективу создан хороший микроклимат и культивируется личностное отношение к каждому ученику. Однако, несмотря на это, дети в большинстве своем испытывают множественные депривирующие влияния (другая культура, материальная нужда, алкоголизм родителей или неполные семьи, сиротство).

Анализ и интерпретация результатов. Согласно полученным нормам дети были разделены на группы суверенных, нормально (умеренно) суверенных и депривированных. Результаты каждого из подростков в целях конфиденциальности были зашифрованы: шифр включает порядковый номер в подгруппе, литеру класса, пол, уровень и точный показатель суверенности [24].

Самоописания как вариант нарратива обрабатывались с элементами контент-анализа качественно (как целостный текст) и количественно (по составу смысловых единиц). Поскольку самоописания в большинстве своем представляли краткий, не очень богатый смысловыми оттенками текст, было принято решение обработать его по упрощенной схеме. Нами были предложены для анализа семь типов смысловых единиц: информирующие нейтральные (и), лишённые эмоционального отношения и психологического содержания (например, «Я учусь в 9А классе»), информирующие психологические (и-п) (например, «Я люблю сочинять стихи»), негативные (н) («Я не идеальный человек»), позитивные (п) («Я очень хороший друг, с которым можно поговорить по душам»), агрессивные (аг) («Хочу замочить пацана»), альтруистические (ал) («Если близкого человека обижают, я не буду молчать»). Более подробная классификация смысловых единиц была сочтена нецелесообразной из-за слабой наполняемости соответствующих классов. В силу того что как психологическое пространство, так и Я-концепция представляют собой понятия идиографического подхода, мы ограничились выборкой $n = 48$ и сосредоточились на качественном анализе.

Оригинальные тексты с разметкой смысловых единиц приведены ниже; схематическое представление самоописаний сведено в таблицу (прил. 7, табл. 19).

Таблица 19

Распределение самоописаний по категориям смысловых единиц

Категория	И	И-п	Н	П	Аг	АЛ	Всего категорий
самоописаншC\^^							
1-Б-жен-С 54	1	3		6	1	1	12
2-Б-жен-С 46	4	7	4	4	1		20
3-Б-жен-С 50			3	3		2	8
4-В-жен-С 62	14			1			15
1-трорQ / среднее	19' 4,8	/		14/3,5		3/0,8	/

Продолжение #

Таблица 7 9 (продолжение)

Категория самоописания\.	И	И-п	Н	П	Аг	Ал	Всего категорий
1-А-муж-С 50	8	3		5			16
2-А-муж-С 38		3	4				7
3-А-муж-С 54	1		3				4
4-А-муж-С 44	3		1				4
5-А-муж-С 41	2	3	1	2			8
6-Б-муж-С 36	2		2				4
7-Б-муж-С 38	2	3	1				6
8-Б-муж-С 38	2	4		6			12
9-Б-муж-С 38	2			12			14
Итого / среднее	20/2,2	16/1,8	12/1,3	25/2,8	0/0	0/0	75/8,3
1-А-жен-Н 24	2			1			3
2-А-жен-Н 24	1	8	1	1			11
3-А-жен-Н 22	5	5					10
4-А-жен-Н 34	8	3					11
5-А-жен-Н 28	8	2					10
6-А-жен-Н 24		1	3	5			9
7-А-жен-Н 12	5	1	2	5		2	15
8-Б-жен-Н 20			2	3			5
9-Б-жен-Н 24	2	2	2	2			8
10-Б-жен-Н 12		1				2	3
11-Б-жен-Н 26	3	6				1	10
12-Б-жен-Н 8	2	7		3			12
13-В-жен-Н 30	7						7
14-В-жен-Н 24	2	6		1		1	10
15-В-жен-Н 8	3	4					7
Итого /среднее	48/3,2	46/3,1	10/0,7	21/1,4	0/0	6/0,4	131/8,7

Категория самоописания~_	И	И-п	Н	П	Аг	Ал	Всего категорий
1-А-муж-Н 24		5	1	3		1	10
2-А-муж-Н 14	3		1				4
3-Б-муж-Н 10	1	1		3			5
4-В-муж-Н 12	4						4
5-В-муж-Н 26			1	1		1	3
6-В-муж-Н 16	2						2
7-В-муж-Н 10	7				1		8
8-В-муж-Н 16	4			3			7
9-В-муж-Н 6	7						7
Итого / среднее	28/3,1	1/0,1	2/0,2	7/0,8	1/0,1	1/0,1	40/5,6
1-А-жен-Д 2	2	3		1			6
2-А-жен-Д 10	2	2					4
3-А-жен- Д 4	7	4					11
4-А-жен-Д 2	1	1		1			3
5-Б-жен-Д 6		2	3		1		6
6-Б-жен-Д 2	3					2	5
7-Б-жен-Д 4	4	1					5
8-Б-жен-Д 8		4	1	2			7
9-В-жен-Д 0			2			1	3
Итого/ среднее	19/2,1		6/0,7*	10/0,4	1/0,1	3/0,3	50/5,6
1-В-муж-Д 2	1		2				3
2-В-муж-Д 2	1	1	1		1		4
Итого / среднее	2/1	1/0,5	3/1,5	0/0	1/0,5	0/0	7/3,5

Примечание. В промежуточных строках — общее количество смысловых единиц в подгруппе и среднее количество на члена подгруппы. Условные обозначения категорий: Информирющая нейтральная (и), Информирющая психологическая (и-п), Негативная (н), Позитивная (п), Агрессивная (аг), Альтруистическая (ал).

Обратимся к анализу и интерпретации полученных данных, которые наиболее наглядно могут быть представлены в виде гистограмм (рис. 13 и 14). Первое, что обращает на себя внимание, — более полные самоописания суверенных (особенно девочек) и скудные описания депривированных (особенно мальчиков). У суверенных девочек среднее количество единиц самоописания составило 13,8, у мальчиков — 8,3; у нормально суверенных девочек — 8,7, у мальчиков — 5,6; наконец, в подгруппе депривированных у девочек этот показатель составил 5,6, а у мальчиков всего 3,5 единицы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что суверенность сочетается одновременно с большей дифференцированностью Я-концепции, и о том, что эта тенденция имеет фемининный характер, то есть во всех изучаемых группах дифференцированность самосознания выше среди девочек. Эти факты вполне согласуются с данными тендерной психологии о предпочтительном развитии внутреннего мира по сравнению с инструментальным освоением внешнего у женщин [46, 291].

В подгруппе суверенных девочек представлены все выделенные нами категории, а у мальчиков отсутствуют альтруистические и агрессивные категории, то есть те, которые в основном регламентируют социальное взаимодействие. Это говорит о том, что личностные границы суверенных мальчиков, по-видимому, более прочны, чем у девочек, которые допускают в свой внутренний мир других людей и интегрируют их.

У суверенных девочек много информирующих категорий, много психологических и особенно — позитивных. У суверенных мальчиков позитивные доминируют: таким образом, если девочки в своем самоописании разводят задачи информирования (самопрезентации) и самовозвышения, то у суверенных мальчиков представление себя в лучшем свете преобладает.

Суверенные обильно используют категории внутреннего мира («Я очень люблю мечтать и фантазировать» (1-Б-жен-С 54), «Иногда мне хочется замкнуться и жить в своем внутреннем мире» (2-Б-жен-С 46), «В себе я не разобрался (я это отложу до тех пор, когда не закончится активная стадия переходного возраста), но зато я активно пытаюсь разобраться в других» (1-А-муж-С 50)). У девочек эта тенденция выражена сильнее, чем у мальчиков.

Для суверенных мальчиков, в отличие от девочек, присуще наличие агрессивных асоциальных установок, что позволяет подозревать присутствие компенсаторной сверхсуверенности, которая по сути представляет психологическое преодоление депривационных условий жизни («Я простой пацан (и), который любит выпить и погулять» (4-А-муж-С 44)).

У суверенных также в соответствии с логикой и содержанием изучаемого понятия вербально обозначены стремление к независимости, высокая чувствительность и негативное отношение к внедрению и насилию любого рода («Я всегда отстаиваю свою точку зрения, но уважаю мнение других» (3-Б-жен-С 50), «У меня есть собственное мнение о жизни» (1-А-муж-С 50), «Я ненавижу, когда на меня орут, указывают и т. п., я ненавижу, когда мне угрожают» (7-Б-муж-С 38)).

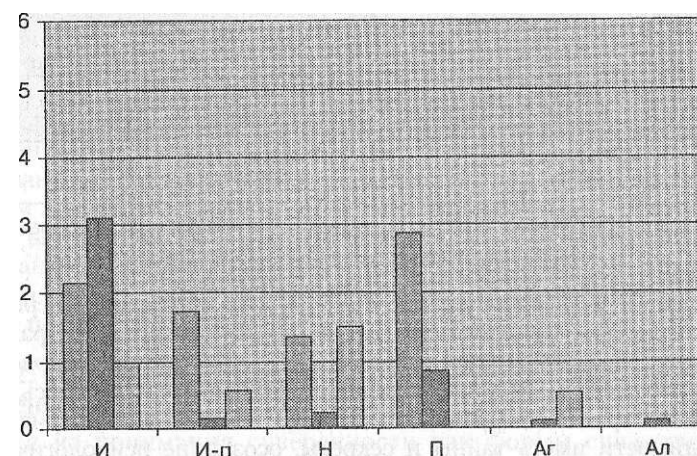

Рис. 13. Распределение категории самоописания у мальчиков (суверенных, умеренно суверенных, депривированных)

Нормально (умеренно) суверенные, по-видимому, наиболее социально адаптированные подростки, также обладают особенностями самоописания. У девочек отсутствуют негативные категории, у мальчиков самоописания отличаются бедностью: очень мало информирующих психологических категорий, в том числе — альтруистических и агрессивных. Указания на внутренний мир с признаком собственной исключительности встречаются достаточно часто («Я считаю нужным сказать, что у каждого реализованного человека есть своя точка зрения, вот как раз у меня она, точка зрения, особенная» (1-А-жен-Н 24), «Иногда, смотря телевизор, я вижу богатых, влиятельных людей, и я чувствую, что они ниже меня интеллектуально» (1-А-муж-Н 24)).

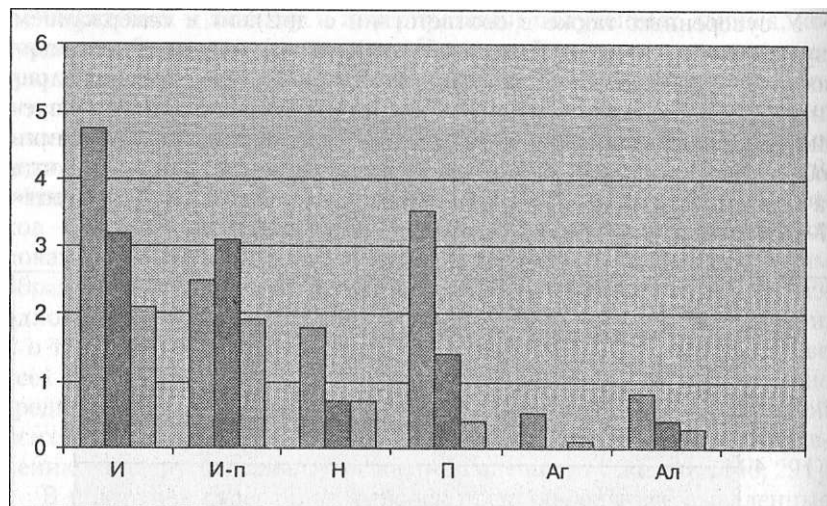

Рис. 14. Распределение категорий самоописания у девочек (суверенные, умеренно суверенные, депривированные)

Обращает на себя внимание способность умеренно суверенных психологически защищать себя («Я не раздражаюсь, когда я разговариваю по телефону, мои родители подслушивают мой разговор, но раздражаюсь, если за моей спиной стоят родители; я злюсь, если берут без спроса мои вещи, ломают» (11-Б-жен-Н 26), признание необходимости иметь тайны и секреты, осознание психологической интимности («У меня много друзей, но кому я могу раскрывать свои секреты, так это только своему лучшему другу, Кате Ф.» (6-А-жен-Н 24)). Для нормально суверенных, особенно для девочек, характерно переживание единства мира, синергичность собственных интересов и желаний других людей, оптимизм («Но как ни суди, все равно мы все люди, и множество раз мысли у нас всех совпадают, что и помогает нам общаться» (1-А-жен-Н 24)).

Самоописание депривированных подростков среди всех трех подгрупп выделяется наибольшей скудостью, что, скорее всего, свидетельствует о недифференцированности Я-концепции в целом. В текстах девочек присутствуют альтруистические тенденции, которые зачастую сочетаются с неспособностью защитить свои собственные границы (феномен жертвенности отмечался нами в более ранних исследованиях как одна из культурных и тендерных особенностей женского альтруизма). Таким образом, у депривированных девочек отсутствует переживание целостности, единства и взаимодействия мира («Часто, переживая за других, советуя что-

то, нередко забываю про себя» (6-Б-жен-Д 2)). Их тексты часто содержат факты неуважения со стороны других и сильной собственной реакции на это («Когда меня ругают, я сразу же начинаю плакать» (1-А-жен-Д 2)), «Не люблю делать уроки и слушать лекции родителей по поводу моих поступков; мне также не нравится эта школа; еще мне не нравится моя одежда, потому что, когда ее покупают, приходится считаться с мнением моих родителей» (3-А-жен-Д 4)).

У мальчиков вообще отсутствуют позитивные и альтруистические категории, что свидетельствует о низком самопринятии: можно сказать, что мальчики-подростки себя не знают и не любят.

Итак, действительно, Я-концепции суверенных детей более позитивны и терпимы к своим недостаткам по сравнению с Я-концепциями депривированных. Для суверенных характерно более интенсивное использование психологических категорий самоописания. Суждения суверенных о себе и мире отличаются также большей согласованностью, а депривированные склонны противопоставлять себя другим людям.

Не вполне подтвердилась только гипотеза о большей дифференцированностиTM категорий самоописания у суверенных, что оказалось верным только относительно девочек и совершенно не подтверждается в подгруппе мальчиков [24].

4.3.6.2. Особенности локуса контроля в зависимости от уровня суверенности

Исходя из понимания суверенности как формы существования субъектности человека можно ожидать, что суверенный субъект будет легко контролировать свою жизнь и принимать ответственность за ее развитие, проявлять интернальность [151]. Эта связь кажется почти тавтологично-банальной, и потому полученные нами результаты в силу своей совершенной неожиданности требуют особого размышления.

Цель исследования: установить связь между уровнем суверенности и локусом субъективного контроля.

Гипотеза: Суверенность сочетается с предпочтением внутреннего локуса контроля (интернальности).

Локус контроля у суверенных и депривированных мы пытались исследовать несколько раз, на разных выборках. В первый раз, когда в группе из 30 подростков-мальчиков, обследуемых в одном из рабочих районов Москвы, было обнаружено, что между суверенностью и интернальностью существует слабоотрицательная связь, мы отнесли эти результаты на счет смещенности выборки (только мальчики, в основном депривированные — кто может быть

уверен, что связь между рассматриваемыми переменными линейна?). Однако результат этот столь устойчиво повторялся, что мы решили эти весьма дискуссионные данные принести на суд читателей и коллег. Вот что было получено.

Исследование было проведено под нашим руководством О. О. Ганиевой на базе Муниципальной экспериментальной школы Москвы, где детям усиленно преподают иностранные языки (английский, китайский), а также проходят ежедневные спортивные тренировки. Все учащиеся — из благополучных семей, что обусловливается необходимостью материальных затрат на обучение. Выборка составляет 100 человек: 50 мальчиков и 50 девочек в возрасте от 14 до 17 лет с нормальным уровнем интеллекта; все они легко и заинтересованно заполнили опросники УВК и СПП.

Анализ и интерпретация результатов. Установлены следующие связи между суверенностью и интернальностью (табл. 20).

Таблица 20

Связь r_s между показателем СПП и шкалами опросника УСК у школьников

— Р е с п о н д е н т ы Коррелируемые"—— показатели ~ —	Итого и = 100	Девочки л = 50	Мальчики л = 50
СПП/УСК	-0,40	-0,33	-0,50
СПП/Ид	-0,36	-0,3	-0,43
СПП/Ин	-0,29	-0,28	-0,32
СПГОИс	-0,33	-0,31	-0,37
СПП/Ип	-0,14	-0,08	-0,21
СПП/Им	-0,32	-0,2	-0,41
СПП/Из	-0,06	0,01	-0,09

Примечание. Полужирным выделены связи, значимые на уровне $< 0,05$, полужирным и подчеркнуты — значимые на уровне $p < 0,01$.

Результаты показывают, что положительных связей нет вообще, а доминируют отрицательные, среди которых значительное количество достоверных; у мальчиков эта тенденция выражена сильнее, чем у девочек. Складывается впечатление, что мальчикам для обретения суверенности интернальность противопоказана. Среди частных показателей интернальности обращают на себя внимание связи с интернальностью достижений (то есть суверенные свои удаchi воспринимают как везение, а депривированные — как заработанный результат), с интернальностью неудач (суверен-

ные обвиняют обстоятельства, депривированные — самих себя), с интернальностью семейных отношений (у суверенных нет контроля ни над чем в родительской семье), с интернальностью межличностной (то же самое — в дружбе и привязанностях, у суверенных все «складывается» само).

У девочек картина также очень похожа; единственное отличие состоит в том, что отрицательная, как и у мальчиков, связь суверенности с межличностной интернальностью не достигает уровня значимости, то есть девочки не столь уверенно отрицают возможность контролировать свою дружбу. И те и другие никак не связывают свою суверенность со способом контроля над здоровьем (что может быть объяснено подростковым возрастом детей, за которыми присматривают обычно родители) и, естественно, с контролем над производственными отношениями, которые у них пока отсутствуют.

Итак, согласно логике полученных результатов, которая устойчиво воспроизводится, суверенные подростки независимо от пола склонны разделять ответственность за разные сферы своей жизни с другими людьми вплоть до отказа от внутреннего контроля вообще. У нас была возможность проследить изучаемую связь и на выборке взрослых добровольцев (33 женщины, 35 мужчин) (табл. 21). Здесь наблюдается другое качество связей. Прежде всего обращает на себя внимание присутствие положительных зависимостей (что и ожидалось в соответствии с первоначальной гипотезой). Затем бросается в глаза отсутствие значимых связей (близка к значимой только зависимость между межличностной интернальностью и суверенностью в мужской группе).

Таблица 21

Связь r_s между показателем СПП и шкалами опросника УСК у взрослых

— - — Р е с п о н д е н т ы Коррелируемые"—— показатели	Итого л = 68	Женщины л = 33	Мужчины л = 35
СПП/УСК	0,09	0,15	0,09
СПП/Ид	0,15	-0,05	0,13
СПП/Ин	-0,02	-0,04	-0,01
СПП/Ис	0,02	0,11	-0,01
СПП/Ип	-0,09	-0,16	-0,08
СПП/Им	0,13	-0,12	0,26
СПП/Из	0,04	-0,09	0,09

Эти данные подтверждают, что, скорее всего, обнаруженные на подростковой выборке зависимости имеют выраженный возрастной характер, а применительно к группе взрослых, чрезвычайно разнообразной по своему социальному, возрастному и интеллектуальному (разные профессии) уровню, мы не можем строить каких-то предположений, потому что закономерности нет. Все индивидуально варьирует: именно потому встречные тенденции (мужская и женская, экстернальная и интернальная) гасят друг друга.

И потому можно только порассуждать в заданном направлении.

Можно предположить, что суверенность поддерживается у взрослых людей разными способами контроля: как интернально-параноидным стремлением за все отвечать, так и экстернальной беспечностью, главное — что конструкт суверенности предполагает в первую очередь диалог субъекта с миром, что и делает его чувствительным к «собеседнику», который появляется именно на границах. В этом и заключается различие между конструктами «суверенность» и «автономия»: автономный отделяется, а суверенный взаимодействует с (условно) внешним, всегда контролируя то, что «внутри». Таким образом, суверенность — это избирательность и уважение к миру за пределами собственного психологического пространства. В христианских категориях мы могли бы экстернальную стратегию поддержания суверенности связать с мудростью смирения: как ни охранять свое бытие, мир за его пределами все равно велик и силен. Ответственность разделяется, возможное чувство вины снимается, и человек реалистически ориентируется в мире, не забывая о том, что этот мир существует.

В противоположность такому положению дел интернальная стратегия поддержания суверенности предполагает склонность субъекта брать все на себя, недооценивая существование чужой воли, желания и вообще — внешнего мира. В подростковом возрасте, как мы убедились, такая стратегия неэффективна и приводит к депривированности; стремясь контролировать все, подросток не сохранит ничего.

Полученные результаты могут быть интерпретированы и характерологически: интернальность как предиктор нейротизма неслучайно близка полюсу депривированности, а экстернальность как коррелят психотизма — сверхсуверенности. Все это побуждает более точно разрабатывать методологию исследования этой весьма тонкой и нагруженной не только клиническим, но и этическим содержанием проблемы.

4.3.7. Связь психологической суверенности с особенностями психологического преодоления (*coping behavior*)

В отечественной персонологии развитие личности связывается с возрастанием способности отвечать и контролировать разные сферы жизнедеятельности, быть автором разрешения различных жизненных ситуаций. Поэтому можно предполагать, что респонденты с более высокой суверенностью чаще используют активные виды психологического преодоления, требующие преобразования объективной ситуации, и реже — иллюзорно-замещающие стратегии, трансформирующие отношение человека к переживаемым событиям [116, 192, 108, 154].

Суверенность как феномен границ психологического пространства представляется нам ключевым фактором, объясняющим не только структуру, но и динамику личности: так, внедрение извне может приводить к попыткам «отодвинуть» границы, проявляясь в экспансии и агрессии, нарушение границ стимулирует компенсаторную и сверхкомпенсаторную динамику, а переживание личностной целостности освобождает субъект от избыточных психологических защит, наделяет его умеренно-индифферентным отношением к необходимости контролировать границы, проявляясь в терпимости и дружелюбии. Таким образом, психологическое преодоление (*coping-стратегии*) в широком смысле слова понимается нами как динамическое выражение целостности-нарушенности границ психологического пространства.

Исходя из понимания различного биологического предназначения и исторически сложившихся функций мужчин и женщин (мужчины отвечают за взаимодействие с «большим» социумом и потому более чувствительны к флуктуациям собственных «внешних» границ, женщины обращены к «малому» социуму и внутреннему миру), можно предположить также, что психологическое пространство и его динамика обусловлены тендерными различиями, и состояния суверенности и депривированности будут сопровождаться разными поведенческими и эмоциональными реакциями. Таким образом, можно ожидать, что как состояние границ личности, так и способы их «выправления», иначе говоря, *coping-поведение*, могут различаться по мужской и женской подвыборкам.

Кроме того, исследования в области этологии и социологии (К. Лоренц, С. Милгрэм) позволяют предположить, что психологическое преодоление будет различаться также и в зависимости от социально-географического статуса, у жителей столичных городов или сельской местности [129, 130, 367].

Целью данного исследования было изучение предпочтения стратегий психологического преодоления юношами и девушками подростково-юношеского возраста с различной степенью переживаемой суверенности психологического пространства, живущими в Москве и сельской местности.

Рабочая гипотеза нашего исследования заключалась в том, что стратегии психологического преодоления:

- а) различаются в зависимости от степени суверенности психологического пространства;
- б) различаются в зависимости от социогеографического статуса,
- в) имеют тендерную обусловленность.

Для проверки этой гипотезы мы провели небольшое эмпирическое исследование с использованием опросника СПП и методики Д. Амирхана «Индикатор coping-стратегий», адаптированной и стандартизированной применительно к российской выборке В. М. Ялтонским и Н. А. Сиротой [5; 108]. Методика для выявления стратегий психологического преодоления представляет собой перечень из 27 типичных способов поведения, каждый из которых в зависимости от степени предпочтения может оцениваться по трехбалльной шкале. Всего Д. Амирхан выделяет три стратегии coping-поведения: поиск социальной поддержки, избегание и решение проблемы.

В исследовании приняли участие 137 молодых людей подростково-юношеского возраста (старшеклассники и второкурсники, средний возраст — 17 лет): 40 учащихся Московской школы №150 (20 юношей и 20 девушек), 35 учащихся Абрамовской средней школы Боровского района Калужской области (11 юношей и 24 девушки), 62 студента МГППУ, МПГУ и Военного университета (24 юноши и 38 девушек).

4.3.7.1. Предпочтение стратегий психологического преодоления в зависимости от уровня суверенности

Анализ и интерпретация результатов. Расчет показателя корреляции r Спирмена для установления связи между уровнем суверенности и предпочтением стратегий психологического преодоления показывает, что отчетливо прослеживается только отрицательная связь уровня СПП со стратегией избегания, что отвечает нашим предположениям: действительно, понятие избегания подразумевает отказ от личного участия в разрешении ситуации и личной ответственности за ее исход (табл. 22). У девушек прослеживается тенденция к положительной связи СПП со стратегией решения проблем, также в со-

гласии с нашей гипотезой, но значимого уровня не достигает. Поиск социальной поддержки как существенная стратегия не используется ни в одной из рассматриваемых групп, что, впрочем, может быть обусловлено взаимно перекрывающимися друг друга тенденциями к предпочтению и отвержению этой стратегии.

Таблица 22

Связь (r Спирмена) уровня СППс предпочитаемой стратегией психологического преодоления

Предпочитаемая стратегия	Девушки (и = 78)	Юноши (и = 59)	Все респонденты (и = 137)
Поиск социальной поддержки	0,03	0,10	0,07
Избегание	-0,22	0,37	-0,27
Решение проблем	0,15	0,03	0,04

Примечание. Выделены полужирным значимые на уровне $p < 0,05$, выделены полужирным и подчеркнуты значимые на уровне $p < 0,01$.

Для уточнения тендерных различий, которые никак не проявили себя в этих результатах, мы рассчитали r Спирмена для одной из выделенных подгрупп — курсантов Военного университета ($n = 16$) как предположительно наиболее маскулинной подгруппы респондентов (средний уровень СПП у них также достаточно высок, составляя 38 баллов). Результаты незначительно отличаются от общих, нигде не достигая уровня значимости: показатель связи СПП со стратегией социальной поддержки составил -0,38, со стратегией избегания -0,39, а со стратегией решения проблемы 0,17. Этот неоднозначный результат может быть объяснен тем, что, хотя, с одной стороны, курсанты по своим личностным характеристикам и содержанию военной профессии могут обнаруживать более высокую маскулинность по сравнению с представителями гражданских профессий, в силу условий режима обучения и проживания (дисциплина, размещение в казармах) они могут переживать подавление некоторых потребностей и более частые по сравнению с гражданской молодежью фрустрации.

Затем в общей группе респондентов по интервалам показателей опросника СПП $\alpha + \alpha$ и $\alpha - \alpha$ были выделены контрастные группы депривированных и суверенных. Для оценки достоверности полученных результатов применялся непараметрический критерий U Манна-Уитни (табл. 23, рис. 15).

Таблица 23

Средние показатели предпочтения стратегий психологического преодоления у мальчиков и девочек с различной степенью суверенности

Стратегия психологического преодоления	Депривированные (СПП = -10,5, n = 22)			Суверенные (СПП = 48, n = 26)		
	Мальчики « = 10 СПП = = -7,8	Девочки « = 12 СПП = = -10,5	Итого « = 22 СПП = = -10,5	Мальчики « = 12 СПП = = 49	Девочки « = 16 СПП = = 47	Итого « = 28 СПП = = 48
Поиск социальной поддержки	4,6	8,7	7,2	8	9,7	9
Избегание	10,6	8,1	8,8	5	6,3	5,7
Решение проблем	15,5	11,4	13,2	14	13	13,7

Первый важный полученный нами результат — это достоверное! различий предпочитаемых стратегий в подгруппе суверенных и депривированных подростков (без различия по полу). Так, стратегия «Поиск социальной поддержки» выше в группе суверенных ($t = 132 < 188$ при $p < 0,01$), свидетельствуя о способности и возможности более автономных и ответственных обращаться за помощью к другим людям, и косвенно указывая на отсутствие социальной тревожности и социального эгоцентризма. Депривированные не могут и не умеют рассчитывать на поддержку со стороны других (что может быть результатом их личной социализации, сопровождающейся ущемлением интересов и неуважением личного достоинства).

Предпочтение стратегии «Избегание» также различается в группах депривированных и суверенных: она значимо выше у депривированных ($t = 113 < 188$ при $p < 0,01$), свидетельствуя о том, что суверенные реже избегают контакта с ситуацией и принимают личную ответственность за нее. Это вполне отвечает таким выделенным в русле гуманистической психологии качествам самоактуализирующейся личности как стремление к определенности и ответственность. С другой стороны, понятно, что депривированные в силу опыта своей истории личности опасаются предпринимать лишние «телодвижения», по возможности занимая выжидательную позицию. Как следствие, они «оказываются» или «попадают» в ситуации, которые созданы другими людьми.

Предпочтение третьей стратегии, «Решения проблем», также различает группы депривированных и суверенных: у последних эта

стратегия выражена сильнее ($t = 165,5 < 188$ при $p < 0,01$). Полученный результат также соответствует нашим ожиданиям, подтверждая мысль о связи суверенности как способности защитить свои личностные границы со способностью объективно инструментально решать проблемы.

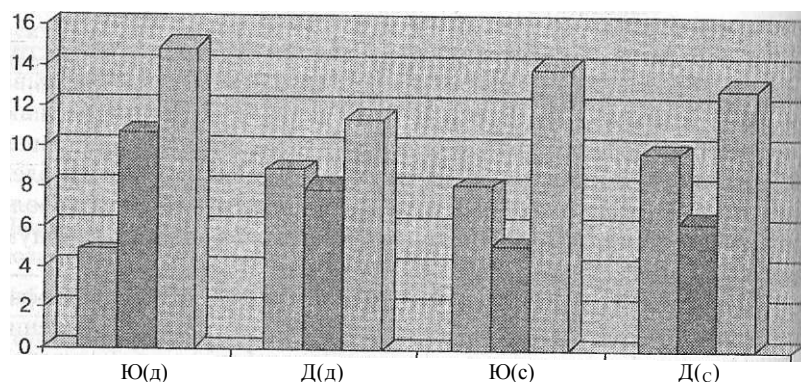
Нами были рассмотрены также особенности предпочтения стратегий в зависимости от пола (см. рис. 15). Результаты показывают, что в четырех рассмотренных подгруппах (суверенные девушки и суверенные юноши; депривированные девушки и депривированные юноши) доминирует предпочтение стратегии решения проблем, что в целом отвечает особенностям европейской ментальностиTM. Использование критерия U Манна-Уитни подтвердило значимость следующих различий.

Суверенные девушки и суверенные юноши не обнаружили различий по предпочтению стратегий психологического преодоления, используя приблизительно одинаковые способы coping. У суверенных юношей, в отличие от депривированных, меньше выражена стратегия избегания ($U = 26 < 34$ при $p < 0,05$). Этот результат согласуется с полученным ранее, еще раз подтверждая, что «избегание избегания» способствует конструктивному выходу из ситуаций и сохранению своей целостности.

Суверенные и депривированные девушки по предпочтению coping-стратегий значимо не различаются. Примечательно, что для девушек свойствен более широкий репертуар техник поведения и, вероятно, большая гибкость, что делает их менее уязвимыми (в целом уровень СПП у них выше). Этот результат вполне понятен также в контексте эволюционной теории пола В. А. Геодакяна, которая объясняет высокую по сравнению с мужчинами приспособляемость женщин их более широкими границами норм реакций.

В группе депривированных юношей и девушек обнаружены наиболее значимые различия: у девушек существенно выше показатель предпочтения поиска социальной поддержки ($t = 21,5 < 24$ при $p < 0,01$), но одновременно ниже показатель стратегии решения проблем ($t = 21 < 24$ при $p < 0,01$). Таким образом, если девушки в поиске выхода из трудной ситуации склонны обращаться к другим людям, то юношам этот способ поведения присущ в меньшей степени. Практика психотерапевтической работы также свидетельствует о том, для юношей и мужчин обращение за помощью психолога — это дополнительный фактор стресса. Именно поэтому (а также, возможно, в связи с преобладанием специалистов-женщин в практической психологии) мужчины чаще вытесняют или откладывают свои

психологические проблемы, а женщины - разрешают, обнаружив, высокую социально-психологическую обучаемость.

• Поиск соц. поддержки □ Избегание ■ Решение проблем

Рис. 15. i Предпочтение coping-стратегий в зависимости от уровня СПП

Вполне понятно, что суверенные девушки лучше умеют и чаще предпочитают решать проблемы объективно. У депривированных девушек этому препятствуют неуверенность и опыт неудач.

Обобщая данные, необходимо обратить внимание на то, что более других выходит из ряда группа депривированных мальчиков: по-видимому, мужская депривированность представляет собой больший фактор риска возникновения межличностных и социальных патологий, чем женская, и должна быть более многомерно изучена.

4.3.7.2. Соииогеографическая обусловленность coping-стратегий как феномена личностных границ

Перейдем теперь к анализу данных о coping-стратегиях сельских и городских детей. В группе сельских мальчиков, исходя из обще возрастных норм, 4 из 11 имели повышенный уровень суверенности и ни одного — пониженный; из 24 девочек, напротив, 8 относятся к депривированным и ни одна не демонстрировала сверхсуверенности. В силу относительно небольшой выборки мы не стали выделять контрастные группы и привели общие результаты сельских и городских подростков (табл. 24, рис. 16).

Таблица 24

Средние показатели предпочтения coping-стратегий психологического преодоления у сельских и городских мальчиков и девочек

ХРеспонденты	Сельские подростки			Городские подростки		
	Девочки п = 24 СПП = = 15,8	Мальчики п = 11 СПП = = 24,5	Итого /1 = 35 СПП = = 18,6	Девочки и = 20 СПП = = 22,3	Мальчики п = 20 СПП = = 5,5	Итого /7 = 40 СПП = = 13,9
Сoping-стратегия						
Поиск социальной поддержки	7,2	4,9	6,5	8,1	6,1	7,1
Избегание	7,0	7,4	7,1	9,5	8,6	9
Решение проблем	13,3	12,4	13	12,3	15,6	13,9

Как это видно из таблицы и рисунка, общая конфигурация соотношения стратегий достаточно постоянна: предпочтение в первую очередь отдается решению проблемы, в последнюю — поиску социальной поддержки. Меняется это соотношение только в подгруппе сельских девочек, у которых поиск поддержки выражен сильнее, чем стратегия избегания. Эта особенность сельских жителей по сравнению с городскими, обусловленная их большей социальной зависимостью друг от друга, отмечалась еще К. Лоренцом. Однако она не подтвердилась применительно к подгруппе мальчиков.

Остановимся на результатах более подробно. Использование непараметрического статистического критерия U Манна-Уитни подтвердило значимость следующих различий. У городских девочек по сравнению с сельскими девочками сильнее выражена стратегия избегания ($U = 164,5 < 169$ при $p < 0,05$) и слабее - стратегия решения проблем ($U = 112 < 140$ при $p < 0,01$). Эти данные характеризуют городских девочек как менее благополучных с точки зрения сохранения их приватности и уважения к их личностным границам. Очевидно, что они находятся в более плотном контакте с теми обстоятельствами, в которых проживают, и проявляют больше личной ответственности в решении своих жизненных задач.

У городских мальчиков по сравнению с сельскими сильнее выражена стратегия решения проблем ($U = 18,5 < 53$ при $p < 0,01$); по остальным двум стратегиям значимых различий не обнаружено. Отмечается также тенденция к превышению стратегии поиска социальной

поддержки у сельских мальчиков по сравнению с городскими, но уровня значимости она не достигает ($U = 77 < 69$ при $p < 0,05$).

Таким образом, можно констатировать, что социогеографические условия влияют не только на уровень переживания суверенности и приватности, но также и на те способы психологического преодоления (техники жизни), посредством которых жители различных регионов поддерживают сохранность своих личностных границ (рис. 16).

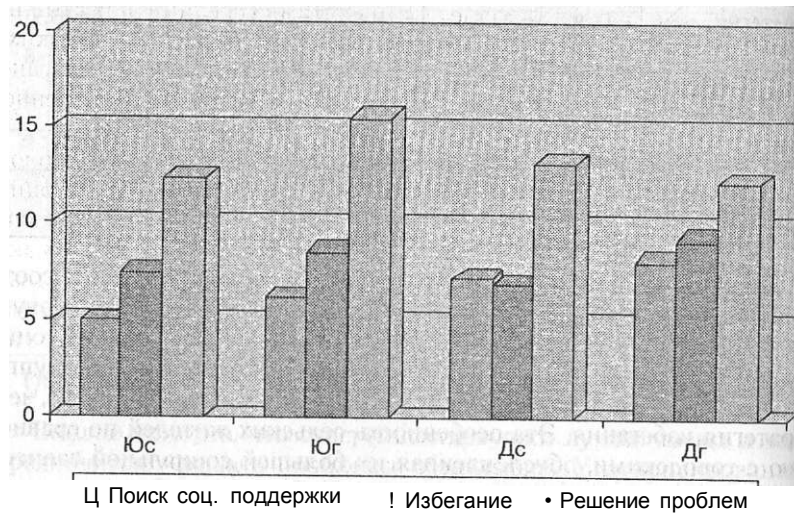

Рис. 16. Распределение coping-стратегий у сельских и городских подростков: юноши сельские ($n = 11$), юноши городские ($n = 20$), девушки сельские ($n = 24$), девушки городские ($n = 20$)

Итак, в соответствии с нашими предположениями подростки с более высоким уровнем суверенности действительно отличаются от депривированных набором и выраженностью предпочитаемых стратегий психологического преодоления. Примечательно, что в подгруппе суверенных тендерных различий не отмечается, но зато они присутствуют в группе депривированных, обеспечивая высокую вариативность их поведения. Перефразируя известное выражение Л. П. Толстого, можно сказать, что суверенные, независимо от пола, стремятся действовать, используя идентичные (хотя и достаточно богатые) репертуары преодоления, а депривированные отличаются каждый своей дефицитарностью.

Обнаружены и различия coping-стратегий городских и сельских подростков, причем эти различия имеют противоположные тенденции у мальчиков и девочек. Городские девочки по сравнению с сельскими демонстрируют более низкий показатель использования стратегии решения проблем и более высокий показатель стратегии избегания. Городские мальчики отличаются от сельских, напротив, более высоким показателем стратегии решения проблем. Необходимо отметить, впрочем, что в силу ограниченности выборок мы не можем данные считать вполне достоверными: средний показатель СПП в группе городских мальчиков оказался неожиданно низким (5,5 баллов), что может предполагать смещенность выборки, связанную с какими-либо неявными депривующими влияниями именно в той школе или классе, в которых проводилось обследование.

Итак, Изложенный материал подтверждает исходное предположение о том, что психологическая суверенность, обладая эволюционным и социальным предназначением, связана с темпераментом как энергетической базой индивидуальности, с чертами личности и акцентуациями характера как предметно-содержательными качествами, представляющими собой результат взаимодействия организма со средой. Нами показано также, что суверенность коррелирует с самосознанием личности в разных его проявлениях: с Я-концепцией, локусом контроля, способами психологического преодоления. Все эти данные свидетельствуют в пользу понимания суверенности как системного явления, обладающего разноуровневой структурой, соответствующей иерархии составляющих интегральной индивидуальности.

Таким образом, можно предположить, что столь емкое понятие может быть успешно использовано и в прикладной психологии различных направлений.

Глава 5

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ В ПРИКЛАДНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Теория психологической суверенности предлагает модель решения проблем практической психологии, которые в подавляющем большинстве случаев связаны с задачами личностной неэффективности, то есть неспособностью аутентично решать возникающие жизненные проблемы различного содержания.

Исходя из положений гуманистической и экзистенциальной психологии и нашего понимания психологической суверенности как опыта разрешения потенциально ущемляющих ситуаций в пользу субъекта, можно предположить, что суверенные личности, последовательно реализуя свои потребности, отличаются в разных сферах жизнедеятельности большей успешностью и продуктивностью и не переживанием высокой осмысленности жизни.

Задача этой главы — оценить связь суверенности с жизненной успешностью, исследовать динамику семейной системы, точнее, сохранение или утрату психологической суверенности, в аспекте становления и взаимодействия психологических пространств членом семьи, и продемонстрировать эвристичность развиваемого нами подхода в индивидуальном консультировании.

5.1. Связь психологической суверенности с показателями жизненной продуктивности

Для того чтобы подтвердить эту идею хотя бы в общих чертах, нами был проанализирован разнородный материал, относящийся к разным сферам человеческой продуктивности.

Цель исследования состояла в том, чтобы установить связь уровня суверенности-депривированности с объективными и субъектив-

ными показателями жизненной продуктивности подростков и взрослых.

Частная гипотеза, которая подвергалась в этой серии эмпирической проверке, состоит в том, что уровень психологической суверенности положительно связан с показателями жизненной успешности и продуктивности. В частности:

- в группе подростков:
 - Ф с уровнем академической успеваемости;
 - ☞ социальным статусом внутри группы;
 - уровнем самооценки;
- в группе взрослых:
 - с профессиональной самореализованностью;
 - ☞ переживанием осмысленности собственной жизни.

Данные об изучаемых связях были получены посредством разных методических приемов. В исследовании приняли участие 186 человек: 42 школьника среднего возраста 15,7 лет (27 девочек, 15 мальчиков), 68 взрослых людей с разным уровнем профессиональной самореализованности, 40 молодых людей среднего возраста 22 лет (20 юношей и 20 девушек). В качестве показателей продуктивности нами были выбраны для школьников средняя академическая успеваемость, статус в группе, самооценка. Для взрослых критериями жизненной успешности были выбраны профессиональная самореализованность и переживание осмысленности собственной жизни. Эти показатели жизненной успешности адекватны возрастным задачам респондентов.

Методы и приемы включали опросник СПП, социометрию, методику Дембо-Рубинштейн для изучения уровня самооценки, тест смысловых ориентаций (СЖО) Дж. Крамбо в адаптации Д. А. Лентьева, метод отдельных случаев и исследование особых групп. Социометрический опрос проводился по стандартной процедуре, включающей параметрический выбор (количество выборов было ограничено тремя) и использование четырех критериев: эмоционального («Кого бы пригласил к себе на день рождения?»), функционального («С кем бы хотелось сдавать выпускной экзамен?»), двух аксиологических («С кем бы хотелось остаться в классе, если его будут расформировывать?») и («С кем бы хотелось в будущем, после окончания школы, посоветоваться по жизненно важному вопросу?»). Критерии были определены исходя из общих рекомендаций по проведению методики и возрастных особенностей подростков, рассчитывались такие индексы как общий социальный статус, положительный статус (по количеству положительных выборов), отрицательный

статус (по количеству отвержений) и социальная экспансивность i. респондента. Методика Дембо-Рубинштейн представляет собой шкальное (по 10 баллам) оценивание собственных четырех качеств респондентов: здоровья, социальной успешности, академической успеваемости и общей самореализованности (табл. 25).

Таблица 25

Критерии жизненной успешности		Респондент	Мальчики (я = 15)	Девочки (и = 27)	Общая группа (й = 42)
Академическая успеваемость			-0,07	0,37	0,15
Социометрические показатели	Общий статус		-0,09	-0,26	-0,22
	Положительный статус		-0,09	-0,15	-0,13
	Отрицательный статус		0,01	-0,16	-0,12
	Социальная экспансивность		-0,32	0,17	-0,02
Самооценка	Здоровье		-0,06	0,20	0,12
	Социальная успешность		0,28	0,22	0,23
	Самореализованность		-0,03	0,17	0,13
	Академическая успеваемость		0,03	0,21	0,16
Общая самооценка			0,10	0,26	0,21

Примечание. Выделены курсивом значимые тенденции (на уровне $p < 0,1$)

Анализ и интерпретация результатов. Результаты показали, что ожидаемая положительная связь между средним баллом успеваемости и уровнем суверенности подтвердилась только для группы девочек ($p < 0,05$): девочки чаще самоутверждаются посредством академических успехов, и наоборот, хорошая успеваемость может служить средством повышения суверенности.

Связи суверенности и социального статуса в группе подростков оказались малозначимыми. Отмечается слабоотрицательная тенденция к связи суверенности с общим, положительным и отрицательным статусом в группе; она наиболее сильна у девочек: то есть суверенность как бы располагает к тому, чтобы оставаться «в тени», не

привлекая к себе внимания сверстников. У мальчиков намечается отрицательная тенденция к связи суверенности и социальной экспансивности, то есть суверенные самодостаточны и не поддерживают себя за счет социальной активности. У девочек, напротив, отмечается слабоположительная тенденция, свидетельствуя о том, что суверенные девочки расширяют свое коммуникативное поле, возможно, «внедряясь» в пространство других людей.

Связь уровня суверенности с самооценкой, измеряемой при помощи методики Дембо-Рубинштейн по четырем критериям (здоровье, академическая успеваемость, социальная успешность, общая самореализованность), у подростков также неоднозначна. В целом суверенные несколько выше оценивают свои возможности и способности в разных сферах жизнедеятельности, однако уровня значимости описанные тенденции не достигли. Такое соотношение между результатами мальчиков и девочек может говорить о разных «пусковых» механизмах стремления к суверенности: у мальчиков суверенность сочетается с уважением сверстников, у девочек — со школьными успехами, то есть признанием со стороны старших по рангу.

В исследовании С. Н. Кусакиной, проведенном под нашим руководством, затрагивался вопрос о возможной связи между профессиональной самореализованностью и уровнем личностной суверенности. У взрослых изучалась связь психологической суверенности с таким показателем продуктивности как профессиональная самореализованность на группе из 68 человек среднего возраста 37 лет (33 мужчины, 35 женщин), среди которых были безработные, работающие не по специальности и в соответствии со специальностью. Использование непараметрического критерия Н Крускала-Уоллиса показало, что эти группы в тенденции различаются по уровню суверенности только среди мужчин ($p < 0,15$), причем различие по показателю суверенности тела значимо ($p < 0,02$), отвечая стереотипам представлений о безработном мужчине почти как физически несостоятельном. Отсутствие различий среди женщин можно объяснить тем, что неработающая женщина нередко более автономна. Таким образом, результаты еще раз указывают на взаимодополнительность причин и феноменологии мужской и женской суверенности.

И наконец, еще одно небольшое исследование было посвящено изучению связи уровня личностной суверенности и переживания осмысленности собственной жизни. Исследование проводилось при помощи опросника Дж. Крамбо; в нем приняло участие 40 молодых людей среднего возраста 22 лет (20 юношей и 20 девушек).

Обратимся к интерпретации связи суверенности и переживания осмысленности собственной жизни (табл. 26).

Таблица 26

Корреляции шкал СПП г_с с показателями Теста смысловых ориентаций (СЖО)

СПП	СФТ	с т	СВ	СП	с с	с ц
0,28	0,34	0,15	0,17	0,03	0,16	0,37
0,21 / 0,35	0,35/ -0,29	-0,31 / 0,27	0,04/ 0,24	0,11 / 0,1	0,31 / 0,06	0,30/ 0,38

Примечание. Вверху — общий коэффициент, внизу — коэффициенты женщин ($n = 20$) и мужчин ($я = 20$). Курсивом выделены значимые в тенденции ($p < 0,1$), полужирным — на уровне $p < 0,05$.

Практически по всем субшкалам СПП обнаружены положительные тенденции к связи с переживанием смысла жизни; связь общей суверенности и суверенности тела достигает уровня $p < 0,1$, связь суверенности ценностей значима ($p < 0,05$): значит, личная автономия «подпитывает» экзистенциальную удовлетворенность или, против, суверенность способствует ощущению осмысленности. Скорее всего, эти очень тонкие психологические явления оказывают друг на друга взаимное влияние [258].

Значимый коэффициент корреляции отмечен, однако, только при установлении частного показателя шкалы Суверенности ценностей и переживания смысла жизни. Это указывает на решающую роль аксиологической независимости в способности сопротивляться экзистенциальному вакууму: мысль о внутренней свободе как условии осмысленного бытия, естественно присущая российской интеллигенции и высказываемая в работах многих великих гуманистов XX века, а также в психологических трудах В. Франкла, Э. Фромма, в нашем исследовании обрела уже не качественное, а количественное подтверждение.

Довольно высока связь осмысленности жизни с такими измерениями суверенности как собственное тело, социальные связи, личная территория. Интересно, что анализируемая связь обладает выраженным тендерным характером, меняя свой знак в зависимости от пола. Так, например, в женской подгруппе суверенность территории имеет тенденцию к отрицательной корреляции с переживанием смысла жизни. Это можно объяснить тем, что природа территориальности у женщин изначально отличается от таковой у мужчин, и для них наличие личной, отдельной территории — это, по-видимому, скорее признак одиночества, чем статус обладания. Поэтому более осмысленной жизнь кажется тем женщинам, которые не имеют «своего угла», но зато всегда востребованы окружающими. Если у мужчин высока связь территориальной суверенности с переживанием

смысла жизни, то у женщин территория замещается социальным «домом» — той референтной группой, которая может быть территориально отдалена.

Для женщин также, вопреки распространенному мнению, личные печи также не оказываются источником экзистенциальной удовлетворенности, в отличие от мужчин, которым они напоминают о том, что их владельцы — богатые, красивые и состоявшиеся люди.

А вот суверенность режимных привычек почти не связана со смысловыми переживаниями ни у мужчин, ни у женщин, свидетельствуя о готовности ими поступиться.

Таким образом, суверенность пространства позитивно связана с переживанием осмысленности жизни, но при этом вклад разных измерений психологического пространства в формирование этой связи различается у мужчин и женщин. Поэтому совершенно закономерно, что серьезные экзистенциальные кризисы проявляются в утрате привычных средств самоподтверждения, их изменении и приобретении новых онтологических языков, что особенно выразительно проявляется в процессе переживания кризисов зрелости, нормативно сопровождающихся переживанием пространственно-временной неуместности.

5.2. Психологическая суверенность как параметр развития семейного взаимодействия

Если такие характеристики семьи как сплоченность, эмоциональный микроклимат, исследуются широко, то вопрос о важности доли приватности внутри семьи ставился только в рамках одноименной парадигмы. Тесная связь внутри человеческого сообщества — это неизбежная и необходимая современная культурно-историческая особенность взаимодействия, которая выражается в продлении естественного генетически предопределенного периода жизненного «симбиоза» внутри семьи и в появлении у каждого индивида потребности в бытийной, практической взаимозависимости [146].

«Главное же следствие и понимание исходных «механизмов» распространения п развития ноосферы в том, что ни органы дыхания, ни органы питания, ни органы размножения, ни органы ВИД, ни вся физиология обменных процессов не получит у индивида *Homo sapiens* своего человеческого развития, более того: не обеспечит его выживания (что для биологии не только необходимо, но и достаточно), если родившийся индивид не сможет овладеть субъективностью своих близких взрослых как естественными органами своей жизни, если тс, в свою очередь, не пойдут ему навстречу, если не заработает «механизм» развернутой их общением смысло-несущей и смыслоконтролирующей рефлексии — основы человеческой психики, основы сознания» [146, 43].

Можно предположить, что именно недостаток бытийных свобод, которые мы в совокупности называем психологической суверенностью, и представляет собой фактор риска дисфункционального™ семьи [168, 169]. Не давая сейчас оценки преимуществ и недостаткам семейных систем разного типа, сосредоточимся на тенденциях динамики границ психологического пространства, которые проявляются по мере временного и структурного развития семьи.

5.2.1. Развитие семейной системы как диалектика взаимозависимости и суверенности

Семья как система, а также личность в семье представляют собой естественно сложившиеся целостности, функционирование которых во многом определяется системными эффектами. Очевидно, что ресурсы семейного взаимодействия, особенно в аспекте стихийной психотерапии, исключительно высоки: еще И. Ялом обращал внимание на то, что семейные люди по сравнению с одиночками реже обращаются за психотерапевтической помощью, и, как правило, имеют более легкие проблемы [298]. Это и понятно: помещенность внутри семьи делает субъекта донором-реципиентом постоянных средовых посланий-«иоглаживаний», выраженных на языке бытовой заботы, ухода, кормления. Однако одновременно семейным людям приходится решать множество проблем, связанных со сменой и конкуренцией объектов привязанностей и необходимостью сепарации от людей, психологическая близость с которыми изживает себя — эта динамика подразумевалась уже Библейским «оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:18-24). Таким образом, семейная жизнь может быть рассмотрена как переменная-посредник между личной самоактуализацией ее членов и задачами развития фамилии и рода в целом.

Поскольку мы рассматриваем человека в логике последних методологических тенденций персонологии в контексте его бытия, как телесно-территориально-психо-экзистенциальную целостность, то это видение приводит к необходимости выделения структурной единицы анализа [34; 216; 1911. Мы считаем, что это субъект, понимаемый как автор своего бытия, реализующий свое авторство посредством использования языков, повседневных по форме, бытийных по смыслу [146]. Повседневные средовые послания внутри семьи, от близких близких, особенно интенсивно эмоционально окрашены и содержат множество нюансов значений, обусловленных семейной историей: в этом смысле общение внутри семьи никогда не бывает только «здесь и сейчас», оно всегда несет следы переноса из событий

прошлого, причем иногда даже тех, в которых партнеры по сегодняшнему взаимодействию не участвовали.

За рубежом процессы разделения психологического пространства рассматривались в том или ином виде в рамках психологии приватности И. Альтманом, А. Лангом, в связи с феноменами трансгенерационного взаимодействия как восстановления справедливости и лояльности А. А. Шутценбергер, в экономической и семейной психологии в связи с явлением привязанности к вещам и их ролью в семейной истории — М. Чикзентмихали и Е. Рохберг-Гальтоном, Н. Камптер, П. Лунтом, С. Кляпне и С. Бейкер [303; 355; 290; 320; 345; 363; 348]. Косвенно были получены важные факты о суверенности в исследовании К. Финкенауэр (С. Finkenauer) с коллегами, посвященном преимуществам и недостаткам скрытности у подростков [327]. Ими показано, что если подросток имеет секреты от родителей (точнее, ему позволяют их иметь), то это отрицательно коррелирует с его физическим и психологическим самочувствием. По-видимому, потребность хранить секрет возникает все-таки не в самой благополучной семейной ситуации. Однако очевидным преимуществом способа общения, при котором подростки имеют право на тайну, оказалась их эмоциональная автономность. Поэтому они раньше по сравнению с более благополучными сверстниками решают задачу эмоционального разотождествления с родителями.

Систематически, однако, динамика суверенности психологического пространства в процессе развития семейной системы до сих пор не изучалась, поэтому мы предприняли несколько шагов в этом направлении сразу с разных сторон, стараясь выделить основные действующие внутри семьи диады (пара сиблингов, ребенок—родитель, супруги).

Так, в дипломном исследовании С. В. Котомкиной, выполненном под нашим руководством, на небольшой выборке с использованием одной из первых версий опросника СПИ было обнаружено, что дети, растущие в повторнобрачных семьях, обладают меньшей суверенностью по сравнению с их сверстниками из семей с типичной историей становления. В дипломном исследовании Ю. В. Смирновой показано, что суверенность не связана однозначно с готовностью вступать в брак: очевидно, это решение может определяться как дефицитарными, так и самоактуализационными потребностями (удовлетворить свои потребности или расти вместе). Естественно, при этом образуются семенные системы разных моделей.

О. В. Котова также под нашим руководством осуществила исследование социально-личностных особенностей единственных детей в семье по сравнению с теми, кто имеет братьев и сестер, и полученные результаты могут быть интерпретированы также в терминах

теории суверенности [101]. Короткий эксперимент с участием 25 детей 5-6-летнего возраста, 12 из которых имели братьев и сестер, а 13 были единственными, моделировал наиболее острые моменты общения - ситуации переживания обиды или гнева. Результаты показали, что дети, растущие на одной территории вместе с другими детьми, способны более гибко вести себя и лучше распознавать особенности социальной иерархии. У них наиболее типичный бытийный язык общения — это личные и общие вещи, они редко расстраиваются из-за неразделенности социальных привязанностей и вкусов, — точнее, умеют предвосхищать эти внедрения и обретать суверенность бесконфликтными способами.

Единственные дети в семье устанавливают большую дистанцию по отношению к другим детям и обладают трудностями сепарации от взрослых, слабо различая «вертикальные» и «горизонтальные» взаимодействия. Можно сказать, что, по-видимому, психологическая суверенность единственных детей больше «обслуживает» задачу эволюционную, направленную на индивидуальное выживание, в то время как у детей с братьями и сестрами налицо культургенез суверенности, формирующейся в тесном социальном взаимодействии с другими.

Можно предположить, что границы единственных детей имеют иные по сравнению с неединственным темп и траекторию «выпрямления».

Поскольку суверенность достигается через сепарацию от значимого другого, имеет смысл обратиться к анализу субъектов сепарации, чтобы представить себе, на каких границах возникает напряжение внутри семьи. Обратимся еще раз к изучению наиболее типичных конфликтов при помощи метода экспертного опроса, описанного в разд. 3.2.3, но уже акцентируя не повод, а субъектов конфликта (прил. 6).

Было обнаружено, что в младенчестве основное напряжение возникает между младенцем и матерью — что вполне понятно, потому что именно с ней и происходит основное взаимодействие. В раннем детстве ребенок охраняет свое психологическое пространство в основном от родителей, но среди субъектов сепарации появляются и сверстники. В дошкольном возрасте родители и сверстники занимают практически равное место, и количество конфликтов максимально.

У младших школьников субъекты сепарации — это родители, учителя и сверстники. В подростковом учителя как субъекты взаимодействия игнорируются, в юношеском возрасте появляются конфликты с супругами, в зрелом — с собственными детьми и наконец

в позднем возрасте, когда родителей уже, как правило, нет, к субъектам сепарации прибавляются еще и внуки. При этом на всех этапах жизненного пути определяются и уточняются границы с сиблингами. Таким образом, можно заключить, что жизненный цикл семьи как целостной системы происходит практически без литических промежутков в состоянии по-разному локализованных конфликтов из-за психологической суверенности, что нормально само по себе, но создает потенциально травматический фон семейного взаимодействия.

В работах наших учениц эта идея получила детальную разработку.

5.2.2. Материнство и психологическая суверенность

Ю. Е. Скоромная в своей диссертации, выполненной под нашим руководством, изучала развитие психологической суверенности у женщин, находящихся на разных стадиях готовности к материнству [223]. Обследовав выборку общим объемом 421 человек, она получила следующие любопытные, хотя и вполне ожидаемые факты. Во-первых, было обнаружено, что готовность к материнству значимо положительно коррелирует с уровнем переживаемой суверенности по всем субшкалам, кроме суверенности вещей и ценностей, причем с последними также связана слабоположительной связью, свидетельствуя о том, что целостная личность с большей готовностью решает-ся дать жизнь новому существу, изменить и укрепить семейную систему, чем депривированная, с большим количеством неудовлетворенных потребностей (табл. 27).

Таблица 27

Значимость связи готовности к материнству с уровнем суверенности

Шкала	СПП	СФТ	с т	СВ	СП	с с	СЦ
<i>P</i>	0,03	0,04	0,05	<0,3	0,02	0,04	<0,3

Проинтерпретируем эти крайне важные результаты. Суверенная личность как автор собственной жизни активно выбирает адекватные своему мировосприятию способы самовыражения и самоподтверждения, и потому психологически готова к осознанному и добровольному принятию другого человека, в частности, ребенка, в свое индивидуальное пространство. Причем появление ребенка не только предположительно не нарушит его целостности, но будет способствовать гармоничному укреплению и расширению в бытийном плане, через приспособление режима, приобретение новых бытовых приборов — выделение места для кровати ребенка и изменение собственного мироотношения.

Остановимся на отдельных полученных фактах. Поскольку появление ребенка приносит значительные изменения прежде всего в физическое состояние и внешний облик женщины, то суверенность тела свидетельствует о выработанном личностью принятии своей телесности, основанном на уважительном отношении к себе и своим потребностям, при котором ребенок не воспринимается как инородный объект.

Другая важная связь установлена между готовностью к материнству и суверенностью территории. Ю. Е. Скоромная справедливо отмечает, что одной из самых распространенных причин отказа от родительства являются неудовлетворительные жилищные условия, препятствующие переживанию территориальной суверенности.

Еще один факт касается связи готовности к материнству с суверенностью привычек: результаты говорят о том, что рождение ребенка, объективно вносящее серьезные коррективы в режим жизни, рассматривается женщинами как не угрожающее комфортному распорядку. Это тем более ценно, что к моменту наступления актуального материнства женщина, как правило, уже располагает информацией об ограничении личной свободы, — значит, эти лишения осознанно принимаются женщиной как составляющая материнства и себя в этом процессе.

Оптимистичной выглядит значимо положительная связь социальной суверенности с готовностью к материнству: зрелое материнство не предполагает потерю прежних социальных связей и отношений, напротив, готовая к нему женщина настраивает себя на то, что, допуская ребенка в свое личное психологическое пространство, она получает возможность его гармоничного расширения. То же самое относится и к суверенности вещей: очевидно, что уверенность в исключительности пользования личными вещами делает человека готовым поделиться ими с другими. Возможна и другая интерпретация: в согласии с экологической семиотикой А. Ланга, можно предположить, что каждый взрослый нуждается в том, чтобы передать по наследству или пользоваться сообща вещами, тесно связанными с семейной историей, которые дороги в силу их символичности.

И наконец связь с суверенностью ценностей и вкусов свидетельствует о том, что готовые к материнству женщины обладают сложившейся, зрелой системой вкусовых предпочтений и ценностей, в которой значительное место, по-видимому, отведено ребенку как центральной экзистенциальной ценности.

Обобщая полученные факты, можно отметить, что появление ребенка создает условия для возникновения нового конструктивного отношения матери к окружающему миру, людям и к самой себе. В то

же время они демонстрируют многоплановость распространенного вредоносного взгляда на материнство как на жертву. Полученные Ю. Е. Скоромной факты обладают очевидным практическим смыслом и направляют психологическое сопровождение материнства в русло саморазвития средствами акмеологических и экзистенциальных практик.

Сказанное можно проиллюстрировать двумя примерами. Первым, «от противного», любезно позволила воспользоваться А. В. Потапова, в консультативной практике которой появился этот материал.

Консультировалась сложная семейная проблема. После развода семьи отец, фактически лишенный возможности общаться со своей 5-летней дочерью, советовался относительно способов договориться с бывшей женой и целесообразности жизни ребенка «на два дома». В попытках переселить ребенка к себе его активно вдохновляла и поддерживала вторая жена, по инициативе которой для девочки обустроили детскую комнату. Наконец, усилия отца увенчались успехом: дочка поселилась у него. Однако тут же возникло много проблем с ее мачехой, второй женой отца девочки. «Ребенок ходит по моим комнатам, ребенок открывает мой холодильник», — обратил внимание на безличное «ребенок», поличное «мой холодильник». На ироничный вопрос консультанта, а есть ли у девочки отдельный холодильник, молодая женщина выразила озадаченность. Когда же ей было предложено представить и описать, как будет вести себя в быту ее собственный ребенок, если появится на свет, она также впала в глубокую задумчивость. Консультация завершилась ее словами: «Когда я к вам шла, я думала, что вы будете мне помогать. Сейчас же я чувствую себя так, как будто никого хуже меня нет на свете». На наш взгляд, консультация действительно помогла ей, открыв теневую сторону личности (но иронии судьбы, наша героиня — акушер-гинеколог). Девочка же основную часть времени проводила в машине отца, работа которого требовала многих разъездов. Таким образом, нельзя недооценивать те бытийные перемены, которые приносит с собой ребенок, и бесполезно им сопротивляться, если ребенок уже дома.

Вторая иллюстрация — пример из жизни автора, в юности изучавшего генезис морального развития ребенка. Участвуя в эксперименте с участием дошкольников, одним из элементов которого было пробное обвинение ребенка в том, чего он не совершал («сломав прибор»), для тестирования его способности быть субъектом своего бытия, автор по незрелости искренне гордился своей причастностью к «большой науке» и не испытывала ни малейших угрызений совести в связи с этическим содержанием эксперимента. Однако в середине эксперимента родился ребенок, и, начиная с этого момента, взгляд на происходящее в экспериментальной комнате совершенно изменился: я поняла, что не подпущу к своему ребенку ни одного гипотетического взрослого, собирающегося обратиться к нему с подобной репликой.

Материнство предполагает помещение ребенка внутрь психологического пространства и создание своего рода защитного «кокона» вокруг обоих — матери и ребенка. Рефлексия этого опыта сначала объяснила стойкое отвращение автора к эксперименту в психологии с предпочтением более экологических методов наблюдения и опросников, а затем помогла это отношение скорректировать.

Возвращаясь к обсуждению результатов Ю. Е. Скоромной, обратим внимание на различия в уровне суверенности между группами женщин на разных стадиях объективной готовности к материнству. Недавно вышедшие замуж (I) демонстрируют наиболее высокий уровень контроля над всеми измерениями психологического пространства: тела, территории, личных вещей, привычек, старых социальных связей и выработанной системы ценностей, по-видимому, ощущая себя полными хозяйками своей жизни.

Женщины, находящиеся на втором триместре беременности (II), также еще не страдают от ограничений в связи с ожиданием первого ребенка. Роженицы (III) также вполне суверенны, потому что пока оценивают свершившееся событие скорее экзистенциально, чем бытийно, а вот группа матерей с детьми младенческого возраста (IV) резко выходит за нижний уровень нормальной суверенности, демонстрируя почти «детдомовский» уровень: молодые матери чувствуют себя обездоленными во всех отношениях, лишенными телесности, места, личных вещей, права на режим, социальные связи и выраженные вкусы (табл. 28).

Таблица 28

Показатели психологической суверенности в зависимости от опыта материнства

I Недавно замужем n = 105	II Второй триместр беременности n = 108	III Роженицы n = 102	IV Матери детей до 1,5 лет n = 106
30,3	27,6	26	6,3

Естественно, что в каждой из четырех групп можно также выделить подгруппы готовых и не готовых к материнству женщин, у которых внутренний и внешний опыт не совпадают. Показано, что наименее суверенны молодые матери, демонстрирующие неготовность к родительству — впрочем, возможно, что эта установка распространяется не на уже рожденного, а на планируемых следующих детей. Столкнувшись с реорганизацией своего психологического пространства и обнаружив по всем его измерениям полную неподтвер-

жденность, они переживают разотождествление с тем, что было прежде «своим» (табл. 29).

Таблица 29

Показатели психологической суверенности в зависимости от готовности к материнству

Психологически готовые к материнству				Психологически не готовые к материнству			
Г1 n = 17	ГII n = 25	ГIII n = 20	ГIV n = 22	НГ1 n = 20	НГII n = 15	НГIII n = 16	НГIV n = 19
28	31	23	17	12	35	20	8

Таким образом, совершенно очевидно, что появление ребенка приводит к реорганизации психологического пространства с, возможно, временным снижением суверенности и ставит молодую мать перед задачей включения материнских обязанностей в свое психологическое пространство во избежание сепарации от собственного младенца, что не может происходить безопасными для обоих способами.

В продолжение темы личностной суверенности и материнства интересные данные, касающиеся динамики отношений между матерью и подрастающим ребенком, были получены также в исследовании О. Р. Валединской, выполненном под нашим руководством [35; 36]. О. Р. Валединская изучала один из ненормативных кризисов личности молодой матери — кризис, вызванный стремлением двухлетнего ребенка к автономии, в связи с чем и происходит реорганизация ее психологического пространства (исследовательница удачно назвала это явление «кризисом двухлетней мамы»). Ретроспективный опрос 39 матерей московских дошкольников показал, что психологические пространства матери и двухлетнего ребенка начинают разделяться, причем в одной группе матерей суверенность сохраняется за счет уменьшения дистанции между ней и ребенком при укреплении границ по отношению к другим членам семьи, таким образом мать поддерживает уровень своей суверенности посредством симпатических отношений с ребенком, которого она психологически не «отпускает». Другая группа матерей обретает суверенность, «отодвигая» ребенка от себя и придавая ему психологический статус, близкий остальным домочадцам. Наконец третья группа примечательна тем, что свое отношение к ребенку эти матери пересматривают более радикально, чем к другим членам семьи, таким образом наделяя ребенка правом на личную суверенность.

Итак, полученные в описанных исследованиях многочисленные и разнообразные факты свидетельствуют о том, что рассмотрение

родительско-детских отношений с точки зрения взаимодействия, разделения и объединения их психологических пространств может открыть новые факторы напряженности или дисфункциональное™ этих отношений и оказаться подсказкой в их гармонизации.

5.2.3. Психологическая суверенность в браке

Общение в любой диаде осуществляется в психологическом пространстве, которое, представляя собой область пересечения пространств каждого из партнеров, приводит также, в случае возникновения общего опыта и близости, к появлению системных эффектов, которые проявляются в феноменах понимания - наличия общей системы смыслов и значений, общей системы ценностей, отсутствия необходимости в экстерииоризации убеждений и представлений и регулирования взаимодействия посредством вербально оформленных правил.

Исследование в этой же парадигме, посвященное исследованию психологической дистанции в браке, было предпринято под нашим руководством Ю. В. Курбаткиной [111, 112]. Психологическую дистанцию исследовательница понимает следующим образом: это базовое системное качество супружеских отношений, мера добровольного приближения одного супруга к другому, определяющая готовность принять («допустить») другого в собственное психологическое пространство и регулирующая степень общности психологического пространства в единстве его шести измерений (телесного, территориального, вещного, временных привычек, социальных связей, ценностей).

Дистанция, которая существует в супружеской паре, может принимать одно из значений в континууме, полюсами которого являются симбиоз (слияние, полная идентификация супругов друг с другом, отсутствие области личного психологического пространства) или отчуждение (сепарация, охрана границ, недопущение супруга в свою частную жизнь). И то и другое представляет собой различные варианты межличностной патологии. Одиночество может быть в терминах границ описано как явление оставленное™, отгороженности, когда отсутствует общий язык, понимание, взаимный интерес к другим людям, которые находятся бесконечно далеко, хотя хотелось бы видеть их ближе.

Симбиоз (слияние), напротив, сопровождается полной публичностью своего внутреннего мира, при котором ни одно его проявление не остается незамеченным другими, которых хотелось бы «отодвинуть» с собственной психологической территории. Естественно, эти процессы происходят и проявляются как в предметном, так и в ментальном мире.

В пилотажном исследовании Ю. В. Курбаткиной, посвященном в основном поиску конструкторов для основного метода исследования «Психологическая дистанция в браке», было обнаружено, что потребность в сближении задается характерологическими особенностями супругов: так, например, двум шизоидным супругам комфортно вместе, потому что они не тревожатся о угрозе посягновения на частное существование со стороны друг друга, а циклоиду или истероиду с эмоционально холодным шизоидом неуютно, и хотелось бы более теплого и близкого общения. Эти данные согласуются с характерологическими исследованиями, в частности, Н. Мак-Вильямс, которая также выделяет типы «филобатов» и «окнофилов» как любителей дистанции и стремящихся к близости людей, а также с уже описанными в разд. 4.3.4 характерологическими предикторами суверенности [136].

Дистанция диагностировалась Ю. В. Курбаткиной также и при помощи графической методики А. А. и Е. А. Кронпков, суть которой состояла в том, что респондентов просили в свободной форме изобразить себя и супруга в виде двух кружков на листе бумаги [112]. Проанализировав разные сочетания выделенных признаков, Ю. В. Курбаткина наметила подступы к типологии супружества с точки зрения психологической дистанции. Было обнаружено также, что удовлетворенность браком зависит от того, насколько представления супругов об идеальной психологической дистанции совпадают с реальной ситуацией.

Полученные результаты оказались скорее типологичны, чем линейны, подтверждая, что «чувство интимности» неодинаково у представителей разных типов личности. Это, как всегда, прекрасно иллюстрирует художественная литература. Обратимся к культовому роману Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» [110].

«Сабина сказала:

Почему ты никогда не воспользуешься своей силой против меня?

— Потому что любить — значит отказаться от силы, — ответил Франц тихо.

Сабина поняла две вещи: во-первых, эта фраза прекрасна и правдива; во-вторых, этой фразой Франц дисквалифицирует себя в ее эротической жизни» [110, 126]. И дальше: «Она, конечно, понимала, что ее решение - верх несправедливости, что Франц самый лучший из всех мужчин, какие ей встречались в жизни: он интеллигентен, разбирается в ее живописи, красивый, добрый, по чем больше она сознавала это, тем больше тянуло ее изнасиловать эту интеллигентность, эту добросердечность, тянуло изнасиловать эту беспомощную силу» [НО, 132].

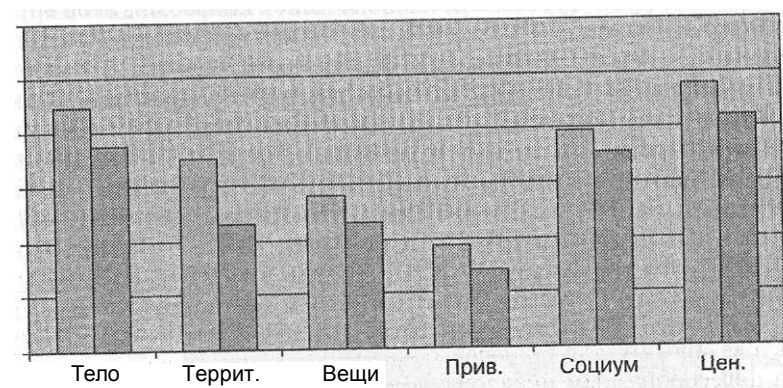
Можно предположить, что комфортная дистанция связана как с раннедетским опытом взрослого человека (психоаналитическая традиция), так и с типологическими особенностями личности, которые определяют плотность контакта субъекта с миром вообще.

В основном исследовании с привлечением 52 супружеских пар психологическая дистанция изучена более подробно. Следуя выделенной нами структуре психологического пространства, Ю. В. Курбаткина разработала собственный личностный опросник для диагностики дистанции между супругами, единицами которой служат типичные ситуации повседневного взаимодействия. В силу многозначности каждого утверждения трудно быть уверенным в том, что согласие или отвержение подразумевают одни и те же полюса конструктов, поэтому для большей однозначности Ю. В. Курбаткина сочла целесообразным предложить пары утверждений, одно из которых соответствует полюсу стремления к сближению вплоть до слияния, а другое — отдалению вплоть до отчужденности. Так, например, дистанция по измерению «Тело» представлена альтернативами, подобными следующей: «Хорошо, когда в семье супруги всегда рады и благодарны друг другу за нежность и объятия и готовы их поддержать» — «Вполне нормально, что кого-либо из супругов могут раздражать объятия другого, если он к ним не готов или находится в дурном расположении духа» [112]. Дистанция по измерению «территория» диагностируется другими парами утверждений: «Обидно, если супруг(а) стремится уединиться в отдельной комнате» — «Большинство супругов хотели бы иметь в своей квартире отдельный кабинет», и т. п.

С согласия Ю. В. Курбаткиной полный текст опросника, несомненно, полезен для диагностики супружеских отношений, помещен в прил. 8¹.

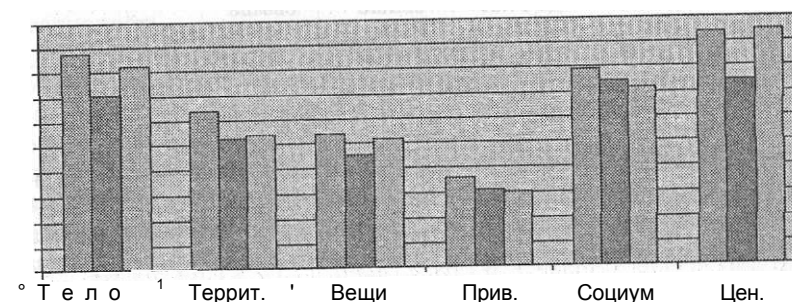
Исследования подтвердили фундаментальность категории дистанции для разных проявлений супружеской жизни. Так, оказалось, что психологическая близость в браке значимо ($j < 0,05$ по критерию Вилкоксона) связана с уровнем удовлетворенности браком у обоих супругов: чем выше уровень удовлетворенности, тем ближе супруги по всем рассматриваемым аспектам ПД (физического тела, территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей и ценностей) (рис. 17).

¹ Тест прошел психометрическую экспертизу: проверку конструкторной валидности, репрезентативности, ретестовой надежности, согласованности, дискриминативной силы каждого пункта. В настоящее время предполагается работа по доведению психометрических характеристик теста с уровня исследовательской методики до уровня диагностической и проведение стандартизации.

ДУДовя. П НОУДовя.

Рис. 17. Связь психологической близости с удовлетворенностью в браке (удовлетворенные $n = 54$, неудовлетворенные $n = 50$) — по Курбаткиной, 2006

@ До 3 лет ^ От 3 до 7 лет Ш Свыше 7 лет

Рис. 18. Связь психологической близости со стажем брака (до трех лет $n = 38$, от 3 до 7 лет $n = 26$, свыше 7 лет $n = 40$) — по Курбаткиной, 2006

Было обнаружено также, что психологическая близость связана и со стажем брака (рис. 18). Максимальная близость переживается в течение первых 3 лет совместной жизни, периода симбиотического

слияния супругов (уровень психологической близости в этой группе значимо отличается от того, который отмечен в группе супружеских пар со стажем совместной жизни от 3 до 7 лет, $p < 0,003$). Этот период закономерно заканчивается, переходя в стадию кризиса, характеризующуюся отдалением супругов и снижением удовлетворенности браком. Выход из кризиса на новый уровень отношений вновь отмечен повышением удовлетворенности и близости, но уже без симбиоза (уровень близости в группе супругов со стажем жизни свыше 7 лет значим в тенденции, $p < 0,16$).

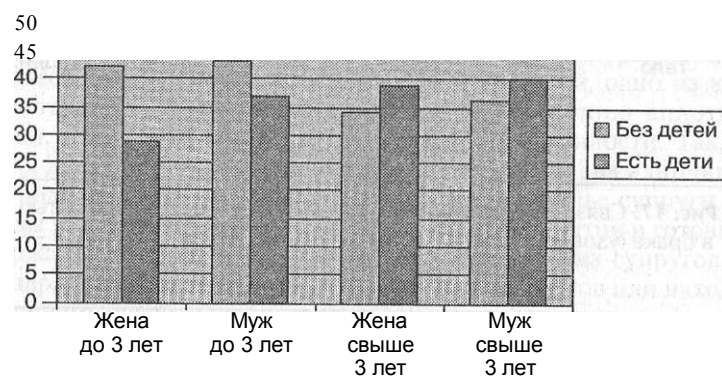

Рис. 19. Психологическая близость в зависимости от стажа брака и детности у мужчин и женщин

Исследование связи психологической близости со структурой семьи, в частности, наличием детей, не обнаружило при первоначальных расчетах никаких интересных связей. Однако разделение респондентов на подгруппы в зависимости от пола и стажа брака привело к обнаружению очень интересных, богатых для интерпретации тенденций (рис. 19). Так, у молодых замужних женщин потребность в психологической близости с мужем значимо ниже, если есть маленький ребенок (U Манна-Уитни значим при $p < 0,05$). Это объясняет многие дисгармонии, вызванные чувством «оставленности» у мужа с появлением нового объекта внимания и заботы жены. Нужно отметить, что и мужчины со стажем брака до трех лет также более дистанцированы от жены по сравнению с теми, кто пока не имеет детей, хотя эта тенденция не достигла уровня значимости. Складывается впечатление, что молодых супругов ребенок «разлучает», — это нормативное испытание прочности супружеских уз. На более

поздних стадиях брака статистически не значимо, но все же проявляется обратная тенденция: и у мужчин, и у женщин, имеющих детей, переживание психологической близости друг к другу несколько выше по сравнению с теми, кто детей не имеет. Таким образом, ребенок — новый источник развития супружеских отношений, и, по-видимому, возраст семьи свыше трех лет оказывается сензитивным к его присутствию.

И наконец с помощью Самоактуализационного теста РОИ Л. Я. Гозмана и М. В. Латинской исследовалась связь между уровнем самоактуализации и психологической близостью. Напомним, что составляющие самоактуализации, по Э. Шострому, которым разработан данный опросник, являются ориентация во времени, связывающая воедино прошлое, настоящее и будущее, и внутренняя поддержка человека в принятии решений [50]. Этим двум базовым составляющим соответствуют две основные шкалы опросника, которые, в свою очередь, раскладываются на 12 вторичных: Ценностные ориентации (предполагающие наличие мировоззрения, близкого самоактуализирующейся личности), Гибкость поведения, Сензитивность, Спонтанность, Самоуважение, Самопринятие, Представление о природе человека, близких самоактуализирующейся личности, Синергия (предполагающая переживание себя в единстве с миром), Принятие собственной агрессии, Контактность, Познавательные потребности, Креативность.

Полученные данные чрезвычайно интересны (табл. 30). По выборке в целом отмечаются несколько слабоположительных и множество отрицательных связей, указывая, что высокая близость скорее препятствует самоактуализации, привязывая к супругу, который начинает замещать весь остальной мир. Закономерна отрицательная связь со шкалой внутренней поддержки: действительно, живущие в симбиозе супруги редко рассчитывают на самих себя, передоверяя многие решения, особенно бытовые, партнеру. У них слабее сензитивность и спонтанность, потому что, по-видимому, они привыкли собственные потребности и намерения «фильтровать» сквозь призму желаний супруга. Наконец, возможно, по этой же причине, у них ослаблено самопринятие — они и воспринимают себя глазами противоположной стороны, не забывая о тех недостатках собственной личности, которые признаны и очевидны для всех в семье. Обратим внимание, что в основном связанные с симбиотичностью качества имеют динамический, а не ценностный характер, определяя уровень энергетики человека, его жизненный тонус. Таким образом, нельзя сказать, что симбиотический тип брака способствует самоактуализации.

Таблица 30
Связь (r_s) психологической близости с составляющими самоактуализации у мужчин (n = 54) и женщин (n = 54)

•ABad}l	o"	o"	o"
•diou 'HEOC	o"	o"	o"
ми	o"	o"	o"
•die *HHdj	o"	o"	o"
•jdanH3	o"	o"	o"
•irsh-dHdn	o"	o"	o"
•HHduowB3	o"	o"	o"
•ЯАШВЭ	?	o"	o"
•АНОНЭ	o"	o"	o"
•ХИЕНЭЭ	o"	o"	o"
•Ifaaou ЧХ-QH J	o"	o"	o"
•do "nauj	?	o"	o"
•Mtdatftfoii	o"	o"	o"
•da oa -do	o"	o"	o"
IOJ	2	*	Всего

Эти результаты стали еще более выразительными после расщепления данных на мужскую и женскую выборки. Теперь оказалось, что в мужской группе связи между психологической дистанцией и уровнем самоактуализации практически не просматриваются: иначе говоря, мера близости, разделенное™ психологического пространства с супругой никак не сказывается на самоактуализации мужчин, которые оказываются более автономными в этом процессе. Возможно, это совершенно закономерно связано с эволюционным предназначением мужского пола и с социальными стереотипами относительно этого предназначения, предписывающими мужчине достижение успеха вне семьи, в большом социуме, и независимость от того, что происходит дома, потому что оценка успешности жизни мужчин также осуществляется именно по этим параметрам.

В женской подвыборке отмечается иная картина. Здесь мы видим множество значимых и сверхзначимых (для относительно небольшой выборки) связей. Начнем анализ с самых ярких. Обнаружено, что высокая близость сочетается с резко пониженными сензитивностью, спонтанностью, познавательными потребностями, креативностью и принятием собственной агрессии. Кроме того, симбиотичная жена не разделяет ценностей самоактуализирующейся личности, убеждена в негуманной природе человека и обладает пониженным самопринятием. Как отличается этот образ от достойной чувствительной Душечки, которая в симбиозе обретает счастье!

На наш взгляд, эти данные, которые, конечно же, нуждаются в расширении, стратификации по стажу брака, характерологическим особенностям и другим параметрам, сейчас звучат как сигнал SOS. Причем непонятно, от кого исходящий — от самих женщин или от их мужей, поскольку нечувствительная, нерефлексирующая и нетворческая жена и мать семейства, которая вдобавок (следуя содержанию основной переменной исследования) чрезмерно стремится к сближению и, возможно, контролю над всем вокруг себя, несчастная женщина, для которой супруг представляет весь мир, — это, безусловно, негармоничный и несущий с собой несчастье другим человек.

Проиллюстрируем это отрывком из романа Дж. Стейнбека «Заблудившийся автобус», который очень невесело заканчивается:

«Глаза Хуана смотрели на нее издалека, как на что-то забавное. И это вселяло в Алису ужас. Она знала, что он видит в ней не сердитую женщину, омрачающую мир, а просто одну из миллиона сердитых женщин, которых можно изучать, разглядывать — да, и даже получать от этого удовольствие. В ужасе Алисы был холод одиночества. Хуан заслонял собой весь мир, а она — она знала это — ничего ему не заслоняла. Он мог видеть не только вокруг нее, но и сквозь нее — что-то другое» [232, 126].

Полученные Ю. В. Курбаткиной данные, на наш взгляд, должны быть серьезно осмыслены в контексте тендерной психологии (хотя все же коварно возникает сомнение в том, что созданный мужчинами метод ROI, описывающий, очевидно, стиль мужской самоактуализации, может быть применен для изучения и диагностики женщин). По-видимому, что в любом случае психологическая дистанция между супругами представляет собой исключительно емкую и мощную характеристику внутрисемейных отношений: дети — это гости в жизни супругов, а проживается эта жизнь в основном вдвоем.

Итак, полученные нами результаты некоторых исследований динамики психологического пространства и изменения уровня суверенности показывают, что повседневная жизнь и бытие семьи как целостности действительно сопровождаются постоянным поддержанием или пересмотром личностных границ. В силу нелинейности этого процесса представляется также очень важным определить типичные сензитивные периоды сближения-отдаления между членами семьи разных линий родства и области психологического пространства, наиболее уязвимые к внедрениям. В то же время очевидно, что исследование трансформаций психологического пространства открывает существенно новые возможности в изучении личностных кризисов различной природы.

5.3. Применение теории суверенности в практике психологического консультирования

В практической психологии понятие границ исключительно значимо, потому что большинство человеческих проблем связано, согласно логике возникновения неврозов и психозов, либо с переживанием вины, вызванным внедрением извне при неспособности субъекта защитить свое психологическое пространство, либо с некритичной самоуверенностью, приводящей к внедрению в пространства других людей. И то и другое нарушает диалог человека с миром, начинает доминировать либо слушание чужого голоса либо, наоборот, неспособность его услышать.

5.3.1. Анализ особенностей психологического пространства делинквентных подростков

Можно предположить, что, продолжая логику характерологической интерпретации феноменов суверенности, существуют некоторые типичные конфигурации границ психологического пространства, соответствующие типичным же искажениям поведения, то есть можно

говорить о клинике искажений психологического пространства. Для иллюстрации этой мысли обратимся к анализу обобщенных профилей СПП, полученных нами при изучении трех особых социально-психологических групп.

Это группы подростков, которые были обследованы нами в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, 8 девочек и 21 мальчик, средний возраст которых составил 14,9 года. Понятно, что усредненная картина всегда обеднена по сравнению с частными показателями, но, не располагая историей жизни подростков, мы не смогли бы серьезно интерпретировать эти данные, в то время как групповой портрет показывает наиболее типичные особенности.

Одна из групп включала 11 мальчиков, задержанных в связи с подозрением в уголовных преступлениях, среди которых значились убийство, угои, но самое типичное преступление — это кража мобильного телефона. Угоном было обозначено маломотивированное импульсивное желание покатайся на чужой машине без намерения присвоить ее или продать. Таким образом, общая картина поведения говорит о присутствии психотических тенденций.

Обратимся к результатам применения в этой группе опросника СПП (рис. 20). Оставаясь в пределах коридора нормальных значений, профиль слегка изменен в сторону сверхсуверенности, то есть склонности внедряться в психологические пространства других людей, присваивая себе принадлежащее им. Личная территория, вещи, телесность — все эти сектора собственного психологического пространства недостаточны для подростка (или потребность в их расширении ненасытаема), и потому, вероятно, им легко выйти за пределы собственных границ. В то же время обращает на себя внимание некоторое понижение по шкале социальных связей — это может говорить о том, что детям не нравится их окружение, им хотелось бы общаться с другими людьми, и потому, возможно, частично их девиации могут стимулироваться стремлением укрепить свой авторитет в кругу знакомых.

Остановимся и на второй подгруппе подростков, которую составили 10 мальчиков — «административников», обвиняемых в бродяжничестве (рис. 21). Истории их жизни свидетельствуют, что в основном это дети из неблагополучных семей, склонные реагировать на пресинг в семье эмансипацией и уходом из дома. Таким образом, депривация, запуская механизм самоорганизации, побуждает их расширять свою территорию в меру возможности, уходя жить в город. В результате поставленная ими задача решается: они прерывают контакт с подавляющими родственниками, причем не сильно стесняя других людей (понятно, что без мелкого воровства они бы выжить не сумели).

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	100
	М 1							
80								80
	60	14		14	12	8	14	
	50							
60	40	10	8	10	8	6	10	60
		6		6			6	
	20	2		2		2		
	10							
40	0	-2	0	-2	0	-2	-2	40
		-6	-4	-6	-4	-4	-6	
	-20							
	-30	10		-10	-8			
20	-40			-14		-6	-10	20
	-50							
0								0

Рис. 20. Обобщенные результаты мальчиков, подозреваемых в уголовных преступлениях

В этой группе показатели практически не отличаются от нормативных для этого возраста — то есть бродяжничество может быть рассмотрено как один из распространенных (для некоторых акцентуаций, возможно, нормативный) социальных механизмов поддержания собственной суверенности у подростков. Обращает на себя внимание лишь некоторое повышение суверенности по шкале Привычек, подчеркивающие свободолобие подростков, которым субъективно легче переночевать в картонной коробке, чем допускать, чтобы утром мама будила в школу. Эти результаты по-новому позволяют увидеть смысл известного в клинической практике «синдрома бродяжничества», который рассматривается как результат констелляции акцентуации характера и социальной ситуации развития ребенка. Хотя возможна и этологическая интерпретация: подростки из типичных семей иногда также склонны эпатировать своим поведением окружающих до момента наступления взрослости, что отвечает задачам и особенностям подростково-юношеской субкультуры [66]. В любом случае это мирное разрешение напряжения, в целом безопасное для окружающих (в связи с этим невозможно не вспомнить

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	100
	М 1							
80								80
	60	14		14	12	8	14	
	50							
60	40	10	8	10	8	6	10	60
		6		6			6	
	20	2		2		2		
	10							
40	0	-2	0	-2	0	0	-2	40
		-6	-4	-6	-4	-2	-6	
	-20							
	-30			-10	-8			
20	-40			-14		-6	-10	20
	-50							
0								0

Рис. 21. Обобщенные результаты мальчиков, задержанных в связи с бродяжничеством

пацифистскую субкультуру хиппи, у которых бродяжничество — это способ жизни и самовыражения).

И наконец, обратимся к третьей обследованной группе — 8 девочкам, задержанным по подозрению в занятиях проституцией (рис. 22). Это «дилетанты» нижнего звена, услуги которых оплачивались частично небольшими подарками или продуктами питания, постоянных клиентов у этих девочек не было, а общались они в основном либо с низкостатусными взрослыми, которым отдавались в машине, либо с ровесниками, которые не могли им обеспечить ни материального благополучия, ни личностного роста.

Анализ средних показателей показал значительное по сравнению с возрастной нормой понижение суверенности, что, опять же, согласуется с особенностью их девиации, основанной на отрицании всякой приватности: эти девочки не распоряжаются и не контролируют в своей жизни ничего, включая собственное тело. Наиболее высокие показатели профиля — это суверенность личных вещей и привычек. Наиболее значительное понижение отмечается по шкалам социальных связей и ценностей. Это свидетельствует о том, что девочки, склонные

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	100
W 1								
80								80
	70				14	8		
	60	14		14				
	50			10	10	6		
60	40	10	8					60
	30	6	4	6	6	2	6	
		2		2	2			
40	10		0	" -2	4	0	2	40
	-10		-4	-6	-2		-2	
	-20	-6	8	-10	-6	-4	-6	
20						-10		20
0								0

Рис. 22. Обобщенные результаты девочек, подозреваемых в занятии проституцией

к занятиям проституцией, неразборчивы в знакомствах и не умеют отстоять собственные вкусы и убеждения, что может представлять как результат, так и предпосылку склонности именно к данной девиации. В целом профиль СПП у девочек-проституток имеет скорее невротический, чем психотический характер, что указывает на тенденцию саморазрушения и открывает новые перспективы для психотерапевтических и коррекционных программ.

Итак, можно сделать предварительный вывод о том, что способ поведения и особенности психологического пространства связаны между собой, причем существуют типичные приемы выправления личностных границ, условно относимые к невротическим или психотическим. В первом случае недостаточно решается биологическая задача суверенности как условия индивидуального выживания, во втором случае не признаются границы других людей, свидетельствуя о дефицитности решения социальной задачи суверенности.

На наш взгляд, пограничное с медицинской и юридической психологией направление исследований может быть продолжено, способствуя выделению групп риска и уточнению программ психоло-

гического сопровождения разного рода девиантных и клинических групп. Некоторые шаги в этом направлении уже делаются.

5.3.2. Применение теории суверенности в практике индивидуальной работы

Теория суверенности, на наш взгляд, может быть по крайней мере двояким способом использована в практике консультирования.

Во-первых, она позволяет продиагностировать при помощи опросника СПП или других методов сохранность личностных границ. Если обнаруживается их нарушение или избыточная прочность, это дает возможность предсказать качество и основное содержание психологических трудностей, которые переживает субъект. Эти трудности могут тяготеть к невротическому полюсу в случае депривированности или к психотическому — в случае сверхсуверенности.

Во-вторых, теория суверенности позволяет определить наиболее разрушенные и наиболее сохраненные сектора психологического пространства человека, чтобы знать типичные для него способы стихийного психологического совладания (*coping-skills*) и при необходимости включить их в управляемый консультативный процесс.

Для того чтобы проиллюстрировать эту мысль, мы провели краткое исследование. 25 слушателям Института практической психологии личности (взрослым, здоровым, социально адаптированным, рефлексивным, мотивированным, в основном женского пола) мы предложили отреагировать на следующую ситуацию: «Представьте, что у вас плохое настроение, ничего не хочется делать, сумрачно, сыро, уныло. Что вы обычно предпринимаете в таких случаях?».

Ответы наших респондентов были проанализированы и расклассифицированы по предпочитаемым способам самопомощи (прил. 9). Их можно условно объединить в две группы: «бытийная» психотерапия и «ментальная» психотерапия. Бытийная включает использование тех онтологических языков, которые отвечают в основном измерениям психологического пространства: это пищевое поведение («наливаю стакан вина», «балую себя чашкой кофе»), телесное успокоение («заворачиваюсь в теплый платок», «залезаю в горячую ванну»), сон, приватность («выключаю телефон», «остаюсь дома»), уборка дома, покупка вещей, общение с близкими, рассматривание фотографий детей, эстетическое наслаждение (книга, музыка, фильм). Ментальные *coping'u* осуществляются всегда во внутреннем плане. Это мечты («думаю о чем-то хорошем»), эмоциональное отреагирование («плачу»), обращение к религии («еду в церковь», «один случай»). Нужно отметить, что бытийные *coping'u* более вариативны и конкретны по сравнению с ментальными, которые, по-видимому, универсальны,

а их соотношение представляет 54 : 16, то есть количество упоминаний о бытийных способах самоподдержки больше в три раза (рис. 23),

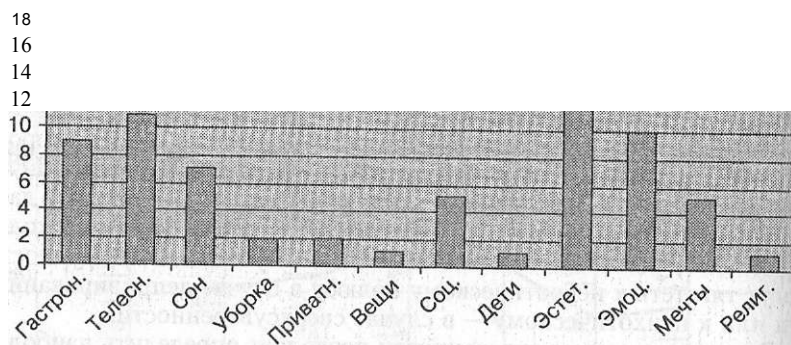

Рис. 23. Предпочтение бытийных и ментальных способов самоподдержки

Принимая во внимание, что построение и защита психологических границ могут иметь как необходимый, так и сверхкомпенсаторный характер, проявляясь в стремлении и достижении состояния «сверхсуверенности», при котором границы охраняются сверх необходимого, а дистанция по отношению к объектам внешнего мира увеличивается, проиллюстрируем сказанное анализом случаев из нашей консультативной практики. Мы отбирали эти случаи из текущей работы. Большинство историй согласовано с клиентами и описано с их разрешения; истории тех клиентов, которые ушли из поля зрения, изменены во всех частных деталях до неузнаваемости.

Значительная часть обратившихся — женского пола, что неслучайно в свете полученных нами данных о связи coping-стратегий и степени суверенности—депривированности: респонденты мужского пола, в отличие от женщин, реже используют такой способ психологического преодоления как поиск социальной поддержки, вариантом которого является обращение за помощью к психологу-консультанту. Таким образом, депривированность мужчин, возможно, усугубляется их субъективной неспособностью делиться своими проблемами с другими и внутренним запретом на визит к психологу, противоречащим общественному мнению о том, что мужественность и роль клиента — вещи несовместимые.

Вообще, для российских мужчин-клиентов, по нашим наблюдениям, характерны следующие особенности: они недоверчивы и никогда не приходят на консультацию без предварительного сбора ин-

формации о том, что им предстоит у психолога; они закрыты и не любят говорить о главном, предоставляя психологу возможность долго расспрашивать или догадаться самому; никогда не задают расплывчатых тем типа «А где же счастье?», что случается с женщинами-клиентками, формулируют конкретный (хотя часто — маскирующий) запрос и редко лукавят — неискренних клиентов-мужчин автору не попадалось; в самой дискомфортной ситуации они предпочитают отмалчиваться, но на прямой вопрос отвечают по видимости правдиво. Мужчины входят в процесс консультирования менее продолжительное время, не впадая в психотерапевтическую зависимость и стараясь не затягивать время консультирования, с благодарностью используют возможность консультирования по электронной почте. Впрочем, удельный вес мужчин-клиентов в консультативном опыте автора невелик. Все эти особенности были представлены в тех «мужских» историях, которые мы излагаем ниже.

Итак, остановимся на нескольких примерах, чтобы проиллюстрировать, во-первых, амбивалентность в стремлении защитить границы собственного «Я», что может проявляться в достижении сверхсуверенности, и, во-вторых, компенсаторные возможности психологического пространства, благодаря которым депривированность по одному из его измерений компенсируется избыточной свободой в другом. Нами использовались специально разработанные профильные бланки с нормализованными показателями для выборки детей и подростков (W1, M1) и взрослых (W2, M2), интервал средних значений располагается между 40 и 60 баллами и выделен пунктирной линией.

5.3.2.1. История А. Б.

А. Б. 37 лет, это яркая женщина, мать семейства, объективно успешная во многих отношениях: будучи инженером по образованию, она оставила работу (которой, впрочем, никогда особенно не дорожила) ради воспитания своих дочерей. Экономическое положение семьи клиента стабильно и позволяет ей заниматься тем, что интересно. Поэтому она много времени уделяет различным видам самосовершенствования: посещает спортивный клуб, изучает психологию, является членом одного из «эзотерических» клубов, занимающихся духовными практиками, и, среди прочего, посещает психотерапевта. Одевается ярко, «выразительно» — любит яркие южные расцветки, изобилие стразов, люрекса. Подчеркивает исключительность собственного художественного вкуса. По собственным словам А. Б., она вполне чувственная женщина, однако ее потребности не ограничиваются чисто телесными: она стремится достигнуть гармонии, развиваясь

нравственно и духовно, встраиваясь не только в мир людей и вещей, но и в циклы Вселенной. А. Б. никогда не дает негативных характеристик другим людям и часто подчеркивает собственные переживания, связанные с виной и страхом, которые типичны для нее. Она стремится понять позицию любого человека, даже обижающего ее, и этим вызывает расположение, но одновременно — и беспокойство за ее способность себя защитить. Будучи сильной, красивой женщиной спортивного телосложения (она много лет занималась спортом почти профессионально), А. Б. все же производит впечатление очень ранимого человека.

В нашу консультацию она попала с нетривиальным запросом на решение проблемы зависимости от психотерапевта, с которым А. Б. работает в течение 12 лет. Запрос был замаскирован под учебное задание, поскольку клиент получает дополнительное психологическое образование. На протяжении общения с консультантом А. Б. нередко проявляла необязательность, опаздывала и пыталась частично занять время консультации других клиентов. Время от времени А. Б. забывала вовремя расплачиваться и неожиданно отменила последнюю встречу, забыв вернуть необходимые для обучения конспекты, позимствованные у консультанта. Таким образом, можно отметить, что в рамках консультативного общения А. Б. продемонстрировала межличностные патологии, присущие изначально депривированному, жестко контролируемому извне человеку, который пытается взять «психологический реванш» у других людей, нарушая их приватность (в рамках договоренностей, правил и временного режима).

Психотерапевт — пожилая женщина, ровесница мамы и свекрови А. Б., без базового психологического образования. Со слов А. Б., психотерапевт — человек исключительно духовной направленности; мало интересуется «бытом» (семьей, сыном, внуками, воспитанием которых в основном занимался ее муж), считает более целесообразным думать о месте человека в мире, о том, чтобы ловить ритм «дыхания Вселенной» и подстраиваться к нему. Все остальное психотерапевт считает суетным и малосущественным.

По словам А. Б., именно настойчивость ее наставницы в желании направить ее от дел семьи и близких и вносит в их достаточно давние отношения напряжение: она осознает, что сама — другой человек и что «высокое» и «земное» дороги ей в равной степени. В то же время она находится в стабильно подавленном состоянии: занимаясь семьей, она испытывает чувство, что отрывает время от своего духовного развития, а уезжая из дому — переживает чувство вины перед детьми, которые скучают без нее.

Обратимся к истории жизни А. Б. Это единственная дочь в семье военнослужащего; воспитана в строгих правилах, вся жизнь ее до

студенческого возраста контролировалась очень жестко. Никаких увлечений и «лишних» контактов не допускалось (девушка должна была поддерживать честь офицерской дочери, поэтому ее дружеские привязанности подвергались «цензуре» по сословным соображениям, нередко побуждая ее отказываться от общения с интересными людьми, принадлежащими к другому кругу). Материальное положение семьи было стабильным в низшей точке: в связи с переездами мать не могла найти себе работу, поэтому жили экономно и просчитывали бюджет по возможности надолго вперед. А. Б. была обязана хорошо учиться и заниматься спортом (впрочем, на соревнованиях никогда не выигрывала). Будучи послушной дочерью, А. Б. понимала и понимает, что в такой, иногда обременительной форме, выражается любовь ее родителей, которые сами пережили голод и сиротство и для которых контроль над собственной жизнью стал естественным способом бытия. А. Б. пробовала протестовать против режимных правил в родительской семье (возвращаться домой позже), за что была физически наказана, будучи уже взрослой девушкой. Итак, по данным клинической беседы, можно говорить о том, что в биографии А. Б. присутствовали эпизоды нарушения границ личности: в форме телесных наказаний (хотя и нерегулярных), ограничения режимных привычек, строгости в отношении покупок и особенно — отвержения личного мировоззрения и круга ценностей А. Б.

В настоящее время у А. Б. хорошая семья, близкие отношения с мужем, который во всем ее поддерживает, но присутствует ощущение внутреннего расщепления, которое мешает ей быть вполне счастливой. Амбивалентность в основных жизненных установках (духовность — телесность, семья — социум, дети — самосовершенствование) лишает ее продуктивности в построении собственной жизни. Присутствие психотерапевта дополняет мировоззрение родителей, по-видимому, этим и объясняется прочность их взаимоотношений, постепенно переживаемых А. Б. как зависимость, но обе эти позиции являются недостаточными. Похоже, что оплотом гармонии и единства перечисленных противоположностей является свекровь А. Б., человек естественный и жизнерадостный.

Обратимся к данным опросника СПП, который отразил жизненную историю и актуальное состояние личности А. Б. (рис. 24).

Общий показатель СПП ниже границ средних значений, что свидетельствует о депривированности, граничащей с травматическим состоянием. Внутри диапазона нормы находятся показатели суверенности физического тела (физические наказания все же не были типичными в семье А. Б.) и территориальности (по-видимому, А. Б. имела достаточно возможностей побыть в уединении, и это право уважалось). На границе нормы расположены показатели суверенности

	W 2	>							
80									80
			16			8			
		14			14				
60	60	12	14		6	14			60
	50	10							
	40	6		6	6	6			
	30				2	2			
40	20	2		2	2	2			10
	10	-2	-4		-2	-2			
		-6	-8		-6	-4	-10		20
	-30								
0									0

Рис. 24. Профильный бланк А. Б.

в области привычек и социальных связей (вспомним контроль над режимом и кругом знакомств). Несколько ниже нормы уходит показатель суверенности вещей — то есть А. Б. обычно пользовалась и носила не те вещи, которые по-настоящему нравились ей. И наконец, намного ниже нормы, вблизи минимального значения, расположен показатель суверенности ценностей — что указывает именно на экзистенциальную, аксиологическую подоплеку переживаемого А. Б. внутреннего конфликта (это косвенно подтверждают пол и возраст психотерапевта, который априорно не может быть объектом либидозного переноса). Таким образом, картина данных СПП в общих чертах действительно отражает жизненный путь А. Б.

5.3.2.2. История Н. Ф.

Н. Ф. 11 лет. Она попала в консультацию со второй попытки: за год до нашей встречи (единственной, хотя информация о девочке и особе] 1-ностях ее поведения и семейной обстановки поступала и раньше, но личная консультация откладывалась) в связи с неприятным случаем, глубоко огорчившим ее родителей: у близких друзей, которые пришли в гости в дом Н. Ф., пропала крупная сумма денег (500 рублей).

Всем было очень стыдно; после того как гости, вернувшись домой, обнаружили пропажу, родители провели дознание и вынудили девочку сознаться. Она долго отказывалась говорить, но в конце концов отец в состоянии аффекта буквально «вытряхнул» из нее признание. Мать не вступалась за девочку и не пыталась понять смысл ее поступка.

В консультации Н. Ф. произвела впечатление крайне несчастного и запуганного ребенка. Она боялась идти к психологу (отец привел ее насильно, при этом по дороге угрожая). Оставшись с психологом наедине, Н. Ф. сначала уходила от контактов. Затем после вспомогательных расспросов о том, что же привело девочку к психологу («Консультант обычно отвечает на вопросы тех, кто к нам приходит; подумай, что бы хотелось узнать тебе?»), она произнесла: «Ну, вы, может быть, слышали когда-нибудь о детях, которые... ну... иногда... берут чужое...». Консультант отметил, что таких детей, да и взрослых тоже, приходилось встречать очень немало, и хотя это некрасиво, но иногда можно объяснить и исправить. Девочка залилась слезами и сказала: «Ну вот я как раз из таких детей». Что, сколько и для чего она взяла, так и не уточнила.

Далее беседа в основном касалась чувства вины и отношений девочки с друзьями. Выяснилось, что семья проходит через разводный кризис, что в доме «все очень плохо», что самое заветное желание девочки — чтобы папа и мама жили вместе. Друзей у Н. Ф. почти нет, а с теми, что есть, отношения не очень складываются. Прошлой зимой она играла на ледяной горке, и один из мальчиков сбил ее с ног («Он предупредил, но я тоже катилась и уже не могла ничего сделать»). Н. Ф. упала; в результате черепномозговой травмы она полгода провела в больнице и дома, у нее были нарушены моторика и речь. Не совсем понятно, как наказали толкнувшего Н. Ф. мальчика, но за время болезни дети не стали относиться к ней лучше. После выздоровления она утверждала, что мальчик сбил ее нечаянно, ведь он же предупреждал, что сейчас покатится, просто она сама не успела отскочить. Обиды или гнева против мальчика у нее нет. Вообще, во всех суждениях девочки прослеживается тенденция к самообвинению при субъективной невозможности обвинять других.

Обратимся к семейному контексту жизни Н. Ф. Это вторая из двух дочерей юриста (адвоката) и служащей фирмы по торговле недвижимостью. Обращался в консультацию отец, о матери информации практически нет. Отец — очень неуравновешенный мужчина с позитивным опытом общения с психологами (в суицидальном отделении клиники, куда попал несколько лет назад). Ему присущи мотивы долженствования при нечувствительности к потребностям и эмоциональному состоянию — как собственному, так и других

людей. Его воспитательный стиль в основном построен на требованиях. Прежний проступок дочери вызвал у него такой приступ гнева, что он бил ее чем ни попадя, не в состоянии остановиться, и потом у него долго болела рука. Он пришел в возбуждение, даже вспоминая проступок дочери: «В прежние времена за такое отрубали руки!». Будучи адвокатом, он сталкивался со случаями воровства, но это всегда квалифицировалось как преступление (а не проявление недостатка воспитания) и потому как отец он не может не опасаться подобной судьбы для своей дочери.

Вспоминая собственное детство, отец Н. Ф. согласился, впрочем, что инстинкт собственности присущ многим, что у него самого в детстве также случались подобные эпизоды. И вообще не очень справедливо, что иногда воруемых взрослых считают всего лишь социальными адаптированными, а детей всегда наказывают.

Вопрос о том, принято ли в семье давать деньги детям, поставил отца Н. Ф. в тупик. «А зачем? Нужно ведь еще заслужить... И вообще, у нас сейчас материальное положение не очень хорошее». Оказалось, что отец знает, на что Н. Ф. хотела потратить деньги: в первый раз угостить детей «сникерсами» (типичный мотив воровства для детей с низким статусом в коллективе), теперь — на осуществление давней мечты («на лошадей»).

Обратимся к данным опросника СПП. Общий показатель — в пределах нормы, но ближе к нижней границе (рис. 25). Самый высокий показатель (на границе повышенных значений) — суверенность тела, что может свидетельствовать о гиперкомпенсации, высокой чувствительности к нарушению телесных границ и способности девочки защищать себя. В беседе она вспомнила, что в раннем детстве ее как-то насильно остригли, и с тех пор она мечтает отрастить длинные волосы, в целом же, по-видимому, ее телесность не подвергалась систематическому насилию, но имели место эпизоды жестокой расправы, вызывавшие эмоциональный резонанс у всех членов семьи. Показатели суверенности территории, вещей, привычек и ценностей расположены вблизи нижней границы нормы, а суверенности социальных связей — уже в области пониженных значений. Таким образом, результаты свидетельствуют о том, что потребности девочки, особенно — в приватности, мало учитывались и слабо удовлетворялись в семье; скорее всего, то же можно сказать и о других ее членах. Возможно, каждый в семье отделен от других психологическими границами и барьерами. Будучи достаточно жизнестойкой и оптимистичной от природы, Н. Ф. предпочитает не смиряться, а сопротивляться давлению обстоятельств; отсюда и способ сопротивления — добыть средства на осуществление мечты. Пониженный показатель суверенности

ти социальных связей также согласуется с переживаемым девушкой чувством одиночества: возможно, что она социально избирательна и в условиях жесткого семейного контроля просто не может найти «своих» друзей, с которыми ей было бы легко. В любом случае, если бы мы начали консультацию, имея в руках эти результаты, можно было бы построить предварительный план беседы и сделать вопросы более точными, экономя время и силы.

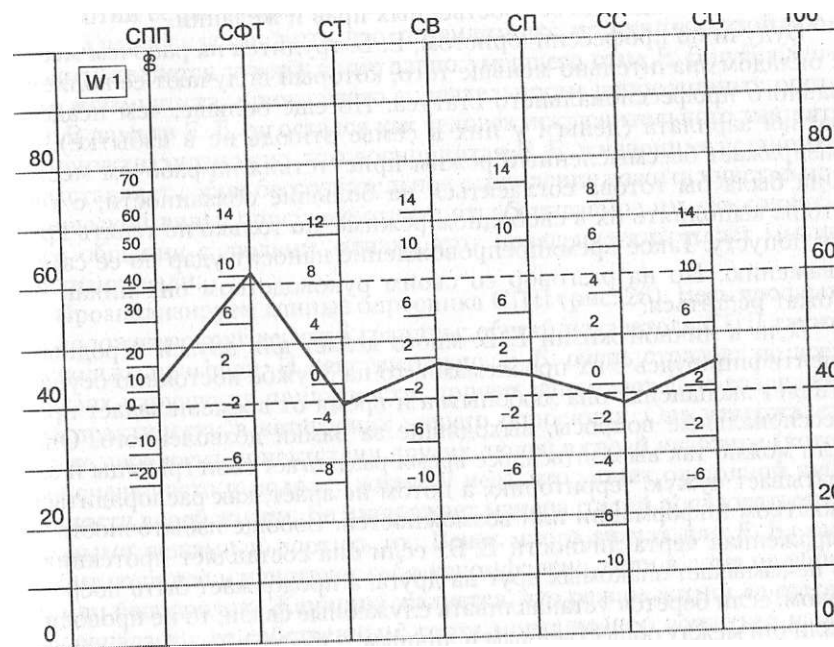

Рис. 25. Профильный бланк Н. Ф.

5.3.2.3. История Е. Б.

Е. Б. 56 лет, это яркая, шумная и энергичная женщина. Она любит молодежную моду, обладает хорошим вкусом и всегда радуется своим внешним видом. Несмотря на зрелый возраст, это красивая женщина. Она замужем; детей нет. Е. Б. и ее муж ведут активную светскую жизнь. Переехав несколько лет назад в Москву из другого города, эта женщина использует все радости столичной жизни, знает о многих культурных событиях, часто принимает гостей. Помня о своем провинциальном происхождении, Е. Б. оказывает гостеприимство многочисленным родственникам и знакомым, решая в их жизни весьма существенные проблемы (труднодоступная и дорогостоящая

медицинская консультация, создание места работы, важные покупки). При этом в своем альтруизме она иногда бывает немного чрезмерной и не всегда получает в ответ благодарность. Она расстраивается оттого, что ее нередко используют и практически никогда не помогают ей самой: такова ее роль в кругу знакомых, что ее считают способной решить абсолютно все проблемы. Однако в том-то и сложность, что Е. Б. становится исключительно застенчивой и робкой, когда дело доходит до ее собственных прав и желаний.

Будучи по профессии юристом, Е. Б. трудится на рабочем месте с окладом значительно меньше того, который получают ее коллеги равного профессионального статуса. Но еще больше, чем неадекватная зарплата (деньги у них в семье отнюдь не в избытке), ее раздражает бессмысленный режим присутствия на рабочем месте. Она была бы готова согласиться на большие обязанности, с тем чтобы выполнять их в свободном режиме, но только не терять время попусту. Такое времяпрепровождение наносит удар по ее самоуважению. Но на разговор со своим руководством она никак не может решиться.

Если в личной жизни Е. Б. много делает для друзей и родных, идентифицируясь с их проблемами, то на службе постоянно осуществляет экспансию: она любопытна и время от времени задает профессиональные вопросы, выходящие за рамки дозволенного. Она, если можно так выразиться, все время раздвигает свои границы и захватывает чужую территорию, а потом не знает, как распорядиться избытком информации или возможностей. Вообще избыточность — выраженная черта личности Е. Б.: если она составляет протекцию, то не замыкает знакомых друг на друга, а продолжает быть посредником, если берется устанавливать служебные связи, то не проводит различий между общественным и личным — как временем, так и средствами. Она может, например, по собственной инициативе сделать на свои деньги подарок от имени фирмы, причем случается, что этих денег ей так и не возвращают. Так же и в дружбе: время от времени ей приходится выслушивать рекламации от одних знакомых по поводу других, она возмущается безответственностью и неделикатностью людей, но навыков возвращения им агрессии или раздражения так и не выработала. О своих обидах говорит со смущением и стыдом и, будучи личностью демонстративной, очень быстро вытесняет их. Поэтому, естественно, обучающий эффект близок к нулю, и Е. Б. вновь повторяет основной паттерн своего поведения: запрос извне — идентификация с проблемой — избыточный отклик на призыв ее решить — объективное решение проблемы и чувство эмоциональной истощенности.

Основная заявленная Е. Б. проблема — это профессиональная успешность, однако очевидно, что это лишь фасад тех жизненных трудностей, которые она испытывает. У нее присутствуют отчетливое смешение социальных ролей и нарушение границ: например, она предлагает консультанту свой профессиональный опыт, технические возможности своего мужа, стремится перевести ролевое общение в личное и в то же время опасается быть навязчивой. Выраженный мотив ее рассказов — что она должна помогать людям. В ходе работы удалось установить, что, по-видимому, источником этой программы является утверждение давно умершего отца Е. Б., убежденного коммуниста, причастного к деятельности репрессивных органов. В памяти Е. Б. он остался как человек исключительного личного достоинства; возможно, что воспринятая Е. Б. жизненная установка представляет собой бессознательное стремление изжить чувство исторической вины, присущее отцу и отрабатываемое им вне служебного общения с людьми, однако этот поведенческий пласт мы не анализировали.

Проанализируем данные опросника СПП (рис. 26). Весь профиль расположен вокруг верхней границы; общий показатель СПП также несколько повышен. И действительно, Е. Б. очень страдает во всех случаях нарушения приватности, причем описывает свое раздражение практически в категориях нашего опросника. Она утверждает, что не переносит присутствия других людей в своей квартире (которые очень часто и подолгу живут у нее), что устает от полной публичности своей жизни. Ее раздражает манера гостей пользоваться ее личными вещами и портить их. Вещи много значат для Е. Б.: она любит изящное и чувствует себя некомфортно, если в доме не убрано или беспорядок. Женщина жалуется, что режим жизни ее гостей не совпадает с ее собственным: гости могут поздно ложиться и мешают ей спать, забывая, что утром ей рано вставать. Она вообще не любит нарушения заведенного распорядка — где ужинать, как проводить выходные, как строить день. Режимные моменты наиболее существенны для Е. Б., и ломка заведенного порядка наносит ее состоянию наиболее сильный удар, вплоть до появления соматических симптомов.

Выше среднего расположены показатели суверенности территории, привычек. Похоже, что все это — гиперкомпенсация депривированных воздействий на протяжении детства и юности Е. Б., когда, конечно же, потребность в приватности фрустрировалась во всей возрастной когорте нашей респондентки. В коридоре средних значений лежат показатели суверенности тела, социальных связей и ценностей: Е. Б. прислушивается к состоянию своего организма и считается

Ю0.....СПП.....СФТ.....ст	СВ	СП	СС	СЦ	100
W 2					
80					80
	16	14	8		
60	12	14	6	14	60
50	10	12	6	14	
40	2	2	2	2	40
30	-2	-2	-2	-2	
20	-6	-6	-4	-10	20
10	-10	-10	-6	-10	
0					0

Рис. 26. Профильный бланк Е. Б.

с ним, легко сходится с людьми и расстается, будучи избирательным человеком, научилась давно и эффективно защищать свои вкусы и несколько раз меняла идеологию, эволюционируя от правоверной коммунистки к экуменистическим настроениям.

Таким образом, результаты применения опросника показывают, что Е. Б. более других людей чувствительна к нарушению границ собственного психологического пространства, переживая как вторжение в область приватности самые обычные бытовые воздействия, и в то же время постоянно стремится расширить эти границы в социально одобряемой форме альтруистического поведения. Признаком дисгармонии служит избыточность этого альтруизма, сначала не ожидаемого в такой мере другими людьми, а затем воспринимаемыми его как привычную обязанность Е. Б. и удивляющимся ее неготовности иногда участвовать в их проблемах.

5.3.2.4. История П. Б.

П. Б., 31 года, обратился за помощью, как и большинство клиентов-мужчин, по рекомендации коллеги, после проверки лояльности психолога, и не сразу перешел к своей основной проблеме. Основной

вопрос к психологу сформулирован не был. Это хорошо сложенный, спортивный мужчина в расцвете лет, с приятной улыбкой, которая, однако, часто сползает с его лица, и тогда мимика замирает, взгляд устремлен внутрь себя, и становится понятно, что видимая лучезарность — это всего лишь привычный *keep smiling*, а на самом деле чувствует себя он нехорошо. Жалобы имели в основном психосоматический характер и телесное описание: тяжело дышать, дыхательные спазмы, бьется сердце, охватывает паника. Главный вопрос к себе и жизни — «выживу или нет?». Доминирующая эмоция — страх, преимущественно смерти (однако в ходе работы оказывается, что и страх жизни тоже). Постоянно чувствует усталость, но, когда решился в хорошей компании съездить на отдых, у него случился один из непонятных ему приступов (головокружение, страх, повышение давления), которые врачи квалифицируют как вегетососудистую дистонию. Пройдя полную диспансеризацию с перекрестными перепроверками состояния здоровья в нескольких авторитетных клиниках, он не подтвердил ни одного диагноза, после чего ему было рекомендовано поработать с психологом.

По внешним объективным Показателям П. Б. — очень успешный человек. У него хорошая семья, видимо, надежная и понимающая жена, которая установила верную дистанцию: экономически они с мужем равноправные кормильцы семьи, она талантливый коммерсант, но работает в другой области, позволяя ему допускать коммерческий риск, благодаря чему в семье давно стабильный достаток. Она с удовольствием водит машину, имеет веселый нрав, оптимистична, но при этом ее ипохондричный муж все равно остается для нее любимым и авторитетным человеком; гармония и тепло отношений с женой проявляются, когда П. Б. отвечает на ее телефонные звонки. Она несколько моложе мужа, по его словам, олицетворяет идеал женщины, обладая всеми важными добродетелями: красива, талантлива, весела и при этом заботлива и послушна. У них дочь, о которой П. Б. говорит всегда с восторгом, однако на вопрос, хотелось бы ему иметь еще детей, он передернулся и сказал, что еще раз он «этого» не выдержит. Чего — этого? «Вы себе не представляете, пока она была беременна и рожала, я столько перенес, что, кажется, легче было бы самому родить, так она логом сказала». Объективных причин для беспокойства не было.

П. Б. получил элитарное гуманитарное образование, которым пользуется сейчас не во всем объеме, а лишь в технической части своего бизнеса, одного из перспективных и востребованных в Москве. Он образовал собственное предприятие, также достаточно успешное. Однако у П. Б. амбивалентное отношение к своему профессиональному поприщу: он оживляется, лишь вспоминая студенчество,

когда с удовольствием писал исследование во вполне академическом традициях (не обладающее никакой коммерческой или гламурной ценностью), посвященное социологии одной исторической субкультуры. Эта субкультура славилась своей суровостью и заданностью социальных отношений, благодаря чему задачи личного выбора и подстройки к другим людям в ней были сведены к минимуму: каждым знал свое место и делал свое дело. Еще один институт социализации, который, по словам П. Б., был дружествен к нему, — это армия, в которой он оказался после вуза.

У П. Б. есть несколько особенностей, которые мешают ему жить: он боится открытых дверей (похоже, неожиданных посетителей), не любит общественный транспорт, но при этом избегает садиться за руль сам и не доверяет другим водителям. Своей главной чертой он считает ответственность. Избыточность этой черты приводит мужчину к перфекционизму и самообвинению, если он что-то сделал несовершенно. Вообще у него есть чувство, что он слишком много на себя взвалил. Природная склонность к риску в нем отсутствует вообще. Профессия заставляет сильно «прогибаться» под требования корпоративной и узкопрофессиональной культуры, которым П. Б. вынужден соответствовать, но ему это не нравится. Он страдает от того, что вынужден зарабатывать в данной чуждой ему мировоззренчески, хотя и вполне созидательной области. «Научите, как жить иначе», — отреагировал он на предложение психолога перестать соответствовать. На вопрос, как он обращается с деньгами, П. Б. смущенно сказал, что старается от них побыстрее избавиться и тратит без удовольствия. Заработав деньги, он тотчас же отчуждается от них. Его радует, что им радуется жена.

Материальная сторона жизни, как вещная, так и плотская, его волнует мало. Дом у них есть (заработанный самими, без помощи родителей), машины ему безразличны, но он время от времени меняет их, чтобы порадовать жену. В пище консервативен, в сексе, видимо, непритязателен. Однако любит спорт, и вообще, культура и эстетика тела значат для него много — так, он гордится своей внешностью, которую, как и многое в жизни, создал и заработал сам.

Круг коллег лично он не близок, хотя П. Б. ни о ком не отзывался плохо; он вообще не использует отрицательных оценок человеческих качеств, а об истинном содержании общения этого человека с другими людьми можно судить только после конкретных расспросов и вполне безоценочных описаний фактов. Дружелюбие — не только личностная, но и профессиональная черта П. Б., которая, по его словам, помогает ему легко договариваться с партнерами и заключать выгодные деловые контракты.

П. Б. очень ценит доверие в профессиональных отношениях и чрезвычайно озабочен тем, что может его потерять. В развитие темы доверия: оказывается, однако (П. Б. не сразу об этом вспомнил), что его основные психосоматические проблемы и страх возникли после того как он, несколько лукавя, проигнорировал одно из условий договора (точнее, истолковал его в свою пользу) и заключил сделку, которая и позволила ему открыть собственное дело. Хотя с того момента прошло несколько лет, и некорректность П. Б. (впрочем, неочевидная и неоднозначная, многие на его месте поступили бы как он, несколько не смущаясь и не задавая себе вопросов) так и не раскрылась, его продолжает мучить чувство вины и страха. Мы обсудили, что можно сделать, для того чтобы загладить возможные последствия некорректности П. Б., при этом не потеряв профессионального лица. Он стал чувствовать себя несколько лучше.

История жизни П. Б., на первый взгляд блестящей, при ближайшем рассмотрении начинается долгим периодом следующих одна за другой травм. В родительской семье сложился типичный психоаналитический треугольник: доминантный, жесткий и успешный, но нечувствительный отец, фемининная, послушная, не выражающая своего мнения мать и П. Б. Его отец — жизнелюбивый человек, и сейчас, несмотря на возраст, полон сил и планов, но отцовские чувства никогда не были у него на первом месте. Он принадлежит к тем типичным представителям властных структур, для которых частное и личное всегда подчинялись общественному. Поэтому П. Б. рос в условиях жесткой материальной, эмоциональной и социальной депривации. Это легко увидеть на графике (рис. 27). П. Б. наказывали жестокими архаичными способами: например, ставили на горшок, надолго усаживали на стул в неудобной позе. П. Б. не очень хорошо учился, и отец позволял себе поднять на сына руку почти до подросткового возраста, пока в некоторый момент подросший сын не ответил ему тем же (депривированность физического тела). Надо отдать должное, отец изменил тактику воспитания и с этого момента стал относиться к сыну с большим уважением.

Однако на протяжении детства П. Б. пережил множество эпизодов необоснованно жестокого отношения со стороны отца, причем мать всегда сохраняла нейтрально-пассивную позицию, никогда не защищая сына. За потерянную в школе варежку (украли мальчишки) его жестоко высекли — поэтому П. Б. с детства видел в собственности скорее бремя и риск лишнего наказания. Игрушек ему почти не покупали из ложного чувства социальной справедливости — чтобы быть наравне с другими детьми из более бедных семей. В некоторый период времени мальчик учился в школе в одной из бывших

	М 2	3							
80									80
		14		14	14				
60	60 50 40 30	10	12	10	10	е	14		60
		6		6	6	4	6		
40	20 10	2		2	2	2	2		40
		-2		-2			=21		
	-10		-4	-6	Н с L				
20	-20	-6	-8	-10	-6-2"			20
0									0

Рис. 27. Профильный бланк П. Б.

республик, не зная местного языка: учителя пригласили для мамы, а не для мальчика. Поэтому ему приходилось играть не с теми детьми, которые симпатизировали ему, а с теми, с кем он мог договориться на русском языке. Таким образом, практически по всем шкалам СПП показатели П. Б. ниже среднего (наименее депривирован он в отношении личной территории: по-видимому, эти границы в семье все же признавались). Похоже, что он так и не приобрел опыта использования бытийных языков самовыражения, и во многих отношениях, несмотря на высокий интеллект, еще ученик: равнодушен к вещам, озабочен собственной внешностью и принимает ее только при условии постоянного самосовершенствования, консервативен в пище, уговаривает и заставляет себя общаться с малоинтересными людьми, будучи интровертом. Оболочка психологического пространства П. Б. слабо используется им для самоподдержания: да и сама эта оболочка, судя по графику, изобилует многочисленными прорежами.

Конечно, происходящее в жизни этого мужчины может быть интерпретировано и психоаналитически. Ему всегда не хватало матери — отсюда такая эмоциональная незащищенность (ведь и женился П. Б.

довольно поздно). Он всегда сравнивал себя с отцом и проигрывал в этом сравнении. Соперничать с отцом ему и сейчас сложно, хотя на уточняющие вопросы потенциально провокационного содержания П. Б. отвечает неохотно и односложно; не позволяет он себе и осуждать мать, стремясь оправдать ее очевидное материнское предательство в детстве. Структура детской семьи этого человека вызывает представление сразу о нескольких архетипах, и можно предположить, что эмоциональное напряжение в семье было нешуточным.

В ходе цикла консультаций стало складываться впечатление, что П. Б. переживает типичный системный кризис середины жизни, связанный с подведением предварительных итогов, вызванный недовольством собственной профессиональной идентичностью и невидением смысла текущего периода своей жизни. Проработка страха привела к воспоминанию о смерти бабушки, которая была чрезвычайно травмирующим событием, и к актуализации проблемы смысла собственной жизни.

Источников радости и самоподдержки у П. Б. очень мало, казалось, что он бессознательно (или осознанно?) себя наказывает за проступок прошлого, осуществляя регрессию к той привлекательной для него культуре, которая славилась аскетичностью. Очевидно, что пусковой конфликт для переживания кризиса имел нравственное содержание, которое могло быть исправлено только нравственными же средствами, некоторые из которых были продуманы в ходе консультаций. В то время этот конфликт выявил незащищенность П. Б., отсутствие ресурсов в его бытии, которые бы оправдывали тот противоестественный для него образ жизни, который он ведет, и недостаточность стихийно-терапевтических средств самоподдержки (при его ипохондричности даже легкая доза алкоголя кажется ему опасной для здоровья). Формируя свое тело, он одновременно насиловал его, потому что при больших спортивных нагрузках ограничивается вегетарианским меню (чтобы не повышался холестерин).

Отчужденность, уход от действительности — все это характеристики депривированного человека, ощущающего свою неуместность в данных бытийных обстоятельствах. Избыточность психологических защит, в силу которых он не может разрешить себе разделить ответственность с другими (в конце концов, и родителями), возможно, компенсирует несформированность границ психологического пространства в детстве и юности. Таким образом, прослеженная нами последовательность нравственный конфликт — экзистенциальный кризис — нарушение бытийного пространства вновь подтверждает идею о том, что человек представляет собой целостную телесно-территориально-психо-экзистенциальную систему, и при сильной нарушенности™ границ пространства саморегуляция этой системы

также оказывается нарушенной: нет того надежного «сектора» психологического пространства, который был бы основой самоподтверждения, и вопрос: «Кто я?», заданный в середине жизни, приводит к субъективному ответу: «Никто».

Очные консультации были остановлены в середине работы по не зависящим от участников обстоятельствам, но продолжены в Интернет-режиме в направлении бытийной самоидентификации. Последняя обратная связь была положительной.

5.3.2.5. История А. А.

А. А. 39 лет, она замужем, мать четверых детей. История ее жизни — это череда испытаний, которые редко выпадают одному человеку. Она росла в семье высокопоставленного номенклатурного работника; достаток на протяжении ее детства существовал всегда, но любви в доме было не много. По-видимому, отношения между родителями были напряженными, хотя восстановить картину сейчас уже трудно. Стилль семейного общения был закрытым, в изобилии прятались «скелеты» в шкафу, «двойные» программы присутствовали постоянно. Тепла было мало, преобладали требующие взаимоотношения и неопределенные инструкции: так, могли жестоко наказать по ничтожному поводу и в то же время практически ни за что не поощряли. Уловить желания взрослых и угодить им было практически невозможно. Позитивных подкреплений почти не поступало, и незначительное и без того честолюбие А. А. угасло совсем. Училась она неважно.

Когда ей было одиннадцать лет, мать погибла в автокатастрофе, и в течение трех лет А. А. растила бабушка — мама мамы. Так и не пережив своего горя, бабушка законсервировалась в своем состоянии обиды и гнева на зятя и весь мир; радость ушла из дома совсем. Спустя три года постоянно находившийся в подавленном состоянии отец, перевоза бабушку с дачи в Москву, попал в повторную аварию и погиб, бабушка умерла несколько дней спустя. В подростковом возрасте А. А. осталась круглой сиротой, пережив за короткий период три смерти близких людей и практически не имея обычного для детей ее возраста ресурса родительской любви, который давал бы ей ориентиры и жизненные силы.

В наших терминах все измерения психологического пространства личности А. А. были депривированы, границы резко нарушались, и до сих пор эта женщина несет следы психологического насилия и сильных эмоциональных травм. Практически на протяжении всего детства и отрочества она находилась в состоянии противостояния взрослым членам семьи: будучи от природы борцом, человеком сильным и жизнестойким, она ни одной позиции не сдавала без боя, по-

этому история ее детства — это история поражений, следующих одно за другим.

А. А. плохо училась — ее наказывали физически, родители могли схватить ее за волосы и бить головой о стол, если она делала домашнее задание не так быстро и хорошо, как этого хотелось взрослым. Она не хотела возвращаться домой из школы, потому что наказывать обычно начинали немедленно, и приобрела привычку подолгу бродить кругами по маршрутам, которые занимали как можно больше времени (и по сей день А. А. хронически не может прийти к назначенному времени — так проявляются рецидивы ее детского протеста против жесткого контроля). Отдельной комнаты у нее не было, но она могла уединяться подолгу с книжкой в туалете, и за это не наказывали. Сейчас она тоже ценит возможность побыть в одиночестве. Ее плохо одевали, хотя средства позволяли выбирать одежду по вкусу, и до сих пор она стесняется покупать себе то, что ей нравится. Она не умеет реагировать на комплименты, потому что похвала и поощрение как явления вообще отсутствовали в семье.

У нее были игрушки, но родители считали, что «баловать» детей непедагогично, поэтому личных вещей у А. А. всегда было мало. Как-то, тайком накопив деньги из тех, что выдавались родителями на 15-копеечные школьные завтраки, она осуществила давнюю мечту: купила игрушечную новогоднюю елку-малютку с крохотными игрушками. Не сумев спрятать своего счастья, да и не чувствуя особой вины, она похвасталась дома приобретением — елку тут же «экспроприировали» и отдали в ближайший детский дом. Другой выразительный эпизод — во время отпускного путешествия на мотоциклах А. А. выронила любимую куклу; мать попросила отца остановиться, но тот не откликнулся. Впрочем, в ближайшем городке они пошли в магазин и купили новую куклу, однако она не могла заменить прежней: та была мягким резиновым пупсом, его можно было кормить, укладывать, ухаживать за ним, а новая кукла была барышней из твердой холодной пластмассы с ручками и ножками, которые не двигались, и ее можно было только наряжать.

Практически каждое утверждение теста вызывало у А. А. комментарий, и хотя все они оказывались для нее травмирующими, в этих комментариях обнаруживалась очевидная валидность созданного нами теста (рис. 28).

Актуальный запрос этой женщины, с которым она обратилась в консультацию, — низкая концентрация внимания и потеря продуктивности. Она с трудом планирует свою деятельность; ей сложно заставить себя что-то сделать к поставленному сроку, она постоянно отвлекается на «факультативные» занятия, по результатам которых

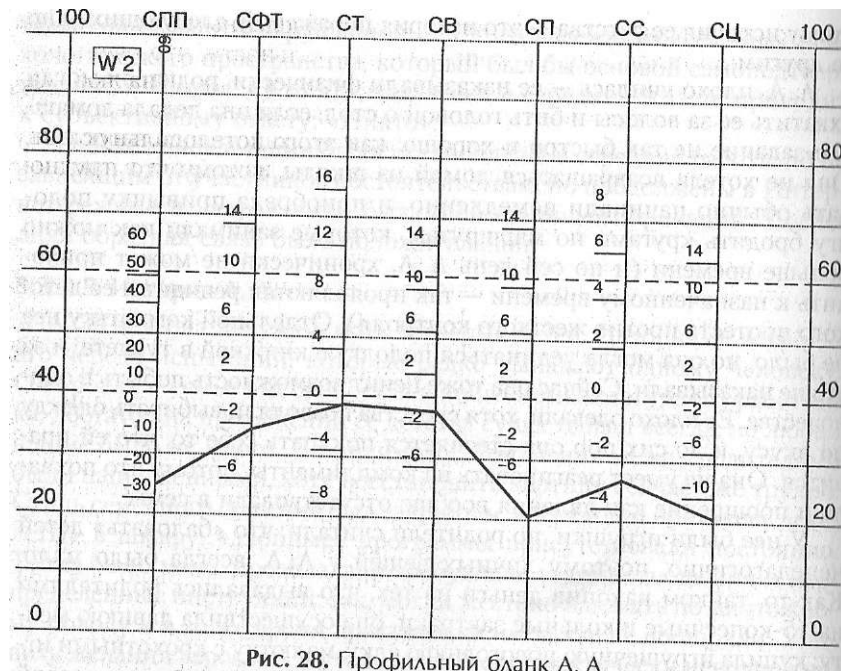

Рис. 28. Профильный бланк А. А.

она не обязана никому отчитываться, и бессознательно сопротивляется любому упорядочивающему воздействию извне.

В ходе работы проявилась мозаичность структуры личности А. А.: с одной стороны, ей присуща такая черта личности как виктимность, она доверчива, позволяет собой манипулировать и, даже видя козырные цели своих партнеров по общению, не всегда может от них защититься. С другой стороны, у нее в сложных ситуациях обостряется инстинкт самосохранения, следуя которому она не раз избегала серьезных неприятностей. Иногда у нее также проявляются особые психические способности. А. А. склонна к углубленному самоанализу, она доверяет психотерапии, особенно ее психоаналитическому и гуманистическому направлениям, выделяя среди прочих психологов К. Хорни и И. Ялома.

А. А. — удивительно яркая личность и не поддающийся типологизации человек. Она обладает сильной интуицией, чувствительна к подлинности человеческого существования и обладает мощным потенциалом личностного развития.

Сейчас А. А. — любящая мать; она хорошо относится к жизни в различных ее формах — любит растения, ухаживает за животными, в ней

много сочувствия и понимания к людям, обделенным в жизни. Она совершенно незлопамятна и лишена мстительности, что очень располагает к ней. К счастью, ее жизнь сложилась удачно. Она любимая жена, у нее интересные дети, и, хотя она во многом сама «заработала» свое благополучие, склонна переживать экзистенциальную вину за свои привилегии в жизни перед теми, кто находится в трудном положении.

Проанализируем историю этого нетривиального случая в терминах психологического пространства. Очевидно, что А. А. — человек с нарушенными границами личности, несущий следы многочисленных деприваций и вторжений. На протяжении детства и юности она, в сущности, никогда не имела того, чего хотела и заслуживала. Общий показатель СПП близок к минимальному, «сиротскому», отмечающемуся у детдомовских детей. Единственный находящийся на границы нормы показатель — суверенность территории. Ниже нормы расположены показатели суверенности тела и вещей (вспомним физические наказания и отсутствие права на личную собственность), намного ниже нормы, в зоне травмированности — показатели суверенности привычек (отсюда — сложности организации временного распорядка), социальных связей (личных друзей не было, все знакомства инициировались и затем контролировались родителями) и ценностей (значительное понижение которого свидетельствует о переживании отгороженности, непонимания окружающими, аутистического одиночества).

5.3.2.6. История Г. III.

Г. Щ. 29 лет, это тревожная, подавленная, импульсивная женщина, очень сенситивная и диалогичная. По всей видимости (и это подтвердилось впоследствии), привыкла во всем рассчитывать только на себя, и очень боится — это можно назвать девизом ее жизни — что она не сможет расплатиться. Она заранее подробно узнает о стоимости и условиях консультаций, рассчитывает, может ли она себе их позволить. Работает, естественно, продуктивно, потому что очень мотивирована. В ее жизни были счастливые события, которые она рассматривает как подарки, — у нее есть покровительница, которой Г. Щ. очень предана и считает себя обязанной всем лучшим в своей несчастливой и тяжелой жизни. Она исключительно благодарна, нравственная и обладает большим чувством собственного достоинства.

Вопрос, с которым она обратилась к психологу, касается ее отношений с двухлетним сыном, которого растит одна. Однако сына она привести не смогла, и потому консультация плавно перешла на те особенности личности Г. Щ., которые и делают ее страдательным лицом во многих жизненных обстоятельствах, в том числе и с сыном.

Краткая история жизни Г. Щ. такова. Она родилась в небольшом провинциальном городе. Она первая из трех дочерей в семье. Мать - женщина эмоционально холодная, шизоидная. Отец, напротив, эмоционально теплый, импульсивный, легкомысленный, с сильным «внутренним ребенком». Непонятно, была ли она желанным ребенком, известно лишь, что в любом случае ждали мальчика, и потому Г. Щ., как впоследствии и ее младшим сестрам, дали бесполое имя. Это, возможно, сказалось на судьбе девочек: одна из них одинока, другая живет в лесбийском браке. Похоже, что эта женщина до сих пор испытывает чувство вины из-за того, что оказалась «не того» пола, и считает себя ответственной за развод родителей. Родители жили недружно, и в конце концов отец ушел из семьи к молодой женщине.

Жизнь Г. Щ. — это череда несчастий, и непонятно, какое из них можно назвать первым. В раннем детстве она переболела тяжелым отитом, в результате чего пострадала барабанная перепонка, и она оглохла на одно ухо. В восемь лет пыталась покончить с собой. В 11-летнем возрасте перенесла гинекологическую операцию, которая была чрезвычайно травмирующим событием: все население маленького города было в курсе ее пребывания в больнице, и злые языки утверждали, что Г. Щ. сделала аборт. Опровергнуть это мнение было невозможно. В 17-летнем возрасте была изнасилована подростками из соседнего двора, боялась пожаловаться, не доверяла матери, и в результате справедливость так и не восторжествовала, а Г. Щ. получила еще одну метку жертвы (рис. 29).

В семье все и всегда решала мать. Отец был моложе ее на пять лет, и мать была беременна ею когда он ушел в армию. С четырех месяцев Г. Щ. воспитывалась в яслях. По ее словам, всю жизнь мать требовала от отца ежедневных подвигов, и он устал соответствовать. Женщина обладает выраженным отцовским комплексом, любит отца и идеализирует его. Возможно, это и определило выбор ее избранника (отца ребенка), который был почти в два раза старше ее. Не совсем понятно как, но их отношения стали складываться таким образом, что у него перед Г. Щ. с самого начала не было никаких обязательств, он сразу же объявил ей о неготовности к официальному браку и отцовству, но она сама приняла решение о ребенке, освободив возлюбленного от моральной и материальной ответственности. Беременность протекала тяжело, Г. Щ. подолгу пребывала в депрессивном состоянии, врачи не прогнозировали при плохом состоянии ее здоровья ничего хорошего и уговаривали сделать искусственные роды. Г. Щ. приняла решение родить ребенка не раздумывая, отнесясь к сыну как к подарку.

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	100
	W2j							
80							mu'j	80
			16			8		
	60		12	14	14	6	14	60
60		10						
	40	6		6	6	2	6	
	30							
40	20	2		2	2	0	2	40
	To							
	тг	-2		-2		-2	-2	
	-10		-4					
	-20	-6			-5			
20	-30		-ffs			-4	-10	20
0								0

Рис. 29. Профильный бланк Г. 111.

Вообще эта клиентка вызывает восхищение и удивление своей необычайной, в контексте ее биографии, нравственностью и жизнестойкостью; непонятно, каковы ресурсы этого мироотношения, при том что Г. Щ. с самого начала была нелюбимой, во многом обделенной девочкой, непонятно, как смогли проявиться архетипы в той психологически и эмоционально зашумленной обстановке, которая характеризовала ее социальную ситуацию развития. Очевидно, что эта женщина — воплощение экзистенциальной вины. Одно из упражнений в работе с этим переживанием состояло в том, что Г. Щ. пыталась поразмышлять о том, что она своим появлением дала матери (оказалось, к ее удивлению, что очень немало). Вообще же ее часто на протяжении жизни использовали и манипулировали ею, и биографические события укрепляли ее бессознательную убежденность в том, что только так с ней и нужно поступать.

Г. Щ. не удалось получить высшего образования, она работает парикмахером. Она очень хороший профессионал, и потому востребована: она соглашается на выездную работу, приспосабливает режим жизни к требованиям клиентов и назначает не очень высокие цены, поэтому ее охотно рекомендуют. Именно работа способствовала

ее встрече с женщиной, которая стала впоследствии для нее идеалом и много помогала в трудных жизненных ситуациях. Похоже, что эта покровительница, о которой Г. Щ. рассказывала много хорошего, и стала основным ресурсом психологической поддержки, а одновременно — духовной наставницей. В этой женщине, несомненно, повезло, потому что при ее несчастливости и высокой зависимости от жизненных обстоятельств (мать-одиночка, живущая в неродном городе и не очень много зарабатывающая), конечно же, существовал риск зависимости небезопасной. Геносоциограмма клиента показывает, что у женщин из их рода никогда в обозримом прошлом не было счастливой семьи, единственный успешный образец семейной жизни, который наблюдала Г. Щ., — это ее покровительница.

Клиентка считает себя человеком талантливым, но не разбуженным, она чувствует в себе многие способности, и, когда позволяют обстоятельства, старается учиться на каких-нибудь курсах.

Профиль СПП, построенный по ответам Г. Щ., показывает, что она глубоко депривирована по всем измерениям: ее бытие характеризуется бездомностью (она действительно живет на снимаемой квартире в Подмоскowie), телесной несостоятельностью (ей не хватает здоровья и чувства женской привлекательности), отсутствием удобных личных вещей (Г. Щ. не разрешает себе этого из экономии, в первую очередь тратя деньги на содержание сына), неустойчивым режимом и несложившимися привычками (зависимость от вызова клиентов), отсутствием надежной социальной поддержки (единственная покровительница живет в основном за рубежом, несколько раз в году посещая Россию, сестры не помогают) и неустойчивостью ценностей, среди которых, впрочем, преобладают общечеловеческие. Очевидно, что выросшая в шизогенной обстановке Г. Щ. и сама относится к сыну отчужденно, обеспечивая его существование, но не получая от общения с ним эмоциональной радости и не давая радости ему. Их отношения характеризовались в основном усталостью и раздраженностью. Человеку, который мало имеет, нечем поделиться. Поэтому психологическая поддержка началась с определения тех бытийных средств, которые радуют клиентку и не требуют разрешения ими пользоваться. Работа продолжалась с изменением эмоционального состояния Г. Щ. в направлении усиления ее материнского чувства (которое было к моменту начала работы достаточно формальным), способности договариваться с сыном, с няней сына и построения позитивных жизненных перспектив.

К сожалению, история работы с данным клиентом демонстрирует, что психологическое консультирование — это искусство возмож-

ного: спустя некоторое время после условного окончания работы Г. Щ. поделилась по телефону своим огорчением по поводу того, что ребенок (которому было уже четыре года) задушил подаренную ему морскую свинку, при этом объявив, что ему несколько ее не жалко. Г. Щ. была вне себя от жестокости сына. Ей было рекомендовано посоветоваться с детским психиатром. Но в целом депрессивный фон настроения стал отступать, и эта женщина постепенно обрела некоторый оптимизм.

5.3.2.7. История П. А.

П. А. 39 лет обратился в консультацию также по рекомендации коллеги, нашей бывшей клиентки, в остром состоянии предразводного кризиса (насколько мы его могли диагностировать). Для нас поучительность его истории состоит прежде всего в том, что иллюстрирует один из типичных способов проживания кризиса середины жизни достаточно суверенным мужчиной, к тому же мужем зрелой и также суверенной, но, по-видимому, малофемининной и эмоционально холодноватой женщины. Это один из несчастных в нашей практике случаев консультирования супружеской пары, хотя и происходило оно в нетрадиционной манере: супруги приезжали по очереди, потому что в семье рос третий маленький ребенок. К сожалению, не удалось получить профильный бланк СПП для жены П. А., поэтому можно дополнить информацию, которую мы собрали, только результатами консультативной беседы.

П. А. — мужчина природно красивый, однако в консультацию он пришел в ужасном состоянии: уже по пути на встречу с психологом у него поднялось давление, и он оказался в малоработоспособном состоянии. По его словам, у него часто сейчас болит голова, потому что он переживает трудный период жизни и много пьет.

Трудности были действительно нешуточные. Но для начала необходимо очертить контекст жизненного пути П. А., о котором он рассказывал не очень охотно, хотя многие события характеризуют его с достойной стороны. Вообще, располагала к себе честность этого мужчины, который признавался в нелюбимых мыслях и решениях и не допустил ни одной негативной оценки в сторону своих близких, причастных к обсуждаемым событиям.

П. А. — второй сын в академической семье. В настоящий период (который продолжается уже достаточно долго) он — основной кормилец: родители немолоды, старший брат — ученый-исследователь, который не может зарабатывать на своем поприще и охотно принимает хроническую материальную помощь младшего брата. Жена П. А. — также научный сотрудник. Поэтому П. А. вынужден очень

много работать в бизнесе, требующем инженерного образования (ко торое у него имеется) и многочисленных командировок.

История жизни П. А. вполне отвечает идее Х. Ортеги-и-Гассетл о том, что только наличие ограничений, которые преодолеваются че ловеком, делают последнего благородным. Действительно, типичная динамика жизни П. А.: неожиданная трудность — испуг и принятие - мобилизация усилий — преодоление. В общих чертах эта схема по- вторяет динамику успешного развития стресса Г. Селье, хотя роль П. А. в семье — это «нытик» и пессимист. Тем не менее, он принима- ет на себя все основные заботы, будучи фактическим отцом очень разветвленного семейства, и лишь начинает со смущением склонять- ся к мысли о том, чтобы слегка ограничить материальную помощь брату. Сам клиент чувствует глубокую усталость. В жизни П. А., ко- торую он оценивает как весьма благополучную и успешную, было немало значительных событий и решений. После третьего курса вуза, в котором учился также и его старший брат и где занимал достаточ- но высокую должность отец, П. А. забрали в армию. Он спокойно принял это событие, но, когда вернулся из армии, оказалось, что любимая девушка не дождалась. Это предательство до сих пор но вполне пережито им.

В тот же момент, находясь в очень расстроенных чувствах, он принял эмоциональные инициативы своей будущей жены, и они поженились. Ответственность за создание семьи по умолчанию при- надлежит жене. В настоящий момент они женаты почти двадцать лет. У них две дочери; решение о том, чтобы «завести» ребенка, при- нималось всегда женой. Три года назад у друзей драматически погиб сын, жена П. А. приняла все произошедшее близко к сердцу и начала выходить из тяжелой депрессии, только когда было принято совмест- ное решение родить сына в память о погибшем мальчике. Сын не сразу, но родился. Однако влечение П. А. к жене за время, связанное с его зачатием и рождением, угасло совсем. Оно и раньше было не- стойким: по словам П. А., основа женственности его супруги — уме- ние очень хорошо готовить и рожать детей, ее эротические способно- сти оставались неразбуженными. Мужчина пытался изменить стиль ее женственности, например, поощрял ее к нарядам, дарил брилли- анты. «И куда мне в них ходить, по кухне, что ли?» — раздражалась на такие подарки жена. «Одежда должна быть практичной». Таким образом, нельзя сказать, что продолжительная семейная жизнь П. А. всегда была отмечена пониманием и радостями, скорее это была че- стная добротная выполняемая работа. По словам его жены М. (яркой женщины экзотичной внешности, но замученной и раздраженной),

все решения принимались всегда ею, и все будет так, как хочет она, и вообще она живет всегда в радость, потому что не нытик и не зануда, как «некоторые». Эта женщина действительно мужествен- ный человек, она бесконечно предана семье, отдается материнству со всей страстностью (возможно, потому, что сама рано лишилась мате- ри, — это обстоятельство объясняет во многом и ее женскую негиб- кость, поскольку ей не у кого было учиться). Вообще, М. произвела впечатление сильной, ресурсной личности, сознание которой, одна- ко, сейчас сильно заужено, что может оказаться критичным для ее семейного положения. Она не распознавала теневой стороны лично- сти своего на первый взгляд послушного мужа, у которого за время «работы» в семье накопилось множество нереализованных потреб- ностей. В результате беседы с супругами открылось, что основа их бытийной общности — это «диетическая идентичность», все же осталь- ное у них различается: разное представление о домашнем уюте, о сек- суальном темпоритме, об эстетике внешности, одежды и личных ве- щей, кроме того, им нравятся разные люди и разные книги. Склеивают семью только дети (рис. 30).

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	СЦ	100
	М 2							
80								80
		14		14	14			
60	60 50	10	12 ~8~	10	10	6	14 Д	60
	40 30	6		6	6	4	ТГ~	
40	20 10	2	0	2	2	2	2	40
	-10	-2	-4	-6	-2	0	-2	
20	-20	-6	-8	-10	-6	-Г		20
0								0

Рис. 30. Профильный бланк П. А.

Во время командировок П. А. случалось изменять жене, но, по его словам, не происходило ничего серьезного: своим случайным подругам он сразу объявлял, что глубоко женат и любит жену с детьми. Поэтому никакой угрозы для семейной жизни эти эпизоды не представляли, жена ими не интересовалась. Однако сейчас с ним произошло нечто иное: в очередном далеком городе он встретил молодую женщину и, похоже, по-настоящему влюбился. Ему нравится в ней все: ее понимание, нескритичность, жизнелюбие, а главное — послушание (она, как настоящая женщина, любит говорить ему, что все будет так, как он захочет: хочет — будет приезжать к ней, хочет — оставит ее, хочет — она родит ему ребенка). Как верно отметил С. Горин, фраза «Я рожу тебе ребенка», которой можно только отпугнуть поклонника до 35 лет, после 35 становится прочным якорем. Все эти качества отсутствуют у жены. Сам П. А. говорит, что сейчас его нельзя провоцировать и склонять к выбору: сейчас, подчеркивает он, все преимущества на стороне подруги. Поэтому давить на него (а именно это и было основным способом воздействия честной, но излишне прямолинейной супруги) сейчас нельзя.

Обратимся к профилю СПП. Все показатели повышены, особенно показатель привычек, маркер свободолюбия человека. П. А. не придавлен, он переживает возрождение, он не жертва а, возможно, впервые в жизни — автор собственной жизни. Те подстройки (возможно, интуитивно искренние), которые использует его подруга, бьют безошибочно в точки его былой депривации, — и он расправлен. Сопоставив информацию, поступившую от обоих супругов, подкрепленную тестом СПП, я заключила, что М. недооценивает серьезность положения, и стала работать с обоими в направлении усиления авторства, подкрепленного чувством тендерной идентичности. Гипотетическая модель оптимизации взаимодействия супругов состояла в том, чтобы ослабить излишнюю самоуверенность и смягчить прессинг со стороны М., а П. А. — научиться не терпеть принимаемые в обход его воли решения, а открыто предъявлять свои желания. Опорой для работы было противоречивое намерение П. А., с одной стороны, пожить на два дома, с другой стороны — уверенность в том, что он вернется в семью, но должен прожить и пережить период влюбленности. Складывалось мнение — мужчине необходимо осуществить это решение, чтобы восстановить свой статус в семье, освободиться от излишней покорности и ощутить чувство авторства (все прежние семейные решения, по словам обоих супругов, принимались только М.). На наш взгляд, мужчина, не получивший такого опыта, когда он остро востребован, не сможет продуктивно пройти через кризис середины жизни. В то же время казалось важным дать понять М.,

что сейчас время вести себя иначе — не игнорировать события в жизни мужа, а принять их во внимание иотреагировать не по-мужски, как обычно, а по-женски (слезами, просьбами, смирением).

В момент обсуждения этой темы работа с парой оказалась завершена, и дальнейшее развитие событий неизвестно (хотя с высокой долей вероятности оно произошло распространенным травмирующим способом: П. А. живет на два дома, но тайно и с чувством вины перед семьей, а М. делает вид, что ничего не происходит, и манипулирует бессознательно возникающим чувством вины у отца, изменяющего семье с тремя детьми).

5.3.2.8. История С. Л.

С. Л. 39 лет, она обратилась в консультацию в состоянии тяжелого личностного кризиса, сопровождающегося вспышками агрессии и впадением в депрессию. Женщина производит впечатление изнуренного, но одновременно и агрессивного человека. В состоянии упадка это неяркая рыхловатая женщина. В моменты озарений она очень молодеет и становится привлекательной (сама она считает, что выглядит молодой девушкой). Формулируя свой запрос, С. Л. охарактеризовала себя как человека ненормального, которому нужен не психолог, а психиатр. Однако попытки направить ее к психиатру частным образом без формальной фиксации визита были отклонены. Позже выяснилось, что с психиатром она уже общалась, но тот счел ее трудности относящимися к компетенции практической психологии. Тем не менее С. Л. часто повторяет, что таких людей, как она, вообще не бывает, и что психолог, наверное, таких тоже никогда не встречал. Уверения в собственной исключительности перемежаются слезами и сожалением о том, сколько несчастья она принесла близким. Эта противоречивость состояний, мнений и поступков встречается в общении с С. Л. постоянно. В процессе консультативной работы клиентка не всегда соблюдает дистанцию, часто срывается на использование ненормативной лексики.

Актуальная ситуация и жизненный путь С. Л. действительно тривиальны. С 20 лет она живет в лесбийском браке с девушкой тремя годами моложе себя, которая к началу их общения была еще школьницей, подростком из очень неблагополучной семьи (по словам С. Л., без нее девушки сейчас вообще бы не было на свете). К началу их связи у клиентки был сексуальный опыт с мужчинами, не травмирующий, но и не привлекательный. Были также и связи с женщинами. С подругой они сразу же нашли друг друга, поступили в один вуз (не по выбору С. Л., но с ее согласия) и закончили его. Затем ее подруга нашла работу и сделала вполне успешную карьеру, а С. Л.

все это время вела домашнее хозяйство и руководила поступками своей НОДруги, человека, по ее словам, малоадаптированного и непрактичного. Таким образом, С. Л. занимает по отношению к подруге одновременно и роль матери, и роль мужчины. В течение многих лет они были исключительно близки, читали одни и те же книги, часто вслух, досуг в основном проводили дома. Подруга С. Л. любит путешествия, и время от времени они уезжали за границу.

В процессе беседы выяснилось, что С. Л. в течение 12 лет была запойным алкоголиком, после кодирования прекращала пить, но не надолго. Сейчас не пьет уже почти год. Однако, выйдя из состояния опьянения, она увидела свою жизнь с иной стороны. Ей открылось, что подруга, в общем, бессознательно подталкивала ее к пьянству и нередко изменяла ей (скорее всего, с мужчинами, но, возможно, и с женщинами тоже). Между ними стали происходить частые скандалы, сопровождающиеся угрозами разрыва со стороны подруги С. Л., после чего последняя обычно просит прощения, и они примиряются. Сцены происходили и раньше, клиентка предпринимала две попытки суицида, по ее словам, «театрализованные». Однако покоя в жизни С. Л. нет: что будет, если подруга все же уйдет, представить она не может. Раньше она хотела взять на воспитание ребенка, но сейчас опасается, да и социальное положение ей этого не позволяет. Профессию свою она не любит и с трудом представляет, что сможет ею себя прокормить. По словам С. Л., у нее в жизни ничего нет и уже не будет.

Сейчас они живут втроем: С. Л., ее пожилая мама, которая подругу дочери не любит, хотя и не понимает сексуального смысла их отношений, и подруга, которая всю семью содержит. В течение последних лет С. Л. не дают покоя раздражающие попытки соседей ее «выселить»: они постоянно (причем на обеих квартирах, у мамы и у себя) стучат по потолку в самое неподходящее время, в три и пять часов утра, заливают квартиры водой. У С. Л. сложилось впечатление, что ее хотят лишить квартиры, которая завещана благотворительному религиозному обществу. Клиентка имеет родственников, но отношений с ними не поддерживает. Вообще, ко всем прочим ее заботам прибавилось подозрение, что родственники, в том числе и близкие, охотятся за ее квартирой. Скорее всего, это паранойяльные фантазии, проявившиеся как один из побочных результатов выхода из алкоголизма, однако возможно, что основания подозревать близких у нее есть. С. Л. вообще очень подозрительна, избегает давать любую информацию, по которой ее можно было бы найти. Однако легко поддается рациональному разубеждению. Возникает впечатление, что близкие могут быть действительно заинтересованы

в том, чтобы поддерживать ее в состоянии нездорового напряжения. В то же время она производит, однако, впечатление человека с большим жизненным ресурсом, способного на неожиданные творческие решения, и уязвимость сочетается в ней с избыточными (в частности, паранойяльными) защитами и стремлением устанавливать сверхконтроль над обстоятельствами своей жизни.

История жизни С. Л. такова. Она родилась в рабочей семье далеко от Москвы. Мама доминировала и была старше отца, который занимал в семье роль ребенка и вел себя легкомысленно. Мать ему все прощала, других мужчин у нее никогда не было и не возникло позже. Беременность мать С. Л. переносила легко. Когда она была в роддоме, уборщица, проходя мимо, заметила, что роды начались, что уже показалась головка ребенка, и посоветовала срочно бежать в родильное отделение, что мать С. Л. и сделала. Головка ребенка втянулась назад в матку, и после этого роды пришлось стимулировать, а ребенка «выдавливали полотенцем». Родилась девочка вся как большой синяк и долго не могла владеть своим телом. И хотя на жизненный путь С. Л. влияло множество факторов, интерпретируя эпизод ее рождения, трудно устоять перед соблазном заметить, что и во взрослой жизни С. Л. очень часто поступает согласно этой перинатальной модели: она предпринимает некоторые действия, а затем осознанно или бессознательно словно отменяет их.

Отец ждал только мальчика, и появление девочки его разочаровало. Спустя пять месяцев матери показалось, что ее молоко неодинаково по жирности, и она стала кормить девочку только одной грудью, что привело к острому маститу. Мать положили в больницу; в это же время отец их оставил. Таким образом сформировался другой существенный образец поведения С. Л., стимулируемый чувством вины.

Девочка росла, мать работала, а воспитывала ребенка старая бабушка, которая разработала «авторские» методы воспитания ползющего младенца: чтобы девочка не уползала, бабушка ее крепко привязывала к стулу или какому-нибудь еще предмету мебели, а когда все же ей удалось, взрослая, отвоевать свой кусок свободы, то, чтобы она не убегала, бабушка догадалась колоть ее иголкой, предвосхищая попытки бегства. Заметим, что именно на протяжении младенчества у ребенка осуществляются первичные идентификации с собственным телом, первым личным пространством (на протяжении вытянутой руки) и вещами, до которых ребенок может дотянуться. Можно предположить, что эти идентификации произошли в искаженной форме и соответствующие измерения личностного пространства не сформировались.

Домашняя педагогика сработала: С. Л., по ее словам, до 6 лет была абсолютно послушной девочкой (а именно в этом возрасте, по Э. Берну, и формируется на основе родительского программирования сценарий человека). Но ощущение «связанности», «привязанности» и страх перед активными телодвижениями отмечаются у нее на протяжении всей жизни.

Позже она закончила школу и приняла решение во что бы то ни стало перебраться в Москву и получить собственную квартиру. Это ей легко удалось посредством заключения брака (С. Л. считала его формальным, а муж — действительным, и, по словам женщины, отпускать ее неохотно). Но влечения к мужчинам у нее не было никогда.

Обратимся к анализу данных опросника СПП (рис. 31).

	W 2	1							
80									80
			16			8			
60	60 50	10	12	14	14	6	14		60
	40 30	6		/6	6	4	10 6		
40	20 10	2	0	/	2	0			40
	10 0	-2	-4	-2	-2	-2	-2 -6		
20	30	-6	-8		Я Г	-4	-10		20
0									0

Рис. 31. Профильный бланк С. Д.

Первое, что обращает на себя внимание — это в целом благополучная картина показателей: профиль расположен в основном в рамках коридора средних значений. Это говорит о том, что в общем С. Л. сейчас считает себя автором собственной жизни, принимает решения сама и не испытывает давления со стороны окружающих, скорее

избыточно контролируя их. И действительно, она ответственна, а ее запрос во многом может быть охарактеризован как психотический, а не невротический: как изменить других людей и жизнь, как заставить их подчиняться и т. п. С. Л. не ощущает себя жертвой обстоятельств. Она честно говорит о том, что «не родился еще тот, кто может меня обмануть». Но это — уровень осознания. Бессознательные следы физического и пространственного насилия проявляются в нарушенных сегодня переживаниях собственной телесности и территории — на границе низких значений расположены показатели суверенности тела и территории. Именно поэтому у С. Л. отмечаются две страсти — любовь к подруге (а раньше еще и разрушающий тело алкоголизм) и стремление во что бы то ни стало обезопасить свое квартирное благополучие. Обе страсти компенсаторны: С. Л. глубоко амбивалентна в любви: с одной стороны, часто унижает свою подругу, с другой — чувствительна ко вполне невинным плотским ласкам. Примечательно, что строго по К. Г. Юнгу выход из алкоголизма ознаменовался у клиентки решением провести в обеих квартирах ремонт.

Квартира для С. Л. — самая большая материальная ценность. Но уединения и чувства приватности у нее нет, всегда кто-то находится рядом, а ремонт и благоустройство дома она старается поручить подруге. Так что сказать, что у них существует теплое, надежное гнездо, тоже нельзя.

Показатели остальных шкал благоприятны: они говорят, что никто не ограничивал С. Л. в области ее личных вещей, которые не очень важны для ее самоощущения, что она сама устраивает распорядок дня, будучи к этому чувствительной (и действительно, показатель СП высок, а С. Л. совершенно свободна в своих привычках). Показатели личной суверенности в области социальных связей и привычек несколько ниже среднего, но все же расположены в пределах нормы. В самом деле, С. Л. не страдала от одиночества или отвержения, а ее жизненная позиция и мировоззрение в общем уважались близкими. Религия, идеология для этой женщины значат больше, чем вещный мир. Поскольку именно эти измерения психологического пространства у нее и оказались наиболее развиты, по-видимому, на них можно опираться в процессе управления психотерапевтическим самопознанием С. Л.

Итак, попытка применить теорию психологической суверенности в практической психологии открыла новые перспективы анализа сложных жизненных ситуаций. Хотя понятно, что предложенная нами интерпретация может быть оспорена или дополнена другими подходами, все же у автора осталась стойкая уверенность в том, что нащупан

очень тонкий механизм диагностики, понимания и гармонизации отношений человека с миром с использованием его собственных онтологических языков самовыражения.

На протяжении всего исследования я вновь и вновь убеждалась в точности и метафоричности средового описания личности. Совершенно очевидно, что если ребенок страдает от отсутствия игрушек или потери любимой куклы, его страдание не только об игрушке как материальном объекте или артефакте, его страдание — о том, что, у него нет права попросить, чтобы ему подарили ту, любимую, и нет надежды, что когда-нибудь это произойдет. Таким образом, через простые бытийные эпизоды мы диагностируем содержание диалога человека и мира, определяем меру его доверия миру, обнаруживаем временные моменты расбалансировки и те языки, посредством которых человек приобрел свои травматические импринты.

И потому, когда взрослый человек вспоминает о потерянной кукле и продолжает по этому поводу переживать, — совершенно очевидно, что это перенос из детства на настоящее, что это сейчас он чувствует себя ребенком, у которого отняли игрушку. Или как взрослый, о котором все знают, что в детстве у него отнимали куклу, и что именно так и следует с ним всегда поступать¹.

На наш взгляд, даже сложные экзистенциальные и нравственные проблемы, присущие личностно развитым субъектам, все же редко заявляют о себе напрямую, стремясь метафорически выражаться посредством акмеологически нейтральных средовых языков. Можно предположить, что это культурная особенность западного человека, в смятенье чувств обращающегося к разным формам естественной психотерапии — сексу, кулинарии, шопингу, новым знакомствам, путешествиям, что предполагает актуализацию языков телесности, артефактов, общения, территориальности. Все они эффективны. Западная культура потребления вообще предполагает тесную, даже избыточную, идентификацию человека с его средой.

Однако легко представить себе, что для продвинутого в аскезе христианина или даоса в сложной ситуации было бы достаточно молитвы или медитации.

Если аскеза не становится профессией, на наш взгляд, человек естественно может поддерживать диалог как с земным, так и с небес-

ным. При этом категория психологического пространства обладает очевидной эвристичностью для понимания экзистенциальных проблем: именно ограниченность времени и места земной жизни, сроков пользования своим психологическим пространством, и ставит человека перед необходимостью его обустройства и защиты.

В будущем хотелось бы развить идею связи суверенности с духовно-нравственным развитием (в частности, моральным сознанием), возможно, с привлечением групп профессий альтруистического содержания.

¹ Мы сейчас сознательно откладываем на будущее обсуждение очень важной проблемы «упругости» психологического пространства и тех бессознательных самопрезентационных посланий, которые дают понять окружающим, как с субъектом следует обращаться. В частности, как депривированные личности провоцируют отношение к себе как к объекту внедрений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, пора подвести итоги.

Для обоснования и изучения основного понятия нашей книги нужно было проделать предварительную работу, суть которой заключалась в том, чтобы показать, что человек отождествляет себя не только с ментальным, но и с теми объектами условно «внешнего» мира, которые приобретают индивидуализированное значение в контексте его персонального бытия. Объекты эти могут быть как природными, так и созданными людьми (артефактами) — главное для наших дальнейших рассуждений состоит в том, что они всегда представляют собой послание от кого-то кому-то, иногда бессознательное, иногда не расшифрованное до конца, но у них всегда есть смысл. Любое манипулирование этими объектами также обладает смыслом самоподтверждения и самопрезентации человека, который выходит далеко за пределы утилитарного толкования повседневного бытия.

К сожалению, средовое, бытийное поведение, когда-то считавшееся определяющим для сознания, оказалось несправедливо забыто и вытеснено из круга персонологических проблем. Между тем оно всегда несет отпечаток культуры, всегда подразумевает диалог с миром, в процессе ведения которого человек и проявляет свое авторство. Те объекты, которые в зависимости от индивидуальных потребностей входят в этот круг, составляют психологическое пространство — невидимую окружающую человека оболочку, включающую разнородные, взаимопревращающиеся и означающие друг друга сущности: телесность, территорию, личные вещи, социальные¹ связи, вкусы и ценности, а также временной режим пользования всем этим. Человек присваивает эти объекты в процессе диалога с миром; все эти сущности, тесно срастающиеся с их носителем, наделяют его свойством субъектности. Иначе говоря, человек как субъект без своего психологического пространства невозможен.

Поэтому личность нуждается и стремится сохранить целостность своих границ (иногда физических, иногда — ментальных), проходящих таким образом, чтобы включать все значимое для самоподтвер-

ждения и саморазвития. Качество этих границ может быть различным: суверенность соответствует полюсу сохранности, депривированность и травмированность — полюсу разрушенности. Главное для суверенного человека — аутентичность и плотность его бытия, в котором каждое явление и событие «обслуживают» смысл существования данного субъекта, и потому никчемных или чуждых сущностей в нем нет.

Я постаралась с привлечением материала из разных областей знания показать, что личностная суверенность — жизненно необходимое для человека явление, что он страдает от ее недостатка и при ее отсутствии влачит неполноценное существование. Для того чтобы сделать эту мысль более убедительной, я использовала приемы естественнонаучного, гуманитарного и клинического подходов в психологии, а также внепсихологическую информацию. Выбирая между разнообразием и последовательностью, я предпочитала первое.

Поэтому в стремлении рассмотреть анализируемое явление со всех сторон я использовала различные методы и приемы: опросы, наблюдение, беседу, консультирование, нарративы. И в результате что-то было проиллюстрировано, что-то доказано, а что-то обнаружено впервые.

Автору видится, что выполненная работа обладает определенным общеметодологическим, теоретическим и методическим значением.

Общеметодологическое значение состоит в том, что предпринята попытка интеграции эклектичной научной базы современной психологии личности вокруг стержневых категорий субъекта и его психологического бытия.

Теоретическое значение заключается в том, что впервые предложена теория психологической суверенности, объединяющая субъектный и средовой подходы, которые до сих пор развивались на разных проблемных «территориях»: суверенность изучалась в психологии личности гуманистического и экзистенциального направления и толковалась в основном интрапсихологически, а психология среды сосредоточивалась на объективных проявлениях территориальности и установления социальной дистанции без должного внимания к внутреннему миру субъекта.

Еще одно направление интеграции проявилось во встречном движении в рамках исследования теоретической и практической психологии личности: впервые макроаналитический метод был применен не только на методологическом, но также на теоретическом и методическом уровне. В основу нашего анализа личности положено выделение в качестве единицы психологической ситуации; этот подход реализован последовательно вплоть до разработки авторских методов исследования.

Значительной новизной обладают и полученные в ходе исследований результаты. Изучение генезиса психологической суверенности выявило средовые факторы, по отношению к которым человек особенно сензитивен на разных стадиях жизненного пути, а также тех субъектов, которые могут рассматриваться им как потенциальный источник угрозы суверенности.

Теория психологической суверенности расставляет новые акценты в исследованиях идентичности и межличностных дисгармоний. Впервые полученные результаты открывают новые перспективы на учных исследований в области возрастной и семейной психологии, а также в психотерапии межличностных патологий.

Остановимся на наиболее выразительных результатах эмпирической части работы.

Нами было показано, что суверенность — кумулятивное качество, она развивается с возрастом в сторону ее повышения, и, если (и когда) этот нормативный процесс нарушается, человек переживает личностный кризис.

Единицей приращения суверенности является психологическая ситуация, которая разрешается посредством психологического преодоления, или coping. В исследовании подтверждено, что активные способы coping-поведения сочетаются с достижением суверенности, а пассивные — депривированности. Поскольку психологическое пространство не только реально, но и символично, то фрустрация стремления к суверенности в некотором измерении приводит к замещению этого измерения другим, к понижению уровня суверенности (депривированности) или его чрезмерному усилению (сверхсуверенности). Нарушение и поддержание границ закрепляются в Я-концепции и выражаются в объективном поведении человека, давая окружающим сигналы относительно того, какую «долю» суверенности человек рассчитывает получить от других.

Нормальная суверенность развивается в онтогенезе на протяжении всего жизненного пути в соответствии с возрастными задачами каждой стадии. Расширение области суверенности происходит в следующей последовательности: суверенность телесности возникает в младенчестве, личной территории и вещей — на протяжении раннего и дошкольного детства, привычек — с дошкольного по младший школьный возраст. Суверенность социальных связей возникает в дошкольном возрасте, вкусов и ценностей — тогда же, но становится регулятором поведения в подростковом возрасте.

В случае гармоничного развития человек начинает обладать средовыми языками самовыражения, адекватными всем шести измерениям психологического пространства, и пользуется ими согласно контексту актуальной ситуации. При невозможности обрести психо-

логическую суверенность отмечаются регрессии, связанные с ригидной фиксацией одного или нескольких языков средового самовыражения, что проявляется в психосоматических расстройствах, территориальной экспансии в поведении, фетишизме, ритуализации и сверхконтроле над временными характеристиками поведения, межличностных патологиях, повышенной внушаемости или склонности к внедрению «сверхценных» идей. Таким образом, суверенность как основа саморегуляции делает эффективными средства стихийной психотерапии, в то время как депривированный человек обычно не самодостаточен и часто нуждается в психотерапии управляемой — ему необходимо «латать» свои нарушенные границы с чьей-то помощью.

Психологическая суверенность — многомерное и полидетерминированное явление, которое регулируется средовыми факторами и формами активности, восходящими к природным программам и социальным образцам поведения. В исследовании обнаружены различия уровня суверенности между сельскими и городскими жителями, установлены связи между суверенностью и индивидуально-психологическими качествами разных уровней индивидуальности, показано, что, в соответствии с эволюционным предназначением пола, суверенность выше в мужской выборке, чем в женской.

Суверенность модулируется с развитием семейной системы человека: так, ее расширение и включение новых членов семьи (в том числе рождение ребенка) может приводить к временному понижению ее уровня. Если это снижение достигает критического значения, человек перестает развиваться, и его самоактуализация останавливается.

Все приемы работы с переживанием психологической суверенности могут быть объединены в «психотерапию суверенности», элементы которой хорошо зарекомендовали себя в профилактике межличностных и внутрисемейных патологий, при нарушении продуктивности, в ходе психологического сопровождения работающих в особых условиях людей, а также при работе с последствиями разных форм насилия.

Все это — итоги практические и рациональные. Эмоциональный итог состоит в ощущении того, что все собранное и написанное есть не только результат пристрастного и, безусловно, проективного видения автора; перефразируя известную фразу Г. К. Честертона, хотелось бы выразить надежду, что изложенное мировоззрение подходит не только его автору, но и миру.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абзианидзе Ш. Г., Джорбенидзе Р. С. О пространственных изменениях личности / Психология и архитектура. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983 - С. 57-60.
2. Абрамова Ю. Г. Психология среды: истоки и направления // Вопр. психол., 1995. - № 2. - С. 130-137.
3. Абульхаиова К. А. О субъекте психической деятельности. — М 1973.
4. Абульхаиова-Славская К. А. Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания. - Москва, Воронеж, 2001. - С. 36-52.
5. Авакисян Г. Г. Особенности стратегий совладалий и Я-концепции у людей, зависимых от психоактивных веществ: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. психол. наук. — М., 2003.
6. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. — М 1995.
7. Александрова Н. Х. Особенности субъектности человека на поздних стадиях онтогенеза: автореф. дисс. на соискание уч. степени докт. психол. наук. — М., 2000.
8. Альбаиов С. Д. О некоторых состояниях организационно-пространственной и социальной сред и деятельности в них // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1981. - С. 64-67.
9. Аиастази А. Психологическое тестирование. Кн. 1. — М., 1982.
10. Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 1980.
11. Анциферова Л. И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования. // Психол. журн., 1992. - № 5. — с. 12-25.
12. Анциферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. — М., 2004.
13. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. — М., 1984.
14. Ассаджиоли Р. Психосинтез: теория и практика. — М., 1994.
15. Ахиехер А. С. Оценка пространственно-предметной среды как проблема культуры // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. - С. 19-22.
16. Бакин А. А. Девиантные формы сексуального поведения в местах лишения свободы: Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. мед. наук. — СПб., 2002.
17. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. — Киев, 1994.
18. Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Соколова Е. Д. Методика многостороннего исследования личности. — М., 1994.
19. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. - М., 1982.
20. Берне Р. Развитие Я-концепции и воспитание. — М., 1986.
21. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. - СПб.-М., 2003.
22. Борисевич Е. А. Центр города и его роль в жизнедеятельности населения (на примере Ленинграда) // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 177-180.
23. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. — М., 2006.
24. Бочавер А. А., Нартова-Бочавер С. К. Особенности Я-концепции подростков с разным уровнем приватности (суверенности психологического пространства личности) // Психология и школа, 2005. - № 3. - С. 22-42.
25. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М., 1988.
26. Брендано Франц. Психология с эмпирической точки зрения. — М., 1874.
27. Бродский И. А. Сочинения. Т. 6. - СПб., 2000.
28. Бругилинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. журн., 1991. — Т. 12. № 6. — С. 3-10.
29. Бругилинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая) // Психол. журн., 1992. — Т. 13. № 6. — С. 3-12.
30. Бругилинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке (статья третья) // Психол. журн., 1993. - Т. 14. № 6. — С. 3-15.
31. Бругилинский А. В. Психология субъекта. - СПб., 2003.
32. Бубер М. Я и Ты. - М., 1993.

33. Бугроменко В. Н. Вторичные свойства территории, их восприятие и учет в проектировании городов // Человек и среды психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1981. - С. 181-184.
34. Бурмистрова А. В. Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства: Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. психол. наук. — Краснодар, 2004.
35. Валедипская О. Р. Материнские возрастные кризисы: кризис «двухлетней мамы» // Сборник трудов студентов и аспирантов МОСУ. - М., 2001. - С. 20-25.
36. Валедипская О. Р., Нартова-Бочавер С. К. Личное пространство человека и возможности его «измерения» // Психология зрелости и старения. — М.: Лето. 2002. — С. 60-77.
37. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. — М., 1984.
38. Вильгельм Р., Вильгельм Г. Понимание «И Цзин». — М., 2003.
39. Воогланд Ю., Нигесен К. Металогические вопросы исследования среды как фактора развития личности // Человек и среда психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 41-43.
40. Воогланд Ю., Нигесен К. Среда как фактор функционирования изменения и развития субъекта // Психология и архитектура Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. - С. 39-43.
41. Воробьева Л. И., Снегирева Т. В. Психологический опыт личности: обоснованию подхода // Вopr. психол., 1990. — № 2. — С. 5-13.
42. Вундт В. Очерк психологии. — СПб., 1897.
43. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Собр. соч. в шести томах. - М., 1982. - Т. 4. С. 277-426.
44. Габидулина С. Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта): Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. психол. наук. — М., 1991.
45. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — М., 1988.
46. Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. — М.: Наука, 1989. — С. 171-189.
47. Глазычев В. Л. Художественно-проектное моделирование средового поведения // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. - С. 169-172.
48. Гласс Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. — М., 1976.
49. Годфруа Ж. Что такое психология. Кн. 2. — М., 1992.
50. Гозман Л. Я., Кроз М. В., Латинская М. В. Самоактуализационный тест. — М., 1995.
51. Головаха Е. И., Кроника А. А. Жизненный путь и среда обитания человека / Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 191-193.
52. Голофаст В. Б. К методологическому анализу категории «среда» // Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 27-29.
53. Горин С. А вы пробовали гипноз? (Практическое руководство по применению гипнотических психотехник в бизнесе и медицине, рекламе и пропаганде, торговле и повседневной жизни.) — СПб., 1995.
54. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. — М., 1982.
55. Гохман В. М. Среда как научное понятие и как метафора. // Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 109-112.
56. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. Т. 1. - М., 1994.
57. Дайсон Ф. Дж. Будущее воли и будущее судьбы // Природа, 1982. № 8. - С. 60-70.
58. Дао дэ дзин. - СПб., 1998.
59. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. — М., 2004.
60. Дерябо С. В. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С. В. Дерябо, В. А. Ясвин // Психологический журнал, 1996. — Т. 17. № 6. — С. 4-18.
61. Джемс В. Вселенная с плюралистической точки зрения. — М., 1911.
62. Джемс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. — СПб., 1910.
63. Джемс У. Психология. — Петроград, 1922.
64. Дильтей В. Описательная психология. — М., 2001.
65. Дозорцева Е. Г. Качаева М. А., Морозова Е. И., Терехина С. А., Новоселова А. В. Диагностика и психокоррекция последствий психологических травм у воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений. — СПб., 2004.
66. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. — СПб., 2003.

67. Дорфман Л. Я. Воплощения и превращения как формы взаимодействия индивидуальности с миром // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Т. 1. Психология. Философия / Под ред. А. В. Ахутина, В. С. Собкина. - М., 1996. - С. 187-199.
68. Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 9. Братья Карамазовы. - М. 1958.
69. Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Проблема свободы выбора и ответственности // Философия и современность. - М., 1971 С. 157-186.
70. Душков Б. А. География и психология. — М., 1987.
71. Душков Б. А. Психология типов личности, народов и эпох. — Екатеринбург, 2001.
72. Журавлев И. В., Тхостов А. Ш. Феномен отчуждения: стратегии концептуализации и исследования // Психол. журн., 2002 Т. 23. № 5. - С. 42-48.
73. Завалишина Д. Н. Субъект профессиональной деятельности: динамический аспект // Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Барабанщикова, А. В. Карпова Вып. 2. - Москва-Ярославль, 2002. - С. 42-64.
74. Зимелева З. А. Агрессивное поведение подростков и личность родителей // Психол. наука и образование, 2001,— № 4 — С. 22 -27.
75. Зинченко А. П. Потребность как основание процесса проектирования предметно-пространственной среды // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1981. - С. 60-66.
76. Зинченко В. П. А. Н. Леонтьев и развитие современной психологии // А. Н. Леонтьев. Избр. собр. соч. в 2-х томах. - М., 1983 - Том 1. С. 8-16.
77. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Об объективном методе в психологии // Вопросы философии, 1977. - № 7. С. 109-125.
78. Знаков В. В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. - М., 2005 - С. 9-44.
79. Ибрагимбекова Р. Ф. Эмоциональная оценка пространственных направлений при восприятии архитектуры // Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 170-173.
80. Иванова Г. И. Принципы формирования архитектурной пространственной среды с учетом особенностей возрастного восприятия. - М., 1993.
81. Измоденова Н. Н., Кордон С. И. Влияние свойств среды на интенсивность общения // Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1985. - С. 155-158.
82. История женщин. От древних богинь до христианских святых / Под ред. Полин Шмит Пантель. Т. 1. — СПб., 2005.
83. Каганов Г. З. К вопросу о параметризации среды // Психология и архитектура. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 49-52.
84. Калдмэ М. Психогеографическое изучение предметно-пространственной среды в странах Запада // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 57-59.
85. Калмыкова Е. С., Чеснова И. Г. Анализ нарративов пациента: ССРТ и дискурс-анализ // Московский психотерапевтический журнал, 1996. - № 2. С. 177-232.
86. Кальюнди О. О некоторых нейросоциологических аспектах формирования пространственно-временной «модели мира» // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 27-35.
87. Кальюнди О. Онтологические аспекты определения понятия среды // Человек и среда: психологические проблемы. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 68-73.
88. Канаева И. И., Амбарцумян К. М. Развитие семьи и материально-пространственная структура жилища // Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 235-237.
89. Кант И. Критика чистого разума. — М., 2006.
90. Карабанова О. А. Психология семейных отношений. — М., 2001.
91. Кастаида Карлос. Учение дон Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе. — Киев, София, 2003.
92. Китаев-Смык Л. А. Влияние субъективной невозможности либо возможности происходящего стрессогенного изменения пространства на его осознание и деятельность // Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 181-186.
93. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. — М., 1983.
94. Кияненко К. Возрастная динамика пространственных потребностей ребенка в квартире // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1981. - С. 143.

95. *Кияненко К. В.* Модели персонификации среды в условиях фиксированных взаимоотношений. // Социально-психологические основы средообразования. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. - С. 246-249.
96. *Клауд Г., Таунсенд Дж.* Барьеры: пер. с англ. - СПб., 2001.
97. *Клауд Г., Таунсенд Дж.* Брак: где проходит граница? - СПб., 2000.
98. *Кляйн М., Айзекс С., Райверс Д., Хаймаин П.* Развитие в психоанализе. — М., 2001.
99. *Кон И. С.* Дружба. Эгико-психологический очерк. — М., 1987.
100. *Костинский Г. Д.* Пространственные понятия и исследования среды // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. - С. 44-47.
101. *Котова О. В., Нартова-Бочавер С. К.* Там, где трудно одному (Сила и слабость единственных и неединственных детей) // Наш малыш, 2003. - № 3. - С. 49-52.
102. Краткая философская энциклопедия. — М., 1994.
103. *Крашенинников А. В.* Социально-пространственные взаимосвязи на микроуровне внешней жилой среды // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1985. — С. 38-43.
104. *Круусвалл Ю.* Единый мир — единая среда // Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 81-83.
105. *Круусвалл Ю.* Зависимость субъекта от среды // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1981. - С. 44-46.
106. *Круусвалл Ю.* Неопределенность деятельности социальной системы как показатель ее средового состояния // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1985. - С. 267-270.
107. *Круусвалл Ю.* Образ домашней жизни семьи и типовая квартира. // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981 - С. 144-149.
108. *Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения. — Кострома, 2004.
109. *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 1977.
110. *Кундера Милан.* Невыносимая легкость бытия. — СПб - Амфора, 2000.

111. *Курбаткина Ю. В.* Процесс сепарации и индивидуации с точки зрения традиции объектных отношений и Я-психологии // Психология и жизнь. Вып. 2. — М., 2001. — С. 75-82.
112. *Курбаткина Ю. В.* Психологическая дистанция в браке: Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. психол. наук. — М., 2006.
113. *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. — СПб., 1996.
114. *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психологическая депривация в детском возрасте. — Прага, 1984.
115. *Лапишин В. А.* «Вещный мир» как предисловие к со-общению (на материале художественной литературы) // Социально-психологические основы средообразования. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 111-112.
116. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. — СПб., 2000.
117. *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. — М., 1980.
118. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. — М., 1975.
119. *Леонтьев А. Н.* Проблема возникновения ощущения // Избранные психологические произведения. Т. 1. — М., 1983. — С. 143-184.
120. *Леонтьев А. И.* Учение о среде в педологических работах Л. С. Выготского // Вопр. психол., 1998. - № 1. С. 108-124.
121. *Леонтьев Д. А.* «Онтология жизненного мира» как методологическая основа психологии среды // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 103-105.
122. *Лепик Ю. А.* Некоторые особенности «средового подхода» // Психология и архитектура. Ч. 1. / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 117-119.
123. *Лийк К.* Влияние домашней среды на развитие ребенка // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. - Таллин, 1988. - С. 69-92.
124. *Лийк К.* Использование домашнего пространства, взаимоотношения в семье и удовлетворенность // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 277-280.
125. *Лири Т.* Семь языков бога. — СПб., 2002.
126. Личность: определение и предсказание // Вопр. психологии, 1992. - № 3-4. - С. 34-42.
127. *Ложкин А. И.* Психология личности агрессивного насильственно-го преступника (мотивационно-смысловой аспект): Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. психол. н. — М., 2000.
128. *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. — Москва-Воронеж, 1996.

129. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // *Вопр. филос.* - 1992. - № 3. С. 39-53.
130. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло). — М., 1994.
131. *Лоуэн А.* Психология тела. — М., 2006.
132. *Лунт П.* Психологические подходы к потреблению // *Иностранная психология*, 1997. - № 9. С. 8-16.
133. *Лучкова И. И.* Несколько вопросов специалиста по жилому интерьеру психологам // *Человек и среда: психологические проблемы* / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла Таллин, 1981. - С. 153.
134. *Любин М. И.* К вопросу о приватности внеквартирной жилой среды // *Социально-психологические основы средообразования* / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. - Таллин, 1985. - С. 238-240.
135. *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1998.
136. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. — М., 2001.
137. *Маралова Е. А.* Попытка семантической конкретизации понятия среды / *Психология и архитектура*. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 35-38.
138. *Марголина И. А., Козловская Г. В., Просеикова М. Е.* Психические нарушения у детей раннего возраста, подвергшихся жестокому обращению // *Журн. неврологии и психиатрии*, 2002 № 5. С. 54-56.
139. *Мардер А. П.* Материальная среда и средовые системы // *Психология и архитектура*. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 16-17.
140. *Мартин Д.* Психологические эксперименты. - СПб, 2002.
141. *Марцинковская Т. Д.* (ред). Психология развития. - М., 2001.
142. *Матвийчук Е. А.* Личное жизненное пространство мальчиков и девочек // *Психология и жизнь*. Вып. 1. - М., 2000. - С. 14-20.
143. *Мельников В. М., Ямпольский Л. Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. — М., 1985.
144. *Михайлов Д. Р.* «Граница» как категория «средового подхода» (К проблеме дифференцируемое™ феномена среды) // *Социально-психологические основы средообразования* / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985 С. 80-85.
145. *Михайлов Д. Р.* К анализу сращенности субъекта и среды // *Психология и архитектура*. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983.

146. *Михайлов Ф. Т.* (ред). Человек как субъект и «предмет» медицины. - М., 2002.
147. *Монтескье Ш.* Персидские письма. — М., 1956.
148. *Морено Якоб.* Психодрама. — М., 2001.
149. *Моррис Д.* Голая обезьяна. Человек с точки зрения зоолога. — СПб., 2001.
150. *Мудрик А. В.* Групповая «клаустрофилия — клаустрофобия» как феномены юношеской субкультуры // *Социально-психологические основы средообразования* / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 109-110.
151. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. — Л., 1983.
152. *Мухина В. С.* Возрастная психология. — М., 2000.
153. *Назлов Г. М.* Критерии завершения психотерапевтического процесса. Катарсис Аристотеля и псевдокатарсис Брейера и Фрейда // *Мир психологии*, 2001. - № 4. - С. 241-256.
154. *Нартова-Бочавер С. К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // *Психол. журн.*, 1997. — № 5. — С. 20-31.
155. *Нартова-Бочавер С. К.* Дифференциальная психология. — М., 2003.
156. *Нартова-Бочавер С. К.* К проблеме метода изучения психологического пространства личности // *Научные труды Московского Педагогического Государственного Университета. Серия Психолого-педагогические науки.* — М., 2003. — С. 145.
157. *Нартова-Бочавер С. К.* Народная сказка как средство стихийной психотерапии // *Народная сказка. Хрестоматия* / Под ред. К. М. Нартова. - М., 1996. - С. 3-15.
158. *Нартова-Бочавер С. К.* О символике предметного мира в психоаналитической интерпретации // *Международная психоаналитическая конференция: «Зигмунд Фрейд — основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике» к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда.* — М., 2006. — С. 421-426.
159. *Нартова-Бочавер С. К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» — новый метод диагностики личности // *Психол. журн.*, 2004. - Т. 25. № 5. С. 77-89.
160. *Нартова-Бочавер С. К.* Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // *Психологическая наука и образование*, 2002. — № 1. С. 35-42.
161. *Нартова-Бочавер С. К.* Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // *Психол. журн.* 2003. - Т. 24. № 6. С. 37-48.

162. *Нартова-Бочавер С. К.* Психологическая суверенность в системе индивидуально-личностных характеристик подростков // Сборник материалов научно-практической конференции «Проблемы и перспективы дошкольного образования», посвященной 110-летию со дня рождения А. В. Канеман (16 марта 2006 г.). С. 194-195.
163. *Нартова-Бочавер С. К.* Психологическая суверенность личности ребенка как аспект его семейной социализации // Семья и дети в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — М., 2006. — С. 132-135.
164. *Нартова-Бочавер С. К.* Психологическое пространство личности. — М., 2005.
165. *Нартова-Бочавер С. К.* Психология личности и межличностных отношений. — М., 2001.
166. *Нартова-Бочавер С. К.* Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе // Стратегия дошкольного образования в XXI веке: проблемы и перспективы. — М., 2001. — С. 314.
167. *Нартова-Бочавер С. К.* Теория приватности как направление зарубежной психологии // Психол. журн., 2006. — Т. 27. № 5. С. 28-39.
168. *Нартова-Бочавер С. К.* Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. — М., 2007. В печати.
169. *Нартова-Бочавер С. К., Кислица Г. К., Потапова А. В.* 140 вопросов семейному психологу. — М., 2002.
170. *Нартова-Бочавер С. К., Кислица Г. К., Потапова А. В.* Семейный психолог отвечает. — М., 2004.
171. *Нартова-Бочавер С. К., Малярова И. В., Несмеянова М. И., Мухоморова Е. А.* Ребенок в карусели развода. — М., 2001.
172. *Нартова-Бочавер С. К., Потапова А. В.* Введение в психологию развития. — М., 2005.
173. *Нейман Дж. фон.* Теория самовоспроизводящихся автоматов. — М.: Мир, 1971.
174. *Нельсон-Джоунс Р.* Теория и практика консультирования. — СПб., 2002.
175. *Нийт Т.* Плотность заселения и «социальная патология»: какую патологию искать? // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 127.
176. *Нийт Т.* Развитие теорий о взаимоотношениях человека и среды // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 58-59.
177. *Нийт Т., Paydsepp M., Лийк К.* Обзор книг. Новые и старые книги по психологии среды (II) // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. — Таллин, 1988. — С. 246-267.
178. *Николаенко Д. В.* Пространственно-временные особенности соседского поведения людей в различной архитектурной среде // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 184-185.
179. *Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл.* — Минск, 2003.
180. *Обухова Л. Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. — М., 1995.
181. *Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина.* — М., 1987.
182. *Оллпорт Г.* Личность: проблема науки или искусства? // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. — М., 1982. — С. 228-230.
183. *Ольшанский Д. В.* «Психологический образ» жизни и субъективное пространство жизнедеятельности личности // Психология и архитектура. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 53-56.
184. *Орлов А. Б.* Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопр. психол., 1995. — № 2. С. 5-18.
185. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2005.
186. *Ослон В. Н., Холмогорова А. Б.* Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи // Вопр. психол. — 2001. — № 4. С. 39-52.
187. *Осницкий А. К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопр. психол., 1996. — № 3. с. 6-19.
188. *Павловская Е. Э.* Регуляция межэтнических контактов в предметно-пространственной среде городского двора // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 178-183.
189. *Падун М. А., Тарабрина И. В.* Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // Московский Психотерапевтический журн., 2001. — № 1 (36). С. 121-141.

190. Панасюк А. Ю. Личностный опросник для детей (ЛОД). — Ярославль, 1991.
191. Патокова Ю. В. Исследование психологической репрезентации предметно-пространственной среды // Труды КГТУ, 2006. — № 2-3. С. 422-432.
192. Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудмэн П. Опыты психологии самопознания. - М., 1993.
193. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии. Избл), труды. — М., 1984.
194. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопр. филос., 1982. — № 3. С. 44-53.
195. Петровский В. А. «Ролевое» и «субъектное» в личности // В. А. Петровский. Личность в психологии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - С. 357-369.
196. Петровский В. А. Системно-деятельностная парадигма: концепция персонализации // В. А. Петровский. Личность в психологии. - Ростов-на-Дону, 1996. - С. 393-403.
197. Пиклер Э., Ласло М. Справочник матери. — М., 1973.
198. Поливанова К. Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития. // Вопр. психол., 1994. — № 1. — С. 61-69.
199. Полторак Г. И. Экологический смысл «активности-пассивности» архитектурной организации городской жилой среды и соответствующего поведенческого стереотипа населения // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 48-51.
200. Поппер К. Логика и рост научного познания. — М., 1983.
201. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса, — М.: Прогресс, 1986.
202. Примаков Н. В., Кукрак О. Н. Содержательность среды, СНИП и генерация поведения // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 59-62.
203. Протопопов А. Трактат о любви, как ее понимает жуткий зануда. - М., 2002.
204. Прянишников Н. Е., Петров В. М. Проблема целостности архитектурного пространства и межличностное взаимодействие // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 74-76.
205. Психология и архитектура / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, К. Круусвалла. — Таллин, 1983.
206. Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX веках: этапы истории // Этнографическое обозрение, 1994. — № 5. С. 3-15.
207. Пятигорский А. Непрерываемый разговор. — СПб., 2004.
208. Райтвийр Т. Некоторые психогеографические проблемы предметной пространственной среды // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 53-55.
209. Райтвийр Т. О расчленении среды // Психология и архитектура. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. - С. 120-123.
210. Райх В. Характероанализ. Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. — М., 2006.
211. Рапапорт С. С. Среда человека и социальное восприятие. // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 70-73.
212. Раудсепп М. Жилая среда и взаимоотношения между соседями // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. - Таллин, 1988" - С. 93 - 130.
213. Рейнуотер Дж. Это в ваших силах. — М., 1993.
214. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973.
215. Русалов В. М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психол. журн., 2006. — Т. 27. № 5. С. 83-91.
216. Рябикина З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. — М., 2005. — С. 45-57.
217. Савченко М. Р. К постановке средового эксперимента // Психология и архитектура. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. - Таллин, 1983. - С. 99-102.
218. Сафонова Т. Я. Психологическое насилие в отношении детей: сущность, последствия, оказание помощи // Актуальные проблемы современного детства. — М., 1999. — С. 169-175.
219. Сельвини Палаццоли М. и др. Парадокс и контрпарадокс. — М., 2002.
220. Сергиенко Е. А. Модель психического (theory of mind) как ментальный механизм становления субъектности // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. - М., 2005. - С. 113-145.

221. *Сердюк И., Курт-Умеров В., Сердюк Л.* Взаимосвязи объекта со средой / Психология и архитектура. Ч. 1 // Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 20-24.
222. *Сидоренко Е. В.* Методы математической обработки в психологии. — СПб., 1996.
223. *Скоромная Ю. Е.* Субъективная готовность к материнству как психологический феномен: Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. психол. наук. — М., 2006.
224. *Слободчиков В. И.* Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопр. психол., 1986. — № 6. С. 14-22.
225. *Смотриковский В. И.* Этажность и деятельность // Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 250-254.
226. *Снегирева Т. В.* Кража // Психологическое консультирование и психотерапия. Хрестоматия. — М., 2001. — С. 259-288.
227. *Соколова Е. Т.* Где живет тошнота? // Психологическое консультирование и психотерапия. Хрестоматия. — М., 2001. С. 245-258.
228. *Солдатова Г. У.* Психологические механизмы ксенофобии // Психол. журн., 2006. - Т. 27. № 6. С. 5-17.
229. *Солоед К. В.* Разлука с матерью на первом году жизни: влияние на объектные отношения у детей // Московский психотерапевтический журн. — 2000. — № 4. С. 70-94.
230. *Соложенкин В. В., Шинин В. А., Сирота Н. А., Иваненко В. В.* Факторы социальной регуляции поведения и параметры пространственно-предметной среды, опосредующие территориальное поведение подростков // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. - С. 115-121.
231. Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985.
232. *Спиноза Б.* Сочинения: В 2 т. - М., 2006.
233. Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. — Таллин, 1988.
234. *Стейпбек Дж.* Заблудившийся автобус. — М., 2002.
235. *Стейпбек Дж.* Неведомому Богу. Луна зашла. — М., 2000.
236. *Степанов А. В.* Площадь — пространство конфликта // Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 97-102.
237. *Столин В. В.* Самосознание личности. — М.: МГУ, 1983.
238. *Субботский Е. В.* Исследование морального развития ребенка в зарубежной психологии // Вопр. психол., 1975. — № 6. С. 149-156.
239. *Субботский Е. В.* Нравственное развитие дошкольника // Вопр. психол., 1983. - № 4. С. 29-41.
240. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. - М., 2005.
241. *Таут М. П.* Взаимосвязь социальных и пространственных факторов при формировании требований к организации открытых пространств соседского использования // Социально-психологические основы среднего образования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 196-199.
242. Тибетская книга мертвых. — СПб., 1994.
243. *Тинберген Н.* Социальное поведение животных. — М., 1993.
244. *Ткачиков И.* Модель факторов психологического взаимодействия человека и архитектурной среды // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 91-94.
245. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1940.-Т. 4.
246. *Торо Е.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. — М., 1959.
247. *Торчинов Е. А.* Введение в буддологию. — СПб., 2000.
248. *Точилина Т. В.* Динамика социальных контактов при переходе от младшего к среднему школьному возрасту: Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. психол. наук. — М., 2006.
249. *Трикат Н. К.* Проблемы культуры межличностных отношений в жилой среде // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. - С. 198-232.
250. *Трушинский Я. К.* К определению понятия среды // Психология и архитектура. Ч. 1 / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 25-26.
251. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности. — М., 2002.
252. *Тхостов А. Ш.* Топология субъекта // Вестник МГУ. Сер. 14 — Психология. № 2. С. 3-13. № 3 С. 3-12.
253. *Уилсон Р. А.* Психология эволюции. — М.-София, 2005. — С 3-4.
254. *Утехин И.* Любимые вещи // Неприкосновенный запас, 2004. — № 1(33).
255. *Филиппов А. В., Ковалев С. В.* Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психол. журн., 1986. — Т. 7. № 1. С. 14-22.
256. *Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии. — М., 1983.

257. *Фома Аквинский*. Сочинения. Авторский сборник. — М., 2004.
258. *Франки В.* Человек в поисках смысла. — М., 1990.
259. *Франц М.-Л. фон.* Прорицание и синхрония. Психология значимого случая. — СПб., 2002.
260. *Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. — М., 2001.
261. *Фуко М.* Забота о себе. История сексуальности III. — М., 1998.
262. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М., 1999.
263. *Хайкин В. Л.* Субъект и субъектность в определении активности // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. — М., 2005. — С. 91-102.
264. *Хакен Г.* Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? // Синергетика и психология. Вып. 2. — С. 11—26.
265. *Харламенкова Н. Е.* Генез самоутверждения личности в процессе взросления: Автореф. диссертации на соискание уч. степени докт. психол. наук. — М., 2004.
266. *Харламенкова Н. Е.* Самоутверждение подростка. — М., 2004.
267. *Хачатрянц К. К.* Архитектура и человеческие взаимоотношения // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 167-169.
268. *Хейдметс М.* Средовые компоненты человеческого «Я» — проблема для психологии и архитектуры // Человек и среда: психологические проблемы / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981. — С. 120-121.
269. *Хейдметс М.* Субъект, среда и граница между ними // Психология и архитектура / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 61-63.
270. *Хейдметс М.* Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности / Под ред. Х. Миккина. — Таллин, 1988. — С. 7-15.
271. *Хейдметс М.* Человеческое начало в средообразовании // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 77-79.
272. *Хелькама К.* Развитие атрибуции ответственности в онтогенезе // Проблемы психологии личности. — М., 1982. — С. 148-154.
273. *Человек и среда: психологические проблемы* / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1981.
274. *Черноушек М.* Психология жизненной среды. — М., 1989.
275. *Честертон Г. К.* Книга Иова // Мир Библии, 1993. — № 1. С. 32-36.
276. *Чудновский В. Э.* К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психол. журн., 1993. — Т. 14. № 5. С. 3-13.
277. *Чудновский В. Э.* Нравственная устойчивость личности. — М., 1981.
278. *Чудновский В. Э.* О некоторых «болевых точках» становления личности // Психол. журн., 2006. — Т. 27. № 3. С. 5-18.
279. *Шарден П. Т. де.* Феномен человека. — М., 1987.
280. *Швейцер А.* Культура и этика. — М., 1973.
281. *Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969.
282. *Шихи Гейл.* Возрастные кризисы. Ступени личностного роста. — СПб., 1999.
283. *Шкопоров Н. Б.* Психологическое пространство личности и гипотеза проникновения в среду: теоретический анализ // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 106-108.
284. *Шмелев И. П.* Третья сигнальная система (психологический аспект гармонического резонанса) // Социально-психологические основы средообразования / Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса и Ю. Круусвалла. — Таллин, 1985. — С. 62-66.
285. *Шмеман А. прот.* Проповеди и беседы. — М., 2003, 2007.
286. *Шопенгауэр А.* Об интересном. — М., 1997.
287. *ШоттерДи. М. М.* Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопр. психол., 1996. — № 6. С. 108-117.
288. *Шрейдер И. А.* Этика. — М., 1998.
289. *Шупер В. А.* Бэкониянский и картезианский подходы к понятию среды / Психология и архитектура. Ч. 1 // Под ред. Т. Нийта, М. Хейдметса, Ю. Круусвалла. — Таллин, 1983. — С. 131-134.
290. *Шутценбергер А. А.* Синдром предков. — М., 2005.
291. *ЭриксоиЭ.* Идентичность: юность и кризис. — М., 1996.
292. *Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. — Киев, 1994.
293. *Юнг К. Г.* Психологические типы. — СПб., 1995.
294. *Юнг К. Г.* Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» // Тибетская книга мертвых. — СПб., 1994. — С. 9-25.
295. *Юнг К. Г.* Психология бессознательного. — М., 1994.

296. Юнг К. Г. Синхронистичность. — М., 1997.
297. Юнг К. Г. Человек и его символы. — М., 2002.
298. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. — М., 1999.
299. Ярхо В. Н. Была ли у древних греков совесть? // Античность и современность. - М., 1972. - С. 285-298.
300. Яценко К. Общая психопатология. — М., 1997.
301. Aloia A. Relationships between perceived privacy options, self-esteem and internal control among aged people (Unpublished Doctoral dissertation, California School of Professional Psychology, 1973). Dissertation Abstracts International. 1973. 34, 5180B.
302. Altman I. The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding. — N.Y., 1975.
303. Altman I., Nelson P. A. The Ecology of Home Environments. — Wach., 1972.
304. Altman I., Chemers M. Culture and Environment. — Monterey, 1980.
305. Amirkhan J. H. A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator. — N.Y., 1988.
306. Ardrey R. The territorial imperative. — N.Y., 1966.
307. Barker R. Ecological psychology: Concepts and methods for studying the environment of human behavior. — Stanford, 1968.
308. Bates A. Privacy—A useful concept? Social Forces. 1964. 42. Pp. 432.
309. Blam Marg R., Rias G. V., Greenberger El, Chen Ch. Adolescent problem behavior and depressed mood: Risk and protection within and across social contexts // J. Youth and Adolescence. 2002. № 5. Pp. 343-357.
310. Bowles R. The psychology of questioning children's knowledge of their environment // Proc. Brit. Soc. 2001. 9. № 1. Pp. 1.
311. Burt W. H. Territoriality and home range concepts as applied to mammals // Journal of Mammalogy. 1943. 24. Pp. 346-352.
312. Carpenter C. R. Territoriality: A review of concepts and problems // A. Roe and G. G. Simpson (Eds.). Behavior and evolution. New Haven, 1958. Pp. 257-284.
313. Chapin F. S. Some housing factors related to mental hygiene. Journal of Social Issues. 1951. 7. Pp. 164-171.
314. Chester P. Women and madness. — N.Y., 1972.
315. Children and Environment. Human behavior and Environment / I. Altman, J. Wohlwill. - N.Y.-London, 1978.
316. Cohen Julie E. Examined Lives: Informational Privacy and the Subject as Object // Stanford law review. 2000. Vol. 52. May. Pp. 1373-1437.
317. Constantine M. G. Stress in rural farm women: Implications for the use of diverse mental health interventions // J. Psychoter. Indep. Pract. 2001.2. №2. Pp. 12-22.
318. Coxe R., Holmes W. A study of the cycle of abuse among child molesters // J. Child Sex. Abuse. 2001. 10. № 4. Pp. 111-118.
319. Cozby P. C. Self-disclosure: A literature review. Psychological Bulletin, 1973. 79. Pp. 73-91.
320. Csikszentmihalyi Mihalyi & Rochberg-Halton, Eugene The meaning of things — domestic symbols and the self. — Cambridge, 1981.
321. Cui Ming, Couger R. et al. Parental behavior and the quality of adolescents friendships: A social-contextual perspective. // J. Marriage and Family. 2002. 64. № 3. Pp. 676-689.
322. Davis A., Olesen V. Communal work and living: Notes of the dynamics of social distance and social space. // Sociology and Social Research. 1971. 55. Pp. 191-235.
323. DeLong A.J. Dominance-territorial relations in a small group // Environment and Behavior. 1970. 2. P. 191.
324. Draper P. Crowding among hunter-gatherers: The Kung Bushmen. Science, 1973. 182. Pp. 301-303.
325. Egan G. E. Sexual behaviors, condom use and factors influencing casual sex among backpackers and other young international travelers // Can. J. Hum. Sex. 2001. 10. № 1-2. Pp. 41-58.
326. Esser A. H. A biosocial perspective on crowding // J. F. Wohlwill and D. H. Carson (Eds.), Environment and the social sciences: Perspectives and applications. Washington, 1972. Pp. 15-28.
327. Finkenauer C., Engels R., Meeus W. Keeping secrets from parents: Advantages and disadvantages of secrecy in adolescence // J. Youth and Adolescence. 2002. 31. № 2. Pp. 123-136.
328. Forty A. Objects of Desire // Design and society. 1986. Pp. 1750-1980.
329. Frank K. A. Social construction of the Physical environment: The case of gender // Sociological Focus. 1985. № 18(2). Pp. 142-159.
330. Freedman J. L., Levy A. S., Buchanan R. W., Price J. Crowding and human aggressiveness // Journal of Experimental Social Psychology. 1972. 5. Pp. 528-548.
331. Furby L. Possessions: Towards a theory of their meaning and function throughout the life cycle. // In P. B. Baltes (Ed.). Life-span development and behavior. — N.Y., 1978.
332. Garfinkel H. Studies of the routine grounds of everyday activities // Social Problems. 1964. Pp. 258-284.
333. Gill A. Environmental Personalization in Institutional Setting.— Wales, 1974.

334. *Goffman E.* Behavior in public places. — N.Y., 1963.
335. *Golan M. B.* Privacy, interaction and self-esteem. Unpublished PhD dissertation, Environmental Psychology Program, U.of N.Y., 1978.
336. *Gump P.* School Environments /1. Altman, J. Wohlwill. — N.Y.-London, 1978. Pp. 131-174.
337. *Haan N.* Coping and Defending. - N.Y., 1977.
338. *Hart R.* Children's sense of place. - N.Y., 1978.
339. *Hediger H. P.* The evolution of territorial behavior // S. L. Washburn (Ed.). Social life of early man. - N.Y., 1961.
340. *Heft H.* High residential density and perceptual-cognitive development: An examination of effects of crowding and noise in the home // Wohlwill J.F., van Vliet (Ed). Habitats for Children: The impact of Density. - N.Y., 1985. - Pp. 39-76.
341. *Heymans P. G.* Erziehungseinflüsse auf einige Aspekte der moralischen Entwicklung // Familiaere Sozialisation und Intervention. — Bern. 1980. - S. 305-317.
342. *Horowitz M.J., Duff D. E, Stratton L. O.* Body-buffer zone // Archives of General Psychiatry. 1964. Pp. 651-656.
343. *Hubbard D.J., Pratt T. C.* A meta-analysis of delinquency among girls // J. Offender Rehabil. 2002. 34. № 3. Pp. 1-13.
344. *Hutt C., Vaizey J.J.* Differential effects of group density on social behavior // Nature. 1966. 242. Pp. 1371-1372.
345. *Kamptner N. L.* Personal Possessions and Their Meanings in Old Age // The Social Psychology of Aging / Eds. Shirlynn Spacapan and Stuart Oskamp. 1989. Newbury Park. Pp. 165-196.
346. *Kinzel A. S.* Body buffer zone in violent prisoners // American Journal of Psychiatry. 1970. 127. Pp. 59-64.
347. *Kira A.* The bathroom // H. M. Proshansky, W. H. Ittelson and L. G. Rivlin (Eds.), Environmental psychology. - N.Y., 1970. - Pp. 303-309.
348. *Kleine S. S., Baker S. M.* An Integrative Review of Material Possession Attachment. Academy of Marketing Science Review [Online], 2004 (1).
349. *Krahe B., Fenske H.* Predicting aggressive driving behavior: The role of macho personality, age and power of car // Aggress. Behave. 2002. 28. 1. Pp. 21-29.
350. *Krahe B.* Predictors of women's aggressive driving behavior // Aggress. Behave. 2005. 31.6. Pp. 537-546.
351. *Kueth J. L., Weingartner H.* Male-female schemata of homosexual and non-homosexual penitentiary inmates // Journal of Personality. 1964. 32. Pp. 23-31.
352. *Laghai A. Joseph S.* Attitudes towards emotional expression: Factor structure, convergent validity and associations with Personality // Brit. J. Med. Psychol. 2000. 73. № 3. Pp. 381-384.
353. *Lang Alfred.* Die kopemikanische Wende steht in der Psychologie noch aus! — Flinweise auf eine ökologische Entwicklungspsychologie // Schweizerische Zeitschrift für Psychologie. 1988. 47 (2/3). S. 93-108.
354. *Lang Alfred.* Non-Cartesian Culture: Steps towards a Semiotic Ecology. Contribution to the Symposium in Honor of Ernst E. Boesch «The Cultural Environment in Psychology», Merligen (Lake Thun), October 21-24, 1991 // Research Reports. 1991. № 1.
355. *Lang Alfred.* Vorwort des Herausgebers // Csikszentmihalyi Mihalyi & Rochberg-Halton Eugene. The meaning of things — domestic symbols and the self. Cambridge, 1981. Der Sinn der Dinge: das Selbst und die Symbole des Wohnbereichs. Aus dem Amerikanischen übersetzt von Wilhelm Haberle und mit einem Vorwort herausgegeben von Alfred Lang. München, Psychologie Verlags Union, 1989.
356. *Lansing J. B., Marans R. B., Zehner R. B.* Planned Residential Environments. — Ann Arbor, 1979.
357. *Lauffer R. S., Proshansky H. M., Wolfe M.* Some analytic dimensions of privacy. Paper presented at the Third International Architectural Psychology Conference. — Lund, 1973.
358. *Lawrence C., Andrews K.* The Influence of Perceived Prison Crowding on Male Inmates' Perception of Aggressive Events // Aggressive behaviour. 2004. Vol. 30. Pp. 273-283.
359. *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal, and coping. — N.Y., 1984.
360. *Leibman M.* The effects of sex and race norms on personal space // Environment and Behavior. 1970. 2. Pp. 241-280.
361. *Levine P.* Understanding Childhood trauma // Mothering. 1994. Pp. 49-54.
362. *Loukaiton-Sideris A., Liggett R. et al.* Measuring the effects of built environment on bus stop crime // Envir. and Plank. B. 2001. 28. № 2. Pp. 289-314.
363. *Lunt P. K., Livingstone S. M.* Psychological, social and economic determinants of saving: comparing recurrent and total savings. Journal of Economic Psychology. 1991. 30, Pp. 309-323.
364. *MacDonald W. S., Oden C. W.* Effects of extreme crowding on the performance of five married couples during 12 weeks of intensive training // Proceedings of the 81st Annual Convention of the American Psychological Association. - Montreal, 1973. 8. Pp. 242-243.

365. *Madiran R., Munro M.* Ideal homes: gender and domestic architecture. In Putnam, T., and Newton, L., (Eds), Household Choices. London: Futures Publications. — 1990.
366. *McBride G.* A general theory of social organization of behavior. St. Lucia, Queensland, Australia: University of Queensland Papers. 1964. 1. Pp. 75-110.
367. *Milgram S.* The experience of living in cities. Science. 1970. 167. Pp. 1461-1468.
368. *Munroe R. L., Munroe R. H.* Effects of environmental experience on spatial ability in an East African society // Journal of Social Psychology, 1971. 83. Pp. 15-22.
369. *Murray R.* The influence of crowding on children's behavior // D. Canter & T. Lee (Eds.). Psychology and the built environment. — London, 1974.
370. *Natvig G. K., Albrektsen G., Ovamstroem U.* School-related stress experience as a risk factor for bullying behavior // J. Youth and Adolescence. 2001. 30. № 5. Pp. 56-575.
371. New calif. Center to investigate link between autism, environment // Psychiatr. News. 2002. 37. № 1. Pp. 18.
372. *Newson J., Newson E.* Four years old in an urban community. — London, 1968.
373. *Osmond H.* Function as the basis of psychiatric ward design // Mental Hospitals. 1957. 8. Pp. 23-30.
374. *Parke R. D., Sawin D. B.* Children's privacy in the home: Developmental ecological and child-rearing determinants. Paper presented at the Illrd Biennial Conference of the International Society for the Study of Behavioral Development. — Guilford, July 1975.
375. *Parke Ross.* Children's Home Environment: Social and Cognitive Effects // Children and Environment. Human behavior and Environment / I. Altman, J. Wohlwill. - N.Y.-London, 1978. - Pp. 33-82.
376. *Pastalan L.A.* Privacy as a behavioral concept. Social Forces, 1970. 45(2). Pp. 93-97.
377. *Pincon M.* Cohabiter: Groupes sociaux et modes de vie dans une cite KLM. - Paris, 1982.
378. *Plant J.* Some psychiatric aspects of crowded living conditions // American Journal of Psychiatry. 1930. № 9. Pp. 849-860.
379. *Prentice D. A.* Psychological correspondence of possessions, attitudes and values. Journal of Personality and Social Psychology. 1987. 53. Pp. 993-1003.
380. *Rapoport A.* An approach to the construction of man-environment theory // W. F. E. Preiser (ed.), Environmental design research (Vol. 2). Stroudsburg, Pennsylvania, 1973. Pp. 124-136.
381. *Rodin J.* Density, perceived choice and response to controllable and uncontrollable outcomes. Journ. of Exper. Social Psychology, 1976. № 12. Pp. 564-578.
382. *Saegert S.* The effects of residential density on low income children // Paper presented at the Annual Convention of the American Psychological Association. — Montreal, 1980.
383. *Saegert S., Hart R.* The development of sex differences in environmental competence of children // P. Barnet (ed.). Women in society. — Chicago, 1975.
384. *Saegert S., Mackintosh E., West S.* Two studies of crowding in urban public spaces. // Environment and Behavior. 1975. № 7. Pp. 159-184.
385. *Schwartz B.* The social psychology of privacy // American Journal of Sociology. 1968. № 73 Pp. 741-752.
386. *Shils E.* Privacy: Its constitution and vicissitudes. Law am! // Contemporary Problems. 1966. I. Pp. 315-305.
387. *Simmel A.* Privacy is not an isolated freedom // J. Pennock, J. Chapman (Eds.) Privacy. - N. Y., 1971.
388. *Solove D.J.* Conceptualizing Privacy // California law review. 2002. Vol.90. Pp. 1087-1156.
389. *Sommer R.* Studies in personal space. Sociometry. 1959.22. P. 281-294.
390. *Stea D.* Territoriality, the interior aspect: Space, territory, and human movements. Landscape, 1965. Autumn. Pp. 13-17.
391. *Stratton L. O., TekiPe D.J., Flick G.L.* Personal space and self-concept. Sociometry. 1973. 16(3). Pp. 424-429.
392. *Tausk V.* On the origin of the «influencing machine» in schizophrenia // Psychoanalytic Quarterly. 1933. № 2. Pp. 519-556.
393. *Teicher Martin H.* The neurobiology of child abuse // Sci. Amer. 2002. № 3. Pp. 68-75.
394. *Tice P. P.* The real controversy about child sexual abuse research: Not addressed by Rind, Tromovich, and Bauerman in their 1998 outcomes meta-analysis // J. Child Sex. Abuse. 2001. 93. 3-4. Pp. 157-182.
395. *Tuan Yi-Fu.* Children and Natural Environment // Children and Environment. Human behavior and Environment / I. Altman, J. Wohlwill. - N.Y.-London, 1978. - Pp. 5-32.
396. *Turkle S.* The Second Self: Computers and the human spirit. — N.Y., 1984.
397. *Valins S., Baum A.* Residential group size, social interaction and crowding // Environment and Behavior. 1973. 5(4). Pp. 421-440.
398. *Wachs T. D.* The relationship of infants' physical environment to the Binet performers at 2,5 Years. // Int. Journ. Of Beh. Developm. 1978. № 1. Pp. 1-65.

399. *Weinstein L. Social schemata of emotionally disturbed boys // Journal of Abnormal Psychology. 1965. 70. Pp. 457-461.*
400. *Welwood J. On psychological space. // Journal of Transpersonal Psychology. 1977. № 9. 2. Pp. 97-118.*
401. *Westin A. F. Privacy and freedom. — N.Y., 1967.*
402. *Wolfe M. Childhood and Privacy// I. Altman, J. Wohlwill. - N.Y.-London, 1978. - Pp. 175-255.*
403. *Zwick D., Dholakia N. Models of Privacy in the Digital Age: Implications for Marketing and E-Commerce. 1999. // ritim.cba.uri.edu. September 7. Pp. 2-23.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Текст опросника и бланк ответов

Вам предлагается оценить утверждения теста, который описывает детство человека. Если содержание утверждения относится к Вам, следует поставить галочку в ячейке, соответствующей «Да». Если в Вашей жизни подобных ситуаций не встречалось, поставьте галочку в ячейке, соответствующей «Нет». Если Вам трудно вспомнить, как было на самом деле, представьте себе наиболее вероятное положение дел. Этот тест не измеряет интеллектуальные способности, поэтому правильных или неправильных ответов не существует; каждый вариант встречается в реальной жизни. Постарайтесь не раздумывать долго, время заполнения теста — 20 минут. Спасибо!

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
Случалось, что я был вынужден носить одежду, которая мне не нравилась	1.	Случалось, что я была вынуждена носить одежду, которая мне не нравилась
Меня в детстве не стригли, не спросив на то моего согласия	2.	Меня в детстве не стригли, не спросив на то моего согласия
Я всегда имел уголок для игры, который мог обустроить по собственному вкусу	3.	Я всегда имела уголок для игры, который могла обустроить по собственному вкусу
Решение о проведении каникул и выходных чаще принималось без меня	4.	Решение о проведении каникул и выходных чаще принималось без меня
Уже в раннем детстве я отказывался носить неудобную одежду	5.	Уже в раннем детстве я отказывалась носить неудобную одежду

Продолжение

(продолжение)

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
У нас было в порядке вещей, если родители переключали телевизор на свой канал, когда я его смотрел	6.	У нас было в порядке вещей, если родители переключали телевизор на свой канал, когда Я его смотрела
Часто мне приходилось терпеть, когда родственники тискали и целовали меня	7.	Часто мне приходилось терпеть, когда родственники тискали и целовали меня
Даже в детстве я был уверен, что без меня никто не трогает мои игрушки	8.	Даже в детстве я была уверена, что без меня никто не трогает мои игрушки
Я всегда имел возможность поиграть дома в одиночестве, когда мне этого хотелось	9.	Я всегда имела возможность поиграть дома в одиночестве, когда мне этого хотелось
В детстве бывало, что я носил одежду, в которой чувствовал себя посмешищем, и боялся, что меня будут дразнить	10.	В детстве бывало, что я носила одежду, в которой чувствовала себя посмешищем, и боялась, что меня будут дразнить
Я обижался, когда меня в порядке наказания шлепали или давали подзатыльники	И.	Я обижалась, когда меня в порядке наказания шлепали или давали подзатыльники
Я раздражался, если во время стирки мама вытряхивала мои вещи из карманов	12.	Я раздражалась, если во время стирки мама вытряхивала мои вещи из карманов
В нашем доме запрещалось подкрепляться, «перехватывая куски» между завтраком, обедом и ужином	13.	В нашем доме запрещалось подкрепляться, «перехватывая куски» между завтраком, обедом и ужином
Обычно родители не запрещали слушать музыку, которая мне нравится, даже если она их раздражала	14.	Обычно родители не запрещали слушать музыку, которая мне нравится, даже если она их раздражала
Меня никогда не заставляли есть насильно, как других детей	15.	Меня никогда не заставляли есть насильно, как других детей
Я часто огорчался, когда родители наводили порядок в моих игрушках	6.	Я часто огорчалась, когда родители наводили порядок в моих игрушках
Для меня было неприятным переживанием, когда мне стригли ногти	7.	Для меня было неприятным переживанием, когда мне стригли ногти

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
У меня всегда было место (стол, сундучок, коробка), где я мог спрятать дорогие мне предметы	8.	У меня всегда было место (стол, сундучок, коробка), где я могла спрятать дорогие мне предметы
Помню, что я сильно грустил оттого, что мне не разрешали ложиться спать чуть позже, чем это было принято	9.	Помню, что я сильно грустила оттого, что мне не разрешали ложиться спать чуть позже, чем это было принято
Нередко бывало, что нужные мне вещи покупались как поощрение за хорошую учебу или поведение	20.	Нередко бывало, что нужные мне вещи покупались как поощрение за хорошую учебу или поведение
Случалось, что детский праздник был для меня испорчен, если я был одет не так, как хотелось	21.	Случалось, что детский праздник был для меня испорчен, если я была одета не так, как хотелось
Обычно меня спрашивали, что я хотел бы на завтрак, обед или ужин	22.	Обычно меня спрашивали, что я хотела бы на завтрак, обед или ужин
Мне не нравилось, если без разрешения брали мою чашку или расческу	23.	Мне не нравилось, если без разрешения брали мою чашку или расческу
Когда Я чувствовал себя обиженным, я имел привычку запираюсь в ванной или туалете	24.	Когда я чувствовала себя обиженной, я имела привычку запираюсь в ванной или туалете
Я расстраивался, когда не мог доиграть из-за того, что взрослые звали меня к себе	25.	Я расстраивалась, когда не могла доиграть из-за того, что взрослые звали меня к себе
Если друзья предлагали мне переночевать у них, родители обычно не возражали	26.	Если друзья предлагали мне переночевать у них, родители обычно не возражали
Мне удавалось обычно устроить детский праздник так, как хотелось	27.	Мне удавалось обычно устроить детский праздник так, как хотелось
Случалось, я обижался, когда взрослые начинали серьезный разговор и выставляли меня в другую комнату	28.	Случалось, я обижалась, когда взрослые начинали серьезный разговор и выставляли меня в другую комнату
Даже если подходило время ложиться спать, мне обычно разрешали досмотреть любимую передачу	29.	Даже если подходило время ложиться спать, мне обычно разрешали досмотреть любимую передачу

Продолжение z5>

(продолжение)

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
Мне не нравилась семейная традиция донашивать хорошие вещи, доставшиеся от других детей	30.	Мне не нравилась семейная традиция донашивать хорошие вещи, доставшиеся от других детей
Мне часто хотелось поиграть с детьми, которые вместе со мной ходили в кружок, но обычно родители торопились, и это не удавалось	31.	Мне часто хотелось поиграть с детьми, которые вместе со мной ходили в кружок, но обычно родители торопились, и это не удавалось
При покупке вещей родители всегда учитывали мое мнение	32.	При покупке вещей родители всегда учитывали мое мнение
В детстве часто случалось, что, стеснясь попроситься в туалет, я долго терпел	33.	В детстве часто случалось, что, стеснясь попроситься в туалет, я долго терпела
Я вполне ощутил, что отдать любимую игрушку — одно из самых сильных страданий маленького ребенка	34.	Я вполне ощутила, что отдать любимую игрушку — одно из самых сильных страданий маленького ребенка
Взрослые почему-то считали, что могут войти в ванную или туалет, когда там ребенок, и не разрешали закрывать дверь на замок	35.	Взрослые почему-то считали, что могут войти в ванную или туалет, когда там ребенок, и не разрешали закрывать дверь на замок
Родители старались делать со мной уроки, когда я уже справлялся сам	36.	Родители старались делать со мной уроки, когда я уже справлялась сама
Даже если родителям было некогда, они находили время, чтобы я поиграл с детьми, которые были мне симпатичны	37.	Даже если родителям было некогда, они находили время, чтобы я поиграла с детьми, которые были мне симпатичны
Родители не запрещали мне располагать в комнате ценные для меня предметы (фотографии любимых героев, плакаты), даже если они им не нравились	38.	Родители не запрещали мне располагать в комнате ценные для меня предметы (фотографии любимых героев, плакаты), даже если они им не нравились
Когда была приготовлена вкусная еда, то близкие мне взрослые считали необходимым накормить меня ею, даже преодолевая мое сопротивление	39.	Когда была приготовлена вкусная еда, то близкие мне взрослые считали необходимым накормить меня ею, даже преодолевая мое сопротивление

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
Мне бы очень хотелось, чтобы на дверях детских комнат были замки, хотя взрослых это и обижает	40.	Мне бы очень хотелось, чтобы на дверях детских комнат были замки, хотя взрослых это и обижает
Мне случалось огорчаться, если родители неожиданно брали меня в гости	41.	Мне случалось огорчаться, если родители неожиданно брали меня в гости
В детстве меня нередко заставляли есть калорийную, но невкусную пищу	42.	В детстве меня нередко заставляли есть калорийную, но невкусную пищу
Я переживал оттого, что взрослые ошибочно думали, будто в детстве любую вещь можно заменить Другой	43.	Я переживала оттого, что взрослые ошибочно думали, будто в детстве любую вещь можно заменить другой
Я предпочитал в детстве ходить в гости, а не звать гостей к себе	44.	Я предпочитала в детстве ходить в гости, а не звать гостей к себе
Меня раздражало, если взрослые не информировали меня о своих планах	45.	Меня раздражало, если взрослые не информировали меня о своих планах
Проблема «отцов и детей» у нас не существовала, так как родители с детства уважали мое мнение	46.	Проблема «отцов и детей» у нас не существовала, так как родители с детства уважали мое мнение
Мне не нравилось, когда взрослые в детстве любили меня пощекотать или ущипнуть	47.	Мне не нравилось, когда взрослые в детстве любили меня пощекотать или ущипнуть
Я любил в детстве, когда бывал за городом, построить себе шалаш или гнездо на дереве	48.	Я любила в детстве, когда бывала за городом, построить себе шалаш или гнездо на дереве
Родители спокойно принимали тот факт, что знают не всех моих друзей	49.	Родители спокойно принимали тот факт, что знают не всех моих друзей
Случалось, что я был вынужден носить одежду, которая мне не нравилась	50.	Мне не нравилось, что новых вещей не покупали, пока у нас были старые, но в хорошем состоянии
Меня в детстве не стригли, не спросив на то моего согласия	51.	Существовали телепередачи, которые я не могла смотреть без разрешения родителей

Продолжение z5>

(продолжение)

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
Я всегда имел уголок для игры, который мог обустроить по собственному вкусу	52.	Если ребенку не нравится какая-то вещь, ни к чему заставлять его пользоваться ею
Как и многие другие дети, я мечтал построить домик из диванных подушек, но мне это не удавалось	53.	Как и многие другие дети, я мечтала построить домик из диванных подушек, но мне это не удавалось
Если у нас с друзьями возникали общие планы, наши родители нередко старались их изменить	54.	Если у нас с друзьями возникали общие планы, наши родители нередко старались их изменить
Если я возвращался из магазина, то мог часть сдачи оставить себе	55.	Если я возвращалась из магазина, то могла часть сдачи оставить себе
У нас было принято, чтобы родители всегда знали мой распорядок дня	56.	У нас было принято, чтобы родители всегда знали мой распорядок дня
Я всегда был уверен, что, когда я с кем-то разговариваю по телефону, никто не прервет и не подслушает нашей беседы	57.	Я всегда была уверена, что, когда я с кем-то разговариваю по телефону, никто не прервет и не подслушает нашей беседы
Родители пресекали мои попытки украсить себя так, как не было принято в их время (пирсинг, татуаж, прически)	58.	Родители пресекали мои попытки украсить себя так, как не было принято в их время (пирсинг, татуаж, прически)
Мне часто бывало неприятно, когда взрослые дотрагивались до меня	59.	Мне часто бывало неприятно, когда взрослые дотрагивались до меня
Испытывая нехватку карманных денег, я не стеснялся попросить их у родителей	60.	Испытывая нехватку карманных денег, я не стеснялась попросить их у родителей
Меня раздражало, если в моей комнате наводили порядок	51.	Меня раздражало, если в моей комнате наводили порядок
Во время обеда, если суп был горячим, я мог сначала съесть второе, и родители это не запрещали	52.	Во время обеда, если суп был горячим, я могла сначала съесть второе, и родители это не запрещали

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
Если у меня в детстве появлялся новый знакомый, я должен был обязательно показать его родителям	53.	Если у Меня в детстве появлялся новый знакомый, я должна была обязательно показать его родителям
Родители всегда демонстрировали свое несогласие с моими попытками соответствовать молодежной культуре	54.	Родители всегда демонстрировали свое несогласие с моими попытками соответствовать молодежной культуре
Посещая врача, я боялся не боли, а того, что чужой человек будет меня трогать	65.	Посещая врача, я боялась не боли, а того, что чужой человек будет меня трогать
Наверное, я собственник: уже в детстве я постоянно раздражался оттого, что кто-то пользовался моими вещами	66.	Наверное, я собственница: уже в детстве я постоянно раздражалась оттого, что кто-то пользовался моими вещами
Мне не нравилось, что взрослые ходят через ту комнату, где я играю с друзьями	67.	Мне не нравилось, что взрослые ходят через ту комнату, где я играю с друзьями
Проверяя домашнее задание, родители всегда обращали внимание на порядок его выполнения: сначала основные предметы, а затем «второстепенные», и были недовольны, если он нарушался	68.	Проверяя домашнее задание, родители всегда обращали внимание на порядок его выполнения: сначала основные предметы, а затем «второстепенные», и были недовольны, если он нарушался
Меня раздражало, когда приходилось в детстве носить вещи старшей сестры или брата	69.	Меня раздражало, когда приходилось в детстве носить вещи старшей сестры или брата
У меня было в детстве увлечение (кружок, спортивная или художественная школа), которое не реализовалось, потому что родители были против	70.	У меня было в детстве увлечение (кружок, спортивная или художественная школа), которое не реализовалось, потому что родители были против
Маленьких детей везде ждут огорчения: даже надевая шапку или завязывая шарф, взрослые умудряются зацепить за ухо или вырвать волосы	71.	Маленьких детей везде ждут огорчения: даже надевая шапку или завязывая шарф, взрослые умудряются зацепить за ухо или вырвать волосы

Продолжение z5>

(продолжение)

Вариант для респондентов мужского пола		Вариант для респондентов женского пола
У меня вызывало брезгливость, если мама или бабушка настаивали, чтобы я попробовал приготовленную ими еду «поварской» ложкой, которой они пробовали ее сами	72.	У меня вызывало брезгливость, если мама или бабушка настаивали, чтобы я попробовала приготовленную ими еду «поварской» ложкой, которой они пробовали ее сами
Я не любил, если у нас оставались на ночь гости, и мне приходилось менять спальное место	73.	Я не любила, если у нас оставались на ночь гости, и мне приходилось менять спальное место
Если я не сделал домашнее задание, но успел выполнить его на перемене, родители никогда меня не ругали: «Победителя не судят»	74.	Если я не сделала домашнее задание, но успела выполнить его на перемене, родители никогда меня не ругали: «Победителя не судят»
Случалось, мне навязывали общение с братом или сестрой, даже когда мне этого не хотелось	75.	Случалось, мне навязывали общение с братом или сестрой, даже когда мне этого не хотелось
Мне случалось раздражать родителей, если мое мнение не совпадало с их собственным	76.	Мне случалось раздражать родителей, если мое мнение не совпадало с их собственным
В детстве нередко вызывало огорчение, когда мне одевали одежду через голову	77.	В детстве нередко вызывало огорчение, когда мне одевали одежду через голову
В нашей семье считалось важным тратить деньги не только на самое необходимое, но и на то, чего очень хочется ребенку (дорогие книги и приборы — бинокль, словарь, — без которых можно было вполне обойтись)	78.	В нашей семье считалось важным тратить деньги не только на самое необходимое, но и на то, чего очень хочется ребенку (дорогие книги и приборы — бинокль, словарь, — без которых можно было вполне обойтись)
Я не любил, когда во время моих занятий кто-то из близких стоял у меня за спиной и смотрел мне через плечо	79.	Я не любила, когда во время моих занятий кто-то из близких стоял у меня за спиной и смотрел мне через плечо
Даже в детстве родители не настаивали, чтобы я «пошел по их стопам»	80.	Даже в детстве родители не настаивали, чтобы я «пошла по их стопам»

Бланк ответов
ФИО _____ Возраст _____

Да	№	Нет	Да	№	Нет	Да	№	Нет	Да	№	Нет	Да	№	Нет
	1			17			33			49			65	
	2			18			34			50			66	
	3			19			35			51			67	
	4			20			36			52			68	
	5			21			37			53			69	
	6			22			38			54			70	
	7			23			39			55			71	
	8			24			40			56			72	
	9			25			41			57			73	
	10			26			42			58			74	
	11			27			43			59			75	
	12			28			44			60			76	
	13			29			45			61			77	
	14			30			46			62			78	
	15			31			47			63			79	
	16			32			48			64			80	

Формулы подсчета баллов для автоматической обработки¹, Независимо от ключа каждый ответ «Да» оценивается как один балл, ответ «Нет» — как минус один. Для получения показателей нужно просуммировать ответы респондента на каждый из перечисленных в ключе шкалы пункт по следующим формулам-

СПП - 2 + 3 + 5 + 8 + 9 + 14 + 15 + 18 + 22 + 26 + 27 + 29 +
+ 32 + 37 + 38 + 46 + 48 + 49 + 52 + 55 + 57 + 60 + 62 + 74 + 78 + 80 -
- 1 - 4 - 6 - 7 - 10 - 11 - 12 - 13 - 16 - 17 - 19 - 20 - 21 - 23 - 24 -
- 25 - 28 - 30 - 31 - 33 - 34 - 35 - 36 - 39 - 40 - 41 - 42 - 43 - 44 -
- 45 - 47 - 50 - 51 - 53 - 54 - 56 - 58 - 59 - 61 - 63 - 64 - 65 -
- 66 - 67 - 68 - 69 - 70 - 71 - 72 - 73 - 75 - 76 - 77 - 79

CPT=2+5-7-11+15-17+22-33-39-47-59-65-71-77

$$CT = 3 + 9 + 18 - 24 - 28 - 35 - 40 - 44 + 48 - 53 - 61 - 67 - 73 - 79$$
$$- 66 - 69 - 72 + 78.$$
$$CC = 26 - 31 + 37 + 49 + 57 - 63 - 75.$$
$$C\Pi = 14 - 10 - 4 - 21 + 27 + 32 - 42 + 38 + 46 - 51 - 58 - 64 - 70 - 76 + 80,$$

Приложение 2. Нормализация показателей теста

Приложение 2.1. Соотношение выборочных значений показателей теста, z-единиц и Т-баллов для мальчиков ($n = 102$)

[illegible]

¹ Чтобы получить электронный ключ к опроснику, можно связаться с автором.

Приложение 3.2. Профильный бланк w2 для девушек

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	сц	100
	W2							
80								80
			16			8		
		14			14			
60	60 50	10	12	14	6	14		60
	40		"B	w>-	to -	TO		
	30	6		6	6	6		
40	20 10	2		2	2	2		40
			0		0			
	-10	-2	-4	-2	-2	-6		
20	-20 -30	-6	-8	-6	-6	-10		20
0								0

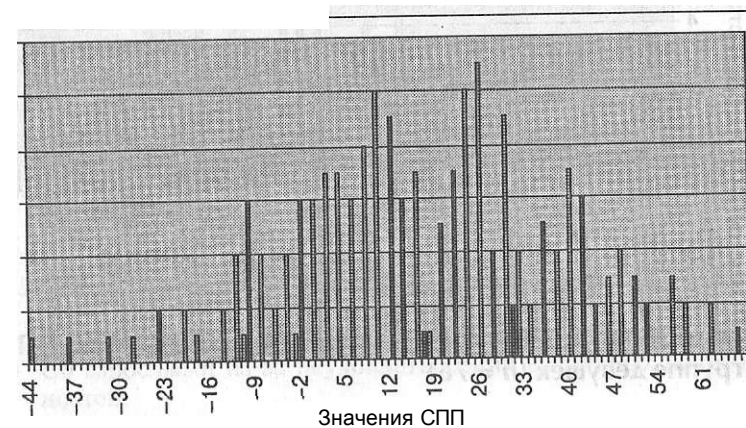
Приложение 3.3. Профильный бланк m1 для мальчиков

100	СПП	СФТ	СТ	СВ	СП	СС	сц	100
	M 1							
80								80
	60	14		14	12	8	14	
60	50 40	10	8	10	B	6	10	60
		6		6	4	2	6	
	20 10	2	4	2				
40	0 -10	-2	0	-2	0	0	-2	40
					-4	-2		
	-20 -30	-6	-4	-6	-8	-4	-6	
20	-40 -50			-14		-6	-10	20
0								0

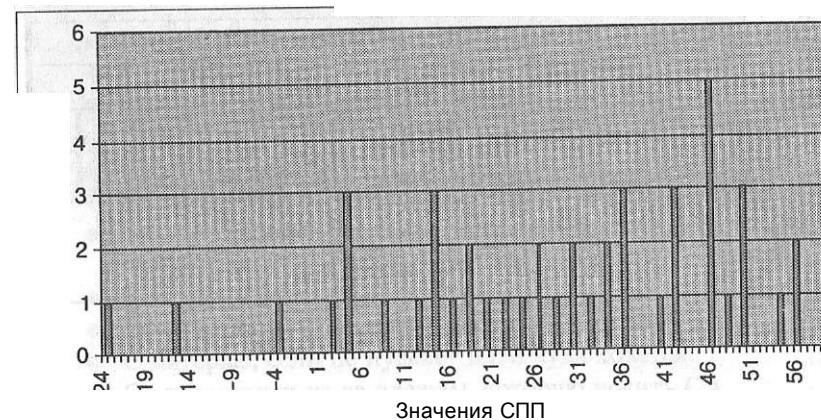
Приложение 3.4. Профильный бланк t2 для юношей

Приложение 4. Распределение частот показателей СПП в группах стандартизации

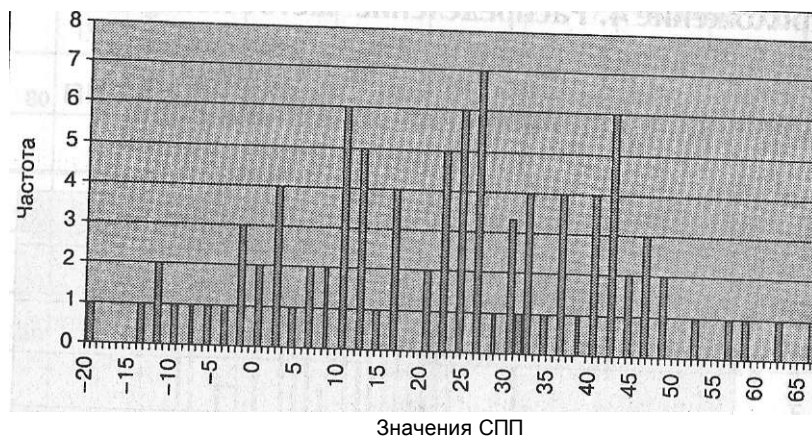
Приложение 4.1. Распределение частот показателей СПП в группе мальчиков ($n = 102$)

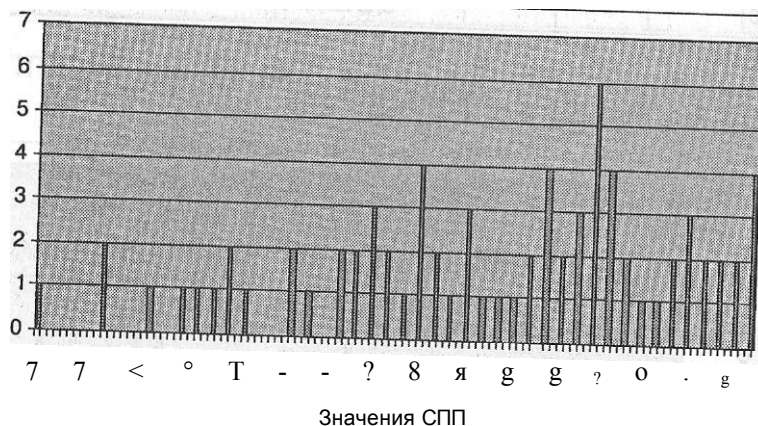
Приложение 4.2. Распределение частот показателей СПП в группе юношей ($n = 47$)

Приложение 4.3. Распределение частот показателей СПП в группе девочек ($n = 99$)

Приложение 4.4. Распределение частот показателей СПП в группе девушек ($n = 76$)

Приложение 5. Субъекты и поводы типичных для каждой возрастной стадии конфликтов

- Младенчество.
 - Ф Явных конфликтов не наблюдается (3).
 - Ф С самим собой из-за ограниченности возможностей (овладение телом) (2).
 - ф С матерью из-за непонимания потребностей (5).
 - Ф С матерью из-за внимания (6).
 - ф Со взрослыми из-за разлуки с матерью (госпитализация).
 - Ф Со своим организмом из-за физиологических потребностей.
 - ф Со взрослыми из-за плохого ухода (2).
 - Ф С матерью, если не покормила,
 - ф С матерью, если оставила мокрым,
 - ф Со взрослыми из-за предметов, которые нельзя трогать.
 - Ф С матерью из-за отлучения от груди (3).
 - Ф Со взрослыми из-за неудовлетворения витальных потребностей.
 - ф Со взрослыми из-за эмоциональной депривации (2).
 - ф С родителями из-за физического дискомфорта,
 - ф С родителями из-за принуждения (2).
 - ф Из-за физического дискомфорта.
- Ранний возраст.
 - Ф С родителями из-за вещей,
 - ф С родителями из-за опеки и контроля (4).
 - ф С родителями из-за требований (питание, гигиена, убрать игрушки).
 - ф С родителями (хочется все потрогать, но не дают) (2).
 - ф С родителями из-за желаний (2).
 - Ф Со взрослыми из-за проявлений самостоятельности (идти за руку, не в ту, а в другую сторону) (6).
 - ф С матерью, если не дает игрушку (3).
 - ф С матерью, если не берет на руки.
 - Ф С матерью, если не пускает идти куда хочется,
 - ф Со взрослыми из-за одежды, которую носить (2).
 - ф Со сверстниками и родителями из-за «схемы тела».

- ф Из-за детского сада.
- Ф Из-за покупки новых предметов и игрушек (3).
- Ф Из-за общения и внимания.
- ф С другими детьми в яслях из-за игрушек (2).
- ф В яслях и дома заставляют есть то, что не любит.
- ф С другими детьми из-за игрушек.
- ф С другими детьми из-за места.
- ✦ С самим собой из-за стыда и сомнения.
- ф С сиблингами из-за внимания родителей, игрушек, других ресурсов, если их недостает.
- Ф С вещью: если ударишься, споткнешься, упадешь.
- Дошкольный возраст.
- ф С родителями по поводу требований и привычек (3).
- ф С родителями из-за самостоятельности,
- ф С родителями (не покупают игрушек),
- ф С родителями из-за недостатка общения,
- ф С родителями из-за автономии (3 года).
- Ф Со взрослыми из-за распорядка дня.
- ф Со взрослыми из-за желания общаться с определенными детьми.
- ф С родителями из-за невнимания (2).
- ф С родителями, если не покупают игрушки, какие хочется, а покупают другие.
- ф С родителями, если заставляют есть когда или что не хочется.
- ф С родителями, если отправляют спать, когда не хочется.
- ф С родителями, если заставляют есть то, что не хочется.
- ф С родителями, если не позволяют смотреть (досматривать) телевизор.
- ф С родителями, если не позволяют гулять где хочется.
- ф С родителями (нельзя перебегать дорогу на красный свет).
- ф С родителями, если лезут с ласками и поцелуями.
- ф С родителями из-за недостатка общения с детьми (если не ходит в детский сад).
- ф С родителями из-за игрушек.
- Ф С сиблингами из-за внимания родителей (4).
- ф С сиблингами из-за обладания вещами — игрушками, телевизором, компьютером и пр.
- ф Со взрослыми, если они не поддерживают стремления ребенка узнавать мир (мешают).

- Ф С воспитателями.
- Ф Со взрослыми из-за правил и норм (3).
- ф Со сверстниками из-за внимания (2), статуса (3), игрушек (7) и других ресурсов,
- ф Со сверстниками из-за места,
- ф Со сверстниками из-за предпочтений в дружбе.
- Ф Со сверстниками из-за невыполнения правил (5).
- ф С ровесниками, если не хотят играть во что ты предлагаешь.
- Ф С ровесниками, если хвастают вещами и игрушками, которых у тебя нет.
- ф С родителями из-за ревности во втором браке родителей,
- ф С родителями по поводу рождения сиблинга.
- Ф Из-за низкой самооценки,
- ф С родителями из-за автономии (7 лет).
- Младший школьный возраст.
- Ф С самим собой в сфере деятельности.
- Ф С самим собой из-за несоответствия требованиям (2).
- ф С родителями из-за школы (привычек) (8).
- Ф С родителями.
- ф С родителями, если лишают чего-то обещанного (карманных денег, обещанного подарка),
- ф С родителями из-за ограничений в игре, прогулках до определенного времени (2).
- ф С родителями из-за друзей (не разрешают приводить) (2).
- ф С родителями из-за мнения учительницы,
- ф С родителями из-за интересов и увлечений (2).
- ф С родителями из-за друзей и знакомых (если родители считают, что ребенку полезнее дружить с кем-то еще),
- ф С родителями, если не позволяют уходить далеко и надолго,
- ф Со взрослыми из-за плохих оценок и поведения в школе.
- Ф Со взрослыми из-за правил,
- ф С родственниками из-за самостоятельности,
- ф С родственниками из-за привычек.
- ф С родителями, если покупают вещи, которые не хочешь носить, а покупают другие.
- Ф С сиблингами из-за внимания других родственников.
- Ф С сиблингами из-за ресурсов, если их недостает (игрушки, одежда).
- ф С сиблингами из-за интересов, мнений.

- ф С одноклассниками и друзьями из-за статуса в классе (5) («кто лучше»),
- ф С одноклассниками из-за внимания учительницы (3).
- Ф С одноклассниками из-за ценностей (что справедливо, что нет) (2) и вкусов (2).
- ф С одноклассниками из-за игры (2).
- Ф Со сверстниками из-за игрушек.
- ф С ровесниками, если хвастаются одеждой, которой у тебя нет.
- Ф С ровесниками, если не хотят играть во что ты хочешь.
- Ф С ровесниками из-за статуса (потому что слишком «умный» или слишком «глупый») (4).
- Ф Со сверстниками из-за того, с кем дружить.
- ф Со сверстниками.
- Ф С учительницей из-за требований (привычек) (7).
- ✦ С учительницей из-за поведения (3).
- ф С учительницей из-за неадекватно плохого отношения (из-за статуса).
- Подростковый возраст.
 - Ф Со сверстниками, родителями и самим собой.
 - Ф Со всеми из-за всего.
 - ф С окружающим миром из-за поиска места в мире (идентичности) (2).
 - Ф С самим собой по поводу идентичности (физической, социальной, мировоззренческой) (3).
 - Ф С самим собой, если делаешь необдуманные поступки, за которые сам себя ругаешь.
 - Ф С самим собой, если ведешь себя, как не хотел.
 - Ф С самим собой из-за низкой самооценки.
 - ✦ С самим собой, если говоришь то, что не стоило, и не говоришь того, что стоило.
 - ф С самим собой, если упрекаешь себя в слабости духа и некоторых чертах своего характера.
 - ф С самим собой по поводу внутреннего мира и принятия себя (2).
 - Ф С родителями из-за автономности (8) («Я взрослый»),
 - ф С родителями из-за режима («Гуляет целый день») (2).
 - ф С родителями из-за контроля привычек («Приходи не позже...») (2).

- ф С родителями из-за вкусов («нацепил на себя черт-те что») (2).
- ф С родителями из-за финансов,
- ф С родителями в случае их развода,
- ф С родителями в случае их ссор,
- ф С родителями из-за одежды.
- ф С родителями, потому что запрещают общаться с тем, с кем ты общаешься.
- ф С родителями, потому что заставляют читать, делать уроки,
- ф С родителями, если запрещают поздно гулять.
- Ф С родителями, если запрещают пить, курить и т. п.
- ф С родителями из-за финансов.
- Ф С родителями (2).
- ф С родителями из-за выбора профессии,
- ф Со взрослыми из-за норм, правил, ценностей и привычек.
- Ф Со взрослыми из-за вкусов,
- ф Со взрослыми из-за стиля жизни,
- ф Со взрослыми из-за запретов (2).
- ф С сиблингами из-за интересов и увлечений,
- ф С сиблингами из-за ресурсов,
- ф С сиблингами из-за требований друг от друга.
- Ф Со сверстниками из-за статуса в группе (3).
- Ф Со сверстниками из-за принадлежности к группе,
- ф Со сверстниками из-за верности в дружбе (2).
- Ф Со сверстниками из-за чего угодно (3).
- Ф Со сверстниками из-за требований друг от друга,
- ф Со сверстниками из-за мнений по разным вопросам (6).
- ф С ровесниками, если ты издеваешься над ними или они над тобой.
- ф С ровесниками, потому что ты из одной группы, а они из другой.
- ф С ровесниками из-за противоположного пола (2).
- ф С учителем из-за привычек (невыполненное задание) (2).
- ф С учителями из-за поведения (4).
- ф С родителями ровесников (если дерешься, делаешь небезобидные пакости).
- Ф С противоположным полом, если не хочет понимать то, что ты говоришь.

- ф С противоположным полом, если ведет себя не так, как хотелось бы.
- Ф С противоположным полом из-за несовпадения взглядов.
- Юность (Молодость).
 - ф С самим собой (7), с другими людьми из-за мировоззрения и представлений о смысле жизни.
 - ф С самим собой из-за прощупывания собственных убеждений и взглядов.
 - Ф С самим собой или с литературой.
 - ф С самим собой из-за профессиональной самореализации (2).
 - Ф С супругом из-за требований друг к другу (2).
 - Ф С супругом из-за ревности,
 - ф С супругом из-за воспитания детей.
 - ✧ С супругом из-за представлений о жизни, мировоззрения, интересов, друзей, характера времяпрепровождения, образа жизни.
 - ф С родителями из-за мировоззрения (7).
 - ф С родителями из-за досуга,
 - ф С родителями из-за финансов.
 - ✧ С родителями из-за контроля (2).
 - ф С родителями (4).
 - ф С родителями из-за взаимных требований (3).
 - ф С родителями из-за создания новой семьи.
 - ф С родителями из-за отделения (самостоятельная жизнь, уход из дому).
 - Ф С сиблингами из-за увлечений, мнений,
 - ф С сиблингами из-за ожиданий друг от друга,
 - ф С друзьями из-за представлений о жизни,
 - ф С друзьями (2).
 - ф С ровесниками своего пола из-за статуса,
 - ф С лицами противоположного пола из-за сближения (2).
 - ф С противоположным полом из-за несовпадения желаний и требований (3).
 - Ф Со сверстниками (2).
 - Ф С ровесниками из-за социального статуса.
 - Ф С друзьями из-за ожиданий друг от друга (2).
 - ф Профессиональные конфликты (2).
 - Ф Семейные конфликты,
 - ф С родственниками.

- Ф Конфликт из-за зарплаты,
- ф Из-за социальных привязанностей,
- ф Из-за материального положения,
- ф Из-за способов досуга,
- ф Из-за жилья.
- Ф Из-за способов проведения досуга.
- Ф Из-за выбора партнера (2).
- ф Из-за профессии.
- ф С начальником по работе из-за требований к поведению,
- ф С начальником из-за его ожиданий.
- Ф С коллегами из-за ресурсов (2).
- ф С коллегами из-за статуса в группе.
- Ф С коллегами из-за места на «служебной лестнице» (2).
- Ф Из-за мнений (идейные конфликты),
- ф С обществом в целом («чего я могу добиться в жизни»).
- Ф С социальной средой на тему «а чего я добьюсь в жизни...»,
- ф С каждым.
- Взрослость.
 - Ф С другими людьми.
 - Ф С самим собой из-за неудовлетворенности (кризис среднего возраста) (5).
 - Ф С самим собой (3).
 - ф С родителями (2).
 - ф С родителями (конфликт «отцов и детей»).
 - Ф С родителями из-за воспитания детей (2).
 - ф С супругом из-за требований друг к другу (3).
 - ф С супругом (3).
 - ф Семейные конфликты (2).
 - Ф С супругом из-за ревности.
 - ф С супругом из-за воспитания детей (2).
 - ф С супругом из-за мировоззрения, образа жизни, друзей.
 - ф С супругом из-за вещей.
 - ф С детьми из-за требований и ожиданий.
 - ф С детьми из-за повышенной опеки.
 - ф С детьми (4).
 - ф С детьми из-за выбора жизненного пути ребенка,
 - ф С детьми из-за представления о жизни, мировоззрения (2).
 - Ф С детьми из-за желания их предостеречь.

- ф С друзьями из-за требований друг к другу,
- ф С друзьями.
- Ф Производственные конфликты (9).
- Ф Межпоколенные конфликты,
- ф С молодым поколением из-за статуса,
- ф Идеологические конфликты (2).
- ф С начальником из-за его требований к работе и поведению (5).
- ф С коллегами из-за статуса («меня недооценивают»),
- ф С коллегами из-за ресурсов (2).
- ф С коллегами из-за места на «служебной лестнице» (3).
- ф Из-за собственности (2).
- Ф С коллегами из-за статуса в группе (2).
- ф С подчиненными из-за требований (2).
- ф С подчиненными из-за ожиданий подчиненных от начальника.
- Ф С другими — профессиональные.
- Ф Семейные (2).
- ф С воспитателями детей (учителями, психологами).
- Ф С родителями других детей,
- ф С соседями.
- Поздняя зрелость (пожилой возраст),
- ф С окружающим миром.
- Ф С самим собой из-за неудовлетворенности прожитой жизнью (8).
- ф Семейные (с супругом, детьми, внуками, близкими из-за ожиданий и требований друг к другу) (5).
- ф С детьми (по поводу неправильного воспитания внуков),
- ф С молодым поколением из-за своей ненужности,
- ф Конфликт из-за стремления всех заставить делать так, как хочется.
- ф Конфликт из-за стремления всех подвести под свои стандарты.
- ф Семейные конфликты,
- ф С супругом по бытовым вопросам (2).
- ф С детьми, когда они не внемлют опыту (4).
- ф С детьми из-за ценностей.
- Ф С детьми из-за предметов,
- ф С детьми из-за территории.

- ф С внуками из-за ценностей, норм и правил (2).
- ф С молодежью из-за ценностей (2).
- ф С внуками.
- Ф С внуками (что они не так живут),
- ф С работниками ЖЭКов, ДЭЗов.
- Ф Из-за пенсии,
- ф Из-за жилья.
- Ф С соседями.
- Ф С врачами.
- Ф С социальной средой из-за своей дряхлости и недееспособности.
- ф С окружающей средой из-за ослабления деятельности организма.
- ф С окружающим миром из-за страхов (боязни, умирания, беспомощности).
- Ф С окружающим миром из-за наследства,
- ф С окружающим миром из-за социальных отношений.

Приложение 7. Классифицированные самоописания

1-Б-жен-С 54. Я очень жизнерадостный человек (п), но бывает на душе очень гадко, когда что-то, что очень хотелось бы, не получается (и-п). Мне очень нравится радовать себя и других (ал). Я считаю себя романтиком, и это выливается в моих стихах (п). Мне нравится, что я сильная (п), и, если надо, я всегда не дам «опускать руки» себе самой (п) и поддержу друзей в любом случае (п). Также я очень люблю похулиганить (аг). Я очень люблю мечтать и фантазировать (и-п), рисовать красивые вещи (и-п). Люблю вызывать положительные чувства у других (п). Когда хорошо моим близким людям, мне тоже хорошо (ал).

2-Б-жен-С 46. Я очень веселая и озорная девчонка (и-п). Я очень хороший друг, с которым можно поговорить по душам (п). Еще я очень люблю сочинять стихи (и-п), читать интересные книги (и-п), танцевать (особенно на дискотеках) (и-п), а также гулять (и). Мои любимое время года — зима и лето (и). По внешности я симпатичная! (п) Особенно моим друзьям нравятся мои длинные ресницы (п). Из музыки мне не нравится попса (и). Люблю общаться, играть в подвижные, а также в настольные игры. Иногда в моем внутреннем мире бывают большие перемены (и-п). Я начинаю ненавидеть людей (аг), и мне хочется отключиться и больше никогда не просыпаться (н). Иногда мне хочется замкнуться и жить в своем внутреннем мире (н).

3-Б-жен-С 50. Я не идеальный человек (н), как считают многие. Иногда я бываю упрямой (н), но в большинстве случаев взрослым уступаю (п). У меня много друзей, которые доверяют мне свои тайны (п), и я охотно их слушаю, сопереживаю, советую (ал). По сути я неконфликтный человек, но если меня или близкого мне человека обижают, то я не буду молчать (ал). Главный мой недостаток, как говорят многие, — это лень (хотя я не совсем с этим согласна) (н). Я всегда отстаиваю свою точку зрения, но уважаю мнение других (п).

4-В-жен-С 62. Меня зовут Татьяна Алексеевна (и). В январе мне исполнится 14 лет (и). Я пошла в школу с 6 лет (и). Я почти 2 года носила брэкеты (и). В третьем, восьмом классе я была отличницей (и) собираюсь остаться отличницей в девятом классе (и). Мой рост 158 см, мой вес 42-43 кг (и). Я люблю синий цвет (и) и слушаю

[illegible]

самую разную музыку (и). Очень люблю читать (п). Иногда играю на компьютере (и). Катаюсь на роликах (и). Не люблю Эмму Иосифовну (и). Люблю свою кошку и хочу хомяка (но кошка его съест) (и). Живу в Интернете (и). На левой ноге у меня шрам (и).

Суверенные мальчики

1-А-муж-С 50. Я являюсь обычной особью мужского пола (и) на активной стадии переходного возраста (и), которая на меня очень влияет, пока не сформируется моя личность (окончательно), трудно рассуждать, кем я являюсь (и-п). В себе я не разобрался (и-п) (я это отложу до тех пор, когда не закончится активная стадия переходного возраста), но зато я активно пытаюсь разобраться в других (и-п). Я занимаюсь музыкой (играю на гитаре) (и), рисую (и), читаю (и), гуляю (и), общаюсь (и) и тем самым сублимирую агрессию (п), поэтому я более или менее спокоен (п). Люблю общаться (и), у меня много друзей, знакомых (п). Не завишу от условностей (п). У меня есть собственное мнение о жизни (и).

2-А-муж-С 38. Я считаю, что я глупый (н) и некрасивый (н), я злопамятный (н), никому в этой жизни нельзя доверять! Мне не нравится, когда люди говорят мне в лицо одно, а за спиной говорят совсем другое! (и-п) Мне не нравится, что я общаюсь с теми людьми, которые мне в какой-то степени противны (н). Я эмоционален (и-п), и некоторые на первый взгляд пустячные вещи могу очень тяжело переносить (и-п).

3-А-муж-С 54. Мне 15 лет (и). Для некоторых я кажусь придурковатым (н) или слишком добрым (н). Для девушек я кажусь некрасивым (н).

4-А-муж-С 44. Я простой пацан (и), который любит выпить и погулять (н). Я очень общительный (гi), друзей у меня много, но не в классе. Я увлекаюсь машинами (и) и люблю посмотреть на некоторые (и).

5-А-муж-С 41. Я терпеливый (п), хоть и часто злюсь (н). Не люблю, когда меня обзывают (и-п). Хорошо знаю математику (п). Люблю где-нибудь посидеть в одиночестве и подумать о разных вещах (и-п). Я не люблю, когда у меня что-нибудь спрашивают (и). Не люблю, когда меня не слушают (и-п). Люблю походить по улице (и).

6-Б-муж-С 36. Меня, бывало, раздражали некоторые люди (н). Но я сам не идеал (н). Меня добивают уроки и контрольные работы (и). Я не люблю, когда меня просят заполнить тест на психологию! (и)

7-Б-муж-С 38. Я не идеальный человек (н). Я такой, какой я есть (и). Я ненавижу, когда на меня орут (и-п), указывают (и-п) и т. п. Я простой человек (и). Я ненавижу, когда мне угрожают (и-п).

8-Б-муж-С 38. Среднего роста (и), среднее телосложение (и), не тупой (и-п), догадливый (и-п), хитрый (и-п), горячий (и-п), свободный (п), не урод (п), симпатичный (п), стройный (п), спортивный (п), живу по понятиям (по людским) (п).

9-Б-муж-С 38. Невысокий (и), среднего телосложения (и), общительный (п) и самоуверенный (п), умный (гi), нехитрый (п), для меня слово и честь дороже некоторых вещей (п). Жаркий (п), свободный (п), независливый (п), сексуальный (п), привлекательный (п), я знаю закон гор (п), живу по понятиям (по-людски) (п).

Нормально (умеренно) суверенные девочки

1-А-жен-Н 24. Я считаю нужным сказать, что у каждого реализованного человека есть своя точка зрения (и). Вот как раз у меня она, точка зрения, особенная (и). По крайней мере так я считаю. Многие люди, окружающие меня, общаются со мной лишь из-за того, как я смотрю на жизнь (п). Но, как ни суди, все равно мы все люди, и множество раз мысли у нас всех совпадают, что и помогает нам общаться. Множество моих друзей, большая часть, довольно несерьезные, так как облегчают свою жизнь алкоголем, вернее, им злоупотребляют. Но, как ни как, они мои друзья.

2-А-жен-Н 24. Я не очень общительна (и-п), хотя друзей у меня немало. Меня довольно легко раздражить (н), но в основном я сдерживаю себя (п). Я очень люблю гулять с подругами (и). Я очень эмоциональный человек (и-п). Но не все меня может обидеть (и-п). Вообще, я не обижаюсь из-за всяких пустяков (и-п). Я люблю смеяться и веселиться (и-п). Я очень люблю общаться на непростые темы (и-п). Когда я ссорюсь с людьми, я никогда не пойду первой мириться (и-п). Я люблю посидеть в тишине и поразмышлять (и-п).

3-А-жеи-Н 22. Мне 14 лет (и). Учусь я не очень хорошо (и). Я общительная (и-п), веселая (и-п), мне нравится погулять (и). Люблю слушать музыку популярную (и). Характер у меня не очень хороший (и-п). Меня раздражает, если кто-то трогает мои вещи (и-п). Черные волосы (и). И не показываю себя всем (и-п).

4-А-жен-Н 34. Меня зовут Настя (и). Моя фамилия...(и) Мне 14 лет, я учусь в 9 «А» классе (и). Мой день рождения будет...(и) Родилась я в 1990 году (и). У меня есть молодая сестра, которую зовут Оля (и). Мы с ней не очень ладим (и-п). У меня зелено-карие глаза (и), волосы темные (брюнетка) (и). Волосы у меня длинные (и). В четырех категориях человека я являюсь затейником, но мне кажется, что это неправда (и-п). Я ничего не задумываю и не загадываю (и-п).

5-А-жен-Н 28. Меня зовут Алеся (и). Моя фамилия...(и) У меня день рождения ...89 года (и). У меня серо-голубые глаза (и), волосы до плеч (и). Я человек-затейник (и-п), всегда что-либо придумываю, но перед этим все обдумываю (и-п). Я люблю что-либо украшать (и), люблю слушать музыку (и), читать (и).

6-А-жен-Н 24. Во мне нравится то, что я красивая (п), так как это считают все, сама я считаю, что не красивая, а симпатичная (п). Во мне не нравится то, что я маленького роста (н), так как я пошла в маму, она тоже маленькая. У меня очень трудный характер (н), я могу быть очень злой (н), но в тот же момент и веселой (н), и доброй (и). У меня много друзей, но кому я могу раскрывать свои секреты, так это только своему лучшему другу, Кате Ф. (и-п). Но мне нравится мой характер (п).

7-А-жен-Н 12. Меня зовут Даша (и). Мне 14 лет (и). Я толстенькая блондинка (и). Сейчас волосы у меня черно-красного цвета (и). Могу всегда помочь человеку, если нужно (ал). Готова помочь с уроками (ал). Я жутко неаккуратная (н), из-за этого часто ссорюсь с мамой. Еще я ужасно долго собираюсь куда-либо (в школу, например, 1.5 часа) (и), однако я не модница (и). В своей жизни я очень много смеюсь, меня легко развеселить (п). Я могу смеяться часами (п). Я легко переношу обиды и ссоры, потому что в итоге все со мной мирятся (п). У меня нет плохих привычек (п). Я могу перестраиваться настроением очень быстро (и-п). При всем этом, как это ни странно, я серьезный человек (п).

8-А-жен-Н 20. Я добрая (п), люблю все живое (п), кроме Налбандяна и Андросова. Я бываю очень вспыльчивой (н), но быстро отхожу (п). Мой недостаток — всем все прощаю (н).

9-Б-жен-Н 24. Свое описание — это трудно. Описание я пишу то, которое мне все говорят. Что я очень хорошая в том смысле (и), что у меня хороший характер, и, когда со мной общаются, говорят: «Ты такая общительная, и в тебе есть какая-то изюминка, которой очень мало в людях (то есть очень редко встретишь)» (и). И друзей у меня очень много (п). Очень! И в Бишкеке (Киргизия), Молдавии, и Украине, Питере и, в общем, все мы общается. Но бывает, что дома я просто схожу с ума! (н) Я дома просто раздражаюсь в полном смысле! (н) Очень не люблю, когда мне не верят или хитрят (и-п). Обычно я стараюсь не общаться с такими людьми (и-п). Очень строго отношусь к правилам всего (п). Например: правильное питание, что говорит врач и т. д. В общем, описывать много. Спасибо!

10-Б-жен-Н 12. С моей точки зрения, мой характер кажется мне странным, потому что у меня есть манера переживать больше за других людей, чем за себя (ал). Например, за моих близких, друзей и т. д. Я не могу равнодушно отнестись к чужой беде (ал). Еще я могу часто разочаровываться в людях из-за их поступков (и-п).

11-Б-жен-Н 26. Я... Аня (и). Я не добрая и не злая (и). Грубо говоря, я не ангел (и). Если меня попросить дать книжку, я даю (ал). Я не раздражаюсь, когда я разговариваю по телефону, мои родители подслушивают мой разговор (и-п), но раздражаюсь, если за моей спиной стоят родители (и-п). Я злюсь, если берут без спроса мои вещи, ломают (и-г). Я бешусь, если делают не по-моему! (и-п) Я бешусь, если меня не слушаются! (и-п) В общем, я не ангел! (и-п)

12-Б-жен-Н 8. Ну меня зовут Гаянэ (и). Про себя не могу сказать, что я хорошая или плохая (и). Но хотя иногда я это понимаю сама, по каким-либо обстоятельствам. По крайней мере друзья говорят, что очень веселая (п), в какой-то мере ответственная (п) и хороший друг (п). А про себя сама могу добавить, что я люблю очень побеситься (с сестрами, друзьями) (и-п). А вообще, иногда бывает, что хочешь что-то сказать или сделать, но кто-то или что-то этому мешает (и-п). И потом мне как-то не по себе (и-п). И еще бывает хорошее настроение, но к концу дня почему-то веселье проходит и потом начинает болеть голова и т. д. (и-п) Вот, в основном вроде бы все нормально (и-п). В семье у меня почти все хорошо. Я очень люблю всех своих родных (и-п). И они меня тоже. Хотя иногда сильно ругают, но потом мы миримся (и-п). Вот и все.

13-В-жен-Н 30. Меня зовут Елена (и), мне в январе исполнится 15 лет (и). Я пошла в школу с 7 лет (и). Я учусь хорошо, на «4» (и). Мой рост 157 см. (и) Мои любимые цвета розовый и фиолетовый (и). Много слушаю музыку (и).

14-В-жен-Н 24. Я ...Аля (и), учусь в 9 классе «...» (и). Меня очень легко загнать в апатичное состояние (и-п), но и выйти из него можно без проблем (и-п). В моем характере есть такая черта как альтруизм (ал), отношу себя к типу флегматика (не уверена) (и-п), зато знаю точно, что я реалист (и-п) и не являюсь конформным типом людей (и-п). Это радует. Почему-то каждый день бывает состояние апатии (и-п). Радуюсь жизни (п).

15-В-жен-Н 8. Меня зовут Лена (и). Я правда хочу стать психологом (и-п) и очень ненавижу, чтобы об этом говорили. Я ненавижу быть в центре внимания (и-п). Недавно мои родители развелись (и), и мама не разрешает мне общаться с отцом (и). У меня куча тайн от мамы (и-п).

Нормально (умеренно) суверенные мальчики

1-А-муж-Н 24. Я не самый умный (н), я таким себя не считаю, но я очень развит интеллектуально (п). Иногда, смотря телевизор, я вижу богатых, влиятельных людей, и я чувствую, что они ниже меня интеллектуально (п). Я не могу решить, кем я буду! (и-п) Меня бесят, которые понтуются, но сами ничего не стоят (и-п). Я легко меняю

вид деятельности (и-п). Я очень разговорчив и люблю общение (и-п). Я могу разговаривать с любыми людьми (и-п). Я жалостливый (п). Мне жалко людей с отклонениями, которых нигде не признают (ал).

2-А-муж-Н 14. Род мужской (и), ...1990 года (и). Адрес: ...Очень симпатичный (п). Я вырос на окраине рабочей городской, мальчишка симпатичный, зуб золотой. Но у меня есть бумер клубничный заводной. Клубничный бумер, клубничный бумер! А мне навстречу все коровы улыбаются: му, му, му, му, му. Я корову утоплю, и тебя я хочу, хочу, но у меня есть клубничный бумер, бумер заводной.

3-Б-муж-Н 10. Я хороший человек (п) и больше ничего не могу про себя сказать. Я не самолюбивый (п) и не люблю писать про себя (и-п). Я занимаюсь каратэ (и), у меня неплохие результаты (п).

4-В-муж-Н 12. Мне 15 лет (и), высокий рост (и). Люблю играть в футбол (и). Я ЛЮБЛЮ СЕКС С МАЛЬЧИКАМИ (и).

5-В-муж-Н 26. Я добрый (п), но вспыльчивый (н); всегда поддержку друга (ал).

6-В-муж-Н 16. Играю в футбол (и), не люблю музыку (и).

7-В-муж-Н 10. Мне почти 15 (и), играю в футбол (и), хоккей (и), хочу «4» по алгебре (и), ненавижу козлов, уродов (и) и попсу. Хочу играть на гитаре (и) и замочить пацана (аг).

8-В-муж-Н 16. Я добрый (п) (по крайней мере, так говорят все), я занимаюсь спортом (фехтованием) (и), учусь без троек (и), одеваюсь модно (и), отличаюсь от многих цветом волос (и), очень отзывчивый (п). Очень постоянный человек, разбираюсь в друзьях (п).

9-В-муж-Н 6. 14 лет (и), средний рост (и), любитель хорошо провести время (и); на выходных предпочитаю остаться дома (и). Мои интересы: 1) проводить время за компьютером или приставкой (и), 2) люблю гулять с друзьями (и), 3) гулять с родителями (и).

Депривированные девочки

1-А-жен-Д 2. По моему мнению, я очень эмоциональный человек (п). Когда меня ругают, я сразу же начинаю плакать (и). Мне не нравится, когда я спокойно спрашиваю что-то у людей, а они раздражительно отвечают (и). Мне не нравятся замкнутые люди (и-п). Мне не нравится, когда человек не умеет слушать и не считается с мнением других (и-п). Я люблю заниматься шопингом и спортом (и-п).

2-А-жен-Д 10. Меня зовут Аня (и), мне 14 лет (и), я хочу стать хирургом (и-п). Я могу легко менять своих друзей (и-п). Больше мне нечего вам сказать.

3-А-жен-Д 4. Я люблю гулять по улице со своей лучшей подругой (и). Мы с ней все время нарываемся на всякие истории (и-п). Люблю ездить повсюду (и). Не люблю делать уроки и слушать лекции родителей по поводу моих поступков (и-п). Друзей у меня не-

много, но зато все хорошие (и-п). Хочу иметь свой экстравагантный стиль и жить в центре (и-п). Не люблю скуку (и). Часто родители портят мне настроение и нервы (и). Мне также не нравится эта школа (и). Еще мне не нравится моя одежда, потому что, когда ее покупают, приходится считаться с мнением моих родителей. Люблю общаться с нормальными веселыми и эксцентричными людьми (и).

4-А-жен-Д 2. Я Красивая (п). Люблю, просто обожаю лошадей (и-п). Я на них езжу, занимаюсь конкурсом (и). Они очень красивые, быстрые. И я их люблю.

5-Б-жен-Д 6. У меня немного развито чувство самолюбия (и-п). Мне кажется, что по сравнению со мной все просто маленькие уроды (аг). От этого я не очень общительна или даже наоборот, не могу найти общий язык с людьми (и-п). У меня комплекс роста из-за того, что я очень высокая (н). У меня бывают разногласия с родителями из-за этого, я очень часто с ними ругаюсь (н). Иногда раздражаю своих друзей (н).

6-Б-жен-Д 2. Невысокая блондинка с голубыми глазами (и), стройная (и). Я человек, склонный к искусству (и). Часто, переживая за других, советуя что-то, нередко забываю про себя (ал). Часто бывает, что знакомые или друзья спрашивают у меня совета (над которыми я после часто думаю и переживаю, правильно ли я посоветовала человеку) (ал).

7-Б-жен-Д 4. Меня зовут Катя (и), мне 15 лет (и). Учусь в 9 «б» классе (и). Невысокого роста брюнетка (и). Не знаю, как мои друзья, но я себя хвалить не буду (и-п). Потому что я это не люблю делать.

8-Б-жен-Д 8. Я холерик и сангвиник (два в одном!) (и-п). Бываю очень вспыльчивой (н), а иногда скромная (п) и ласковая девочка. Люблю разговаривать (и-п), могу подойти и познакомиться на улице. Я любвеобильная (п), люблю хорошо выглядеть (п). Очень люблю животных (и-п) и не люблю пьяных людей.

9-В-жен-Д 0. Я по душе добрый человек (п). Иду всегда за правоту (п), то есть за людей, которые правы. Очень часто помогаю своим друзьям (ал).

Депривированные мальчики

1-В-муж-Д 2. Жиртрест (н). Рост соответствует весу (и). Ухо лезет через глотку (н).

2-В-муж-Д 2. Я дурак (н), у меня чиж, я хочу есть (и-п), у меня «3» по биологии (и). Я хочу побить Веснушку (аг).

Приложение 8. Опросник «Психологическая дистанция в браке» Ю. В. Курбаткиной

ПОЛ.....Возраст.....Время в браке
Наличие детей (их пол, возраст)

Дорогие друзья!

Приглашаем Вас принять участие в опросе по проблемам современной семьи. Пожалуйста, внимательно прочтите каждую пару утверждений и выберите из них одно, которое ближе по духу Вам. Среди утверждений нет плохих или хороших, все они описывают быт современной семьи, только в различных вариантах, которые кому-то подходят, кому-то нет. Постарайтесь вспомнить или представить, что характерно для Вашей семьи. Заранее спасибо!

1	а) Обидно, если супруг(а) забывает поздравить супругу(а) с их общей датой. б) Это неизбежно, что можно забыть некоторые даты, это не говорит об отсутствии любви.
2	а) Совсем не обязательно быть в курсе всех «болячек» супруга(и). б) Само собой разумеется, что супруги знают все о состоянии здоровья друг друга.
3	а) Это естественно, покупая одежду, полагаться исключительно на собственный вкус. б) Это само собой разумеется — покупая себе одежду, учитывать, понравится ли она супруге(у).
4	а) Большинство семейных людей всегда чувствуют себя хозяевами в доме, несмотря на то что с ними могут проживать родственники. б) Многие семейные люди любят вставать раньше других, потому что только в это время они как будто одни в квартире и чувствуют себя хозяевами.
5	а) Вполне можно поесть, не дожидаясь, когда семья соберется за столом. б) Обедать одному очень тяжело, «кусоч не лезет в горло».
6	а) Самый лучший способ помочь супругу — это не мешать ему пережить его чувства. б) Если одному супругу грустно, то второй просто не имеет морального права быть в хорошем настроении.

10	а) Спрашиваю себя: «Что бы мне сейчас хотелось?» — и делаю то, что хочу, что-то приятное для себя. б) Смотрю хороший, согревающий фильм. в) Вспоминаю что-то приятное.
11	Возьму что-то вкусенькое и сяду у компьютера общаться с друзьями и читать. Или с рюмкой и хорошим фильмом, этот вариант слабее.
12	Сплю и в день уныния смирюсь, настоящее уныло, — все мгновенно, все пройдет, что пройдет, то будет мило.
13	Представляю теплые дни и занимаюсь полезным делом: уборкой, чтением, размышлением, <u>прослушиванием музыки, осмыслением</u> эмоциональных переживаний. —
14	Если я могу себе позволить похандрить, то я проживаю <u>это</u> состояние, прислушиваясь к нему и анализируя его, но пытаюсь его зафиксировать как временное (хандру), далее, следующий шаг, я начинаю искать точку опоры в каком-то позитиве, либо о чем-то хорошем мечтаю, либо начинаю выстраивать план на будущее, даже если он на уровне мечтаний, и потом увлекаюсь и постепенно, с разным успехом во времени, мое состояние меняется.
15	Обычно я выхожу <u>из дома, сажусь в машину и с близкими людьми</u> посещаю церковь. —
16	Сплю или читаю. —
17	а) Зажигаю свечи. б) Достāju любимую книгу, или, если не помогает. в) Включаю один из старых, добрых фильмов. г) Зажигаю много-много света. д) Принимаю контрастный душ. е) Звоню по телефону подруге и рассказываю, какая поганая у меня жизнь. ж) Могу выпить бокал вина. з) Могу начать готовить новое кулинарное блюдо. и) Открываю альбом с детскими фотографиями.
18	а) Ложусь под теплое одеяло. б) Включаю любимый фильм, лучше комедию или мелодраму. в) Собираю вокруг себя все вкусное в холодильнике. г) Телефон — звоню друзьям или подруге. д) <u>Открываю вино.</u> е) Греюсь. —

Продолжение &

392 Приложения

(продолжение)

16	а) Вступая в брак, супруги неизбежно вынуждены отказываться от части своих увлечений и привычек, если их не разделяет супруг(а). б) Брак нисколько не мешает жить привычной жизнью.
17	а) Если ночью не удастся уснуть, лучше всего использовать это время для чтения любимых книг или для других увлечений. б) Это так естественно, если ночью не удастся уснуть, разбудить супруга(у), чтобы вместе попить чайку, поговорить.
18	а) Когда кто-либо из супругов идет в магазин за продуктами, он (она) всегда точно знает, что купить, и не ошибается, зная вкусы другого. б) Вполне нормально, если кто-либо из супругов, приобретая продукты для семьи, может не угодить партнеру, так как невозможно знать все предпочтения друг друга.
19	а) Это естественно, что проблемы в родительской семье одного из супругов затрагивают обоих. б) Супруги не могут и не должны так же беспокоиться о родственниках друг друга, как о своих собственных.
20	а) Хорошо, когда муж или жена имеет свою собственную, отдельную от супружеской квартиру, где можно было бы уединяться время от времени. б) Наличие у мужа или жены квартиры, отдельной от супружеской, уже само по себе говорит о проблемах в семье и является ненормальным.
21	а) Это так естественно — иметь в семье общую копилку, складывать туда большую часть заработанных денег и совместно этими деньгами распоряжаться. б) Это нормально, что супруги по своему усмотрению распоряжаются деньгами, которые зарабатывают, и только время от времени объединяют их для крупных покупок.
22	а) Само собой разумеется, что супруги имеют разные предметы туалета и личной гигиены. б) Это, возможно, говорит о недостаточной близости и доверии, если супруги не разрешают друг другу пользоваться личными полотенцами, расческами и т. д. (кроме зубной щетки).
23	а) Само собой разумеется, что в часы досуга вопрос выбора телевизионной программы супруги решают вместе, например, поочередно — в пользу то одного, то другого, учитывая интересы друг друга. б) В счастливой семье неважно, что смотреть, главное быть рядом с супругом(ой) и чтобы он (она) был(а) доволен(а).

24	0 Вполне нормально, если супруги период..... «•»* родителей по отдельности. 5) Это правильно, что супруги вместе поспи, in, ,•.....,• ... И
25	а) Домашняя еда, приготовленная супругом! ИГ и, .. ресторанной. б) Большинство супругов с удовольствием о.... — <u>обеда в пользу ресторана.</u>
26	а) Период ремонта является для супругов трудим».....». представления об уюте, как правило, у них р.пиич..... б) Супруги чаще всего имеют схожее преде п..... ^ должен выглядеть их дом, в частности предпочитают одШ. и -...ль или <u>цветовую гамму.</u>
27	а) Большинство семейных людей, оставаясь дом, — скоро начинают скучать и звонить супругу(о), б) Большинство семейных людей мечтаю, 'ос, и.... и....." и позаниматься в тишине и покое тем, что до.....
28	а) Само собой разумеется, что в браке у супруг....." ' »•"•• секретов. б) Вполне нормально, что супруги имеют сскрпы нщ , ... 'ЧУ«"
29	а) Супруг или супруга для семейного человека.... друг. б) Часто бывает, что необходимую поддержку и поник.....о получить у друзей, чем обратиться к супругу(е).
30	а) Даже близкие люди за долгие годы совместно.....»•' v' научиться читать мысли друг друга и оказывать ..од... р* v.'« «и супруг об этом не просит. б) В счастливой семье, если одному супругу ПЛЮХО М А W....." " ,сяких слов и вопросов должен это почувствовать и помом..
31	счастьем с окружающими. б) Рели двое живут вместе, то они ближе друг другу, чкм w -
32	а) Как бы супруги ни любили друг друга, необходимо, и тарелки другого вызывает неприятие. б) Это так естественно, когда любящие друг друга Суні'V " м.н V. <u>доедать или допивать из посуды друг друга.</u>
33	а) Так приятно иногда, хотя бы дома, надеть одежду люш.ь. «,,)• б) Большинству людей неприятно, если их одежду носи.....другой, 1 даже если это супруг(а).

(продолжение)

34	а) Часто бывает, что одному из супругов не очень нравится заниматься домом, и он делает это по необходимости. б) Вполне естественно, когда муж и жена с удовольствием совместно занимаются благоустройством дома.
35	а) Это естественно, что каждый из супругов ставит другого в известность о том, чем он планирует заниматься в течение рабочего дня. б) Совсем не обязательно докладывать супругу(е) о своих планах на день.
36	а) Подруги и друзья, особенно неженатые, для семейных людей — это потенциальные соперники и завистники, и нужно стараться как можно меньше допускать их в свою жизнь. б) Это хорошо, что можно поделиться с друзьями своими семейными проблемами, а их помощь и сочувствие порой просто необходимы.
37	а) Это нормально, что один из супругов, будучи чем-то расстроен, предпочитает побыть один, и лучше оставить его в покое. б) Если супруг(а) чем-то расстроен(а), то другой просто обязан узнать, в чем дело, и по возможности успокоить его.
38	а) Это так интересно, когда привычки супруга(и) порой не похожи на мои собственные. б) Это так приятно, что даже привычки у нас с супругом(ой) общие.
39	а) Естественно, что супруги могут легко предсказать поступки друг друга в тех или иных ситуациях. б) Это нормально, что состоящие в браке люди могут оставаться друг для друга в чем-то непредсказуемыми.
40	а) Это говорит о большой близости, когда супруги едят из одной тарелки или пьют из одной чашки. б) Даже если это делает другая пара, я испытываю закономерную брезгливость.
41	а) Если муж похудел или вовремя не накормлен, значит, жена плохая хозяйка. б) Каждый в семье сам заботится о питании и при желании готовит для всех.
42	а) Большинству супругов приятнее немного выпить с друзьями в компании или вечером перед телевизором (например, пива), чем в обществе супруги(а). б) В обществе супруга(и), я вполне могу себе позволить расслабиться и немного выпить.

43	а) Большинству супругов сложно признаться друг другу в том, что им чего-то не хватает в интимной жизни, многие предпочитают либо вообще об этом не думать, либо решать эту проблему самостоятельно, ища разнообразия вне брака. б) Это нормально, что супруги совместно стремятся разнообразить свою интимную жизнь.
44	а) Если муж одет небрежно или плохо выглядит, то окружающие неизбежно делают вывод о недостаточной заботе о нем жены, или наоборот. б) Каждый супруг самостоятельно следит за своим внешним видом.
45	а) Если кого-либо из супругов не устраивают отдельные особенности внешности другого, то это серьезный повод для него(нее) изменить себя, чтобы супруг(а) был(а) доволен(на). б) Отношение супруга(и) — еще не повод пытаться угодить ей (ему) любой ценой, в том числе меняя себя.
46	а) Если одному супругу тяжело, то пытаться помочь ему нужно, только если он сам об этом просит. б) В хорошей семье проблемы одного супруга становятся проблемами и другого.
47	а) Супруги часто предпочитают использовать парфюмы, созданные специально для пары, или по крайней мере выбирают похожие запахи. б) Само собой разумеется, что, выбирая туалетную воду, большинство людей даже не задумываются над тем, понравится ли она супругу(е).
48	а) Очень приятно иногда поваляться в постели одному (одной). б) Только в объятиях любимого(ой) супруга(и) удастся легко заснуть и как следует отдохнуть.
49	а) Для стабильности брака полезно каждому супругу отказаться от неприятных для другого привычек и завести новые общие. б) Хорошо, когда в браке супруги уважают привычки друг друга, даже если они не всегда похожи на собственные.
50	а) Конфликты неизбежны в любом браке. б) Любящие супруги никогда не повышают голос друг на друга.
51	а) Если супруги живут вдали друг от друга, в разных городах, даже временно, это губительно для их брака. б) Для современной семьи стало вполне обычным, что супруги периодически проживают в разных городах.

Продолжение z5>

Приложение 9. Индивидуальные приемы стихийной психотерапии (coping-skills)

1	а) Иду в бассейн и плаваю, как в фильме Кислевского. б) Смотрю любимые фильмы, предпочтительно на английском языке, чтобы сконцентрировать внимание на смысле и отвлечься. в) Просто лежу и думаю о прекрасном принце. г) Читаю веселые детективы или «сердитых молодых людей».
2	а) Я ложусь спать или просто отдыхать, закрыть глаза и думать о чем-то хорошем. б) Я иду пить чай с медом и любимой книгой. в) Я делаю дыхательную гимнастику или просто гимнастику. г) Я забираюсь в теплую ванну с ароматическими солями. д) Я вспоминаю, с кем давно не общалась, и звоню поболтать.
3	Плачу, затем начинаю генеральную уборку — причем чем мне хуже, тем сильнее уборка. Но бывают моменты, когда я лежала и лежала 3 часа, глядя в стену.
4	а) Я ложусь в ванну с пеной. б) Ложусь под одеяло, включаю лампу и читаю любимую книгу (открыв окно).
5	а) Закутываюсь в одеяло, наливаю бокал вина или чашку кофе, беру книгу «Мастер и Маргарита» или хороший фильм. б) Иногда сильно плачу, закутавшись в одеяло, потом становится легче, и тогда — бокал вина или кофе, книга или хороший фильм.
6	Ложусь на диван, включаю ТВ, переключаю программы, пытаюсь найти что-то интересное. Если найду — смотрю эту программу, если нет — выключаю ТВ, включаю проигрыватель, подбираю какую-нибудь музыку.
7	Поплачу, пожалею себя, согреюсь, потом включу веселую музыку и начну танцевать (или даже беситься).
8	а) Я думаю о хороших вещах, которые ждут меня впереди. б) Не хочу ни с кем общаться, поэтому могу не отвечать на звонки. в) Читаю детектив Донцовой или Даниловой — это меня расслабляет. г) Балую себя чашкой кофе с вкушностью.
9	Лежу в кровати, ничего не делаю. Если себя начинаю жалеть, то плачу.

10	а) Спрашиваю: «Что тебе сейчас хотелось?» — и делаю то, что хочу, что-то приятное для себя. б) Смотрю хорошим, ¹ ш рпшущий фильм. в) ВСПОМИЩЮ 4111 III примите.
11	Возьму что то ИМ, IN НИ МИ и сяду у компьютера общаться с друзьями и читать. Или с рюмкой и чі ч и ним фильмом, этот вариант слабее.
12	Сплю и и день у)»шип 1 мирюсь, настоящее уныло, — все мгновенно, все пройдет, что пройдет, ю будет мило.
13	Представляю іііііМі дни и мипмаюсь полезным делом: уборкой, чтением, рачмыпнк inn м, прослушиванием музыки, осмыслением эмоциональных переживаний.
14	Если я могу еетіе_____похандрить, то я проживаю это состояние, прислушиваясь и нему и шпшишруя его, но пытаюсь его зафиксировать как временное (хандру). ииLee, следующий шаг, я начинаю искать точку опоры в каком НИ ПИ ш 1 иве, либо о чем-то хорошем мечтаю, либо начинаю иысфлпшиь . . . НІ на будущее, даже если он на уровне мечтаний, и мшим уипскшось, н постепенно, с разным успехом во времени, мое соеншнне меняется.
15	Обычно н выхожу Н І помп, сажусь н машину и с близкими людьми посещаю церкош.
16	Сплю или читаю
17	а) Зажигаю свечи, б) Достаяю любимую к . . . у, или, если не помогает... в) Включаю ОДИН Н І 1 шрих, добрых фильмов. г) Зажигаю много-много света д) Принимаю контрастный душ. е) Звоню по телефону нодру ^{1 г 11} рассказываю, какая поганая у меня жизнь. ж) Могу выпить бокал липа. з) Могу начать кулинарное блюдо. и) Открываю альбом е детскими фотографиями.
18	а) Ложусь под теплое одеяло. б) Включаю любимый фильм, лу...с комедию или мелодраму. в) Собираю вокруг себя все вкусное в холодильнике. г) Телефон звоню друзьям или подруге. д) Открываю вино. е) Греюсь.

Продолжение z5>

(продолжение)

19	Включаю музыку, которая соответствует моему настроению, и, если хочу, плачу, пою, танцую. Бывает, смотрю фильм — комедию, ем что-то вкусное.
20	а) Балую себя, делаю себе подарки: покупаю что-то для себя (букет цветов, духи, новую помаду и т. д.). б) Стараюсь переключиться на что-то приятное и захватывающее, требующее энергетических затрат и физических усилий, стараюсь достигать приятной физической усталости, а потом долго спать.
21	Если позволяет ситуация (имею в виду детей), то предпочитаю в такие моменты лежать в кровати, быть со своими переживаниями.
22	Выхожу из дома, иду к парикмахеру, косметологу. А потом иду в кафе.
23	а) Работаю в саду. б) Плаваю. в) Хороший фильм или книга. г) Иду гулять в лес. д) Летаю. Я живу за городом, и у меня не бывает такого настроения.
24	а) Сажу дома — смотрю телевизор. б) Плачу. в) Рассказываю мужу. г) Могу встретиться с другом/подругой и выпить.
25	Если есть возможность остаться дома, постараюсь это сделать. Заварю хороший чай, достану варенье, укутаюсь в теплый платок и постараюсь либо заснуть, либо читать книгу, либо смотреть телевизор.